

ISSN 1680-645X 06012
9 771680 645003

№
ЕСЛИ

Декабрь 2006

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
12'2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

**КРИСТИН КЭТРИН РАШ
НЫРНУТЬ В КРУШЕНИЕ**

**ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ
АНДРЕЙ МАТВЕЕВ
НИКОЛАЙ ГОРНОВ**

**СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО
РАЗДАЕТ БОЕВЫЕ НАГРАДЫ**

ГОД С «ЕСЛИ»

Ф.И.О.
Василий Звягинцев
Профессия
**Генеральный конструктор
реальности**

На правах рекламы

2265

2006

1970

1945

Новая книга

«Хлопок одной ладонью»

от автора «Одиссей покидает Итаку»

1300
www.eksmo.ru

Если вы опоздали с подпиской на полный комплект журнала, то, обратившись в свое почтовое отделение сейчас, сможете получать журнал уже с февраля. Подписка ведется по каталогам «Пресса России» и «Роспечать: газеты и журналы». Индекс — 73118. Цена одного номера — 53 рубля (без стоимости доставки).

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКьяНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэр».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРИСПИКИ:
МОСКВА, 119435,
Б. Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-20-90, 248-16-54.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечатать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат»,
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36.
E-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

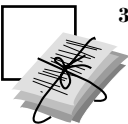

45 Андрей МАТВЕЕВ
ТРЕТИЙ ЗНАК
КИБЕРКАЛИПСИСА

Неоматриархат: общество станет поддержи-
вать огонь в бочках, верить в пророческую
силу снов и держать сильную половину на
черных работах. Мужчины, задумайтесь!

197 Кристин Кэтрин РАШ
НЫРНУТЬ В КРУШЕНИЕ

Космический дайвинг — это не спорт, не
средство обогащения. Это способ прикос-
нуться к истории человечества.

3 Николай ГОРНОВ
ФУНКЦИЯ ДУГИНА

Ваша заветная мечта осуществилась?
Вспомните о том незаметном труженике,
которому вы обязаны своим везением.

21 Артём БЕЛОГЛАЗОВ
БИМКА

И хотя он без черного уха...

33 Александр БАЧИЛО, Игорь ТКАЧЕНКО
БЛОГ ВСЕМОГУЩИЙ

День у героя с утра не задался. Мало того,
что выгнали с работы и обстреляли, так
еще и выпить не дали...

147 Генри Лайон ОЛДИ
ЛОДОЧНИК

Трудно найти человека в обезлюдившем
мире. Но еще сложнее найти себя.

171 Олег ОВЧИННИКОВ
ПЕДАНТ

Опытные переговорщики зашли в тупик,
не зная, как умиловить капризного
инопланетянина.

155 **Тимофей ОЗЕРОВ**

ВОСКРЕШЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

Несмотря на избитость жанра, хорошие антиутопии в кино еще возможны.

165 **Леонид КАГАНОВ**

ЗАПАХ КНИГИ

Экранизации бывают разные — синие, зеленые, красные. Как в цирке. И вообще — во всем кинематографе есть кое-что от цирка, не правда ли?

157 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Взята новая высота: восемь рецензий в разделе!

275 **Дмитрий ВОЛОДИХИН**

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...

Мы ушли из Космоса, чтобы обрести «малую родину»?

279 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

«Главное всегда остается на Земле» — считают эксперты. Но трактуют этот классический тезис по-разному.

282 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**

КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ ПРОТИВ

Уж сколько раз он грозился «завязать» с этой литературой! Да, писательство, видимо, это и в самом деле сильнейший наркотик, с которого нельзя просто так «соскочить». И слава Богу!

284 **РЕЦЕНЗИИ**

Каждый должен заниматься своим делом: писатель — писать, рецензент — оценивать написанное, а читатель — читать. А уж мы ему поможем выбрать правильную книгу.

295 **КУРСОР**

Толкин, Льюис и Уильямс встретятся снова... «Птицы» Хичкока прилетят вновь... Проза Булгакова прозвучит по-новому.

292 **Сергей ЛУКЬЯНЕНКО**

ВСЕ НА ШТУРМ!

Нет таких крепостей, которые писатели-фантасты не могли бы взять!

298 **ПЕРСОНАЛИИ**

Когда-то НФ писали физики и инженеры. Теперь все чаще программисты.

303 **ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ**

Редакция вновь собирает Большое жюри.

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

ФУНКЦИЯ

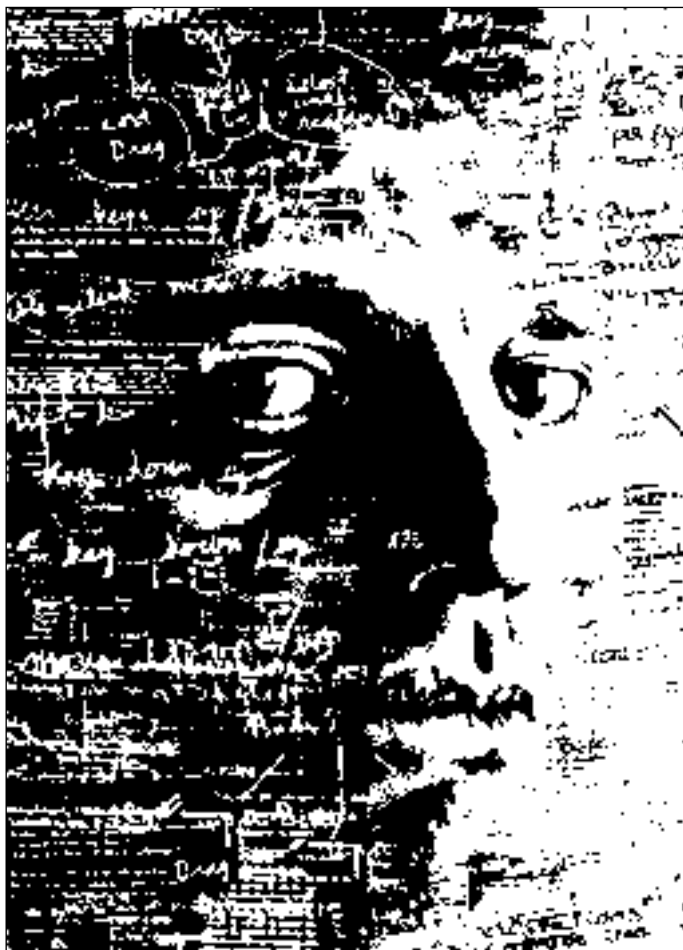

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ДУГИНА

Он был достаточно умен и знал, что так уж устроен мир, — всегда найдутся люди, готовые подвергнуть осмеянию доброе дело. Он понимал, что те, кто смеется, — слепы, и думал: пусть себе смеются, лишь бы не плакали.

«Рождественская песнь в прозе». Чарлз Диккенс.

Паша Дугин украдкой взглянул на часы. Было самое начало седьмого. Корпоративная новогодняя вечеринка только началась, а стол уже практически пуст. Правда, остатки закуски еще высились кое-где редкими островками благополучия, но с того угла, куда забился Паша Дугин, благополучие казалось абсолютно недостижимым. Пашин взгляд соскользнул со своей быстро опустевшей тарелки на импровизированную скатерть из бумажных полотенец в пятнах шпротного масла, переполз на пустую салатницу и остановился на бананах. Рука потянулась к желтым плодам автоматически. Но банан оказался изрядно подгнившим. Дугин чертыхнулся и брезгливо отодвинул его в сторонку.

— Чего заки? — Сосед справа пихнул Пашу локтем в бок. — С наступающим тебя, Дугин!

— Спасибо, — кивнул Паша и опустошил свою рюмку. А может, и не свою...

— Как дела-то вообще?

— Не поверишь — отвратительно! — Паша натянуто улыбнулся. Фамилию соседа он хоть и с трудом, но смог вспомнить — Червяков, а вот имя заклинило где-то на выходе. Странно, ведь почти три года вместе отработали. Пусть и не часто встречались, но все же...

— Я к тебе давно приглядываюсь, Дугин, — Червяков не унимался. — Вот и сегодня все собрались, понимаешь, все веселятся, а ты сидишь, как на похоронах.

— У меня вчера канарейка умерла, — буркнул Паша и сам себе удивился. Что за канарейка? Откуда канарейка? Никакой канарейки у него отродясь не было.

Червяков икнул, пробормотал что-то неразборчивое и придвинулся плотнее к раскрасневшейся даме, сидевшей от него по другую руку. Дама, имени которой Паша тоже не мог вспомнить, мерзко хихикнула и погрозила Червякову пальцем. Чем бы завершился этот молниеносный контакт — неясно, но тут с другой стороны большого стола медленно поднялся директор фирмы «ПариС», чтобы традиционно попросить «минуточку внимания» и предложить мужчинам выпить «за наших прекрасных дам». Шум сразу стих. Мелодия телефонного звон-

ка оказалась в наступившей тишине слишком громкой. Все завертели головами.

— Чей это телефон, в конце-то концов?

— Извините! — Паша суетливо вырвал мобильный аппарат из тесных объятий кармана. Потом слишком долго выбирался в коридор из своего угла. А телефон все звонил и звонил. И под прицелом недовольных глаз Паше показалось, что прошла целая вечность...

— Маришка, привет! — тяжело выдохнул он в трубку. — Как я рад тебя слышать!

— Не верю! — сказала она в ответ, и ее смех раскатился серебряным колокольчиком по всему цифровому каналу от Москвы до Омска. — Почему так долго не отвечал, если рад?

— Мобилу не мог найти, — нашелся Паша. — Завалилась, оказывается, за диван. Ты где? Я по тебе скучаю...

— Павлик, мне плохо слышно. Здесь музыка слишком громко играет. Но я так счастлива! Меня приняли. Ты не поверишь, сама Миткова вчера похвалила мой репортаж. Это просто чудо! Меня берут в штат редакции новостей, и мы решили отметить это дело в ресторане. Не помню, как он называется. То ли «Хорда», то ли «Загон». Но место клёвое и совсем не гламурное. Тебе бы здесь тоже понравилось.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Паша.

— Что? Я тебя не слышу. Говори громче!

— Я говорю: отлично! — крикнул Паша, прикрывая микрофон ладонью. — Поздравляю, говорю!

— Спасибо, Павлик, ты не обижаешься, что я сразу не позвонила? Я тебя люблю. Я тебе потом перезвоню, да? Чего молчишь? Алё, Павлик, ты меня слышишь?! Алё?!

Еще с полминуты Паша слушал короткие гудки, а потом тоже нажал «отбой» и уперся спиной в простенок между туалетом и подсобкой.

— Вот и поговорили...

В длинном коридоре темно, тихо и пусто. Пусто и в груди. А еще темно и холодно. И ничего уже нельзя изменить...

Маринка хотела быть репортером. Настоящим. А город хоть и большой, но все равно оказался слишком мал для настоящей мечты. Поэтому она и уехала. И теперь уж точно станет хорошим репортером. Паша в этом не сомневался. Не сомневался он и в том, что Маринка сегодня счастлива. Она узнала, что мечты иногда сбываются. Так почему же его сердце почти не бьется? Ведь знал: в новом Маринкином мире он будет лишним. Нет для него там места. Знал, что больше уже никогда не сможет ее увидеть. И от этой мысли его очень скоро скрутит так, что хоть на стенку лезь...

За дверью раздался дружный смех. Пашины коллеги никогда не отступали от плана. Накануне любого мало-мальски значительного праздника с рабочих столов в самом большом кабинете офиса снимались все компьютеры. Силами немногочисленных мужчин эти столы сдвигались к центру, а потом к работе подключались дамы и накрывали общий стол тем, что под руку попадалось. В основном попадались спиртные напитки.

Набросив пуховик, Паша вышел на улицу. Курить в офисе не разрешалось. И все курильщики топтались на маленьком крыльце даже в самый лютый мороз. Впрочем, Пашу мороз никогда не смущал. Тем более сегодня. Декабрь вообще выдался теплым. Даже перед Новым годом мороз не усилился. И ветерок дул как-то вяло. Сил у него хватало только на то, чтобы сметать с верхушек сугробов сухой снег и бросать скупыми горстями под ноги редких прохожих.

Паша натянул капюшон и прогулялся до улицы Химиков. Огляделся по сторонам. Было темно и скучно. О приближающемся празднике напоминала только витрина соседнего продуктового магазина, украшенная мишурой и цветными шариками. Он представил, как вернется сейчас в офис, со всеми вежливо попросается, а потом будет идти четыре квартала по совершенно пустой улице до остановки общественного транспорта. Потом подъедет его маршрутка, он забьется в ее теплое и сырое нутро и еще полчаса будет петлять по городу. Из центра, где перемигиваются гирлянды и взлетают в холодное небо большие зеленые елки, на окраину, где сплошная тоска и горы черного снега по обочинам дорог...

Отбросив сигарету, Паша доверил выбор судьбе. Трижды он подбрасывал и ловил двухрублевую монету. Трижды выпадал орел. И Паша вернулся к коллективу из множества юных и не очень юных женщин, которым было сегодня не до него. Только добрая девушка Аля его заметила, махнула рукой и пересела поближе. И даже поинтересовалась: не случилось ли чего? На самом деле, звали ее не Алей, а Аэлитой, она давно была не девушкой, а замужней женщиной, что, однако, не мешало Паше ей слегка симпатизировать. Он понимал, как нелегко человеку жить с таким именем...

Аэлита подперла кулачком подбородок и коротко вздохнула:

— Ой, кажется, я опять сегодня набралась. Ты меня осуждаешь?

— Нет.

— Но у тебя совсем пустая рюмка...

— Странно, — сказал Паша и наполнил рюмку чем-то прозрачным и теплым из ближней бутылки. — Хороший ты человек, Аля... Знаешь, а давай я буду называть тебя только Аэлитой. И никаких, понимаешь,

Аль... Хочешь, Аэлита, я буду твоим Сыном Неба? Давай выпьем, Аэлита!

— Давай, Сын Неба. Только за что?

— За сбычу мечт, естественно, — усмехнулся Паша.

С гусарским азартом он опрокинул в себя прозрачную жидкость и закашлялся. Жидкость вошла как-то криво.

— Еще мы выпьем за сбытчиков мечт, — добавил Паша, когда смог говорить. — Потому что работа у них собачья. Представь: сбывлась мечта у человека. А он даже не подозревает, что не само собой все произошло, а кто-то ему в этом деле поспособствовал. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Аэлита.

— Э-э, нет, ничего ты не понимаешь, — покачал головой Паша.

Напиток, по его расчетам, уже поступил в желудок, но благотворное тепло не спешило разливаться по всему телу. Наоборот, только разрастался холод в груди...

Осознанно Паша Дугин помнил себя с трех лет. А до этого возраста память сохранила лишь отдельные яркие моменты. Как на карусели катались, например, и обмочился с испугу. Или как женщина-врач в большом белом кабинете зачем-то запустила руку ему в трусы, быстро и деловито там пошарила, мягко сжимая мошонку и перебирая ее пальцами. Что потеряла врач в его трусах — он тогда не понимал. Но крепко запомнил это ощущение, когда одновременно и странно, и стыдно, и приятно до сладких мурашек. Впрочем, этими и другими интимными подробностями своего детства Паша не делился ни с кем. Да и вообще о своем детстве он предпочитал не вспоминать...

Необычные способности Паша открыл в себе лет в десять. Вполне возможно, что они проявлялись в более раннем возрасте, только он их не замечал. Да и открытие произошло не так чтобы в один момент, как только ему исполнилось десять. Нет, конечно. Паша открывал свои способности постепенно. Но именно в десять лет он впервые задумался о несправедливости окружающей его жизни и о причинах этой несправедливости. А поводом послужили ролики, которые были подарены на день рождения его другу детства Сереге Томилину.

Незадолго до этого отпраздновал именины и Паша. Но ему подарили свинью-копилку, настольные часы с будильником, один из томов детской энциклопедии, какую-то глупую заводную машинку и прочую чепуху, которую буквально через неделю после дня рождения нормальный парень складывает в угол и навсегда о ней забывает. И она — эта чепуха — там скапливается и скапливается, пока не наткнется на нее

мама и не выбросит одним махом. А вот ролики — другое дело. Это подарок, так подарок. Но Паша такого не дождался.

Он даже родителям неоднократно намекал: а вот бы, мол, неплохо ролики получить. Родители при этом дружно кивали: да, мол, неплохо. Однако в результате ролики получил не Паша, а Серега Томилин, который никому и ни на что не намекал. Нет, это не справедливо, решил Паша и впервые глубоко задумался. Впрочем, думал он хоть и глубоко, но недолго. Десятилетний человек на такую сложную тему долго не может думать. Тем не менее каждый раз, когда Паша встречал Серегу Томилина, раскатывающего на роликах, неприятные мысли опять будоражили его воображение. Серега, по твердому убеждению Паши, был везунчиком. Ему не просто везло, а дьявольски везло. Причем почти по всем статьям. И стоило ему, например, поделиться с Пашей какой-то очередной своей мечтой, как она почти без задержки сбывалась.

Происходило это так. Идут они утром в школу, а Серега начинает мечтать: вот бы, мол, Зоя Степановна про домашнее задание не спросила. И что? Приходят они в школу и узнают, что вместо трех уроков класс сегодня повезут на внеплановую экскурсию в музей имени Врубеля. Естественно, про домашнее задание никто и не думает спрашивать. А еще контрольную по математике могли вдруг заменить английским. Или школу закрыть на недельный карантин по гриппу. Или отменить учебу младшим школьникам по причине сильных холодов, которые неожиданно наваливались на город.

Еще Сереге везло с деньгами. Идут они, например, домой из школы, и Серега, помахивая полотняной сумкой со сменной обувью, говорит:

— Представь, Паха, что идем мы сейчас с тобой, а прямо перед нами рубль лежит.

— Не-ет, — не соглашался умный Паша. — Здесь рубль лежать не может. Людей слишком много ходит. Кто-нибудь обязательно его подберет.

— Что, и помечтать уже нельзя, — возмущается Серега. — Тогда мы другой дорогой пойдем. Там, где никто не успел наш рубль подобрать.

И они сворачивают во двор первой же пятиэтажки. Потом упрямо делают несколько больших кругов, обязательно возвращаясь через микрорайон со старыми двухэтажными домами, а Серега смотрит под ноги и где-то по дороге обязательно замечает в траве или в кустах потертую купюру...

Однажды Серега заболел морем и болтал о нем почти месяц, не умолкая. Замучил расспросами и Пашу, который лет в семь побывал с родителями в Анапе. Паша море запомнил плохо, но честно старался удовлетворить любопытство друга.

— Эх ты, — каждый раз после его рассказа огорченно вздыхал Серега. — Вот если бы мне довелось хоть раз на море побывать, я бы тогда... да что говорить...

Через месяц в школу пришла заблудившаяся путевка в пионерский лагерь «Артек». Да еще на самую длинную смену — сорок дней. Да еще совершенно бесплатно. И решили тогда на школьном педагогическом совете выделить эту путевку не кому-нибудь, а именно Сереге Томилину. А почему бы и нет? Учился он старательно, а финансовое состояние семьи Томилиных было, мягко говоря, не ахти. Отца у Сереги не имелось. Мать растила их с младшим братом совершенно одна. Паша, когда изредка заходил к другу в гости, всегда удивлялся, как все они помещались в небольшой комнатке семейного общежития, где вместе с ними жила еще и огромная дворняга по кличке Азимут. Покалеченную собаку Серега подобрал на улице. А когда вылечил, то уговорил мать оставить пса...

Спустя год семье Томилиных опять повезло. Райисполком выделил им хорошую двухкомнатную квартиру, они переехали на другой конец города. Сереге пришлось сменить школу, а Паша впервые узнал, что такое потерять друга. Это очень тяжело. Такой перезд при почти полном отсутствии средств оперативной коммуникации — все равно что перелет в другую галактику. Первое время друзья еще пытались как-то поддерживать межгалактическую связь посредством письменных сообщений, но переписка быстро заглохла. И с тех пор Паша друга детства не видел. Не пересеклись больше их пути-дороги. Знал только, что тот окончил Качинское летное училище, благополучно стал военным летчиком и уехал служить куда-то на Дальний Восток.

Впрочем, потерю Паша переживал хоть и тяжело, но недолго. Почти сразу он подружился с Андреем. А чуть позже появился у него и второй друг — Сашка. И оба новых друга, как ни странно, тоже оказались везунчиками. У Сашки, например, нашелся дальний родственник во французском городе Лионе, который стал присылать ему разные приятные штуки типа жевательной резинки или кроссовок, которые помогли Сашке устанавливать близкий и непосредственный контакт с противоположным полом. У Андрея родственников за границей не нашлось, зато у него резко пошли успехи в математике. Андрей стал блистать не только у школьной доски, но и уверенно занимал призовые места на различных математических олимпиадах — районных, городских, областных.

Именно тогда, в тринадцать лет, Паша окончательно понял, что «виновником» такой везучести своих друзей был именно он. И со всей детской непосредственностью Паша решил проверить свои теоретиче-

ские выводы на практике. С первого раза ничего, естественно, не получилось. Как и со второго, и с третьего. Паше понадобился почти год различных экспериментов, чтобы очертить хотя бы приблизительные границы своих возможностей. Долго не удавалось понять сам принцип «сбычи мечт». Паша перепробовал разные варианты. Просто пожелать, чтобы у кого-то из его друзей или одноклассников сбылась мечта — не получалось. Он изрядно намучился, загадывая желания то в полночь на крыше дома, то в полдень на лесной поляне. Он напрягал мозг, пытался, стоя по часу на голове — ничего не выходило. Мечты друзей иногда сбывались, а иногда — нет. И это происходило как-то помимо его воли. Паша понимал, что он должен был совершить при этом некие действия, но не мог понять, какие именно.

Еще Паша узнал, что его собственные мечты не сбываются никогда. Без всяких исключений. Использовать свои способности в корыстных целях Паша не мог даже косвенно. Если они вместе с Сашкой находили деньги, например, и собирались вместе потратить их на билеты в кино, то цепочка благоприятных случайностей обрывалась мгновенно. Либо в тот день билеты заканчивались, либо фильм неожиданно снимали с проката, либо у Сашки оказывались какие-то срочные дела, поэтому он не мог пойти в кино, либо найденная купюра вываливалась через дыру в кармане его штанов, пока они добирались до кинотеатра. Варианты могли быть любые.

Если его друг покупал мороженое для себя — проблем не возникало. Но если он хотел поделиться с Пашей, то мороженое случайно вываливалось у него из рук. Или бутылка с газированной водой падала на землю, проливая драгоценную жидкость. Или купленное пирожное оказывалось почему-то черствым, а в начинке пирожка с яблоками обнаруживался неприятного вида червяк, которых Паша ненавидел с самого детства...

— Так и будем отмалчиваться, Дугин? Пренебрегаешь нами, да? — Червяков попытался сфокусировать взгляд на Пашиной переносице. Паша промолчал. Он уже заметил, как над дальним концом стола величественно приподнялась директорская лысина. Пал Палыч созрел еще на один тост. Настало время поднять рюмку «за любовь, дружбу, удачу и процветание нашего общего дела». Паша отработал менеджером почти три года и все тосты знал уже наизусть. «Черная полоса заканчивается, дамы и господа, а за ней и временные трудности, которые испытывает наше предприятие. Нужно только еще поднажать и еще чуть туже затянуть пояса. Счастье рядом — только руки протяни...»

Сорок человек делали вид, что слушают внимательно. При этом одна половина догадывалась, а вторая знала точно, что очень скоро всем придется протягивать не руки, а ноги. В бухгалтерских программных пакетах, которыми фирма «ПариС» торговала по франчайзингу от «Папируса», багов было больше, чем блох на большой собаке. Программы «Папируса» глючили и регулярно зависали. Именно поэтому «Папирус» давно и прочно отставал от всех конкурентов, к которым переметнулись потихоньку и лучшие «продажники» Пал Палыча. На прошлой неделе ушел последний — Федя. На что Пал Палыч спокойно ему сказал: иди, Федя, незаменимых специалистов у нас нет...

— Не спи, Аэлита, — шепнул Паша и легким кивком головы показал на дверь. Она кивком подтвердила, что поняла. Но выбираться из-за стола нужно было порознь. С интервалом в пять минут, чтобы не привлечь к себе повышенного внимания.

Пока Паша ждал на крыльце, сигарета успела догореть до фильтра. Он автоматически прикурил вторую.

— Замерз, Сын Неба? — Аэлита выпорхнула в облачке пара, запахнулась в короткую дубленку и плотнее прикрыла входную дверь. — Угости, если есть чем... Тебя что, Марина бросила?

— Ну, не то чтобы бросила. — Паша полез в карман и обнаружил, что пачка пуста. — Возьми, я только прикурил... А как догадалась?

— Ты на себя в зеркало смотрел? Почти покойник...

Аэлита сделала пару глубоких затяжек и вернула сигарету. За последний час на улице похолодало. Температура упала градуса на два-три. Паша поежился.

— Вот есть же страны, где всегда тепло. Почему у нас всегда холодно?

— Есть такие страны, — согласилась Аэлита. — Правда, все они на «Г» начинаются: Габон, Гана, Гамбия, Гвинея-Бисау, Гаити, Гваделупа, Гватемала, Гондурас...

— Утешила, — вздохнул Паша.

— Да не переживай, вернется твоя Марина. Покрутит хвостом и сообразит, что сделала неравноценный обмен.

Паша медленно спустился с крыльца, зачерпнул пригоршню снега и приложил холодный комок ко лбу. Кожу ожгло холодом.

— Голова разболелась, — пояснил он. — Нет сил терпеть это безобразие. Но и уйти не могу. Тоже нет сил. Да и дома, по правде говоря, ловить нечего. Такая же тоска. Мама, наверное, пирожков напекла...

— Не понимаешь ты, Павел, простого человеческого счастья. Тебе вот мама пирожков напекла, а меня двое голодных мужчин ждут — муж и сын. Они уже четыре раза успели позвонить за два часа. Так что мне

придется еще час здесь париться, а потом домой мчаться, чтобы ужин приготовить. Представляешь, какими словами меня дома встретят?

— Тогда пошли прямо сейчас. Уйдем вместе.

— Куда мы уйдем? Ты же видишь, что Пал Палыч сегодня в ударе, — Аэлита вздохнула. — И домой, гад, не торопится. Как я могу уйти раньше, чем он? Мне тогда после праздников все грехи вспомнят...

Сигарета закончилась. Снежок почти растаял, оставив на ладони грязные потеки. Возвращаться за стол не хотелось. Паша сделал несколько глубоких вдохов, пока от холодного воздуха не запершило в горле.

— Знаешь, что меня всегда удивляло. На самом деле, при всем богатстве выбора выбирать-то не из чего. Дорога у нас всегда одна, а судьба человека понятна уже с рождения. И эта безальтернативность начинается с уровня элементарных частиц. Вся материя, включая нас с тобой, это различные комбинации всего лишь трех элементарных частиц: электронов и двух типов кварков — *u*-кварка и *d*-кварка... — Паша ненадолго задумался. — Нет, вообще-то элементарных частиц во Вселенной много. Есть еще мюоны, есть такая частица, как нейтрино, которая любит полное одиночество и почти никогда не взаимодействует с другими частицами. Есть две очень похожих на нейтрино частицы — мюонное нейтрино и тау-нейтрино, есть еще четыре типа кварков — *c*, *s*, *b*, *t*, и более тяжелый родственник электрона — тау-лептон. Да, чуть не забыл, каждой из этих частиц обязательно придается своя пара — античастица. Вот и представь, какое разнообразие материи могло бы быть в природе? Так нет же. Кто-то там, на самом верху, решил, что разнообразие нам ни к чему. И в результате почти все частицы живут очень короткое время, а нам по-прежнему остается выбор из той же самой, уже известной комбинации: электрон и два типа кварков. Обидно...

— Паша, я всегда знала, что ты умный, — восхитилась Аэлита.

— Я тебя утомил?

— Нет, что ты. Мне было интересно. Я даже сама вспомнила про какие-то частицы, у которых нет массы. Есть такие?

— Есть, — кивнул Паша. — Фотоны, бозоны, глюоны и гравитоны. Но это как бы не совсем частицы, а минимальные порции взаимодействий: электромагнитного, слабого, сильного и гравитационного. Дебри, в общем. Дальше в этот лес — только теория струн. Ну типа, что все элементарные частицы представляют собой не точечные образования, а нечто вроде петелек. И внутри каждой такой петельки колеблющееся волокно, похожее на бесконечно тонкую резиновую ленту... Не для девичьих умов, короче.

— По-твоему, я дура? — уточнила Аэлита.

— Заметь, не я это сказал.

— Ну вот, испортил такой романтический момент. Я, может, уже сто лет не слышала умных слов и даже забыла, что в этом мире есть что-то еще, кроме тупой работы, суеты, проблем с деньгами, свекрови с ее нытьем и мужа, которому никогда ничего не нравится. Этот муж каждый день приходит с работы и сразу падает на диван. И смотрит либо футбол, либо юмористов. А по выходным уходит в свой гараж — пиво пить...

— Пошли в офис, марсианка, а то холодает.

— Не хочу, — уперлась Аэлита. — Вот скажи мне честно: зачем тебе знать, как там живут эти элементарные частицы и сколько их вообще? Энциклопедию на досуге проштудировал? Или это у тебя такой способ девушкам голову морочить?

Паша коротко пожал плечами.

— Не поверишь, но в другой жизни я был физиком. Вот и сохранились в памяти какие-то обломки знаний.

— Физиком?

— Только не делай большие глаза, — усмехнулся Паша. — У нас что, физики не могут работать менеджерами по продажам? Нормальное дело. Окончил физфак, занимался одной мутной темой, пытался написать мутную диссертацию, а потом осознал, что большая наука не для меня. Пришлось переквалифицироваться.

— А почему я не знала?

— Потому что не спрашивала...

На физфаке Паша оказался случайно. Так он думал, во всяком случае. На самом деле, никакой случайности не было. Случайность — это не до конца осознанная необходимость, а Паше просто некогда было ее осознать. На последний год в школе пришелся развод родителей. Причем случился он так неожиданно и резко, что все происходившее до сих пор кажется Паше дурным сном. Ни отец, ни мать ни разу не повысили голоса друг на друга. До последней секунды Паша был искренне уверен, что у них крепкая и дружная семья. Вернее, на эту тему он даже не думал. Просто принимал хорошую жизнь, как данность. Это в других семьях проблемы, скандалы и разводы, а в его семье ничего такого быть не может. И когда он пришел однажды из школы, а мать сказала, что они с его отцом решили разъехаться, для Паши такое заявление стало громом среди ясного неба.

Неприятные факты открывались постепенно. Сначала Паша долго отказывался верить, что отец ушел от них навсегда и не захотел даже попрощаться. Потом не мог свыкнуться с мыслью, что его родителей

фактически ничего не связывало. Отец, как оказалось, жил с другой женщиной уже целых два года. Звали эту женщину Анна. Она работала когда-то инженером в архитектурной мастерской отца. Мать об их связи знала, но ради Паши терпела, из последних сил стараясь сохранить семью. Но когда у Анны родился ребенок, мать не выдержала и поставила вопрос ребром. Отец спорить не стал, собрал свои вещи и ушел. А мир, который казался Паше таким знакомым и уютным, в один момент разрушился. Теперь его окружали одни лишь руины.

Паша спал, ел, ходил в школу. Ни с кем не разговаривал. Если учителя его спрашивали, то вставал, пожимал плечами и молча садился. Он и в школу-то ходил исключительно по привычке. А потом вовсе перестал ходить. И из дома тоже ушел. Прятался у одноклассников, меняя пароли и явки, как заправский разведчик. Правда, мать его быстро вычислила и вернула домой. Ни словом не попрекнула, но за целый месяц после его возвращения они не перекинулись даже парой фраз. И отец за все это время ни разу не появился. Не зашел ни домой, ни в школу. И не позвонил. Видимо, с головой ушел в хлопоты о новорожденном.

К тому времени Паша уже имел за плечами четырехлетний опыт «сбычи мечт» и управлялся с чужими мечтами довольно сносно. Вот только своим родителям, как ни странно, помочь не смог. Он пытался исправить ошибку, вернуть домой отца, сделать так, чтобы была счастлива мать. Но все его усилия оказались бесполезными. Паша словно уперся в невидимую стену, которую ему не удалось ни обойти, ни разрушить...

На выпускных экзаменах Паша отвечал на какие-то вопросы. Ему из жалости ставили оценки. Как поступил в университет — и сам не понимал. Документы он подавал не глядя. Ни экзаменов, ни зачисления не помнил вообще. И только перед первой сессией осознал, что оказался на физфаке. Вскоре Паша познакомился и с Игорем Борисовичем Тилем, который читал у них на потоке лекции по общему курсу физики. Увлеченность молодого ученого частично передалась и Паше. А Игорь Борисович что-то, видимо, разглядел в странном и молчаливом студенте. И даже помог ему сдать экзамены за первый семестр. А потом Паша и сам подтянулся в учебе.

Нельзя сказать, что молодой преподаватель и студент Дугин подружились. Но общались они много. Паша часто провожал Игоря Борисовича домой после занятий, делился своими мыслями, задавал вопросы, живо интересовался задачами, которые решает современная физика. Его увлекали полевые структуры, квантовая механика, физика элементарных частиц, единая теория поля и, особенно, теория струн. В итоге

Игорь Борисович привлек пытливого студента к научной работе, и Паша почти все свободное время стал пропадать в лаборатории.

К занятиям наукой у Паши был свой интерес. Он хотел научиться управлять теми способностями, которыми его так щедро наделила природа. Но сначала нужно было эти способности понять. То есть «привести хаотичное многообразие чувственного опыта в соответствие с единой системой мышления», как говорил когда-то Эйнштейн. Паша к словам великого физика относился с особым доверием. Тем более что чувственного опыта у него было в достатке. Эксперименты, которые он проводил в школе, и три общие тетради, где тщательно фиксировал свои наблюдения, давали широкое поле для обобщений и теоретических выводов. Оставалось только вооружиться математическим аппаратом и погрузиться в мир высоких абстракций.

Если его способности подчинялись физическим законам, то рано или поздно, по мнению Паши, хаос из фактов будет упорядочен, обнаружится некая единая закономерность, и он сможет описать ее языком математики, то есть выразить в форме количественных характеристик. Потом, зная эту закономерность, он сможет прогнозировать будущее и даже сможет управлять событиями. Как любой человек, знакомый, например, с теорией движения тел и основными законами классической механики, способен предвидеть, через какое время он окажется в городе X, если ему известно расстояние до города X и скорость, с которой движется его автомобиль. А если этот человек считает, что прибудет не в то время, то он сможет легко изменить будущее. Например, просто прибавит скорость...

Через год Паша вынырнул из глубин своих абстракций и понял, что так же далек от цели, как в начале пути. Но Паша искренне верил в объективную реальность и в познаваемость природы. Значит, решил он, проблема в недостатке практического опыта. И пока студент физфака, а впоследствии аспирант кафедры общей физики Паша Дугин проводил новую серию практических экспериментов, всем окружающим его людям удача улыбалась практически непрерывно. Игорь Борисович Тиль, например, защитил докторскую диссертацию, через полгода после ее утверждения получил должность профессора, а еще спустя год возглавил кафедру общей физики. При этом ему только-только исполнилось тридцать пять, так что молодому ученому все коллеги прочили блестящее будущее.

Пашины однокурсницы стройными рядами стали выходить замуж. Женихи шли буквально косяком. Все, как на подбор, высокие кареглазые брюнеты при деньгах, связях и хороших должностях. Эпидемия везения охватила и Пашиных однокурсников. Одним отец подарил свою ма-

шину, другой переехал в освободившуюся от прабабушки квартиру, третий выиграл рекордно большую сумму денег в преферанс. Кто-то из Пашиной группы, как поговаривали, даже американское гражданство успел получить. Ему выпал сектор «Приз» в ежегодном розыгрыше «грин кард».

В аспирантуре Пашу тоже окружали исключительно счастливые и везучие люди. Правда, чем шире становился круг счастливых людей, тем несчастнее становился он сам. Пашу преследовало гнетущее и томительное ощущение человеческой неблагодарности. И преследовало долго. До тех пор, пока его вообще не выгнали из аспирантуры. И приказ об отчислении, кстати, недрогнувшей рукой подписал новый заведующий кафедрой, а по совместительству Пашин научный руководитель — Игорь Борисович Тиль. И не только подписал, но и начертил в уголке листа примечательную резолюцию: «Хватит покрывать бездельников». Конечно, с формальной точки зрения, Тиль был прав. Если за два года аспирант Дугин не опубликовал ни одной статьи и не написал ни строчки будущей диссертации, то иначе как бездельником его и называть было нельзя.

О том, что Паша времени даром не терял, не знал никто. А он все же ухватил за кончик уха долгожданную закономерность и даже миллиметр за миллиметром начал вытаскивать ее из норы. К своему двадцать пятому дню рождения Паша сформулировал уже два из трех главных принципов фазового перехода открытых самоорганизующихся систем. И даже в общих чертах стал понимать, как можно управлять своими способностями. Ведь исполнение мечты — это, по сути, выход открытой системы на новый уровень упорядоченности в границах локальной вероятностной сферы. Проблема в том, что такой переход требует больших энергий. Но если самоорганизующуюся систему зацепить в тот момент времени, когда она максимально неустойчива, то и энергии потребуется минимум.

Раньше Паша интуитивно чувствовал это состояние максимальной неустойчивости и за миллисекунду от момента фазового смещения интуитивно вносил такие изменения, из-за которых система выходила на новый уровень с другими параметрами. А теперь он способен был контролировать процесс и мог сделать его управляемым. До открытия, в общем, оставалось совсем немного: еще раз проверить теорию на практике, потом систематизировать механизмы воздействий и определить величину и круг лиц, которых затрагивали последствия воздействий. Но Паша не успел. Он встретил свою первую любовь — студентку третьего курса филфака Викторию Токмакову.

Невысокая изящная девушка с тонкой талией, короткой стрижкой и вечно припухшими губами заполнила его жизнь на все сто процен-

тов. Наука, как и все остальное, потеряла для Паши всякий смысл. Зато в его жизнь ворвались Александр Блок, Борис Пастернак, Арсений Тарковский и последний русский лауреат Нобелевской премии в области литературы Иосиф Бродский. И Паша был счастлив. Пусть со стороны это выглядело крайне глупо, но он был счастлив каждый день и каждую секунду. Даже когда Вики не было рядом, все равно он был счастлив. Ни о чем, кроме Вики, он думать уже не мог. Даже об отчислении из аспирантуры узнал лишь спустя полгода. Когда Вика ушла. Нехорошо ушла. Без всяких объяснений. Просто сделала Паше прощальный жест своей изящной ручкой...

В левом углу кто-то смеялся. В правом углу негромко играла гитара. Несколько женских голосов нестройно выводили «Темную ночь». Их пытался поддержать низкий мужской голос. Паша откинулся на спинку стула и задумался о том, почему за эти годы он так и не стал для этих людей своим. Может, потому что не пытался? Ведь мог бы сейчас подсесть поближе и тоже спеть про огонь в тесной печурке. Или про танкиста, которого не дождетсЯ любимая. Так нет же — не хочет...

Аэлита перехватила его взгляд и с демонстративным кокетством поправила волосы. В этот момент она так сильно напомнила ему Вику, что Пашу обожгло изнутри. Есть сходство. Определенно есть. Только волосы у Аэлиты чуть длинней, глаза серые, а не зеленые. А вообще-то с сегодняшней Викой они были бы очень похожи. Почему же он раньше не замечал ни этого сходства, ни этой улыбки? Или замечал, но запрещал себе даже думать об этом? Почему все, что было связано с Викой, это табу? Нет ответа. Хоть и десять лет прошло, и жизнь изменилась, и женщин он любил с тех пор многих, а рана все еще гноится и болит...

— Тебе плохо? — шепотом поинтересовалась Аэлита.

— Нет, мне хорошо, — покачал головой Паша. — Я бы даже сказал: очень хорошо. Вот сию и начинаю понимать. Еще не знаю что, но скоро узнаю...

— Заметил, как на тебя Пал Палыч весь вечер смотрит?

— Как смотрит? — не понял Паша.

— Очень подозрительно. — Аэлита сделала вид, что прицеливается вилкой в огрызок соленого огурца. — Вот, опять в нашу сторону уставился. Прямо сейчас. Глазки свои поросычьи выпучил, вампирюга...

— Наплюй.

— Не могу. Он ко мне цепляется по любому поводу, — огорченно заметила Аэлита. — То я счет-фактуру не так оформила, то не ту пла-

тежку в банк отправила. А что я могу, если Олеся — полная дура? Так запутать, как она, никто не сумеет. А попробуй ей сказать хоть слово. Что ты! Олеся у нас — лучший работник. И ответственная, и исполнительная. Она и сейчас сидит — в рот шефу заглядывает...

— Слушай, будь другом, там с твоей стороны стопка бумаги завалялась. В ящике стола, который ближе к окну. Если не трудно, найди пару чистых листочков.

Несколько минут Аэлита шарила рукой по всем ближним ящикам.

— А помятые сгодятся?

— Без разницы, только давай быстрее. — Паша выхватил бумагу чуть не силой, но сразу виновато улынулся. — Все будет хорошо, марсианка. Я тебе точно говорю...

Рука, как ни странно, ничего не забыла. Стоило листку оказаться на краешке стола, как по его сероватой поверхности рассыпались математические символы. Цепочка из интегралов смотрелась в этом кабинете так неожиданно и дико, что Паша даже тряхнул головой. Нет, первая формула не пропала, как наваждение. Наоборот, в памяти стали всплывать остальные. После третьей рука окрепла, и дело пошло быстрее. Писал Паша крупно, размашисто и азартно. Первый листок быстро кончился. Он перевернул второй листок на чистую сторону и ненадолго задумался, глядя в потолок.

— Только не сбивай, — попросил он удивленную Аэлилу. — Не могу сконцентрироваться, когда отвлекают...

Впрочем, результат Паша знал еще задолго до того, как поставил в конце второй страницы жирную точку. Знал, что у него получится в итоге полукольцо для простой системы пятого уровня с периодом фазового смещения сигма три. Много ума здесь не нужно. И локальная вероятность — девяносто девять и четыре девятки после запятой. Почти идеальный вариант. Просто с некоторых пор он перестал доверять своим ощущениям. Интуицию лучше проверить расчетами. Хотя бы приближительными. А вот тонкая доводка — это уже как масть пойдет. Сегодня Паша чувствовал: масть у него пойдет такая, что мало никому не покажется. Третий звонок уже прозвучал. Зрители могут занимать места согласно купленным билетам...

— Сиди, как сидишь, — шепотом предупредил он Аэлилу. — Не крути головой, ничему не удивляйся, ничего не говори и ни во что не вмешивайся. Что бы ни случилось, молчи, как будто тебя здесь нет. Поняла?

Аэлита озадаченно кивнула.

— Вот и хорошо.

Паша резко поднялся.

— Дамы и господа, прошу минуточку вашего внимания. Можно мне произнести тост?

Общий гул затихал несколько долгих секунд. Все головы повернулись к Паше.

— Я бы хотел сказать несколько слов о нашем совместном будущем. С вашего разрешения, естественно, Павел Павлович...

Ничего не подозревающий шеф развел руками и великодушно кивнул. Давай, мол, не робей, воробей. А Паша и не думал робеть. Он коротко и ясно сказал все, что накопилось в душе за эти три года. А потом в вязкой тишине медленно наполнил свой стакан остатками отвратительного вина, выбрался из-за стола, плеснул красную жидкость в лицо Пал Палычу и добавил:

— Спасибо вам за все!

Лица коллег вытянулись. Кто-то из женщин охнул. Кто-то не растерялся и протянул шефу салфетку. Трясущейся рукой Пал Палыч вытер лицо и указал на дверь.

— Идите вон, Дугин, вы пьяны!

Паша изобразил на лице свою самую издевательскую ухмылку.

— Позвольте мне самому решать, что мне теперь делать и куда идти!

Красное пятно уже расплзлось по галстуку и по белой рубашке Пал Палыча. Пятно, которое не смывается ничем. Шоу удалось на славу. Жаль, что никто не поймет его истинного смысла...

Аэлита догнала Пашу уже на улице.

— Ну, ты дал, Сын Неба! — рассмеялась она. — Славный переполох устроил. Благодаря тебе у меня сегодня был самый счастливый день в году. Я даже мечтать о таком празднике не могла. Спасибо тебе, Паша. Вот только дальше что? Он же тебя уволит. Может, мне тоже уволиться?

Паша отмахнулся.

— Без работы я не останусь. А тебе советую не напрягаться. Будет лучше, если ты прямо сейчас вернешься в офис. Покрутись там еще полчаса, пока шум не утихнет. Надо выждать. Пусть Пал Палыч перекипит. Понимаешь, марсианка, не такой уж он плохой человек, как кажется. На самом деле он просто запутался слегка. И поправить его было некому. Думаю, теперь все изменится.

— Думаешь? — засомневалась Аэлита.

— Уверен. Через полгода ты эту контору не узнаешь...

Паша не мог ничего рассказать. Да и не поверила бы ему Аэлита. А кто бы поверил, что Пал Палыч после бокала красного вина, эффектно вылитого ему на рубашку, с вероятностью девяносто девять и четыре девятки после запятой подпишет через месяц очень выгодный дого-

вор? А еще через месяц он станет эксклюзивно продавать продукцию молодой московской фирмы «Танго», которая только неделю назад вышла на рынок. Сегодня еще никто не знает, что программа «Танго&Кэш» пойдет буквально на ура. Даже сами производители в себе не уверены. Никто не знает и о том, что всего через год капитализация и обороты фирмы «ПариС» позволят ей переехать пусть и в небольшой, но очень уютный особнячок в тихом центре.

Правда, Пашин прогноз воплотится в реальность только в том случае, если он третьего января подаст заявление об уходе. Без Паши локальная система выйдет на расчетные параметры, а с ним — нет. И так всегда. Паша умеет делать людей счастливыми. Но никак не может сделать счастливым себя. Ему остается только успокаиваться тем, что «сбыча мечт» — не такое уж утомительное дело. А иногда даже приятное. Как сегодня, например, когда совпало сразу несколько вероятностных линий. Все равно с этой работой ему скоро пришлось бы распрощаться. А так и развлекся, и Аэлилу порадовал, и Пал Палычу помог, да и всем бывшим уже коллегам обеспечил спокойное будущее лет на десять вперед. Такие дела...

— Ты точно не обидишься, если я сейчас вернусь? — осторожно поинтересовалась Аэлита.

— Иди, пока нас не увидели вместе, — поторопил ее Паша. — И не вздумай ко мне приближаться, когда я появлюсь заявление об уходе подписывать. Не дразни гусей...

— Позвони, как устроишься. Только обязательно. Дай мне слово, Сын Неба.

— Позвоню. Даю слово, — кивнул Паша. Он не хотел ее сегодня расстраивать...

Аэлита ушла. Паша остался один на улице Химиков. Порыв ветра размазал холод по щеке и донес звук знакомой мелодии. Где-то невдалеке терзал гитару Карлос Сантана. Паша похлопал себя по карманам, вспомнил, что сигареты у него давно закончились, и огляделся в поисках киоска. Что за черт? Еще на прошлой неделе напротив магазина стоял киоск, а теперь его нет. Придется, значит, терпеть до самого дома. Стрелять сигареты на улице — не в его правилах. Правда, дома он окажется еще не скоро. Нужно будет пройти четыре квартала, дождаться нужной маршрутки, потом забиться в ее теплое и сырое нутро и еще полчаса петлять по городу. Ведь ему нужно на самую окраину, где нет взлетающих в холодное небо больших зеленых елок, а есть лишь тоска и горы черного снега по обочинам дорог...

А Р Т Ё М Б Е Л О Г Л А З О В

БИМКА

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

Бимка смотрел на Лёньку своими пуговичными глазками и часто-часто дышал, высунув между зубами кончик розового языка. Наклонив голову так, что одно длиннее ухо свесилось почти до самой земли, Бимка постукивал хвостом и все смотрел, смотрел на мальчишку. Бока собаки вздымались, и опадали, и вновь раздувались, точно у диковинной рыбы-ежа, которую держал в аквариуме Петр Андреевич, отец лучшего из Лёнькиных приятелей. «Жаль, что Сашка по воскресеньям у бабки, — думал Лёнька. Впрочем, он бы и сам не отказался лишний раз полакомиться горячими, с пылу с жару пирогами и ватрушками. — Жаль. Мы б тогда...»

— Ух, мы бы тебя, — грозно повторил он, надвигаясь на собаку. — Иди уже сюда. Хватит бегать.

Мимо проехал синий фургон с надписью «Хлеб», от которого вкусно пахло свежей выпечкой, и поднял на дороге облачко белесой пыли. Пылинки беспокойно кружили в солнечных лучах, проникающих сюда через кроны двух здоровенных вязов, чьи ветви сплетались друг с другом и образовывали этакий уютный шатер. Под шатром, у сколоченного из горбыля заборчика стояла врытая в землю деревянная скамейка с единственной, но зато широкой и отполированной до блеска доской. Тут было здорово посидеть после обеда, когда дома во всех комнатах разлита клейкая, кисельная духота и ничегошеньки не хочется делать. Или даже вздремнуть, если никто не помешает.

За спиной, разминувшись с грузовиком, протарахтел на мотоцикле дед Макар. Бимка проводил его долгим взглядом: случилось, дед угощал собаку косточками из супового набора.

— Иди, иди, Бимка, — уговаривал мальчишка. — Опять, наверное, к озеру намылился? Так сегодня никто не рыбачит. Я тебя Алёне показать обещал. Алёна в гости приехала, понял? Она в городе живет, сюда на два дня только. А завтра обратно. Понедельник завтра, ясно тебе? Ну, иди же. Смотри, что дам, — и он потянул из кармана шоколадный пряник.

Бим смешно задвигал носом, несогласно чихнул и отбежал на пару шагов назад.

— Лёнька! Лёнчик! — заорали вдруг сзади. — Айда с нами. Мы купаться!

Мальчишка обернулся: от угла нестройно голосила компания из трех человек. Они призывно махали руками, мол, давай-ка потопорись, чего ты там?

— Я это... ну... — смутился Лёнька. — Занят я.

— Чего? — не понимали друзья-приятели. — Айда, рыбаков нет. Никто не заругается.

— Не пойду! — крикнул он, сложив ладошки рупором.

— А что?

— Не хочу!

Ребята пожалы плечами и бодро зашагали дальше; дорога уходила под гору, и вскоре их русые и чернявые макушки исчезли из виду.

— Из-за тебя все, — вздохнул Лёнька, поворачиваясь к Биму.

Но хитрый Бим не стал дожидаться, пока Лёнька закончит разговор, и никем не замеченный удрал, едва представилась такая возможность. Лёнька в досаде пнул ни в чем не повинную скамейку, ушиб палец и, тоненько подвывая, захромал к дому.

Лёнька сидел в кресле у окна и, уперев подбородок в кулак, смотрел на улицу. Бим, прохвост этакий, нарушил все его планы. На улице припекало, еще не успевшая надоеть теплынь растекалась по селу убежавшим из кастрюльки тестом; в огородах зрели, наливаясь сладким соком, ягоды, а в бескрайнем июньском небе ярко и празднично горел знойный костер солнца. Девяносто четвертый год ни шатко ни валко двигался в размытое, но наверняка светлое капиталистическое будущее, собираясь через несколько дней перевалить за середину, и Лёнька, без троек закончивший седьмой класс, чувствовал себя вполне взрослым и самостоятельным человеком. Однако родители, да и учителя тоже, почему-то считали иначе. Лёнька с ними не соглашался, но и не спорил. Пусть их. Ведь каждый имеет право и пошалить, и подурачиться, оставаясь при этом тем же взрослым и самостоятельным человеком. А те, кто этого не понимает...

На подоконник вспорхнул белоснежный голубь, скосил на мальчишку красный глаз и с достоинством принялся чистить перышки. На растущей у калитки яблоне затаился старый, разбойного вида кот Василий, который с жадным интересом следил за голубем.

— Кыш, — прикрикнул на птицу Лёнька и постучал по стеклу. Голубь был тётимашин, она всегда выпускала птиц по утрам. И иногда разрешала присутствовать при этом Лёньке. Погонять голубей на крыше, что может быть заманчивей? Белое оперение напомнило ему светлые Алёнины волосы.

Разумеется, Алёна нравилась Лёньке — чего ради он пообещал бы какой-нибудь расфуфыренной городской девчонке показать Бимку? А вот Алёне пообещал. Он покосился на ходики: часовая стрелка неумолимо подбиралась к двенадцати. Алёна приезжала нечасто и ничего не

понимала в сельской жизни. «Ой, кто это?» — хлопала она ресницами, провожая глазами корову. «Ай, что это?» — изумлялась, рассматривая коромысло. Воду на улице Юбилейной провели еще не во все дома, и к водоразборной колонке, что притулилась левее магазина, постоянно шастал народ. Кто с ведрами в руках, а кто с этими самыми коромыслами на плечах.

В ходиках открылось окошечко, из него вылезла толстая глупая кукушка и принялась старательно отсчитывать время. Надо было срочно что-то придумать, как-то извернуться, ведь с минуты на минуту Алёна постучит в дверь, глянет на него, Лёньку, своими серыми глазищами и несмело спросит: «А где?..»

Вот же дернул его леший. Ну зачем, зачем обещал? Да, Бимку можно было увидеть на улице. Выследить, подкараулить и все такое. Но вот беда — издали. И этим все сказано. Разница, она вблизи чувствуется, и чтоб расстояние не больше десяти шагов, практически нос к носу. Вот тогда-то, когда ты понимаешь, что же ты видишь, когда дух захватывает, и ты спрашиваешь тех, кто стоит рядом, — а ты... тоже видишь? Он ведь... Я не сплю? Тогда ты превращаешься в маленького ребенка и снова начинаешь верить в сказки...

Ночью рыжие, белые, полосатые и даже черные кошки совершенно одинаковы, да и днем они одинаковы — кошка и кошка, усатая, мяукает, — если не трутся об ноги, выпрашивая кусочек повкуснее. Так же и собаки, которые неспешно трусят по проселку, помечая встаренные деревья, столбы, кусты и крылечки. Где-то среди мохнатой стаи затесалось их маленькое чудо, тайна, в какую посвящают далеко не каждого приезжего мальчишку. А уж тем более девчонку.

Лёнька самонадеянно решил отступить от традиций, и, как выяснилось, напрасно.

В дверь тихонько поскреблись. Лёнька встал и медленно-медленно, как осторожный купальщик, пробуя дно, поплелся в прихожую. За ручку он взялся с таким убийственным отчаянием, что ему мог позавидовать любой драматический актер. Без сомнения, ни одному, даже самому великому актеру ни за что на свете не удалось бы изобразить столь глубокую печаль и разочарование в жизни.

Надежды завоевать капризное Алёнино сердечко рушились снежной лавиной, стремительной и беспощадной.

На пороге, стеснительно улыбаясь, топтался Игорь, двоюродный брат Алёны.

— Привет, — он попытался заглянуть Лёньке за спину.

— Привет, — сказал Лёнька. — Че, трактор купил? — и протянул руку.

Игорь смутился, на пожатие ответил вяло.

— Так это, — начал он. — В общем...

— Алёна где? — перебил его Лёня.

— Дома. Понимаешь... В общем, она проговорилась, что ты... ну... хотел показать ей Бимку. А я сказал, что ты все наврал. Теперь можешь бить мне морду. — Игорь зажмурился, сморщился весь и замер в покорном ожидании.

Лёнька стоял, тяжело дыша, и молча смотрел на Игоря. На его тощую шею, клювастый нос с горбинкой, впалую грудь. «И откуда у этого замухрышки такая красивая сестра? — думал Лёнька. — Пусть и двоюродная». В нем закипали гнев и обида, он сжимал и разжимал кулаки, не зная, что делать. Казалось, попадись сейчас под руку кирпич — перешибет с одного удара. В пыль раскрошит. Ведь не Игоря же бить в самом деле? Потом Лёнька вспомнил, что Бимку он так и не изловил и что, приди вместо своего нескладного братишки Алёна... ой-е, пришлось бы сочинять какую-нибудь невероятную, неправдоподобную вообще историю о том, ПОЧЕМУ ОН НЕ СМОГ... Так получается... получается, Игорь, сам того не желая, спас его от позора? От бесславного и, наверное, уже окончательно поражения?!

— Дурак... ох и дурак, — шептал довольный Лёнька, а Игорь жмурился все крепче, пока наконец не сообразил, что бить его никто не собирается. Тогда он чуть-чуть приоткрыл левый глаз и сквозь сеточку ресниц уставился на хохочущего друга.

«Вот так и сходят с ума, — философски рассудил Игорь. — Сойти с ума от любви, что может быть лучше?» И, размечтавшись, представил себе, что кто-нибудь когда-нибудь потеряет голову из-за него... И это было чертовски приятно.

— Дурак я, Игорь! — не переставал радоваться Лёнька. — А ты молодец. Молодчина! Выручил. Сам-то понял почему? Нет? Ну ладно. Иди. Привет Алёне!

Игорь, деревянно переставляя ноги, спустился с крыльца и зашагал к своему дому. Щека неприятно ныла, будто Лёнька все-таки приложил от души прямым в челюсть. Нет, ничего он не понимал. Совсем.

Лёнька притворил дверь и легко, как порхающая над лугом бабочка, вернулся в комнату. Он уселся в глубокое и уютное, накрытое выцветшим пледом кресло и извлек из подлокотника целый победный марш.

Там, пам, па-пам! — выстукивал он на подлокотнике. Па-пам! Пам!

Нет, нет, Лёнька вовсе не сошел с ума, но теперешняя ситуация представлялась ему в гораздо более выгодном свете. Наврал, ха! Кто сказал, что наврал? Игорь сказал! А может, он сам наврал?

Пам-пам!

Главное — изловить Бимку до вечера. А до вечера далеко, так далеко, что никуда Бимка не денется. Изловится как миленький.

Па-па-па-пам!

С Алёной они познакомились случайно и как-то вскользь. Это уже потом он узнал, что девчонка с восхитительными серыми глазами и золотистыми локонами до плеч — сестра Игоря. И что она старше его на целый год.

Лёнька с мальчишками, как обычно по воскресеньям, купался на озере. В выходные рыбаки сюда не ходили, и можно было вдосталь понырять и поплавать, не рискуя ежеминутно получить по шее. В остальные дни рыбаки в своих неизменных дождевиках, сапогах и с удочками наперевес, как сморчки, вылезшие после дождя, торчали по всему берегу. И жутко ругались на любого, даже самого маленького шкета, осмелившегося подойти к воде ближе, чем на двадцать метров.

Зато в выходные их как ветром сдувало, потому что сюда на пикник выбирались городские. Целая толпа народу. Городские вели себя культурно: не пили, не мусорили — для мусора у них имелись специальные пластиковые мешки. Но поднимали такой шум-гам и так азартно играли в футбол и волейбол, что ни о какой рыбалке не могло быть и речи. В озере городские не купались: то ли плавать не умели, то ли боялись подцепить какую-нибудь заразу, или попросту брезговали не очень-то чистой, поросшей тиной водой.

В первый раз Алёна приехала именно на пикник. С мамой и с папой. Лёнька сразу ее заметил, долго кружил поодаль, раздумывая, как бы ловчее подойти и этак непринужденно сказать: салют. Ну, или что-то подобное. Вдруг к его ногам подкатился вылетевший с волейбольной площадки мячик. За ним и побежала эта симпатичная девчонка. Лёнька вручил ей мяч и бросил пару ничего не значащих слов, а она предложила ему сыграть вместо Славика, у которого разболелся живот.

После они успели немного пройтись по берегу.

— Надолго к нам? — спросил он.

— Нет, на день. Лето длинное, буду приезжать иногда. У меня здесь родственники.

— А тебя как зовут?

— Это важно?

— Да.

Она искоса посмотрела на него, улыбнулась загадочно.

— Алёной.

— Меня — Лёнькой. То есть... Леонидом. Такой спартанский царь был, погиб при Фермопилах.

— Где это? — она очаровательно сморщила носик. — Подожди, подожди, не отвечай. Я знаю. Вспомню только. В Риме! Там рабы подняли восстание, а Спартак его подавлял. Ну, вместе с Леонидом, конечно... — увидев, как у мальчишки вытянулось лицо, Алёна осеклась. — Что, неправильно говорю?

— Правильно, — не стал возражать он. — А еще есть такой метеорный поток — Леониды. Мне Петр Андреевич рассказывал, он астрономию у десятиклассников преподает. Леониды снова встретятся с Землей, когда мне исполнится восемнадцать. Всего-то пять лет подождать.

— Знаю, знаю! — обрадовалась Алёна. — Падающие звезды на самом деле — метеориты!

Тут ее позвали родители; на этом и завершилось их первое, такое короткое знакомство. Второй раз — как бы официально — они познакомились на дне рождения Игоря.

Встречались они редко — Алёна приезжала от случая к случаю, и он жалел, что никак не удается узнать ее получше, поболтать о всяких пустяках и признаться наконец в своей огромной любви.

Бимка дал поймать себя на удивление легко, стоило только поманить свежей косточкой. И Лёнька понял, что утренняя приманка в виде пряника никуда не годилась. Он нацепил на шею собаки предусмотрительно взятый у соседей ошейник, привел Бима домой и привязал к яблоне. После чего сразу же помчался к Алёне. Бим, довольный и благодушный, валялся под деревом и лениво мусолил дармовую кость. На верхней ветке злобно шипел не успевший удрать Василий. Его неизменный наблюдательный пост был оккупирован врагом, и кот с голодной завистью пялился на полуобглоданный мосол.

С Алёной все вышло так же просто. Лёнька заверил ее, что Игорь, конечно же, пошутил. Шутки у него такие — дурацкие. А Бим ждет не дождется, когда Алёна придет взглянуть на него.

— Сейчас, — ответила Алёна.

Лёнька видел через окно, как она вертелась у зеркала, будто не на лицу собиралась, а на бал, где дамы в расшитых бисером платьях тан-

цуют вальс-бостон с галантными кавалерами. Он в нетерпении грыз ногти и думал: «Лишь бы не отвязался, не убежал. Тогда все, труба».

Когда Лёнька продемонстрировал Бима, у Алёны округлились глаза, а брови взлетели вверх, к самой челке.

— Ой, — сказала она. — Кто это?

— Это Бим, — с гордостью ответил Лёнька. Он придерживал собаку за шею, а пес вальяжно помахивал хвостом, словно бы говоря: ну, и чего? Потом Бим уселся на пыльную обочину и широко зевнул, так широко, что, казалось, мог проглотить надувную резиновую уточку, которую таскал за собой на бечевке чумазый карапуз в шортах и маечке. Карапуз покосился на собаку и спрятал уточку за спину. Бим встал на задние лапы, как делал обычно, выпрашивая чего-нибудь вкусненькое, и, сморщив нос-помпончик, соорудил донельзя умильную морду. Карапуз, весело рассмеявшись, протянул ему уточку. Бим помотал головой, ребенок сердито нахмурился, погрозил ему маленьким пальчиком и потопал дальше.

Бим уставился вслед карапузу, глядя, как под маечкой двигаются туда-сюда худенькие лопатки. В черных пуговичных глазах двумя зрачками-вспышками отразилось закатное солнце. Матерчатый хвост продолжал взбивать пыль, а бархатная шерстка переливалась мягкими оттенками, от светлого до темно-коричневого. На небо напоздали тучи, и солнце, как отважный пловец во время прилива, боролось с захлестывающими горизонт волнами облаков.

— Какая классная игрушка! — Алёна даже подпрыгнула от восторга. — Твоя? Где купил?

— Это не игрушка, — возразил Лёнька. — Это Бим. Он один такой. Он, знаешь, как кошек гоняет? Ух! Все кошки его боятся, даже бродяга-Василий. И кости он грызет, и рычит, и лает. А колбасу так за километр чует.

— Но это же... кукла, — сказала Алёна, осторожно трогая длинное собачье ухо. — Видишь — ткань? И чем-то изнутри набито. Глаза пластмассовые, и нос без дырочек. Он ненастоящий.

— Настоящий, — упрямо повторил мальчишка. — На той неделе у Сашки весь огород перерыл — мышей искал. С нами на озеро купаться ходит. У рыбаков из ведер карасей таскает. На почтальона Николашку злится, когда тот пьяный, — Николашка его чучелом обзывает. Так Бим почтальона до крови укусил, руку перевязывать пришлось, и теперь вместо Николашки его брат Федька газеты разносит.

— Тогда это робот, — сказала Алёна примирительным тоном. — В Японии делают роботов, похожих на собак. Слышал, наверное? По те-

лику недавно передача была. Только они поменьше и без шерсти. Японцы их в квартирах держат взамен настоящих. У Верки из лица есть забавная игрушка, дядька-моряк весной привез. То ли из Японии, то ли из Штатов. Она смешная: кувыркается странно и постоянно жужжит.

— Бим не жужжит, — растерявшись, пробормотал Лёнька.

— Ну и что? Говорю тебе: он ненастоящий. Так не бывает. Ты зачем споришь? Хочешь со мной поссориться?

Лёнька с сомнением присмотрелся к Биму. Глаза собаки — действительно пластмассовые — бездумно глядели на него, красный лоскут языка свисал из пасти жеваной тряпкой. Там, где ухо крепилось к голове, виднелись неровные строчки.

Лёнька пихнул собаку, и она неуклюже завалилась на бок. Толстые лапы вразной молотили воздух.

— Ненастоящий... — с дрожью в голосе протянул Лёнька. — Где у тебя моторчик?! — выкрикнул в запале. — Или тебя водят за ниточки, как в кукольном театре?

Бим тяжело поднялся и зарычал, вернее, попробовал зарычать. Звучки, которые он издавал, больше походили на скрежет сломанных шестеренок. Алёна притворно пискнула и отшагнула назад, за спину мальчишки.

— Уйди! — оттолкнул Бима Лёнька. — Ты — робот! Кукла! А притворялся живым. И как я раньше не замечал?

Лапы у собаки гнулись, ее мотало из стороны в сторону при каждом шаге, будто все развинтилось-разладилось в тщательно сбалансированном механизме. Бим хрипло и совершенно ненатурально залаял, совсем как те придурочные заводные песики, какими торгуют вьетнамцы на рынках.

Сейчас Бим мог вызвать только смех — злой и жестокий смех обманутого мальчишки. Лёнька вовсе не жалел собаку, наоборот — радовался, находя все новые и новые изъяны. Выискивал и отмечал малейшие несуразницы — вот, вот и вот. Ну точно не живой! Неестественно ходит, неправильно лает и вообще. А из бока — гляньте-ка! — торчит клок ваты. Так вот ты какой, Бим, — неуклюжая, нелепая игрушка!

Пес зашатался и рухнул на дорогу. Замер кучей тряпья.

— Батарейка, наверное, кончилась, — Алёна, как ни в чем не бывало, вертела колечко на пальце. — Надо будет сменить ему батарейку. Забавная какая игрушка. А если сломалась — отнести в мастерскую. Гарантийный талон есть на него?

— Да, да, — поддакнул Лёнька. — В мастерской его быстро заштопают.

— Пойдем? — предложила Алёна.

— Пойдем, — согласился Лёнька.

И они пошли гулять. Кот Василий, притаившийся на яблоне, смотрел на поверженного врага зелеными, полными ужаса глазами и жалобно мяукал.

Лёнька хотел сказать Алёне, какая она замечательная, красивая, и что очень-очень ему нравится. Но так и не решился. Он шел и злился на себя. Злился из-за своей стеснительности, а еще больше из-за того конфуза, который случился с Бимкой. Алёна что-то весело щебетала, Лёнька невпопад кивал и все думал, какой он был дурак, когда верил, будто Бим живой. И какой дурак он был, когда гордо показывал эту тряпичную куклу Алёне и когда пытался спорить и что-то доказывать.

Чтобы спустить пар, он начал врать, сочинять какие-то потешные истории про Бима, насмехаться над ним. И в конце концов обессиленно умолк, заметив, что Алёна его не слушает. Девчонка зябко поводила плечами — в воздухе разливалась вечерняя прохлада; в стремительно темнеющем небе плыл окутанный призрачным, лимонным свечением шар луны, сквозь прорехи туч подмигивали из недосягаемой выси звезды.

— Вон Большая Медведица, — Лёнька ткнул пальцем вверх. — Видишь? Ковшик с ручкой.

— Пошли домой, — попросила Алёна. — Я замерзла что-то.

И они повернули назад. Миновали улицу Садовую, Фрунзе, Двадцатого партсъезда и вышли на Юбилейную. На месте, где прежде лежала собака, темнели слаборазличимые потеки.

— Смотри-ка, убежал, — обрадовался Лёнька. Он уже остыл, разочарование схлынуло, и ему в чем-то стало жаль Бима. — Пятно какое-то осталось, — тихо добавил он.

— Это у него из батареек электролит вытек, — пошутила Алёна.

Лёнька отмолчался.

— А знаешь, — неожиданно произнесла Алёна, — он действительно был похож на живого. Я специально сказала, что он игрушечный и у него моторчик. Тебя хотела подразнить. Знаешь, на самом деле непонятно: он вел себя как настоящая собака. А когда я увидела вблизи — какой он, то подумала, этого не может быть. Не бывает живых кукол. И сказала, что это робот. Но механические собаки, они не такие. Веркиного песика ни за что не спутаешь с живым.

Лёнька молчал.

— Я бы тоже завела себе кого-нибудь. Сначала я хотела кошку, потом собаку. Но мама говорит, хлопот с ними: ухаживать надо, гулять, кормить. Шерсть везде. Ночью спать не дают — бесятся. Мама, конечно, права. Возиться с ними, с настоящими. Мне папа обещал купить собаку-робота, ну, если четверть закончу на «хорошо» и «отлично». Роботы классные. А твой Бим еще прикольной.

— Он не мой, — мрачно буркнул Лёнька.

— А чей?

— Не знаю.

— Ну-у, — Алёна надула губки. — Так не бывает. Ты найди его хозяина, ладно? Спроси, за сколько он продаст. Папа заплатит, и все во дворе будут мне завидовать — ни у кого такого песика нет!

Они подошли к Алёнину дому. Из-за расшитых цветами занавесок в палисадник сочился теплый желтый свет; на веранде пили чай и негромко смеялись. В комнате работал телевизор, его синеватые блики дрожали на неплотно задернутых шторах, будто потерявшиеся и замерзшие солнечные зайчики. Березы в палисаднике заговорщически шуршали ветками, а вокруг фонарного столба, который остро очиненным карандашом вонзался в залитый черной тушью ватман неба, висла мошкара.

Лёнька робко взял девочку за руку. Звезды в небе, казалось, подбадривали его: смелее, смелее!

— Ты чего? — прошептала Алёна.

Лёнька зажмурился и неловко ткнулся сухими горячими губами куда-то в Алёнину шею. Ее волосы вкусно пахли медом и отчаянно щекотали нос. Мальчишка чуть было не чихнул.

— А, целоваться, — догадалась она. — Кто же так целуется, глупый? Хочешь, научу, как надо?

Она притянула его к себе, крепко-крепко обняла и долгим, сочным поцелуем запечатала губы.

— Теперь ты меня ждать будешь, да? Писать любовные письма? — спросила Алёна, поправляя сбившуюся прическу.

— М-м... — промычал мало что соображавший Лёнька. У него дрожали руки и ноги и перехватывало дыхание.

— Лучше не пиши, мне пишут — я читать не успеваю.

— У тебя волосы пахнут медом, — сказал Лёнька.

— Целоваться меня научил Сережка из восьмого «А», но Марик из нашего класса все равно целуется лучше. Ты чего, Лёнька? Это давно было, с Мариком я уже полгода не встречаюсь.

— А с кем... — пробормотал Лёнька.

Тут в окне показалась высокая тень, заскрипела разошедшаяся форточка, и кто-то спросил:

— Алёна, ты здесь?

— Да, папа, — сказала Алёна. — Пока, — махнула Лёньке. — Я в июле приеду. Будем гулять при луне, ага? Это так романтично.

На прощание она послала ему воздушный поцелуй и скрылась за воротами.

Лёнька постоял еще немножко, вздохнул и, бессмысленно глядя по сторонам, побрел домой. Он подумал, грустно ли ему? — ведь Алёна завтра уезжает. И решил, что нет. Может быть, радостно? — его любовь, кажется, ответила взаимностью. Но нет, радостно не было, всю радость испортило проклятое слово «кажется». Почему-то, даже сам не зная почему, Лёнька чувствовал себя обманутым. Он облизнул губы, чтобы вспомнить Алёнин поцелуй, но ему вдруг показалось, что это не она, а Марик или Сережка из восьмого «А» тянутся к нему слюнявыми ртами.

На улице Чехова, там, где она пересекалась с Юбилейной, в неярком свете фонарей под штабелем досок лежал, свернувшись калачиком, Бимка.

— Эй, Бимка, — позвал мальчишка.

Тот не откликнулся. Лёнька подошел ближе и понял, что ошибся. Собака заворчалась, насторожила уши.

— Мухтар, а где Бимка? — печально спросил Лёня. Мухтар с Бимом частенько спали вместе. Вот под этим штабелем и спали. Пес поднял морду к темному низкому небу, где в разрывах облаков пряталась бледная луна, и тоскливо завыл. Наверное, у вязов спит, успокоил себя Лёнька. Но скамейка у вязов пустовала.

— Би-им! — еще долго разносилось над притихшим селом. — Где ты, Бим?! Вернись, пожалуйста!

И снова выл Мухтар, и ему вторили другие собаки, и кто-то беззвучно плакал, скорчившись у сбитого из горбыля заборчика.

На следующий день Алёна уехала и нисколько не обиделась на Лёньку, который уверял ее, что обязательно зайдет попрощаться, и не зашел. На самом деле она даже не вспомнила про него, потому что мыслями уже давно была в городе.

А ее стеснительный двоюродный брат все ходил и ходил возле дома бывшего... да, теперь уже бывшего друга, и никак не мог собраться с духом. Не мог заставить себя подойти к двери, постучать и набить морду зареванному Лёньке. Так, как он его учил — прямым в челюсть. □

А Л Е К С А Н Д Р Б А Ч И Л О ,
И Г О Р Ь Т К А Ч Е Н К О

БЛОГ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ВСЕМОГУЩИЙ

*Так и написано: первый человек Адам
стал душой живущею;
а последний Адам есть дух животворящий.*
Первое послание к Коринфянам. 15:45

У самого выхода я угодил лицом в мерзкую липкую паутину и в который раз подумал, что надо бы ее убрать. Хотя толкуто? Кажется, я ее уже убирал... Под ногой хрустнуло. Кости тут кругом валяются, что ли? С минуту я вслушивался в нервную тишину. Где-то капала вода. Главное сейчас — не шуметь. Если мне не удастся проскользнуть к выходу незаметно, это может плохо кончиться. Гневный окрик в спину — и пиши пропало. До чего же тут тесно! Стены стали ближе или мне мерещится? Боюсь, когда-нибудь я вообще не смогу выбраться наружу и останусь навечно в этой берлоге. Потолок давит. Я чувствую себя вампиром в гробу под фундаментом небоскреба.

Лучше об этом не думать...

Еще пара шагов, бесконечный миг балансирования на грани... К этому невозможно привыкнуть!

Я зажмурился, чтобы не ослепнуть от фейерверка нахлынувших цветов и звуков. Как змея из старой шкуры, я наконец вырвался в настоящий мир. И мир не обманул меня — обступил со всех сторон сияющими громадами зданий, распахнул бесконечные перспективы улиц. Слева утреннее солнце полировало грани пирамиды, справа вечернее небо прорезал светящийся силуэт башни. Впереди в обрамлении пальм искрилось море.

Когда прошел первый восторг, я неспешно двинулся широким бульваром в сторону Делового Центра, радуясь солнечным лучам, прорезающим листву платанов, и в который раз пожалел, что не могу остаться здесь навсегда, а свою берлогу забыть, как скверный сон. Но это не сон, это проклятие, которое преследует меня даже здесь и отгрызает от моего мира кусок за куском. Отсюда не видно, но я знаю, что если повернуть за тем зданием в глубину квартала, то вместо стоявшего там некогда уютного ресторанчика с флюгером на крыше увидишь мертвые окна заброшенных бараков. А справа, прямо у подножия моей любимой башни, зияет бездонный провал на месте бывшего тут когда-то парка с поющими фонтанами.

Не надо, не надо об этом. Сегодня я пришел по делу, а проблемы пусть подождут, тем более, что я уже почти на месте — в трех шагах от офиса компании «Скрипетр», кормилицы и поилицы моей на протяжении последних месяцев. Тяжелая с медными заклепками дверь

пропустила меня в просторный холл, выложенный розовым мрамором с веселенькими цветочками. Свежего посетителя поначалу забавляет несоответствие строгого классического фасада и легкомысленного внутреннего оформления фирмы, но к этому скоро привыкаешь, тем более, что на моей памяти оформление менялось раза три. Слева, из-за стекла, приветливо улыбнулась справочная девчушка. Я хмыкнул в ответ. Надо будет при случае подарить ей какую-нибудь безделушку. У входа в кассу меня остановил профессионально хмурый Ашот, наш охранник.

— Докумэнт есть? — сурово спросил он.

— А улыбнуться? А справиться о здоровье?

— Докумэнт нэт — здоровья нэт! — со знанием дела сказал Ашот.

Ничем его не проймешь. Я протянул паспорт. Ашот придирчиво проверил серию, номер, сведения о прописке и семейном положении, после чего лицо его осветилось белозубой улыбкой.

— Заходи, дарагой! — вскричал он голосом свадебного тамады. — Давно тебя ждем! Беспokoимся! Зачем не идешь? Ходи, пожалуйста, сюда! Через металлоискатель.

Вот такой он, наш Ашот. Настоящий профессионал. Башибузук. Мать родную без пропуска не пустит и металлические предметы отберет.

У окошка кассы перетапывалась небольшая, человек в пять, очередь. Знакомых не было, но все приветливо мне улыбнулись, продолжая оживленно беседовать между собой. Да и кого не оживит такой волнующий момент жизни, как получение денег!

— Говорят... только это, конечно, страшная тайна, — радостно делился лысый лопоухий дядька в тянутом свитере, — начальство новый проект затевает. Совместный с американцами. Лимонов на десять... Вот бы присосаться!

— А на какой платформе? — спросил умный очкарик лет пятнадцати.

— На Павелецкой-товарной, — лысый плотоядно заржал.

— Какая разница! — поддержал его бородатый, похожий на священника, но в майке с голой девницей на груди. — Знай себе вайй. Лишь бы рука дающего не оскудела!

Очкарик ничего не сказал и повернулся к окошку кассы, а я подумал, что у него-то как раз больше всех шансов «присосаться». Серьезный парнишка. Нам, старичкам, за ними не угнаться. Впрочем, надо бы на днях поговорить с Валеркой, кому ж, как не ему, знать, если что-то стоящее затевается. А не выгорит, так и не надо. На жизнь хватает, а на смерть — накопим...

Кассирша справилась с очередью в мгновение ока, и вся стояв-

шая передо мной компания, задорно гогоча, тронулась по коридору в направлении буфета.

— Следующий! — позвали из окошка.

Я протянул паспорт.

— Три семьсот одиннадцать, — быстро, будто наизусть, сказала кассирша. — Распишитесь.

Я расписался.

— И вот здесь.

Она протянула мне еще один бланк с веселой цветочной каемкой.

— А это что? Премияльные? — оживился я.

— Окончательный расчет, — слова кассирши лязгнули металлом, как дверца закрывающегося сейфа.

— Пойдите! Почему — окончательный? — забеспокоился я.

— А какой еще? Проект закрывается в связи с ликвидацией юридического лица.

— Ничего не понимаю! Вы можете толком объяснить, кого ликвидировали?

— Кого надо, того и ликвидировали!

Она обрушила перед моим носом бронированную заслонку с надписью «Технический перерыв». Я попятился в полной растерянности и пришел в себя только на проезжей части улицы, едва не попав под колеса разноцветного трейлера. Шофер обложил меня крепким пожеланием счастья, отчего в голове наступило временное прояснение.

Стоп, стоп, стоп! А как же развеселая компания в кассе? «Новый проект затевается, новый проект затевается!» Где затевается? Кем? Почему без меня?!

Нет уж, позвольте! Просто так я не уйду. Не для того я тратил на вас дни и ночи, чтобы вы отгораживались от меня дурацкими табличками. В конце концов, есть руководитель проекта! Он меня знает не первый день, пусть объяснит!

Я повернулся и решительно шагнул обратно к крыльцу.

Опа!

Никакого крыльца не было. Не было массивной колоннады из серого гранита и тяжелой двери с медными заклепками. Вместо них разбрызгивала солнечные зайчики легкомысленная стеклянная вертушка под вывеской «У Ксюши». Перед дверью, цокая каблучками по мраморной панели, прогуливалась воплощенная мечта одинокого ковбоя — волоокая блондинка с коровьими ресницами и колокольчиком в пупке.

— Ну, не тормози, — устало улыбнулась она. — Решай быстрее: да или нет?

— Извините... — я попятился. — Тут же была наша компания!

— Не вопрос! — живо откликнулась девица. — Подберем и компанию! Вам парочку, троечку? А еще у нас есть живой уголок, так что, если вы...

Девица не успела договорить и вдруг рыбкой метнулась с крыльца, только белые ажурные колготки сверкнули. В следующее мгновение стекло вертушки брызнуло во все стороны осколками, и только потом я услышал дробный грохот автоматной очереди, прикатившийся с бульвара. Не успев ничего понять, я с маху плюхнулся на асфальт, над головой моей свистала и чирикала стая сумасшедших невидимых птичек, в миг расклевавших зеркальный фасад заведения.

Из-за мусорного бака послышался жаркий шепот:

— Сюда давай!

Я пополз, осыпаемый мраморной крошкой, и втиснулся в узкий промежуток между баком и стеной, уткнувшись носом в ободранное колено блондинки.

— Суки, — спокойно произнесла она, — зеркала побили...

— Кто это? Чего им надо?! — я отчаянно пытался удержать на месте бак, норовивший откатиться от стены.

— А черт их знает! — блондинка лизнула кровоточащее колено. — Атака клоунов. Когда бросят гранату, вскакиваем и бежим, понял?

Я похолодел.

— А они что, и гранату бросят?!

— А как же! Всегда бросали, — она выглянула из-за бака. — Пора бы уже, чего тянут?

Бак отозвался колокольным звоном на хлестнувшую по нему очередь.

— Что там? — испуганно спросил я.

Девица не ответила, медленно откидываясь навзничь. Ее обесцвеченные волосы окрасились у виска огненно-рыжим отливом, из-под шляпы поползло темное пятно.

— Ты куда? — я машинально попытался ее удержать.

И тут, прокатившись по крышке бака, мне под ноги упала увесистая рубчатая штукавина, по форме напоминающая перезрелый огурец.

Граната, отрешенно подумал я. Нужно что-то делать. Я посмотрел на мертвую блондинку. Вскაკиваешь и бежишь, подсказали ее глаза, внимательно разглядывающие небо.

Я заорал, цепляясь за ускользящий бак, с трудом поднялся на ноги и медленно, впечатывая шаг за шагом в мягкий, вязкий мрамор, двинулся прочь. Наверное, я бежал, но сам себе казался неторопливо ковляющим инвалидом. Что-то вдруг толкнуло меня в спину, наотмашь ударило по голове, швырнуло в поток машин на бульваре. Я

шел сквозь истерический визг тормозов, звон стекла и грохот железа. Вокруг меня все вертелось волчком, сталкивалось и разлеталось в разные стороны. Невозможно объяснить, каким образом я остался цел в этом водовороте и в конце концов обнаружил себя в относительной безопасности под платанами. Но звуки выстрелов все еще метались от стены к стене, нужно было как можно скорее отсюда убираться. Петляя, как заяц, меж стволов, я бросился бежать.

Нет, братцы, это уж слишком. Надо где-то отсидеться, отдышаться и подумать. А еще лучше, накатить кружку-другую, успокоиться и только потом подумать.

А значит, куда?

Ну, тут и думать нечего — конечно, к Шнейдеру в «Дрезину».

Кабак не модный, чем и хорош. Столы из толстых досок, отбойные молотки по стенам, а на потолке — шахтерские лампы. Одним словом, уютно. А главное — все свои.

Уж сколько там попито — рассказано и еще добавлено! Хорошо бы, кто-нибудь из наших сейчас был там, с этими ребятами любую тему можно перетереть. А может, и Валерка заглянет...

Я срезал через двор и народной тропой вышел прямо к «Дрезине». Знакомое обшарпанное крыльцо с арматурой, торчащей из ступенек, знавших лучшие времена, бодрящий запах незатейливой Шнейдеровой стряпни в смеси с особым шахтерским перегаром, который, говорят, при воспламенении взрывается.

Я рванул на себя грубо сваренную из металлических листов дверь и только тут заметил здоровенный замок, вцепившийся в ржавые скобы.

Ни хрена себе! Чего это Шнейдер вздумал закрываться в самую горячую пору?

Я еще раз подергал дверь, постучал в нее ногой, пока не понял, что это безнадежно. Замок был даже не амбарный. Вероятно, на такие замки закрывают ворота выработанных шахт, грозящих обвалом. Чтобы отпереть его, нужна бригада сварщиков с автогенем и центнер динамита.

Такой подянки я ожидал меньше всего. Ну ладно, выгнали с работы, ладно, чуть не взорвали, но выпить-то я имею право при любых обстоятельствах! Что ж ты, Шнейдер, кайло тебе в руки...

Я медленно спустился с крыльца. Делать нечего, пойду поищу что-нибудь другое.

Однако едва я удалился от «Дрезины» шагов на пятнадцать, ко входу подрулил голубенький микроавтобус. Из него высыпалась давешняя компания, стоявшая передо мной в кассе. Она была уже навеселе и явно намеревалась добавить. Дожевывая длинный анекдот и

заранее хохоча, очкарик, лысый и бородач взбежали на крыльцо, легко отвалили неподатливую дверь и скрылись внутри.

Я рванул за ними, но на ступенях шаги мои поневоле замедлились: страховидный замок висел на своем месте, по-прежнему сжимая не-сокрушимой дужкой дверные скобы.

Как же так?

Я снова подергал дверь, толкнул ее плечом, крикнул: «Эй, откройте!». Изнутри не доносилось ни звука. Водитель микроавтобуса равнодушно наблюдал за моими унижительными трепыханиями, припав небритой щекой к рулю.

— А как они зашли-то? — спросил я, приближаясь к нему.

— Ногами, — водитель явно был не склонен давать какие-то объяснения.

— Так дверь-то закрыта!

Он смерил меня тусклым взглядом желтоватых глаз, перекатил спичку из одного угла рта в другой и процедил сквозь зубы:

— Для тебя, может, и закрыта. А для других — открыта...

— Да я сто раз там был! — флегматичность этого типа просто бе-сила. — Меня все знают!

Но ему было по барабану.

— Может, потому и не пустили, что знают...

Валерка жил в двух шагах от моря, чему я всегда завидовал. У него была просторная трехкомнатная квартирка на восьмом этаже новенькой шестнадцатизэтажки, что, видимо, соответствовало его представлению об идеальном жилище. Зеркальный лифт с мягким гудением поднял меня на площадку восьмого этажа, выпустил и застыл, не закрывая дверей, будто в ожидании. Казалось, других жильцов в подъезде нет.

Только бы он оказался дома!

Я прислушался. Из-за Валеркиной двери доносились гулкие пульсы техно-саунда и перекрикивающие их голоса. Я облегченно перевел дух и нажал кнопку. Звонок не был слышен ни мне, ни тем, кто находился в квартире. Пришлось стучать. Наконец дверь распахнулась, и в проеме нарисовалась сияющая физиономия Валерки.

— А-а-а, это ты... — улыбка медленно сползла с его лица.

— Слушай! Со мной сейчас такое произошло... — я попытался шагнуть мимо него в прихожую, но Валерка меня остановил.

— Ты извини, — сказал он, глядя в пол. — Я сейчас занят. У меня там люди...

— Да какие люди! — я нетерпеливо махнул рукой. — Ты послушай!

— Нужные люди, — перебил он меня. — По очень важному делу.

— Валера! Ты где там застрял? — прозвенел девичий голос из глубины квартиры.

— Нолито, выдыхается! — добавил молодецкий бас.

— А Наташка в твои карты подглядывает! — наябедничал кто-то.

Я попытался заглянуть в глаза Валерке, но мне это не удалось.

— Понятно, — протянул я, хотя ничего не понимал. — Оттягиваешься по полной? С вином и девочками?

— А вот это уже не твое дело, — тихо сказал Валерка, прикрывая дверь.

— погоди! — мне вдруг стало страшно.

Все это было так не похоже на Валерку, что я совершенно растерялся.

— А когда ты освободишься?

— Никогда, — сказал он в узкую щель, перед тем как окончательно захлопнуть дверь. — Не надо тебе сюда ходить. Привет.

— Привет... — я медленно побрел к лифту, чуть не плача от обиды и недоумения.

Какой, к черту, привет?! Я же не сказал ему самого главного: нашу контору закрыли! Уж от такой-то новости он мигом забудет про своих гостей! Надо было вывалить ее сразу, без вступлений! Что за дурацкая, в самом деле, манера — мотать сопли на кулак!

Я резко развернулся, шагнул обратно к двери и с размаху больно ткнулся носом в черный осклизлый кирпич. Передо мной поднимались ряды старой кладки, все в трещинах и рыжих потеках ржавчины. Я посмотрел вверх. Над стеной колыхались сухие бодья мертвых трав. Слева и справа нависали покосившиеся бараки. В черных проемах окон угадывалось слабое шевеление паутины...

Паутина!

Я побежал через пустырь, оступаясь на обломках битого кирпича. Шестнадцатизэтажки не было. Не было песчаного пляжа и ласкового моря. Не было пальм и чаек. Ветер уныло перекачивал от барака к бараку пыльные клубки травы и клочья бумаги.

Я все-таки решился. Это не в наших правилах, но мне уже нечего было терять. Я давно узнал, где она живет. С моими прежними знакомствами это не составило большого труда. Но я не думал, что когда-нибудь позволю себе прийти к ней домой без приглашения.

Мы всегда встречались в заранее условленных местах. Их немало было в этом городе, наших любимых мест. Нам нравилось бросать монетки в поюшие фонтаны Изумрудного парка и обедать в ресторанчике на вершине Башни Всех Влюбленных. При встрече мы на-

звали друг друга шаловливыми прозвищами. Я звал ее Сумасшедший Бельчонок, а она меня — Крошка Енот. Это был наш пароль и отзыв.

Как хорошо было бы снова встретиться в каком-нибудь из наших любимых мест, но теперь я уже не знал, сохранилось ли хоть одно.

Перепаханная бульдозерами дорога, которая только что была прямым, как стрела, зеленым бульваром, развезжалась у меня под ногами, закладывая виражи и громоздя на пути вязкие глинистые отвалы. Идти по ней было невозможно.

Но я шел.

Она обязательно поймет. Она всегда меня понимала так, как никто другой. Ей я мог бы рассказать то, чего никогда не рассказал бы самому близкому другу. Мы могли болтать обо всем на свете, ни чуточки не боясь показаться смешными или скучными. Я с ужасом иногда представлял: ведь могло получиться так, что мы бы никогда не встретились — и смеялся от счастья, думая о том, что она у меня есть.

Только бы с ней ничего не случилось!

Дверь открыла не она. Передо мной стоял выдавший виды сизонный субъект неопределенного возраста в застиранной майке с перекрученными лямками и просторных семейных трусах сагинового отлива. Физиономия его требовала бритвы. Впрочем, плечи, грудь и ноги тоже не отказались бы. Он с недоумением смотрел на меня маленькими блеклыми глазками, задумчиво почесывая низ живота.

— Тебе чего? — голос субъекта вполне соответствовал внешнему виду.

— Извините, Ева здесь живет? — я одновременно боялся и надеялся услышать отрицательный ответ. Что моему Бельчонку делать в компании такого типа? Если это ее отец или хотя бы родственник, девочку следует пожалеть.

— Ева? — небритая физиономия вытянулась еще больше. — А ты кто?

Я назвался.

Тип в майке, услышав мое имя, заметно расстроился.

— Так что ж ты сюда-то... — он вздохнул. — Надо было, как всегда...

— Что как всегда?

— Ну... это... У поющих фонтанов там или на башне...

— Откуда вы знаете?!

— Откуда!... Испортят все настроение, а потом — откуда...

— Так я могу с Евой поговорить?

— Считаю, что поговорил... Кто просил домой заявляться? Теперь уж ничего не поправишь. Бывай здоров, Крошка Енот...

Ева?! Нет! Не может быть!

Мир накренился и заскользил в пропасть. Вместе со мной.

Я шел по бескрайнему бетонному полю, и ветер свистел у меня в ушах. Над горизонтом не возвышалось ни одного строения. Ни один автомобиль, ни один человек, ни одна движущаяся точка не попадалась мне на глаза, да и не могла попасться.

Я был один в последний день истории своего мира.

Когда-то он был создан мной, выращен и любовно украшен. В нем кипела жизнь. В нем было хорошо. И вот теперь он обманул меня. И за это я его накажу.

Палец на мгновение застыл над кнопкой «Подтвердить действие. Да? Нет?».

ДА!

И мир перестал существовать.

Никогда больше мне не гулять здесь, вырвавшись на свободу из своей проклятой берлоги. Никогда больше не встречаться с друзьями и любимой.

Если только я не отменю свое решение в течение тридцати дней...

Да, да, дорогой мой пронизательный читатель! Ты, конечно, сообразил, что произошло. Давай, радуйся тому, что последний из моих френдов только что меня отфрендил, что я не могу больше резвиться в сообщениях, навесивших пудовые замки на свои записи! Ликуй! Я собственной рукой уничтожил свой Живой Журнал! Ты, конечно же, понял это с самого начала истории и полагаешь, что теперь наступил ее конец.

А вот дудки!

Я лихорадочно заколотил по клавишам. Пусть жена и дети, швыряющие макароны на кухне моей берлоги, считают, что я пишу роман.

Прежде всего отменим уничтожение ЖЖ. Бог дал — бог взял, да и отменил. А теперь заселим его друзьями собственного сочинения. Пятьдесят виртуалов мужского пола и сто пятьдесят — женского. Для начала хватит, а там фантазия разгуляется...

Я зажмурился, чтобы не ослепнуть от фейерверка нахлынувших цветов и звуков. Как змея из старой шкуры, я вырвался из постылой берлоги в настоящий мир, который меня никогда больше не обманет.

Меня, конечно же, ждали.

Едва я ступил на мягкий ворс ковровой дорожки, сводный оркестр мировых знаменитостей грянул встречный марш, к ногам полетели

цветы, зашелкали блицы прославленных фотохудожников. Из толпы встречающих вырвался и бегом припустил ко мне человек в хоккейной форме с номером «один» на груди. Я узнал своего старого приятеля Пашку — чемпиона мира и олимпийских игр.

— Старик! — закричал он издали. — Ты был совершенно прав! Я изменил систему тренировки и закатил канадцам пятнадцать безответных! За мной еще газетчики гонятся, но я прямо к тебе, поделиться радостью! Гляди, какая железяка! — и он повесил мне на шею свою золотую медаль.

— Не надо, Паша, люди смотрят, — смущенно пробормотал я.

Но он не хотел слушать.

— Еще как надо! Награда-то, будем говорить по совести, твоя! Надо бы это дело обмыть! Ребята уже ждут. Я-то, конечно, лимонаду, а ты уж себе позволь! За себя и за того парня!

Тут Пашку отгеснил убеленный сединами знаменитый писатель Володя, трепетно прижимающий к груди толстую папку.

— Вы уж извините старика, не мог не поделиться, — бубнил он.

— Неужто закончил? — порадовался за него я.

— Ваши советы оказались бесценными. Покорнейше прошу быть первым читателем. Правда, я позволил себе слегка изменить концовку. Роман теперь кончается фразой «извините, если кого обидел»...

— Почитаем, почитаем, — пообещал я. — Но если что, уж не обессудь.

— Как можно... Приму с благодарностью любое суждение, — в глазах старика блеснула слеза.

А мы уже подходили к празднично накрытому столу длиной до горизонта. Грохнул оружейный залп, в парке поднялись струи поющих фонтанов.

Меня торжественно усадили во главе стола. Слева от меня сидела красавица фотомодель Марго, а справа — воздушная гимнастка Светлана. Они смотрели на меня влюбленными глазами, а я все никак не мог решить, которая из них мне нравится больше, поскольку совершенно точно знал, что обе любят меня абсолютно одинаково.

Лебедина пена шампанских вин пролилась в бокалы. Я поднялся с места, и все обозримое пространство замерло в ожидании моих слов.

— Друзья мои! — сказал я, немного волнуясь. — За этим столом собрались люди, у которых так много общего! Давайте же докажем всем и каждому, что мир может быть прекрасным, даже если его населяет только один человек. В конце концов, он ничем не хуже других!

журнал

АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку
Достоверная информация
и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» — индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (495) 248-6295, тел./факс: (495) 248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9
Тел.: (495) 248-0576 (редакция), 248-6819
(отдел распространения), тел./факс: 248-3811
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
id@lkpress.ru (отдел распространения)

А Н Д Р Е Й М А Т В Е Е В

ТРЕТИЙ ЗНАК

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

КИБЕРКАЛИПСИСА

1.

Я боюсь луны.
 У нее всегда холодный свет, какого бы цвета она ни была — желтого, красного, белого.
 Когда луны нет, то я сплю спокойно и вижу сны.
 Даже когда она уже есть, но еще не такая огромная, как в полнолуние, то сны приходят ко мне, и тогда по утрам я обязан рассказывать Старшей Матери, что мне приснилось. Это одна из моих работ.
 Вторая — ходить, как и все мужчины, на охоту.
 Но я еще не мужчина, поэтому матери не стесняются меня и говорят при мне обо всем, даже о том времени, когда все было иначе и еще был искусственный свет.

Я не знаю, что такое искусственный свет.

Хотя знаю, как светит луна и как это делает солнце.

А еще знаю тот огонь, что горит в больших старых бочках.

Раз в три дня одну из бочек заливают водой, чтобы остыла. Потом ее снова наполняют вонючей жижей и поджигают.

Сегодня с утра Старшая опять говорила о бочках, а потом увидела меня и зашипела.

Я испугался — у меня в голове не было ни одного сна, чтобы рассказать ей, ведь луна этой ночью была огромной, почти в половину неба. Все мужчины уже ушли на охоту, а Старшая Мать смотрела на меня и все шипела, как большая летняя змея, которую случайно потревожили, когда она лежала и грелась на солнышке.

Самая младшая из матерей, Монка, сжалилась и велела мне идти за рыбой.

— Тимус, — сказала она, — не кукожься и сходи к ручью. Может, тебе повезет, и у нас будет рыба!

Ей на плечи вспрыгнул котоголов и внимательно посмотрел на меня.

Котоголов я боюсь почти так же, как луны. Хотя иногда думаю, что даже больше.

— Он покажет тебе место! — сказала Монка и вдруг улыбнулась.

Котоголов ослабилась и показал зубы.

Внешне они действительно похожи на кошек, только вот головы у них какие-то странные, иногда кажется, что на кошачью морду надели маску обиженного ребенка. И они не умеют мяукать, а кричат. Высокими, пронзительными голосами. Иногда — жалобными, но чаще — резкими и требовательными. Порою — угрожающими. Совсем редко — довольными.

Этот котоголов мрачно повертел башкой. Посмотрел на Монку, по-

том на меня, затем опять на Монку и вдруг принялся что-то шептать ей на ухо. Ну, будто шептать. Но она стояла довольная и чуть не жмурилась, а потом подняла руку и почесала ему за ухом.

— Иди, — сказала она непонятно кому, — а то поздно будет!

Звереныш спрыгнул на землю и приблизился ко мне. Посмотрел своим сморщенным личиком и вдруг подмигнул.

И побежал по тропинке, ведущей в лес.

Я потащился за ним, хотя больше всего мне хотелось лечь сейчас где-нибудь на солнышке, свернуться в клубочек и задремать. Чтобы внезапно бабочкой прилетел сон, а я смог бы его поймать. Охота и рыбалка — это удел всех мужчин, а сны в нашем поселке вижу только я. Почему так — никто не знает, просто когда-то давно, зим так пять-шесть назад, я внезапно проснулся оттого, что мне стало очень больно, что-то давило на голову и глаза, и я заплакал.

Одна из матерей, дежурившая в ту ночь по жилищу, подошла ко мне и стала допытываться, в чем дело.

И я вдруг вспомнил, что во сне я заблудился где-то далеко-далеко, где не было деревьев.

Одни дома, огромные и серые, с пустыми, черными окнами.

Больше в том первом сне, который я помню, ничего не было. Разве что ветер. Он подул внезапно и принес целую кучу всякого мусора. Да и проснулся я, оттого что какой-то дрянью залепило лицо, стало давить на голову и глаза.

— Ерунда! — сказала Мать, когда я рассказал ей, почему плачу. И добавила, что все это выдумки и нет таких мест на свете, где стояли бы такие высокие серые дома да еще дул бы такой ветер.

Вот только к обеду ветер поднялся, и нам всем пришлось забраться в жилище.

В тот день дуло настолько сильно, что несколько бочек перевернуло, и лес начал полыхать от высвободившегося огня.

Мне пришлось подносить воду, как и остальным пацанам.

Мужчины заливали огонь, мы таскали воду.

Женщины сторожили жилище, матери командовали: что, кому и как делать.

Когда пожар затушили, Старшая Мать подозвала меня и попросила еще раз пересказать сон.

И с тех пор каждое утро я должен рассказывать ей свои сны, а она слушает и кивает головой.

Я боюсь Старшей Матери.

Она никогда не улыбается и смотрит так, будто я всего лишь шишка на лесной тропинке.

Шишку можно поднять, можно пнуть ногой, на нее можно наступить, а можно и просто не заметить.

А еще шишки надо собирать и скармливать огню.

Не тому, который в бочках, а другому — маленьким костеркам, возле которых так хорошо сидеть и греться, смотря на языки пламени. От шишек начинает валить густой дым, зато пропадает вся мошкара.

Хотя сейчас ее уже и так нет, лето закончилось, стоит осень.

Еще не поздняя, холодная и с инистыми утренниками, а ранняя и желтая.

Как-то раз Монка назвала ее «желтое лето».

Иногда мне хочется, чтобы именно Монка была моей настоящей матерью, хотя она слишком молода для этого.

Говорят, когда-то у каждого были свои мать и отец.

Я иду по тропинке за котоголовом и думаю: это очень странно, знать, что вот эта женщина — твоя мать, а вот этот мужчина — твой отец.

Мне иногда снятся сны, в которых я называю какую-то женщину «мамой», но лица ее я не могу разглядеть.

Как и лица того мужчины, который идет рядом с нами.

Это странный сон, ведь на самом деле есть мы — те, кто еще не мужчины и не женщины.

Есть взрослые мужчины и взрослые женщины.

И есть матери света.

Котоголов останавливается и поджидает меня.

Потом издает какой-то странный звук и сворачивает с тропинки в сторону. Мне приходится идти за ним, подныривая под ветви и разводя их руками в стороны, чтобы не поцарапать лицо.

Начинает пахнуть водой, где-то совсем рядом — ручей.

Ловить рыбу — не мужское занятие. Рыба скользкая и холодная, и от нее остро и пронзительно пахнет. На рыбу ставят сети, ее бьют острой, совсем уж редко — ловят на удочку. А лучше всего рыбу ловят котоголовы на перекатах, но упросить их заняться этим очень сложно, они ведь делают лишь то, что хотят.

Каким-то образом Монка смогла уговорить этого котоголова наловить рыбы. Он будет ловить, я — собирать.

Если бы я не проспал, то пошел бы с мужчинами на охоту.

Еще вчера вечером я слышал разговор о том, что они пойдут в урчище диких кабанов.

Это недалеко, километров пять.

До ручья намного ближе, но я не люблю запаха рыбы.

Котоголов вновь появляется передо мной и вдруг странно улыбается.

Я вижу его острые белые зубы и вдруг представляю, что сейчас он кинется на меня и вцепится в горло.

Хотя сам он и небольшой, размером с нормальную кошку, но зубы у него намного больше, особенно клыки.

Мне становится страшно, но котоголов вдруг что-то нежно воркует, как голубь, и я понимаю: он просто пытается сказать, что мы уже пришли.

Мы действительно пришли — слышно, как плещется ручей, там, внизу, за ближайшим пологим склоном поросшего соснами и густым кустарником холма.

Котоголов опять улыбается и исчезает.

Если бы я был чуть постарше, то меня бы не отправили ловить рыбу, а разбудили и послали на охоту.

Или сторожить бочки.

Смотреть, чтобы огонь не погас.

Караулить огонь — это очень важное задание.

Важнее лишь видеть сны, но сны я и так вижу почти каждую ночь, только вот они от меня не зависят. Они приходят сами, а если их нет, то это значит одно — сегодня большая луна.

Котоголов что-то громко орет, и я быстро спускаюсь к ручью.

Он недовольно смотрит на меня: мол, замешкался!

Я вдруг показываю ему язык, меня так и подмывает взять здоровую гальку и швырнуть ее в эту тварь.

Котоголов выгибает спину и задирает хвост.

У него опять не морда, а лицо, и от этого мне вновь становится не по себе.

Может, они действительно умеют читать мысли?

— Начинай! — говорю я ему.

И вскоре первая рыба летит к моим ногам.

Я понимаю, что Монка хотела мне добра, когда отправила меня сегодня к ручью, но лучше бы я остался там, в поселке, хотя Старшая Мать и сердится, что сегодня я не увидел сон.

Они ведь привыкли, что каждый мой сон — это как рассказ о том, что может произойти. Хотя и не обязательно. Но если внимательно слушать, то можно понять, что надо делать, если, конечно, я рассказываю правду. Иногда ведь бывают такие сны, которые лучше не рассказывать, как, например, тот, где вроде бы были мои мать и отец. Я вообще не должен думать об этом, это запрещено. Я, конечно, знаю, как мы появляемся на свет — время от времени какая-нибудь из женщин беременеет, у нее становится большой живот, а потом она уходит из жилища вместе с одной из матерей света.

Когда же они возвращаются, то мать света несет ребенка. Женщина кормит его, но она уже не считается его матерью. Как никто не считается и его отцом.

Я не знаю, почему так и отчего, да мне и нельзя этого знать. Я собираю рыбу, которую котоголов выбрасывает на берег. Ее много, мне приходится срезать еще один прут.

На первом уже шесть больших рыбин, серебристых, с маленькими черными точками на брюхе и большой черной полосой по спине.

У этих рыб тупые хищные морды, и они никогда не попадают в сети.

Прокусывают и уходят.

Зато котоголовы любят их нежное, чуть сладковатое мясо. Я беру нож и вспарываю одну рыбину.

Котоголов благодарно склалится и вгрызается в кишки. Ему надо передохнуть, он устал, у нас уже два прута с рыбой, еще два — и можно возвращаться.

Мужчины, наверное, уже вернулись из кабаньего урочища.

Если им повезло, то они принесли кабана, и сейчас его шкуру палат на огне, чтобы потом свежевать и готовить.

Часть мяса — коптить, а часть — жарить, прямо сегодня, на большом костре, который специально для этого разожгут у входа в жилище.

Тогда вечером каждый из нас получит по куску, все будут сыты, и начнутся разговоры о карнавале.

А может, кто-то предложит поиграть в биоскоп.

Я люблю играть в биоскоп, хотя моя роль всегда проста: я смотрю.

Ведь я слишком молод для того, чтобы помнить настоящие картины или то, что этим словом называют матери света.

Но к игре в биоскоп надо долго готовиться, а вот говорить о карнавале — для этого ничего не надо, разве что наесться до отвала мяса да поудобнее устроиться у огня.

Карнавала ждут и женщины, и мужчины.

Именно через девять месяцев после карнавала некоторые из женщин уходят рожать, меня тоже родили в самом конце июня, а значит, тогда карнавал был в конце сентября.

Карнавал ведь всегда проходит в конце «желтого лета», пока еще тепло и никому не хочется наступления глубокой и сырой осени, а потом — зимы.

Котоголов доел рыбину и устроился у самой воды, видимо, вздремнуть.

Я тоже растянулся на берегу и начал смотреть в небо.

Солнце прогрело песок, мне стало уютно, как у огня.

Я еще не был ни на одном карнавале. Меня с остальными детьми всегда оставляли в жилище, под присмотром одной из матерей. Сами матери тоже уходили в лес вместе со всеми и возвращались лишь тогда, когда карнавал заканчивался, хотя никто и никогда не говорил, что они делали в то время, когда мужчины и женщины веселились.

Я боюсь матерей света.

Как луны и как котоголовов.

Я не боюсь только Монки, но она самая молодая из всех матерей, и глаза ее еще не стали стальными и безжалостными.

И потом — она самая красивая.

Хотя об этом даже нельзя думать.

И не потому, что я пока еще не был ни на одном карнавале. Просто матери света созданы для другого. Об этом на уроках в жилище говорит иногда Старшая Мать.

Ведь если все в этом мире создано для чего-то, то для чего-то созданы и все мы. Мужчины — для охоты и для того, чтобы был огонь. Женщины — чтобы управлять мужчинами и рожать от них детей, которые станут ловить рыбу и помогать женщинам по жилищу. А еще женщины и мужчины будут играть в биоскоп и раз в год принимать участие в карнавале, а дети ждать того дня, когда вырастут и тоже смогут пойти на карнавал, ну а матери света...

Только они знают, откуда надо приносить жидкость для бочек, дающую огонь, и только они знают, как делать так, чтобы она горела.

И еще они умеют разговаривать с котоголовами.

И котоголовы их слушают.

Как мой послушал сегодня Монку и повел меня ловить рыбу, хотя это ведь он ловит, а не я.

У меня закрываются глаза, мне вдруг кажется, что сейчас придет сон, и я попробую его поймать.

Ладошкой, как бабочку, присевшую на цветок.

Бабочка вспархивает и улетает, сон поймать проще.

Мне бы очень хотелось увидеть во сне Монку, хотя такой сон я никогда не стану рассказывать Старшей Матери.

Если бы Монка во сне была бабочкой, то я бы попробовал поймать ее ладошкой.

Я даже боюсь представить, как ее тельце билось бы в моей ладони.

Солнце слепит сквозь закрытые глаза, «желтое лето» в самом разгаре, листья скоро станут повядшими, и придет время карнавала.

Внезапно я слышу сильный всплеск и открываю веки.

И тут же раздается дикий ор котоголова — несчастный звереныш

так разоспался, что свалился в воду, и сейчас его несет быстрым течением вниз, а ведь котоголовы не любят, да и не умеют плавать!

Я вскакиваю и бегу вслед за ним, вдоль ручья, отчего-то вспоминая, что когда-то вроде бы уже видел все это во сне, по крайней мере, такой же стремительный ручей, который вот сейчас свернет резко влево, а мне еще надо умудриться проскочить под старым сломанным деревом, да так, чтобы не врезаться в него головой.

Котоголов все продолжает жутко орать, остается лишь ускорить бег, хотя течение ручья все равно быстрее, и крики котоголова становятся тише и тише.

Я плачу на бегу, слезы застыт глаза и хочется одного, — чтобы все это миновало, как сон, я снова оказался возле огня у входа в жилище, пусть даже рядом была бы лишь Старшая Мать, пристально смотрящая на меня своими широко открытыми глазами!

2.

Ручей превратился в маленькую речку.

Мальчик бежит по берегу.

Тельце котоголова временами сливается с бурлящей водой, а на какие-то мгновения его становится хорошо видно, вот как сейчас, когда уже позади остался очередной поворот, только почему ручей делается все шире и шире? Уже не ручей — речка, река, много-много воды и так мало шансов вытащить из нее тонущего зверька!

Тимус споткнулся о какой-то корень и упал.

Упал, покатился и внезапно понял, что летит в воду.

Холодную, быструю, уносящую котоголова вниз по течению.

Он попытался удержаться, но ничего не вышло.

Бег и падение. Холодная вода, накрывающая тебя с головой.

Котоголов зажмурился, крики братьев и сестер пропали.

Скорее всего, они просто кружат сейчас где-то поблизости, оплакивая его судьбу.

Как птички-невелички, как стрекозы летом.

Если бы сейчас было настоящее лето, то Тимус спокойно доплыл бы до котоголова — в теплой воде плыть не трудно, иное дело осенью, когда холод мгновенно прохватывает до костей.

Даже если осень теплая и солнечная, как в этом году.

Вода накрыла его с головой, он почувствовал, что его тянет на дно.

Одежда намочла, одежду было жалко.

Ее выдавали раз в год, и Старшая Мать всегда предупреждала, что надо быть аккуратным и осторожным, что другой долго не будет, пока не вырастешь настолько, что эта станет мала.

Свою Тимус получил совсем недавно, штаны и рубаху. Была еще куртка, но она осталась в жилище — ждать холодов.

Если не стянуть рубаху и штаны, то вода утянет на дно. Плыть неудобно, тяжело, одежда сковывает движения.

Как и холод, подбирающийся к сердцу.

Котоголоу внезапно жалобно вскрикнул — Тимус хорошо расслышал этот почти детский то ли плач, то ли стон.

А потом раздался шум.

Вода шумела, бурлила, падала с высоты на острые серые камни.

И замирала.

Сердце ухнуло, Тимуса закрутило, и он рухнул с высоты вниз за собственным сердцем.

И на какое-то мгновение наступила тьма.

А когда она рассеялась, то Тимус понял, что лежит в воде, застряв между двух каменных глыб, а совсем рядышком, можно дотянуться рукой, неподвижно плещется на тихой волне безжизненное тельце котоголоу.

И Тимус заплакал.

Пытаясь выкарабкаться из воды, подняться, выползти из этой каменной ловушки.

Он встал на ноги, река шумела и бурлила за спиной, здесь была тихая заводь, здесь царили мир и покой.

Волна плеснула и перевернула котоголоу на спину.

Тимус взял зверька в руки и побрел к берегу.

Зверек был мокрым и почему-то тяжелым.

Глазки закрыты, пасть оскалена.

Тимус вылез на берег, положил котоголоу на песок и стянул с себя мокрые штаны и рубаху.

А потом вдруг схватил котоголоу за задние лапы и начал яростно трясти, сам не понимая, зачем это делает.

Будто кто-то закричал у него в голове, что надо делать именно так, и он стоял на берегу, голый и промерзший, и тряс мертвого зверька за задние лапы, неистово, бешено, в приступе какой-то непонятной злобы.

Из приоткрытой пасти котоголоу полилась вода.

Она была зеленоватой и дурно пахла.

Но Тимус все тряс и тряс зверька, а потом вдруг рухнул на песок, так и не выпуская маленького тельца из рук.

Солнце перебралось через зенит, было жарко, в голове пульсировала невыносимая и острая, как лезвие ножа, боль.

Тимус закрыл глаза, пальцы все перебирали мокрую шерстку зверь-

ка, слезы текли из закрытых глаз, тельце было мертвым, небо давило, и как-то чересчур радостно шумела неподалеку река.

Тимус подтянул котоголова к себе, обнял, свернулся калачиком и уснул — голым и на песке.

А проснулся он, оттого что кто-то шершавым язычком лижет его ухо.

Глаза не хотелось открывать, перед глазами мельтешили слова, и было очень странно гонять их из стороны в сторону, будто стаю мальков в речной заводи.

«Эй, пора вставать! Твоя одежда высохла, ее надо надеть, а то замерзнешь!»

«Ты кто?» — спросил Тимус, так и не открывая глаза.

«Посмотри!»

Котоголов сидел рядом, шерстка его почти совсем высохла и приобрела обычный для котоголовов цвет — светло-коричневый, почти песочный.

«Я живой!»

Тимус улыбнулся и подумал, что все не так уж и плохо, хотя странно, что в голове у него мельтешат эти странные мальки, ведь котоголовы не умеют говорить, да и вообще — пусть они и странные, но все равно зверьки, а значит, это все ему просто снится.

«Снится, снится!» — проплыла новая стая.

Тимус встал, котоголов фыркнул и отбежал в сторону, а затем сел и принялся вылизывать шерстку.

Тимус натянул штаны — они почти высохли.

Затем взял рубаху и увидел, что она порвалась на боку, видимо, зацепился за какой-нибудь камень или ветку, Старшая Мать будет ругаться, хотя ничего не поделаешь, когда вернется, то надо сразу будет ей обо всем рассказать.

Когда вернется.

И тут Тимус вдруг подумал, что понятия не имеет о том, как далеко он находится от жилища.

Поселок стоял сверху по течению, но вот сколько он бежал и сколько потом его несла река?

Километр, два, три?

Про километры им рассказывала одна из матерей — та, что, скорее всего, сменит Старшую Мать, когда придет время.

Про время тоже рассказывала она.

И про многое другое.

Сейчас даже трудно вспомнить — в голове опять пульсируют слова.

Их много, только непонятно, откуда они берутся!

В километре тысяча метров, его шаг примерно полметра. Две тысячи шагов. Они учили это летом, на склоне холма, за жилищем.

Идите, сказали им, и считайте — вы же умеете считать!

Тимус шел и считал шаги: один, два, три, четыре...

На сто пятидесятом он встретил поваленное дерево.

На трехсотом — овраг.

На семьсот двадцатом он увидел Монку, та шла ему навстречу и отчего-то улыбалась.

Монка почти всегда улыбается, а еще собирает свои длинные волосы в пучок.

Но тогда он считал шаги, а сегодня бежал. Бежал, падал, плыл.

Точнее — его несло течением, но даже если бы он и плыл, то все равно не смог бы сосчитать, на сколько шагов удалился от жилища.

Скоро солнце упадет за горизонт, вначале мир погрузится в сумерки, а затем настанет тьма.

Тимус никогда еще не оставался один во тьме.

И даже в сумерках.

За спиной на берегу что-то затрещало — хорошо, если это лось, а вдруг медведь?

В лесу водились лоси, медведи, лисы, кабаны и волки.

Котоголов выгнул спину и заорал.

— Не знаю, — сказал ему Тимус, — я не знаю, куда нам идти!

Треск на берегу затих, до заката оставалось еще часа два, хотя время Тимус умел считать намного хуже, чем шаги.

Котоголов опять заорал, и вдруг Тимус увидел, что на песке появилось еще несколько подобных тварей.

— Эй, вы кто? — спросил Тимус, хотя и понимал, что они ему ничего не ответят.

Котоголовы сели в кружок и стали о чем-то урчать.

То ли мурлыкать, то ли пришептывать.

Смешные звуки, похожие на гуканье маленького ребенка.

На их мордочках опять появилось странное выражение, вокруг Тимуса сидели небольшие зверьки со сморщенными детскими личиками и пристально смотрели на него широко открытыми немигающими глазами.

Глаза были желтыми и недобрыми, но Тимус не боялся.

— Куда идти-то? — спросил Тимус.

Его котоголов поднялся с песка и отряхнулся.

Остальные сделали то же самое, а потом вдруг один за другим начали подходить к Тимусу и тереться об его ноги.

Ласково, нежно, если бы Тимус знал это слово, то он бы сказал — бережно.

— Вы что? — спросил Тимус.

Котоголовы терлись о его ноги, а потом уходили в сторону леса. Один за другим, издавая на прощание уже ставшие привычными странные гортанные крики.

Его котоголов помотал башкой, а потом опять выгнул спину.

— Ну и куда? — спросил Тимус.

Сумерки все приближались, становилось свежо.

Старшая Мать, наверное, гневается.

А Монка ждет рыбы и тоже сердится.

Мужчины пришли с охоты. Если они забили кабана, то сейчас возле жилища весело.

Но Тимуса все равно накажут. Он давно должен был вернуться, но где-то ходит. Кто-нибудь из мужчин снимет с себя пояс и отстегает Тимуса до крови. Тимуса еще никогда так не наказывали, но он видел, как это делают с другими. Это больно, можно даже потерять сознание.

Котоголов опять закричал.

Будто он что-то пытался сказать Тимусу, но мальчик не понимал ни слова.

— Идем! — сказал Тимус. И добавил: — Веди!

Котоголов быстро засеменил лапками и нырнул в береговой кустарник. Тимус послушно направился за ним, удивляясь тому, что зверек побежал не вверх вдоль русла, а вниз.

— Эй, — сказал Тимус, — по-моему, нам не туда!

Котоголов даже не остановился, тропинка оказалась узкой, но идти было удобно, до сумерек еще оставалось время, вниз, вниз, вниз по течению то ли воды, то ли неба, вода шумит справа, лес — слева, хвост котоголова поднят вверх, да и спина выгнута, зверек бежит уверенно, будто знает дорогу.

Тимус уже ничего не спрашивает.

Это не день, это какая-то катастрофа.

И рыбу жалко. Два прута, унизанные большими, жирными рыбинами.

И есть уже хочется.

Хорошо, что не холодно. От такой быстрой ходьбы становится жарко, а одежда совсем высохла, только вот дыра в рубахе — может, показать не Старшей Матери, а Монке?

Котоголов вдруг останавливается, будто поджидая Тимуса.

Странные твари, а ведь все из-за него: решил спасти зверька, вот и попал в передрагу!

В сторону?

Тимус удивлен, но послушно сворачивает в сторону от берега. Приходится подниматься, ползти, карабкаться. Сосны и лиственницы, большие, разлапистые ели. Настоящий лес, куда это понесло кого-то? Голубизна неба пропала, серая, предсмертная пелена потихоньку наваливается на Тимуса. Хотя, может, это туман. Влажный, серо-белый, непонятно, откуда взявшийся.

Даже кого-то уже не видно.

Лишь слышно временами, как он что-то орет. Тимус карабкается, пытаюсь ухватиться за этот крик, как за тоненькую ниточку, которой даже не видно, но она чувствуется пальцами, совсем тоненькая, словно паутинка.

— Мы заблудились! — в отчаянии кричит Тимус.

Котоголов орет как-то странно, будто пытается рассмеяться, хотя у него это и не получается.

Внезапно туман исчезает, только что был, и все — снесло налетевшим порывом ветра.

Тимус стоит на вершине холма, за спиной сосны, лиственницы и разлапистые темные ели.

А перед ним — те самые серые громадины, что уже были в одном из давних снов.

Огромные и серые дома с пустыми черными окнами.

Множество, не сосчитать.

От холма и до горизонта, а может, и дальше.

Ведь за горизонтом тоже что-то должно быть!

Тимусу становится страшно, он садится на желтую, давно пожухлую осеннюю траву и смотрит на свой сон.

Сердце колотится, котоголов запрыгивает на колени и вдруг начинает урчать.

Тимус машинально гладит звереныша по спинке, чешет за ушками, затем начинает гладить по мордочке.

Сон начинается у подножия холма, можно встать, спуститься и зайти в него, словно в лабиринт.

И пропасть навсегда: вечерами у огня Тимус не раз слышал от старших истории о том, что есть такие места, куда можно зайти, но откуда невозможно выйти.

Их жилище маленькое.

Несколько домиков, соединенных крытыми переходами в одно большое строение.

И всегда знаешь, куда ты выйдешь.

И что где найдешь.

— Это хороший мир, — говорит Старшая Мать, — вы никогда не потеряетесь!

Котоголов внезапно напрягается и спрыгивает с коленей.

А потом издает какой-то странный звук, то ли испуганный, то ли, наоборот, встревоженный и рассерженный.

Тимус оборачивается и видит, что к ним идут.

Мужчина, а с ним рядом — собака.

Или волк.

Издалека не видно.

Но все равно ничего хорошего.

И не убежать, разве что спрыгнуть в свой давний сон, который начинается у подножия холма.

Только сложно сказать, что лучше и безопасней.

Котоголов опять вскрикивает, затем вдруг успокаивается и спокойно ждет, пока незнакомец со своим четвероногим спутником не подойдет поближе.

Тимус никогда не слышал о ручных волках, зато собак котоголовы не боятся, — это он знает точно.

Хорошо видно, как за мужчиной и его спутником тянутся из леса, словно шлейф, невесть откуда взявшиеся клочья вроде бы совсем уже растаявшего тумана.

3.

Хныщ ненавидел время. И то, которое он помнил, и то, в которое ему довелось жить сейчас. Время — это не коврик перед дверьми, и не дыра в неведомое, и не промежуток между прошлым и будущим, имеваемый настоящим. Вот музыка — да, музыка и песок, песок и вода, вода и огонь.

Огонь и свет...

Света не было уже много лет.

Когда все это произошло, Хныщ как раз сидел за компьютером. Он не работал, он общался. Ему только что подмигнула милая женщина. «Я вам подмигиваю!» «А я тебе...» — подумал Хныщ и кликнул мышью. «Подмигнул!» — появилось на мониторе. Хныщ потянулся за кофе. Тут-то и погас свет. Монитор стал черным, серые сумерки заполнили комнату. А вот где все это было? Наверное, на работе. Он тогда работал, у него была какая-то работа. Он сидел часами за компьютером и что-то делал. Он даже может вспомнить что, но ему этого не хочется. Все это было в другом времени, которое закончилось в тот самый момент, когда он подмигнул милой женщине. «Мне двадцать шесть, ишу приятного партнера немного старше». Тогда Хныщ был

немного старше. Сейчас — намного. Борода стала седой. В последний раз, когда он подстригал ее, то заметил, что седых волос заметно прибавилось. Когда был свет, Хныщ ходил к мастеру. Парикмахер. Сидишься в кресло, начинает жужжать машинка. Жу-жу, жу-жу. Жу-жу-жу. Можно было стричься и дома, тоже машинкой. Тоже жу-жу-жу, но не так приятно, потому что всегда приятно, когда что-то для тебя делают лучше, чем это можешь сделать ты сам.

Сейчас приходится стричь ножницами. Раз в год надо ходить за ними в город, как надо ходить и за прочими вещами. За одеждой, например. Шить одежду самому — это безумие. Хорошо, что он знает места. Кое-кто тоже знает эти места, но им лучше не встречаться — големы, гомункулусы, какое еще слово можно вспомнить на букву «г»?

В тот день он надеялся, что вечер будет хотя бы чуть лучше, чем все предыдущие за минувшие полгода. Минувшие полгода, которые минули — так все же двадцать или тридцать лет назад? Сейчас он уже не может сосчитать точно, он давно перестал делать зарубки на стене пещеры. Если их сосчитать, то будет всего четырнадцать. А после этого тоже шло время.

Время — это не коврик перед дверьми...

Тут он не прав, это строчка из какого-то стихотворения.

Которое любила читать вслух его мать.

Когда Хныщ был еще совсем маленьким.

В комнате горел свет и громко работал телевизор.

Телевизор и сейчас стоял в углу пещеры, раз в неделю Хныщ вытирал с него пыль. Как и с компьютера. Столики-подставки. Артефакты. Дурацкие штуки, которые больше не нужны.

«Время, — декламировала мать, — это как коврик перед дверьми, о который ты вытираешь ноги!»

Хныщ закрывал глаза и представлял себе лестничную площадку. Он бежит с улицы, влетает в подъезд, взбегает по ступенькам. На котором этаже они жили? На третьем? Значит, он взбегает на третий этаж. Квартира по правую руку. Право-лево, лево-право. Коврик лежит перед дверью. Дверь, которая направо. Вправо, направо. Ему еще нравится вот так перебрасывать слова. Потому что иногда понимаешь: больше ничего не остается. И можно сойти с ума. Те, кто в тот день сошли с ума — счастливы. Хотя в сам тот день таких было немного. Просто погас свет.

Везде, только вот никто не знал, что еще и навсегда.

Он вышел с работы.

Хорошо, что не надо было спускаться в лифте. Тогда он, наверное, до сих пор бы не выбрался. Вот это ему снится, хотя бы раз в пару ме-

сяцев. Как он едет в лифте и лифт останавливается. Гаснет свет, скоро становится нечем дышать. А потом у него схватывает живот, и ничего не остается, как снять штаны и навалить прямо на пол. Но лифт все стоит, и он торчит в нем, нюхая запах своего дерьма. А потом он теряет сознание и все заканчивается. Кончается. Время останавливается. Кто-то вытирает грязные подошвы ботинок о коврик, положенный у входа в квартиру. Так что ему повезло — Хныщ просто сбежал по лестнице со второго этажа и вышел из подъезда на улицу.

Клубились серые сумерки, фонари нигде не горели. И окна домов были черны. Зато машины еще ездили, и нещадно светили фары. Машины перестанут ездить через неделю. Хотя сейчас он может ошибаться. Так через неделю или через две? Не суть важно. Просто что-то случилось, народ толпами пер по улицам. Хныщ влился в поток и тоже попер — молекула, атом, перекати-поле.

Больше он никогда не видел такого количества народа. А последнего человека он видел с полгода назад. Тот пришел с дальних холмов, не с тех, где живут эти сумасшедшие, решившие поиграть в первобытное племя: мужики охотятся, а всем заправляют бабы — смешно! Еще в самом начале, когда он начал жить в пещере, они к нему приходили и говорили: «Давай иди к нам!». Хныщ покачал головой и потянулся за луком.

Лук он сделал не сам, зачем что-то делать самому, если знаешь, где это можно взять.

В городе до сих пор можно взять все. Ну, почти все. И ножницы, и нож, и одежду. И лук со стрелами. Магазины разграбили сразу, в первый же месяц, когда поняли, что света больше не будет. Но оставались склады. Их тоже стали грабить, только вот Хныщ прикинул, что ему понадобится, и сделал запас. Перенести все сразу было невозможно, и потом, кто знает, вдруг придется бросить пещеру и искать другое жилище, а город — до него всего-то пара часов ходу, так что всегда можно прийти и взять необходимое.

А они тогда испугались, когда он натянул тетиву и направил стрелу прямо в грудь одному из толпившихся у пещеры мужчин.

Тогда они все боялись, он тоже еще боялся.

Лес — это не город, холмы — не улицы.

Здесь пахнет по-другому, здесь ты сам становишься другим.

Сейчас они бы просто убили его, копьем, палицей, такой же стрелой, только из самодельного лука. Но тогда они ушли. Смылись. Ретировались.

Исчезли, растворились, канули.

Время проглотило их, то самое время, которое Хныщ ненавидит.

Он ухмыльнулся и подумал, что если бы не пещера, то он бы давно уже умер. Хоть в лифте, хоть без лифта, но сон сыграл бы в руку, и его бы уже не было.

Он притаился к себе на третий этаж, в ту самую квартиру, где они жили когда-то с матерью. Прошел на кухню и нашел свечи. Зажег и решил кому-нибудь позвонить, но потом вспомнил, что света нет, а значит, телефон не работает — ни такой, ни мобильный. В холодильнике таяло, в квартире было темно и неудобно. Хныщ прошел в спальню и, не раздеваясь, лег на кровать. Что-то произошло, но никто не может сказать ему что. Бесплезно включать телевизор, нет никакого смысла мучить радио. Голоса умерли, лица пропали. Мир внезапно сжался до размеров его спальни, было хорошо слышно, как учащенно бьется сердце.

Если бы свет не погас, то он сейчас поехал бы на свидание. Они сидели бы в кафе и о чем-нибудь говорили. Им бы звонили по мобильным телефонам, и они бы отвечали. Играла бы музыка.

Чего ему так сейчас не хватает, так это музыки.

До сих пор он жалеет, что так и не выучился играть ни на одном инструменте. Например, на гитаре. Нет, когда-то он играл на гитаре, еще в школе, но очень плохо. Однако если бы он мог тогда предполагать, что случится, то выучился бы играть на флейте. Или кларнете. А лучше всего — на саксофоне.

Саксофон у него был. Он прихватил его из города лет десять назад. Просто нашел в одной из разгромленных квартир. Вроде бы альт — ведь альт всегда поменьше размером, чем остальные. Хныщ не знал, как надо в него дуть, но иногда доставал инструмент из футляра, вставлял мундштук и пытался что-то воспроизвести. Получалось нечто безобразное, отдаленно напоминающее брачную песнь обезумевшего лося.

Лоси частенько подходили к пещере, но он предпочитал не убивать их. И не то что было жалко. Просто еще в самом начале, на первом году своей жизни между этих холмов, Хныщ понял: он здесь — незваный гость, чужой из чужих, пришелец, которому местные позволили спасти свою шкуру. Лоси были из местных, и они были красивы. Если уж убивать, то зайцев и барсуков, а еще — охотиться на птицу и ходить к реке ловить рыбу. Голодным не останешься.

Только вот музыки все равно не хватало. Той, к которой он привык. Зачем-то он прихватил с собой из дома все свои компакт-диски, и они до сих пор аккуратно стояли на полочке возле музыкального центра. Телевизор, музыкальный центр, компьютер. Бесплезная груда ненужного дерьма. Из саксофона он хотя бы мог извлечь

пару звуков. Так что саксофон был полезен. А вот все эти штуковины...

Хныщ хмыкнул. Осень в этом году удалась на славу. Легкие туманы по утрам и безоблачное голубое небо днем. И припекающее солнце. Надо бы свистнуть Волка и пойти к реке, самому посидеть на пещочке, а Волк будет ловить рыбу — как называются эти большие, похожие на форелей?..

Волк появился два года назад. Хныщ возвращался вечером домой, хотя смешно называть домом пещеру. Солнце уже скрывалось за вершинами деревьев. Не начало заката и не конец, а середина. Еще можно не зажигать костра, и так все видно, но уже темнеет, и только розоватые отблески солнца, как давно забытый электрический свет — ведь навряд ли он был таким.

И тут он услышал поскуливание.

В кустах, возле тропинки.

Хныщ скинул лук, положил его на траву и подлез под можжевельник.

Серый комочек, плачущий и дрожащий.

Хныщ до сих пор не знает, откуда тогда взялся щенок. Может, действительно его подкинули лесные боги? Смех смехом, но с годами такой жизни ты понимаешь: они есть и пристально следят за тобой. И если ты не обижаешь их, выказываешь им определенное уважение, то они приходят на помощь. Хныщ не убивал лосей, уступал дорогу медведям и избегал встреч с волками. Ведь и лоси, и медведи, и волки — посланники лесных богов. Вот зайцы и барсуки — другое. Хныщ ставил на них ловушки, а сейчас, когда Волк вырос, то стало еще проще, тот сам уходил на охоту и приносил добычу, а значит, его действительно послали лесные боги, как послали ему и эту пещеру. Еще много-много лет назад, в совсем другое время, когда мир был иным и ярко горел свет.

Про пещеру Хныщ вспомнил той самой, первой, ночью.

И утром, собрав рюкзак со всем необходимым, отправился не на работу, а за город.

На работу идти было бессмысленно, света все еще не было — ни компьютер включить, ни позвонить и сказать, что ты заболел.

На улицах царил хаос, светофоры не горели, машины неслись ополумевшими стадами. Видимо, уже начиналась агония, где-то раздавались выстрелы, звенели разбиваемые стекла магазинов.

Пожары еще не начались, они вспыхнут к вечеру.

Хныщ попытался вспомнить, как далеко ему идти. Когда они наткнулись на пещеру, выезжая на очередной пикничок, то все было

просто: ехали на автобусе, потом вышли, дошли до озера, расположились, Хныщ пошел побродить по окрестностям и наткнулся на чернеющий в зелени густого кустарника лаз.

Сейчас-то он хорошо знает, что это за кустарник.

Тут и шиповник, и можжевельник, и гибкая ивовая лоза.

Но тогда он просто увидел лаз и отпрянул, повернул прочь и пошел к уже подгулявшим коллегам, распеваящим песни и жарящим шашлыки.

Хныщ свернул в переулок, затем с трудом пересек вздыбленную машинами улицу, перемахнул через какой-то проходной двор и оказался на трассе, ведущей к выезду из города.

Через несколько дней обе ее обочины будут забиты людьми, уходящими от беспредела и пожаров.

Но пока Хныщ шел по обочине один, стараясь идти аккуратно, подалше от взбесившихся машин.

Через три часа он дошел до леса.

Еще через полчаса по какому-то голодному наитию свернул в сторону и начал продираться через густую поросль, ему надо было найти старую просеку, впереди маячил просвет, хотелось есть, в рюкзаке лежали бутерброды. Хныщ выбрался на просеку и увидел: за ней начинаются холмы.

Цель была близка, он чувствовал это.

Но идти не хватало сил.

Солнце ушло на вторую половину дня, если он решит сегодня вернуться домой, то ему это не удастся.

Ему просто не пройти обратно той же дорогой, он свалится от усталости, придется ночевать где-то здесь, в лесу, может, что и возле пещеры.

Если он ее найдет.

Хныщ вспомнил того себя и засмеялся.

Сейчас для него пройти двадцать километров — раз плюнуть.

Да и тридцать тоже.

И ночевать в лесу без костра — милое дело.

Нарежешь лапника, бросишь на землю и спишь.

Но тогда было страшно, даже когда он нашел нужное место и увидел уже знакомый черный лаз.

Было тихо, река блестела в странном розовом свете.

Птицы примолкли, Хныщ подумал, что он здесь абсолютно чужой.

Тогда он впервые и вспомнил, как мать в детстве говорила ему, что время — это всего лишь коврик перед дверьми, о который ты вытираешь ноги.

Наверное, здесь время было другим.

Оно было тишиной, розоватой водой реки, тягучим воздухом, в котором застревали странные белые облака.

Хныщ зачем-то потрогал серьгу, которую вставил в мочку правого уха как раз за пару месяцев до того дня.

Да, это было двадцать лет назад — ему как раз исполнилось тридцать.

За прошедшие годы золото не потускнело.

Борода стала седой, а вот серьга блестит так же, как и раньше.

Волк проснулся и подошел к Хныщу, потерялся головой о его руку и сел рядом.

Волк не походил на волка, в нем чувствовалась другая кровь — короткая вьющаяся шерсть, большая лобастая голова. Скорее, что-то от природных волкодавов, хотя Хныщ плохо разбирался в собаках.

Друг, посланный богом — так сказать правильнее всего!

Захотелось музыки, он потянулся к полке с компакт-дисками и начал перебирать их один за другим. Лучше послушать какой-нибудь джаз. Как правило, это музыка без слов, с годами очень трудно вспоминать мелодии со словами, они растворяются и исчезают, лежат в коробочках мертвым грузом.

А тут смотришь на диск, и что-то вспоминается.

Хныщ попробовал напеть, Волк начал поскуливать в такт.

— Это саксофон, — сказал серьезным голосом Хныщ, — а вот сейчас должен вступить контрабас.

Контрабас заиграл «бу-бу», «бу-бу», Волк перешел на фальцет.

— Ты не собака, — уважительно сказал Хныщ, — ты сопрано-саксофон!

Волк залаял.

— Ну вот, — сказал Хныщ, — и доиграли!

Пора было убирать компакт-диск обратно в коробочку и собираться по делам.

Это так до сих пор и называлось: «по делам».

Ставить ловушки, ловить рыбу. Изредка навдываться в город.

И еще много самых разных дел: например, доставлять себе редкое удовольствие и подглядывать за этими сумасшедшими, что живут в холмах неподалеку.

Там есть женщины, старые и молодые.

Там есть дети.

И с ними — эти странные существа, немного смахивающие на кошек.

Но лучше всего смотреть на женщин.

Иногда Хныщ понимал, что больше не может, и тогда ему стоило колоссальных усилий не поддаться этому желанию.

Он доходил до невидимой границы между его холмами и другими. Устраивал себе лежбище, настораживал лук и лежал в укывище, думая о том, что станут делать те мужчины, если он захватит одну из их женщин.

Хотя чего тут думать — устроят на него охоту и убьют.

Их много, а он один, пусть даже у него и есть Волк.

Пес посмотрел на него и пошел к выходу из пещеры.

Хныщ взял лук, колчан со стрелами и длинный, хорошо заточенный нож.

Чтобы смотреть на женщин, надо подготовиться — нарезать лапника и устроить себе гнездо.

Лежбище, гнездо, укывище.

Темную дыру, прорезанную во времени, сам он живет в одном времени, эти женщины и мужчины — в другом.

А все они родом из того, где можно было кликнуть мышью и подмигнуть незнакомке, хотя Хныщ уже плохо помнит, как все это было на самом деле.

Волк стоял возле входа в пещеру и к чему-то принюхивался.

Что-то принес ветер, и это что-то заставило Волка насторожиться.

Кто-то пришел в их холмы, оставалось проверить, друг это или враг.

Хныщ свистнул, Волк сорвался с места и уверенно побежал в сторону мертвого города.

Седобородый мужчина с серьгой в ухе легко зашагал следом.

4.

— Где ты был? — спрашивает Монка.

Видно, что она сердится. Котоголов прыгает ей на плечо и будто шепчет что-то на ухо.

Мне хочется сказать, что я спал. В общем-то, это правда. Еще можно рассказать Монке про сон. Только сны я обязан рассказывать Старшей Матери, а та сейчас в ярости. Ведь я ушел еще утром, а явился за полночь — она даже велела мужчинам собираться на поиски. И дело не в рыбе, которую я не принес. Просто так не бывает, чтобы кто-то ушел и не вернулся к обозначенному часу. Нельзя. Мы живы лишь потому, что соблюдаем правила — собственно, это и есть первое правило, которому нас учат с детства матери света.

Монка гладит котоголова, тот что-то все шепчет и шепчет ей на ухо.

Наверное, рассказывает о том, как его унес поток и как я бежал по берегу, падал, поднимался и снова бежал. А поток нес его безжизненное тельце, и ему было страшно.

Хотя я не думаю, что котоголовам бывает страшно. Или весело. Они ведь не люди, это мы боимся темноты и веселимся на карнавале.

Это тоже входит в правила: бояться темноты и веселиться на карнавале, только этому нас не учат. Другое дело — охранять свет, бочки всегда должны быть полны, в бочках всегда должен быть огонь.

— Тебя накажут! — говорит Монка.

Я покорно киваю головой, стыдно смотреть ей в глаза.

Мне вдруг безумно захотелось рассказать ей о том, как из тающих ключев тумана вышел мужчина с седой бородой и как собака, которая бежала чуть впереди него, направилась прямо ко мне.

В левом ухе мужчины посверкивала золотая серьга, он смотрел на меня и что-то говорил, а я ничего не слышал: будто ключья еще не до конца растаявшего тумана глотали его слова — он открывал рот, слова влетали в туман и исчезали, пока наконец туман совсем не растаял, и тогда я услышал странную фразу, лишённую начала:

— ...а дальше...

— Я заблудился! — невпопад ответил я.

— Ты с тех холмов? — спросил после паузы мужчина.

Я кивнул.

Котоголов сидел на пожухлой траве рядом с большим лобастым псом, и оба они зачем-то смотрели в сторону серых теней все еще не растаявшего вслед за туманом города.

— Вы никогда не приходите сюда, — сказал мужчина, — вам сюда нельзя!

— Я заблудился, — повторил я, а затем сбивчиво начал рассказывать о том, как еще утром пошел с котоголовом ловить рыбу, и как прилег на солнышке и меня разморило, и про то, как котоголов внезапно свалился в воду и мне пришлось бежать вдоль ручья, который внезапно стал речкой, а потом и рекой.

— Тебе надо обратно?! — то ли спросил, то ли утвердительно сказал мужчина.

— Они меня потеряли, — тихо проговорил я и подумал, что Старшая Мать обязательно будет сердиться, но больше всего мне стыдно перед Монкой, которая и послала меня ловить рыбу.

— Я тебя провожу! — сказал мужчина, а потом вдруг спросил: — Тебя как зовут?

Я замялся.

Нам нельзя было называть своих имен никому, кроме тех, кто жил

с нами в одном жилище. Это тоже было правило, установленное матерями света еще задолго до моего рождения. По крайней мере, они сами говорили так, а еще учили нас тому, что имя означает всю нашу будущую судьбу.

— А что значит «Тимус»? — спросил я Старшую Мать сразу же, как только услышал на занятии про имя и про судьбу. Она отвесила мне подзатыльник, и я решил, что пока мне просто нельзя этого знать, как нельзя знать, к примеру, и то, что было в то время, когда все было иначе и был искусственный свет.

— Меня зовут Хныщ, — сказал мужчина. А потом показал на собаку и добавил: — А его — Волк!

Я продолжал молчать. Котоголов посмотрел на меня, и мне вдруг показалось, что он улыбнулся.

— Не хочешь, не отвечай! — засмеялся мужчина. И вдруг громко свистнул.

Пес сразу же вскочил и подбежал к хозяину.

— Пойдем, — сказал седобородый, — мы тебя проводим!

И он, не оглядываясь, зашагал в сторону леса, пес бежал впереди, а котоголов — рядом со мной, временами то ли исчезая, то ли просто сливаясь шкуркой с жухлой осенней травой.

Мне хотелось рассказать обо всем этом Монке, но я не мог.

Еще одно правило: мы никогда не должны разговаривать ни с кем, кроме тех, кто живет с нами в одном жилище.

От них всегда исходит угроза, угроза же означает опасность, опасность может принести смерть.

Наша задача — жить и спасать свет.

Мы живем лишь ради этого, хотя только матери света знают, как делать так, чтобы свет был.

— Ты сегодня будешь сторожить бочку, — вдруг сказала Монка, — это просила передать тебе Старшая Мать!

Старшая Мать даже не захотела разговаривать со мной. Она просто велела передать Монке, что я наказан и что я буду сторожить бочку, а это значит: всю ночь не спать и смотреть, чтобы огонь не был ни большим, ни маленьким и чтобы он горел ровно, и временами надо будет брать ведро с вонючей жижей и добавлять ее в бочку, чтобы огонь не гас.

— Иди поешь, — сказала Монка, — и не попадайся Старшей Матери на глаза!

Мне захотелось плакать.

Ведь я ни в чем не был виноват. В конце концов, я мог плюнуть на все и не нестись спасать котоголова, который сейчас все шушука-

ется и шушукается о чем-то с Монкой. Мерзкая тварь, отвратительное создание, гад хвостатый, слова возникали во мне сами по себе, мне хотелось подобрать с земли каменюгу покруче и швырнуть в звереныша.

Хотя он тоже ни в чем не был виноват.

Мы с ним оба не виноваты, но меня посылают сторожить бочку.

А котоголов останется с Монкой, и она будет гладить его по голове, а он тихо и сладко урчать, и на его мордочке опять появится странное выражение, дающее сходство с маленьким ребенком.

Котоголовам можно все. Ведь только они знают, где и в каких ямах плещется темная жидкость, которой наполняются бочки.

И где надо ловить рыбу.

И как снимать боль.

Когда кто-нибудь заболевает, то один из котоголовов вспрыгивает на больное место, и через несколько часов боль отступает.

— Пора, — говорит мне Монка, — дождавшись, пока я доем оставленный мне кусок мяса. — Тебе пора сменять Белку.

Белка — моя ровесница. Мы недолюбливаем друг друга, ей не нравится, что я вижу странные сны и что Старшая Мать временами просят их рассказывать.

А мне не нравится, что Белка часто смеется надо мной и говорит, что настоящий мужчина должен меньше спать, тогда он будет чаще ходить на охоту.

Но сегодня я не стану спать.

Старшая Мать потому так и взъелась на меня, что ей приходится меня наказывать.

— Иди, — говорит Монка, — и смотри не засни!

Опять ярко светит огромная, в полнеба, луна, так что мне хорошо видно, куда идти.

Белка караулит самую дальнюю из бочек. Вокруг серо-черные тени деревьев, еще не наступил тот час, когда просыпаются ночные птицы, но мне все равно не по себе.

В жилище сегодня будут играть в биоскоп.

Я не знаю, что они будут смотреть, может, что-то такое, только для взрослых.

Мужчины устали на охоте, мужчинам надо отдохнуть, в такие вечера матери света разрешают им развлечься и поиграть в особый биоскоп, куда ни дети, ни подростки не допускаются.

Они все хорошо поели, выпили настойки и ждут, когда Старшая Мать даст сигнал.

В прошлом году я попытался пролезть и посмотреть, что же это такое — игра в биоскоп для взрослых.

Но один из мужчин поймал меня и выкинул на нашу половину жилища.

Зато Белка пролезла и потом долго рассказывала какие-то страсти, которым я до сих пор не могу поверить.

Белка ходит вокруг бочки и ждет, когда ее сменят.

— Ха, — говорит она, — вот тебя-то я не ожидала!

Я не отвечаю. Белке незачем знать, что Старшая Мать наказала меня и отправила в ночь.

— Значит так, — говорит Белка, — ты должен быть все время рядом и смотреть, чтобы огонь горел вот на этом уровне!

Она показывает мне, на каком уровне должен гореть огонь.

— И смотри не усни!

Она уходит в сторону жилища, а я сажусь рядом с бочкой.

Она не горячая, она теплая.

По крайней мере, так мне кажется.

Я сажусь рядом и приваливаюсь к ней спиной.

Смотрю на небо и вдруг показываю язык луне.

Если чего-то очень боишься, то покажи своему страху язык.

И попытайся рассмеяться, тогда страх исчезнет.

Я не помню, кто научил меня этому.

Навряд ли Старшая Мать, ее не интересуют такие глупости.

Ее интересуется одно: как сделать так, чтобы все обитатели жилища не голодали, чтобы в бочках горел огонь и чтобы каждый год рождался хотя бы один ребенок.

Для чего и устраивают карнавал.

Я думаю о карнавале.

Мне очень хочется спать, спине тепло, луна, которой я показал язык, смотрит на меня уже не так устрашающе.

Про карнавал мы частенько говорим ночами, когда все взрослые уже спят.

С Белкой и Димоном, моим приятелем.

Это меня Белка недолюбливает, а Димону она строит глазки.

Недавно Димон мне сказал, что в этом году Белка хочет участвовать в карнавале — у нее уже начались месячные, и ей можно играть с мужчинами.

Будто бы об этом ей заявила Старшая Мать, когда Белка пожаловалась, что у нее между ногами кровь.

И тогда Белка сказала Димону, что вот он еще маленький, а она уже большая и будет участвовать в карнавале!

Внезапно я вижу какую-то тень, мне опять становится страшно.

Тень прыгает на колени и урчит.

Это тот самый котоголов, из-за которого я сегодня вляпался.
Наверное, пожалел меня и решил побыть рядом, чтобы мне не было грустно.

И чтобы отгонять ночной ужас.

Котоголов устраивается поудобнее, я глажу его по шерстке и вдруг решаю посмотреть на луну.

Она уже не такая грозная, всего лишь большой желтый шар, болтающийся в небе.

Между звезд, которых сегодня очень много.

Странно, иногда их меньше, иногда — больше.

Как-то раз мы с Димом решили их пересчитать, но примерно через полчаса поняли, что это бесполезно.

Утром Старшая Мать долго смеялась, когда мы рассказали ей об этом.

И объяснила, что каждая из звезд — это такое же солнце, как наше. Только иногда больше, а порой и меньше. И их так много, что никто и никогда не мог их сосчитать.

Мне нравится смотреть на звезды.

Гораздо больше, чем на луну.

Я очень хочу спать, но мне нельзя этого делать.

Я пытаюсь думать о том, что сейчас происходит в жилище.

Играют ли там в биоскоп, и чему посвящена сегодняшняя игра.

Белка говорила, что даже матери света иногда играют в биоскоп для взрослых, будто бы в тот раз, когда ей удалось подсмотреть, Старшая Мать была совсем раздета и кружилась среди мужчин, будто танцует. Белка испугалась смотреть дальше и убежала.

Небо стало совсем темным, хорошо слышно, как перекрикиваются ночные птицы.

Я перестаю думать о биоскопе и начинаю размышлять о том, что сейчас делает седобородый мужчина, который помог мне найти дорогу обратно.

Скорее всего, он спит, как спит и его собака.

Мне вдруг становится стыдно, что я не назвал ему своего имени, пусть даже этим я нарушил бы правило.

Но ведь он вывел меня из незнакомого леса в знакомые холмы и сам сказал мне, как его зовут.

Странное имя: Хныщ!

Скорее, даже не имя, а прозвище.

И собака его мне понравилась, а еще понравилась серьга.

В нашем жилище серьги носят только женщины и девочки.

Даже у Белки есть сережки — маленькие голубые камушки, которые иногда переливаются на солнце.

И глаза у Белки тоже голубые.

Спине становится холодновато, надо плеснуть в бочку из ведра.

Я встаю, котоголов сваливается с колен и раздраженно шипит.

— Подожди, — говорю я ему, — сейчас опять залезешь!

Ведро стоит рядом с бочкой, оно тяжелое — интересно, как Белка поднимала его?

Я подливаю в бочку, пламя вспыхивает ярче.

Опять можно сесть, котоголов снова вспрыгивает мне на колени.

Я вдруг понимаю, что мне безумно хочется увидеть какой-нибудь сон.

И лучше всего — тот самый, про огромные и серые дома с пустыми черными окнами.

— Город, — говорит мне во сне Хныщ, — я когда-то в нем жил!

— Там не живут, — говорю я, — там все мертво!

— Это тебе кажется, — говорит Хныщ, — там и сейчас, скорее всего, есть люди.

— А что произошло? — спрашиваю я.

Хныщ не отвечает.

Старшая Мать тоже никогда не отвечает, когда мы ее спрашиваем о том, почему живем здесь и куда делся искусственный свет.

— Маленькие еще! — говорит она. Или грубее: — Не вашего ума дело!

Хныщ, наверное, так никогда не скажет, а если решит ответить, то я услышу правду.

Но для этого мне надо будет опять идти в холмы и искать пещеру, в которой он живет.

Наверное, я сделаю это.

После карнавала.

А пока я должен караулить бочку с огнем и не спать.

Котоголов спит, а я не должен.

Хотя это единственное, чего мне хочется.

И я засыпаю, а просыпаюсь, оттого что котоголов будит меня, сильно прикусывая ухо.

Слышны голоса, кто-то идет.

Наверное, мне на смену.

Мне отчего-то совсем не стыдно, что я уснул.

И совсем не хочется рассказывать Старшей Матери приснившийся сон.

Я стою у бочки, огонь горит ровно, на всякий случай подливаю еще немного жидкости из ведра.

Котоголов тщательно моет мордочку лапками, а потом вдруг пропадает, будто его и не было.

Только совсем уже побелевшая луна все еще висит в уголке неба, будто напоминая, что незаметно подкравшийся свет вновь исчезнет, и опять восторжествует тьма.

5.

С утра Старшая Мать собрала всех и объявила, что пришла пора готовить маски для карнавала и что на это отводится всего три дня.

Из года в год маски делались снова: старые сжигали сразу же, как наступало утро за последней карнавальную ночью.

Три дня и три ночи, когда большая часть жилища оставалась пустой, и лишь они, еще не достигшие возраста, в котором можно надеть маску, были на своей половине под присмотром одной из матерей, получавшей на это время звание «дежурной».

Тимус, Димон, Белка и остальные.

Еще в прошлом году Димон подбивал их убежать вечером в холмы и посмотреть, что там творится.

— Нас накажут! — сказала тогда Белка, и они остались. Дежурной матерью в прошлом году была Монка, и она предложила им поиграть в детский биоскоп, выбрав какую-то странную историю про девочку с замерзшим сердцем.

Девочку играла Белка, Димону же досталось быть мальчиком, который должен это сердце отогреть.

Тимусу нравились другие истории. Больше всего он любил, когда играли в Человека Летучую Мышь, но для этого требовалось много народу, на его памяти эту историю разыгрывали всего то ли два, то ли три раза.

Все эти истории тянулись из той, другой жизни.

И никто уже не мог сказать, были они когда-то придуманы или происходили на самом деле.

Как никто не мог сказать, зачем игры в биоскоп происходили на фоне большого, некрашеного, светлого полотна, которое натягивалось на одной из стен жилища.

Так было надо, а одно из правил матерей света гласило: если что-то надо, то нельзя спрашивать зачем.

У Тимуса в прошлом году тоже была небольшая роль, он играл оленя.

Олень — это что-то вроде лося, только поменьше и не с такими большими рогами.

В их холмах и лесу оленей не было.

Тимус мечтал, чтобы когда-нибудь ему доверили сыграть Человека Летучую Мышь, который спасал всех и которого все боялись.

Но он был еще слишком маленьким для этого, он был все еще слишком маленьким даже для того, чтобы делать себе маску и готовиться к карнавалу.

Вот когда он убьет первого кабана и мужчины позволят ему переночевать на своей половине, тогда он станет взрослым.

У женщин все не так — Белка уже стала взрослой, Старшая Мать сегодня сказала ей, чтобы та шла со всеми и тоже готовила себе маску.

Тимусу стало обидно.

Он спас от смерти котоголова, но это не считается!

И он временами видит сны, которых так ждет Старшая Мать, но это тоже не считается!

Они будут три дня и три ночи бить в барабаны и кружиться в странных танцах, а он, скорее всего, опять станет разыгрывать историю про девочку, у которой замерзло сердце.

Хотя это не обязательно — еще неизвестно, кто будет дежурной матерью в этом году, навряд ли Монка, ей ведь тоже, наверное, хочется надеть маску и быть там, со всеми.

Там, это в большой лощине между двумя холмами, ее так и называют — «Карнавальная».

Тимус как-то пробрался туда, еще летом.

Лощина как лощина, трава, ельничек, небольшой ручеек.

А вокруг много высоких деревьев, в основном, сосен.

Под соснами же толстый и мягкий ковер из нападавшей хвои. И много шишек. Тимус тогда еще набрал их полные карманы и потом кидал в Белку, а она смеялась и кричала ему, что он дурак.

Сейчас Белка сидит со всеми остальными женщинами рядом со Старшей Матерью и внимательно слушает, о чем та говорит.

Мужчины сидят с одной стороны, женщины — с другой.

Старшая Мать — в центре.

Наверное, она рассказывает о том, какими должны быть маски.

Как-то раз Тимус спросил Монку, что это за маски, но та не ответила.

В этом году он все равно увидит. Он должен это увидеть, а может, и сделать себе маску. Или найти. Лучше всего — найти. Хотя мечтать об этом глупо, маски не валяются в траве, как шишки, и не растут, как грибы. Если бы маски хранились с прошлого года, то он мог бы их украсть. Он никогда ничего не крал, хотя и знал это слово. Тоже одно из правил матерей света: если что-то тебе не принадлежит, то ты не должен этого брать — это и называется: не укради!

Старшая Мать говорила на занятиях, что в том мире, которого больше нет, у кого-то из людей было вещей намного больше, чем у остальных. И всегда были те, кто просто брал то, что им не принадлежало. Наверное, это одна из причин, отчего того мира больше нет, хотя в тот раз, когда он заявил об этом Старшей Матери, та лишь засмеялась и сказала, что пусть его не волнует тот мир, он живет в этом и должен думать совсем о других вещах.

О каких?

Тимус не знал.

Сейчас больше всего ему думалось о карнавале, но карнавал бывает лишь раз в году.

Наверное, мужчины и женщины тоже ждут его, но они ведь знают, что это такое, а он — нет.

Белка узнает, хотя видно, что она побаивается.

Тимус начал думать о том, как все же сделать так, чтобы хоть краешком глаза, да подсмотреть.

Все равно нужна маска.

Закрывать лицо, стать неузнаваемым.

Впрочем, лицо можно просто намазать черным. Например, сажей от костра.

Или той тягучей жидкостью, что в бочках.

Она темно-коричневая, почти черная.

Хотя его все равно узнают.

Из чего они делают маски?

И что изображает каждая из них?

Последнее было самым сложным. Из прошлого мира пришло много непонятных слов. Старшая Мать иногда произносила их, а когда ее спрашивали их значение, то лишь улыбалась и отвечала, что это не больше чем призраки.

Призраки — это те, кого ты не видишь, но кто здесь, постоянно рядом. Временами Тимусу казалось, что лес полон призраков, как полны ими и холмы.

Например, Тимус знал: в том мире Старшая Мать была программистом. И у нее был компьютер. И то, и другое слово давно стали мертвыми, так что если бы он решил сделать себе маску программиста, то был бы вынужден или сотворить копию лица Старшей Матери, или просто сваять что-то совсем уж непонятное, действительно похожее на лицо призрака — хотя интересно, какие у призраков лица?

Может, они такие же колышущиеся, как туман?

Старшая Мать встала, мужчины и женщины встали следом.

Сейчас они начнут петь.

Выкрикивать слова, приманивая удачу.

Старшая Мать спрашивает, остальные отвечают.

Подпрыгивая на месте, а потом отбегая в сторону.

И снова подпрыгивая.

И снова перебегая, но уже обратно.

«Э-эй!» — начинает Старшая Мать.

«Э-эй!» — подхватывают остальные.

«Мы из города, которого больше нет...» — подпрыгивает Старшая Мать и взмахивает руками.

«Но мы помним, как было, когда горел свет!» — отвечают ей одновременно мужчины и женщины.

«Мы живем в холмах, посреди лесов!» — Старшая Мать вдруг оголяет грудь, Тимус не может оторвать глаз от этих больших, тяжелых полукружий с темно-коричневыми ареалами сосков.

«У нас матери вместо отцов!» — это уже одни женские голоса, мужчины пока молчат, ждут своей очереди.

Она опять поднимает руки и распускает волосы. Те падают на плечи, она трясет головой и продолжает свои заклинания.

«Шалфей, шиповник и бересклет...»

«Мертвого света давно уже нет!» — отвечают мужчины.

«Шалфей горький, — думает Тимус, — шиповник сладкий, а бересклет красивый!»

Особенно, когда полыхает по осенним склонам своими поздними, розовато-красными маленькими цветочками.

Старшая Мать на мгновение останавливается, но потом продолжает свой танец, одновременно выкрикивая уже без всякой мелодии:

«Еще одно лето призраком стало, значит, пришла пора карнавала!»

Мужчины и женщины берутся за руки.

Плотное людское кольцо вокруг Старшей Матери.

Шалфей, шиповник и бересклет,

Мертвого света давно уже нет!

Еще одно лето призраком стало,

Значит, пришла пора карнавала!

Внезапно кольцо распадается, и Старшая Мать начинает подходить по очереди к каждому из тех, кто только что внимал ее словам.

Лучше бы он этого не наблюдал. Ему кажется, что Старшая Мать сошла с ума, он боится ее, хотя ей сейчас нет до него никакого дела. Даже если бы он подбежал к ней и закричал, что увидел потрясающий сон, то она отмахнулась бы от него, как от надоедливой мухи, и все!

И вдруг он замечает, что у Старшей Матери закрыты глаза.

Она обходит весь круг с закрытыми глазами, ошупывая руками тела и лица мужчин и женщин. Те стоят спокойно.

Наконец она доходит до Монки и уверенно обнимает ее за плечи. — Вот! — громко говорит Старшая Мать и открывает глаза.

И Тимус понимает: сейчас произойдет непоправимое.

Монку выберут королевой карнавала, а значит, уже после того, как все закончится и новые маски будут сожжены, Монка на целый год отправится жить в специально построенную хижину, неподалеку, в соседнем распадке, но вход в этот распадок запрещен всем, кроме Старшей Матери.

После веселья королева карнавала целый год молчит и замаливает грехи. За всех обитателей жилища, за женщин и мужчин, подростков и маленьких детей. После чего она возвращается, но ведь Монка — одна из матерей света, так почему Старшая выбрала именно ее? Обычно это бывает просто женщина из обитательниц, слово «племя» Старшая Мать предпочитает не говорить, поэтому и они все его избегают, хотя они и есть племя, только Тимус не знает этого, как не знает и того, почему Старшая Мать сделала сегодня именно такой выбор.

На Старшую уже надели накидку.

Но Тимусу больше и не хочется глядеть на ее большие, тяжелые полукружия.

Прошлая королева все еще там, в хижине.

Она вернется в жилище лишь после того, как Монка отправится на ее место.

Только вот Тимусу будет все равно, он не представляет, как это — целый год жить вдаль от Монки, пусть даже до распадка рукой подать. Но этот путь ему не пройти, это даже не правило, это просто запрещено, заслушание — смерть.

По крайней мере, так об этом говорят обитатели.

И никто никогда не пытался нарушить этот зарок.

Зато Тимус понял, какую маску он сделает себе для карнавала. Он станет котоголовом. Монка любит котоголовов, всегда ведь кто-то кого-то любит, а кто-то кого-то — нет. Старшая Мать котоголовов не любит, она их даже побаивается, хотя и понимает: от них много пользы. А Монка любит. Только вот решить сделать маску котоголова просто, намного сложнее понять как.

Тимус дожидается, пока Старшая Мать и Монка уходят в жилище. Остальные же, пересмеиваясь, направляются в сторону леса. Пришла пора делать маски, Белка идет с ними, она уже стала взрослой, ей тоже надо готовиться к карнавалу.

А ему надо искать котоголова.

Шалфей, шиповник и бересклет...

Бересклета вокруг много, можно провести рукой и погладить цветочки. Маленькие, розовато-красные и очень красивые.

Котоголов греется на солнышке, непонятно лишь, тот этот звереныш или не тот.

Говорят, Монка умеет с ними разговаривать, но у него не получается. Вчера, по крайней мере, не удалось.

Тимус садится рядом, звереныш просыпается и потягивается. «Нет, — думает Тимус, пристально взглядываясь в мордочку котоголова, — мне никогда не сделать такой маски!»

Котоголов жмурится и вдруг опять становится похожим на маленького капризного ребенка.

— Помоги! — просит его Тимус. — Скажи, что мне делать?

Тот начинает умываться, потом принимается тщательно вылизывать лапки.

Можно, конечно, взять кусок бересты и проделать в ней отверстие. Два отверстия — для глаз, и одно — для рта. А углем нарисовать усы. Все хорошо, только котоголови другого цвета, лучше тогда взять кору сосны, но из нее маски не сделать. Хотя если найти краску, то бересту можно покрасить, краски хранятся в кладовой, их делают вручную из разных растений, этому тоже учит Старшая Мать.

Он даже знает, что какую-то, вроде бы желтую, готовят из бересклета.

А еще из его древесины выжигают уголь для рисования.

Старшая Мать учит всему.

Она здесь главная.

Ее нельзя любить, ее можно только уважать. Она сама так говорит.

Тимус опять думает о том, кто из женщин мог бы быть его родной матерью.

Биологической, как это называет Старшая.

Наверное, она должна относиться к нему более нежно, чем все остальные, только вот нежнее всех к нему относится Монка, а она слишком молода, чтобы быть его матерью. И потом — у матерей света не может быть детей, они матери света, этим все сказано!

— Береста! — говорит ему котоголов и улыбается.

Тимус улыбается в ответ. Понятно, что котоголов не промолвил ни слова, но ведь кто-то сказал «береста», так что придется потом залезть в кладовую и искать там коричневую краску.

Найти и украсть.

Нарушить одно из правил, но ему больше ничего не остается.

Нож у него есть. Ножи есть у всех мужчин, а он, пусть еще и ма-

ленький, но мужчина. Подросток, которому нож был дан еще при рождении. Его нельзя терять, ему надо петь песни. Он охраняет тебя, он делает тебя сильным. У женщин нет ножей, им они не нужны. У них и без того много силы — так всегда говорит Старшая Мать.

Сейчас Тимус ее ненавидит, лучше бы им не встречаться сегодня.

*Мы живем в холмах, посреди лесов,
У нас матери вместо отцов...*

Котоголов направляется в сторону леса, потом вдруг останавливается, будто поджидая Тимуса.

«За березовой корой!» — думает Тимус и вдруг вспоминает, что самые большие и подходящие березы находятся как раз возле таинственного распадка, куда ему вход запрещен.

Тимус машинально проверяет, на месте ли нож, и исчезает в зарослях, в том самом месте, где за мгновение до этого скрылся Котоголов.

Еще одно лето призраком стало, значит, пришла пора карнавала!

6.

Иногда Старшая Мать позволяла себе вспомнить, как ее звали много лет назад, когда ей было немного за двадцать и она жила в том самом городе, который, к счастью, невозможно увидеть с этих холмов, давно уже ставших ее жилищем.

Имя всплывало и мельтешило перед ее глазами, Старшая Мать пыталась поймать его в ладонь, чтобы смять, сдавить, навсегда лишить себя той напасти, избавиться от которой пыталась все эти годы, но безрезультатно: в каком-то параллельном мире она все еще была не Старшей Матерью, а молодой женщиной, иногда почти сутками проводившей за компьютером, порой выбиравшейся в кино и в ночные клубы, обожающей итальянскую кухню, и так и не оправившуюся от тех давних дня и часа, когда на ее мобильный пришла sms-ка с незатейливым текстом: «Я устал от всего, больше не позвоню!».

Странные, призрачные слова, за которыми давно уже нет никакого содержания: компьютер, кино, клуб, Италия, мобильный, sms-ка.

Такими словами можно было бы набить все карманы, если бы только она носила одежду с карманами. Раньше были джинсы. Тоже смешное и ничего уже не значащее слово. Очередной призрак, хотя не такой надоедливый и мстительный, как ее собственное имя. Просто случайное слово, залетевшее из иного измерения. Призрачный мир, мир призраков. И встречаться с ними в этой жизни хуже всего! «Я устал от всего, больше не позвоню!» У призраков есть голоса, они приходят не только ночью. И ты начинаешь их ненавидеть. Ведь они дав-

но должны замолкнуть, а еще лучше — умереть, как умер и город, в котором они все еще, наверное, живут.

Смерть на глазах. Кто-то перекрыл главную артерию, что несла кровь прямо к сердцу. Чья-то рука взялась за рубильник и выключила электричество. Конечно, все было не так, но ей до сих пор отчетливо видится именно эта картина: крупный план рубильника, рукоятка отчего-то не черная, а блестящая, будто никелированная. Затем появляется рука. С длинными волосатыми пальцами и очень длинными загнутыми ногтями. Не ногти, а когти. Что-то дьявольское и пугающее. Будто впрыгнувшее в жизнь со страниц Апокалипсиса. Хотя то, что случилось — не Апокалипсис. Скорее уж, Киберкалипсис — чудовище, порожденное в недрах какого-то ужасающего своей мощью компьютера, породило, в свою очередь, руку, добравшуюся до рубильника.

И рука нажала на него.

И все они умерли.

В тот самый момент она как раз послала сообщение на сайт знакомств. Кому-то подмигнула и ждала ответной реакции. Опять давно исчезнувшие слова. Хотя тогда они были живыми, потому что они сами все еще были живы. Но смерть была уже рядом, монитор вдруг мигнул и погас. Настоящее навсегда стало прошлым. Сколько бы она ни позволяла себе вспоминать, как ее звали в то время, она никогда не позволит произнести это имя вслух, ведь ее холмы сразу же заполнятся толпами призраков, от которых она так и не смогла избавиться.

Последующие же за тем мгновением дни стали адом.

Город без света с одуревшими стадами машин, хотя через несколько суток все эти механизмы превратились в никому уже не нужные груды металлолома.

Разбитые окна магазинов.

Беснующиеся толпы, хватающие все, что попадалось под руку. И поджигающие все, что могло гореть.

В краны перестала поступать вода.

Отморозки с дубинками бродили по городу и убивали за воду.

Ей, как и всем остальным, когда-то казалось, что такое возможно лишь в голливудских фильмах, целлулоидных фантазмагориях, страшилках, показываемых по ТВ в вечернее время.

Обычно в конце рабочего дня она вставала из-за компьютера, выходила на улицу, шла до остановки, садилась на автобус или маршрутку и ехала домой. Принимала душ, ужинала и опять включала компьютер. Фоном работал телевизор, там происходили небывалые страсти. Кого-то насиловали, что-то жгли.

Ее тоже изнасиловали, когда она попыталась добраться до дома. Автобусы еще ходили, но она решила идти пешком — света не было, слепые глаза светофоров. Наверное, она стала одной из первых. Там была стройка с пустырем, за большим бетонным забором. На нее накинудись сзади и утянули в мрачный, черный проем. Кричать было бесполезно, кусаться тоже. Было не больно и не омерзительно. Было никак. Она уже знала, что умерла, как умерли и те, кто сейчас использовал ее, как резиновую куклу. Только вот им все равно хуже — Киберкалипсис настигнет их, как настиг уже весь город. Волосатая, когтистая лапа нажала на рубильник, свет мигнул и погас.

Отчего-то она уверена: это навсегда!

Когда она пришла в себя, было уже совсем темно.

Она не знала, куда ей идти. Подобрала порванную одежду, едва прикрылась и осторожно вышла на улицу.

Кое-где горели костры.

Тело болело, было гадко и мутрно.

Она шла вдоль темных фасадов домов, стараясь ступать как можно тише.

Хотелось пить, а еще — есть.

Раздался звон стекла и хохот.

Потом чей-то крик.

Она достала мобильник и поняла, что тот безвозвратно мертв. Лишенная души тушка, комочком мертвой плоти лежащая на ладони. Разве что можно поиграть в игру или посмотреть фотографии. *Нет сети*. Эта надпись будет сопровождать ее все то время, пока работает аккумулятор. Несколько часов. Зато она узнает, насколько его хватает на самом деле. Без подзарядки.

Первый костер; отчего-то она решает к нему не подходить. Возле него ни одной женщины, грубые мужские голоса, тени угрожающих размеров. С нее хватило одного пустыря — сколько козлов там было?

Старшая Мать не может вспомнить этого до сих пор, белое пятно в каком-то из закоулков мозга. Высверленная память, есть лишь до и после, хотя прошло уже двадцать лет. Наверное, именно тогда ей и почудилось впервые, что все это не больше чем карнавал, на котором каждый надевает какую-то маску.

Ее приветил пятый костер. Он полыхал возле автобусной остановки, на тротуаре высилась груда каких-то коробок, некоторые, кажется, были с водой, и она поняла: дальше ей не пройти, за глоток воды она сейчас сама готова на все, прямо здесь, под этим несносно черным небом, на котором зачем-то игриво зажглись мириады звезд.

— Пей! — сказал ей усталый немолодой мужчина, подбрасывавший в костер остатки скамейки.

Вода была холодной и вкусной.

Но главное, что она была.

Потом ей протянули открытую банку с какими-то консервами.

Она давно уже не ела консервов.

Да, это точно было не в первый день.

Белое пятно в одном из закоулочков мозга покрывает не только пу-
стырь.

Оно оставило ей ее имя, но остальное будто покрыло густым, не-
проницаемым туманом.

Призрачный мир, мир призраков.

До карнавала еще три дня.

Старшая Мать смотрит в сторону холмов.

Агонизирующий на глазах город не выпускал ее целую неделю.

Будто замкнутый круг, в котором пропал счет дням и ночам.

Круг из бетона, как на том проклятом пустыре.

Она сидела у костра и ела мясо из консервной банки. Говяжья ту-
шенка китайского производства.

Китай стал таким же призрачным, как и Италия.

Есть лишь эти холмы, лес и река.

Жилище и его обитатели.

Пожилой мужчина стал ей в тот вечер кем-то вроде отца.

Он не только поддерживал костер, но и говорил: с ней и теми, дру-
гими, кто собрался у огня.

О том, что им всем надо жить. И что не стоит надеяться, будто все
это пройдет так же внезапно, как и началось.

Это уже никогда не пройдет!

— Никогда? — переспросила она.

— Никогда! — повторил он.

Она заплакала, а потом спросила:

— Почему?

— Не знаю, — ответил мужчина. — Наверное, так должно было
случиться! — И добавил: — Уходи из города, тут ты не выживешь!

Она села поближе к костру, подстелив под себя какой-то мешок.
Опять достала из сумочки мобильник. Надпись «нет сети» стала туск-
лой, совсем скоро она погаснет, и мобильник можно выбрасывать. Хо-
тя и сейчас его уже можно выбросить, зачем он ей нужен, разве что
как намек на ту жизнь, которой никогда больше не будет, как не бу-
дет компьютеров, итальянской кухни, ночных клубов и кино.

Совершенно ничего не означающие слова.

Кино ей было жалко больше всего, наверное, поэтому она и придумала биоскоп. Хотя само слово тоже тянулось из уже несуществующей жизни — так некогда называли демонстрацию первых картин, то ли в Лондоне, то ли еще в каком-то из выдуманных городов, про которые стоит забыть. Она читала книжку и наткнулась на это слово. Как раз в тот вечер, когда получила от него прощальную sms-ку. Скорее всего, потому и запомнила, а уже здесь, в холмах, слово это всплыло в памяти. Какие-то слова уходят, как мертвые, какие-то, наоборот, из мертвых становятся живыми, например, те же «карнавал» и «биоскоп».

— Надо уходить, — опять сказал мужчина, — нам тут всем не выжить!

— Когда? — спросила она. И добавила: — Мне бы домой зайти!

Утром они все собрались в кружок у почти погасшего костра и стали решать, что делать.

Их было восемь человек, трое мужчин и пять женщин. Двое уходить из города отказались.

Остальные начали собираться.

Белое пятно в голове не позволяет ей вспомнить, как они набили несколько рюкзаков консервами, питьем и какими-то вещами. Ей с детства внушали, что красть — грешно, а они все это украли. И рюкзаки, и одежду, и припасы. Пожилой был из этого района и знал все близлежащие магазины.

Она до сих пор не знает, что бы с ней случилось, если бы не пожилой.

Ведь это он сказал, что надо уходить из города, и сам увел ее.

И еще четверых.

В эти холмы, про которые знал и в которых бывал не раз еще тогда, когда город был живым.

Домой же она так и не зашла. Это оказалось слишком далеко.

До холмов тоже было далеко, но зато они шли все вместе. Вначале добрались до выезда из города, а потом пожилой повел их прямо по просеке, уводящей в глубь леса. Идти было жарко, она не мылась уже несколько дней, ей мешал ее собственный запах. Хотя они все здесь воняли, и никто на это уже не обращал внимания.

— Помоемся в реке, — сказал пожилой, — главное, до нее дойти.

«Киберкалиписис!» — подумала она, и ей вдруг стало весело.

Призрак пожилого до сих пор иногда встречался ей в холмах, она уважительно склонялась в поклоне, а потом, когда он исчезал в ближайших зарослях, садилась на траву и думала, отчего он ушел от них вскоре после того, как привел в холмы.

Из той, первой, шестерки до сих пор с ней в жилище остались лишь двое.

Тоже — матери света.

Это они назвали ее «Старшей».

Единственный остававшийся мужчина ушел вскоре за пожилым, а с ним и его подруга.

Но через год пришли другие, сразу несколько человек.

Забитые, напуганные, рассказывающие дикие истории о том, что происходит в городе. Несколько женщин и несколько мужчин, ищущих одного: спасения.

К тому времени в голове у Старшей Матери уже неоднократно возникла картина того, каким должен быть мир этих холмов и леса.

Только она не позволит одного: править в нем мужчинам.

Если белое пятно и скрывает за собой бетонный забор, то она все равно помнит о нем.

Помнит она и о том, как долго плескалась в вечерней реке, смывая с себя грязь мерзких прикосновений.

Но даже не это главное.

Рука, нажавшая рубильник, была мужской. В этом нет никакого сомнения. Волосатая рука с сильными, когтистыми пальцами. Именно эта рука уничтожила город и населила ее мир призраками, которые заставляют вспомнить то, о чем порой так хочется забыть.

Вот что главное.

Мужчины принесли беду, это они уничтожили тот мир, в котором она давным-давно получила дурацкую sms-ку, о чем тоже никак не может забыть.

— Ты справишься, — сказал ей пожилой на прощание, — ты хотя и самая молодая из нас, но самая целеустремленная, у тебя все получится!

Ей не хотелось, чтобы он уходил, она привыкла к тому, что он всегда рядом и что она всегда может спросить его совета.

— Чего ты хочешь больше всего? — спросил пожилой у нее в ночь перед самым уходом. Они сидели у костра, огонь весело потрескивал, в котелке, прихваченном из разграбленного магазина спортивных товаров, булькал ароматный травяной чай.

— Праздника! — грустно сказала она, провожая взглядом улетающие в небо искры.

— Устрой карнавал! — со смехом сказал пожилой, и она вспомнила тот самый момент, когда униженная и физически измученная сидела совсем у другого костра и внезапно ей показалось, что все это лишь карнавал, наподобие тех, которые временами показывают по телеви-

зору. А то, что он не смешной и не веселый — так это фильм просто такой, обычная фантастика с долей мистики, иногда их еще называют фильмами-катастрофами или фильмами-предупреждениями.

Карнавал они устроили через два года после ухода пожилого. Как раз в тот день, когда к ним пожаловал первый котоголов.

7.

Я слушаю землю. Этому меня научили год назад. Надо лечь, приложить ухо и закрыть глаза.

— Слушайте, — сказала нам тогда Старшая Мать, — и будьте внимательны! Это не просто шаги, шорохи, всхлипы и стоны: земля говорит. Когда вы научитесь понимать ее язык, то сможете заглядывать в будущее — вам понятно?

Тогда я кивнул, хотя ничего не понял. Как это, заглядывать в будущее? Ведь даже утром часто не знаешь, что произойдет вечером. Иногда мы разговариваем об этом. Белка считает, что никакого будущего нет вообще, все это выдумки. Ведь будущее — это когда не знаешь, что случится, а мы и так все знаем, по крайней мере, сама Белка знает, что с ней будет, когда она вырастет.

— Что? — спрашивает ее Димон.

Я молчу, мне это не интересно. Только хочется узнать, возьмут ее в матери света или нет. Хотя чего тут гадать, Белку слишком тянет к мужчинам, Старшая Мать не возьмет ее к себе в ученицы, и даже Монка не возьмет, хотя сама Монка ничего не решает: что ей скажут, то и делает.

Белку тянет к мужчинам, меня тянет к Белке.

Если долго слушать землю, то можно услышать свое будущее.

Мое будущее меня интересует, даже ближайшее. Например, смогу я попасть на карнавал или нет.

Земля холодная, в ней что-то гудит. Наверное, это корни устраиваются на зиму, сворачиваются в клубочки и готовятся уснуть. Через месяц выпадет снег. Ну, может, через два — это было бы слишком хорошо! Я не люблю снег, зимой приходится постоянно сидеть в жилище, а когда выбираешься на улицу, то быстро замерзаешь, не спасают даже сшитые из шкур накидки, ветер забирается внутрь, приносит с собой холод.

У некоторых старших есть странные теплые вещи, в которых не мерзнешь. Они приносят их оттуда же, откуда и ту одежду, которую нам выдают раз в год. Но этих вещей мало, и они достаются тем, кто добывает еду. Мне не положено, сны ведь можно видеть и так, сторожить бочки — тоже.

Кроме корней еще в земле живут странные существа. Старшая Мать называет их хохряками. Вроде бы на них охотятся котоголовы, только я ни разу не видел, чтобы котоголов притаскивал к жилищу какую-нибудь неведомую тварь. Бывает, они ловят птичек, любят рыбу, но кто такие хохряки — этого я не знаю до сих пор.

Старшая рассказывала, что они смахивают на кротов, только не слепые. А еще у них очень большие зубы, по четыре сверху и снизу, острые и загнутые. И длинные когти на лапах, которыми они прорывают в земле ходы. Котоголовы ловят их на закате, когда хохряки выползают из своих нор подышать свежим воздухом.

Старшая любит рассказывать всякие страшные истории. Но про мертвецов я услышал не от нее. Это Монка мне сказала, когда я спросил ее, что происходит с теми из нашего жилища, кто вдруг перестает видеть свет.

— Они умирают, — сказала тогда Монка и добавила: — И становятся мертвецами. Вот мы с тобой сейчас живые, но когда-нибудь тоже перестанем видеть свет костра и пламя, горящее в бочке. И присоединимся к ним.

— А они куда деваются? — спросил я, почему-то дрожа.

— Их зарывают в землю, — сказала Монка, — и со временем они сами становятся землей! Понял?

Вот это я действительно понял. Гораздо лучше байки о том, что, слушая землю, можно узнать свое будущее. Иногда мне кажется, что слышу я совсем другое: как глубоко внутри земли прорастают мертвецы. Хорошо, что сейчас светло, а то бы мне стало страшно. Ведь они не просто прорастают, они становятся корнями, ссохшейся и ломкой осенней травой, пожелтевшими деревьями и серо-черными камнями, которых так много вокруг.

Я вздрагиваю, котоголов презрительно смотрит на меня и потягивается. Он ничего не боится, только вот навряд ли он знает про мертвецов. А если и знает, то не скажет, махнет хвостом и побежит дальше.

По дороге, вдоль реки, пробегали хохряки...

Смешная фраза, только что пришедшая мне в голову. Я перестаю слушать землю, встаю и отправляюсь вслед за котоголовом. Лучше думать про хохряков, чем про мертвецов. Хохряк — мертвяк!

Котоголов внезапно остановился и зашипел. Я чуть не споткнулся о камень и не грохнулся плашмя на землю. Звереныш посмотрел на меня, и мне показалось, что он просит меня притихнуть, затаиться, стать тенью. Я послушно лег на землю, но уже не стал прикладывать к ней ухо, а просто распластался, как ящерица, пытающаяся стать невидимой.

И услышал шаги. Вкрадчивые, осторожные, но не женские. Более уверенные, так ходят наши мужчины-охотники, когда хотят незаметно подкрасться к зверю.

Сейчас наши мужчины должны делать маски.

А других здесь просто не может быть.

Или случилось нечто, о чем я и понятия не имею.

Из норушки, из земли, повывлазят хохряки...

— Здесь! — слышу я уверенный голос.

Я знаю его. Это один из самых умелых мужчин-охотников. У него прозвище Бонза, по имени же его никто не называет, даже Старшая Мать, которая всегда предпочитает называть всех по именам, если, конечно, рядом нет чужих.

Хотя чужих у нас никогда не бывает.

— Почему здесь, Бонза? — Голос молодой, его я тоже знаю. Тоже из мужчин-охотников, прозвище у него смешное — Кирдык, он всегда, когда его о чем-нибудь спрашивают, говорит: — Кирдык пришел! — Вот и прозвали, хотя имя его мне известно — Леонид.

— Потому что сюда никто не ходит! — отвечает Бонза.

Мы с котоголовом еще плотнее вжимаемся в землю.

Лучше им нас не видеть. Не нравится мне, что они здесь! Бонза с Кирдыком должны сейчас вместе со всеми готовиться к карнавалу, а они притащились туда, куда ни им, ни мне ходить нельзя.

И голоса мне их не нравятся. Что-то в них неприятное, будто змеиное. Лучше бы хохряков услышать, и то спокойнее было бы.

— Значит так, — говорит Бонза, — подождем, пока пройдут первые сутки карнавала...

— А она не догадается? — спрашивает Кирдык.

— Не догадается, — так же, по-змеиному, шипит Бонза, — она настолько во всем уверена...

Котоголов вдруг громко чихает.

У них это бывает, вылизывают свою шкурку, вылизывают, нажрут-ся шерсти, а потом вычихивают обратно. Громко и утробно, очень хорошо слышно.

— Эй! — громко говорит Бонза. — Кто здесь? Пошли посмотрим!

Я решаю не дожидаться, пока меня найдут и навесят оплеух, разворачиваюсь и несусь вниз, сквозь заросли ольхи и бересклета. Котоголов бежит рядом со мной. Сверху слышны крики и ругань.

Наконец я оказываюсь в самом низу распадка и останавливаюсь, долго отпыхиваясь.

По распадку, вдоль реки, пробирались хохряки...

Если они нас найдут, то придется плохо. И мне, и котоголову, хо-

тя звереныш убежит, а меня они догонят. Я услышал что-то такое, чего не должен был слышать, иначе они бы не потащились совещаться сюда, в запретное место.

Мне надо возвратиться и рассказать обо всем Старшей Матери, может, она поймет, в чем дело.

И тут я понимаю, что рассказать ничего не смогу, ведь я сам тоже был в запретном месте, и мне придется отвечать на вопрос: зачем я здесь оказался?

Не могу же я сказать, что котоголов повел меня туда, где березовая роща, и для того, чтобы я напластал коры и сделал себе маску.

Для карнавала, на который мне нельзя.

— Нет, — слышу я отдаленный голос Кирдыка, — я не полезу вниз, там все ноги переломашь!

— Зверь какой-нибудь, — это уже Бонза, — может, кабан или косуля, спугнули...

Я подмигиваю котоголову. Значит, я — кабан, а он — косуля. Они нас спугнули, и мы унеслись вскачь. Так быстро, что до сих пор не могу отдышаться.

— А кто чихал? — это опять Кирдык спрашивает.

— Звери тоже чихают! — совсем уже затухающим голосом говорит Бонза, и я догадываюсь, что они уходят.

Мне тоже надо бы отсюда сваливать, но пока нельзя.

Я проверяю, на месте ли нож. Он на месте, висит на поясе.

Березовая роща рядом, ее хорошо видно в лучах дневного солнца.

Где-то там, за ней, хижина королевы карнавала.

Мне безумно хочется пройти сквозь березовую рощу и хотя бы одним глазком, да взглянуть.

Котоголов опять что-то гортанно произносит и смотрит на меня, будто о чем-то спрашивая.

— Идем, — говорю я ему, — ты знаешь, где это?

Мы проходим сквозь рощу, вокруг рослые, статные березы с уже почти опавшими листьями.

Зато под ногами все усыпано желтой листвой.

Она шуршит, на нее приятно наступать, здесь светло и совсем не страшно, совсем не так, как в лесу, что рядом с нашими холмами, где даже днем бывает темно.

— Давай сначала посмотрим? — говорю я котоголову.

Тот что-то муркает в ответ.

Вроде бы спрашивает: когда начнем резать кору и делать маску?

— Потом, — отвечаю я, — если мы уж здесь оказались...

В запретном месте, в неурочный час...

Слова возникают во мне сами, это не может быть котоголов, они ведь не разговаривают.

Но кто-то произносит эти слова, я плохо понимаю, что значит «неурочный», но догадываюсь, что это тот час, когда ты здесь быть не должен.

Хотя я и так уже оказался сегодня в том месте, где услышал то, что предназначалось совсем не для моих ушей.

Хотел услышать будущее и услышал.

Мы выходим из роши, и я останавливаюсь.

Котоголов следует моему примеру. Садится у правой ноги и тоже смотрит.

Мы оба смотрим, перед нами маленькая, аккуратная хижина. Она стоит на берегу небольшого пруда. Рядом с хижинкой бочка, хорошо видно: в ней горит огонь.

Дверь в хижину открыта, но я знаю, что мне туда нельзя.

Туда никому нельзя, кроме Старшей Матери.

Я плохо помню нынешнюю королеву, я лишь догадываюсь, кто она. Но она должна быть красивой. Королевы карнавала всегда самые красивые!

А самая красивая из всех — Монка, это я знаю давно!

Внезапно котоголов исчезает среди кустов бересклета.

Мне ничего не остается, как самому нырнуть в них, затаиться и смотреть в сторону хижины.

Из нее выходит женщина. Она в полотняной накидке королевы карнавала, с распущенными по плечам волосами. Я узнаю ее, я много раз видел ее в жилище. Еще помню слова Белки о том, что всем мужчинам эта женщина предпочитала Бонзу и что вроде бы даже родила от него.

Ведь одна из любимых тем для разговоров у нас: кто бы мог у каждого из нас быть матерью и отцом.

Только говорим мы об этом, когда взрослых нет рядом.

Все мужчины нам как один отец, и все женщины — мать.

Хотя настоящие матери — лишь матери света, их надо слушаться, им надо подчиняться.

Женщина идет к пруду, мы с котоголовом, затаив дыхание, смотрим на нее.

Хотя и осень, но днем все еще тепло. «Желтое лето» — время, когда солнце пригревает, будто до зимы много-много месяцев.

Женщина снимает накидку, под ней ничего нет.

Я чувствую, как у меня вспыхивают щеки, сейчас, наверное, они пылают, будто цветы бересклета.

Ведь я никогда еще не видел так близко взрослой голой женщины.

Женщина входит в пруд и быстро окунается в воду. Потом вскакивает и выбегает обратно на берег. «Желтое лето»: днем солнце пригревает, но ночи холодные, и вода уже остыла.

Зато щеки мои пылают все сильнее и сильнее, мне становится горячо, я обливаюсь потом.

В запретном месте, в неурочный час...

По распадку, вдоль реки, пробирались хохряки...

Я бы хотел сейчас стать хохряком и оказаться в своей норке. Среди готовящихся к зиме корней и прорастающих мертвецов. Мне не хочется думать о том, что произойдет совсем скоро, на карнавале. Но я уже знаю: что-то случится, и жизнь моя изменится.

Котоголов тихо муркает.

Он прав: время идет, а я так и не срезал себе подходящего куска коры для маски.

Женщина уходит в хижину.

Я тихо поворачиваюсь и иду вслед за котоголовом, внимательно осматривая березы. Мне нужно толстое дерево с плотной корой. Кора снимается ровным слоем, аккуратно. Если все делать, как надо, то у тебя в руках оказывается прямоугольный кусок бересты. Из прямоугольного куска надо сделать полукруг. Прорезать в нем два глаза и рот. И лишь потом покрасить. И углем нарисовать там, где предполагается нос, черные усы котоголова. Затем к маске прикрепляется веревочка, и все, ее можно надевать.

«Что-то произойдет!» — думаю я, осторожно делая первый надрез на выбранном дереве.

Котоголов хитро смотрит на меня, кажется, он тихо муркает себе под нос песенку о том, что «по дороге, вдоль реки, пробегали хохряки!».

И вдруг я с тоской понимаю, что все же придется сегодня еще раз лечь на землю и попытаться расслышать голоса своего, уже почти наступившего будущего!

8.

Тимус давно уже не видел таких странных снов.

Ключья тумана цепляются за мрачные, черные сосны.

Трава серая, как и небо.

Кто-то идет ему навстречу, слышатся тихие, вкрадчивые шаги.

Он мягко спрыгивает с ветки и приземляется на все четыре лапы.

Нужно затаиться и посмотреть.

Почему-то ему не нравится тот, кто идет по лесу.

От него пахнет угрозой.

Смачный, агрессивный запах.

Тимусу хочется проснуться, но сон не отпускает.

Он впрыгивает в туман — бежится легко, серая трава даже не принимается под лапами.

Шаги становятся четче. Тот, кто идет, уже ничего не боится.

Вновь надо затаиться, притвориться сухой веткой, камнем, едва различимым в тумане кустом бересклета.

Сон давит на грудь, Тимусу трудно дышать.

Он переворачивается на другой бок, шаги становятся еще слышнее, если сейчас открыть глаза, то можно увидеть, как кто-то проходит по лесу рядом с тобой.

Кто-то без лица.

Серое пятно, плохо различимое в тумане.

Камень опять встает на четыре лапы, сухая ветка распрямляется, невысокий куст бересклета зачем-то скатывается с пригорка.

Кто-то все так же идет сквозь туман, пробираясь между соснами.

Он знает одно: это не мальчик, это взрослый мужчина.

От взрослых иначе пахнет, запах окутывает со всех сторон, тонкие, невидимые нити, через которые нельзя перепрыгнуть.

Можно лишь бежать вдогонку.

Он никогда еще не бегал на четырех лапах, ему начинает нравиться.

Только странно все видеть лишь серым и черным, это не его мир, хотя если проснуться, то цвет вновь вернется, Тимус в этом уверен, но сон продолжается, и ему остается одно: бежать вслед запаху, думая, куда же он приведет.

Он никогда еще не был в этих местах.

Какое-то ущелье, поросшее низкими корявыми сосенками.

Шаги опять становятся тихими и вкрадчивыми.

Наконец затихают.

Человек без лица останавливается, опять пора притвориться сухой корявой веткой.

И вовремя.

Тот, кто идет впереди, вдруг начинает ворочать здоровый камень, что у самого склона ущелья.

Пытается сдвинуть его с места.

Наконец ему это удастся, камень откатывается в сторону. Станный и не очень приятный сон.

Здесь нет тумана, но все такое же серое.

И почему-то луна тоже серая, среди серых звезд на сером небе.

Запах снова становится невидимой нитью, ведущей в черную дыру на склоне.

Надо бежать за ним, мягко переступая четырьмя лапами.

Тот, кто шел впереди, уже скрылся в черной дыре.

Тимусу страшно, но он ничего не может поделывать — ему надо пробраться следом, проскользнуть тихо и незаметно, хорошо, что все это сон, ведь всегда можно проснуться, по крайней мере, так бывало прежде.

В пещере тепло, тот, кто шел впереди, зажег факел и принялся шарить по углам.

Надо где-то притаиться и подсмотреть, что же он ищет.

Одна из лап срывается, он кубарем катится куда-то вниз.

Человек оборачивается, Тимус с ужасом смотрит, как сквозь серую маску проступают глаза, потом нос и рот.

Сон обрывается, Тимус открывает глаза.

Все, как обычно: низкая крыша жилища, в очаге горит огонь.

Он засовывает руку под лежанку, маска для карнавала на месте.

Все спят, Тимус встает и тихо пробирается к выходу.

У двери сидит котоголов, только вот не разберешь какой.

Котоголов вдруг улыбается, Тимусу опять становится не по себе.

Будто эта тварь сидела и поджидала, когда он проснется, а сейчас что-то хочет ему сказать.

Котоголов направляется в ночь, вдруг останавливается и выжидательно смотрит на Тимуса.

И снова уверенно идет в темноту, под высокими яркими звездами.

Тимус следует за ним, даже не пытаясь понять, куда его ведут.

В голове обрывки сна, только вот запах куда-то пропал.

Котоголов сворачивает от жилища в сторону, хорошо виден костер.

Возле него кто-то сидит на корточках.

Тимус начинает догадываться, кто это, и его пробирает дрожь.

— Рассказывай! — говорит ему Старшая Мать, когда он садится рядом.

Котоголов тут же, устроился между ними, положил мордочку на передние лапы и закрыл глаза.

Тимус послушно рассказывает свой сон.

— Запах, — говорит Старшая Мать, — ты можешь вспомнить его?

Тимус пытается, но у него не выходит.

— А ты? — вдруг спрашивает Старшая Мать у котоголова.

Тот открывает глаза и фырчит. Шерсть на загривке топорщится, он оскаливает пасть и показывает зубы.

— Сможешь найти? — спрашивает Старшая Мать.

Котоголов трясет башкой и скрывается в темноте.

— Извини, — говорит Тимусу Старшая Мать, — я была несправедлива к тебе в последние дни.

Тимус ничего не отвечает, он сидит рядом, и его бьет дрожь.

— Замерз! — говорит Старшая Мать и вдруг обнимает его, прижимая к себе.

Тимус не замерз, но он никогда не посмеет сказать Старшей, что ему сейчас страшно.

И рассказать, насколько страшно и отчего.

Хорошо, если в этом виноват только сон.

Сны быстро забываются, и все опять становится на свои места. Ярко светит солнце, голубое небо над головой, привычные лица вокруг.

А не серые пятна, сквозь которые постепенно проступают глаза, нос и рот.

Только вот Тимус догадывается, что дело не в одном сне, пусть даже таком странном.

Что-то происходит, но никто пока не может сказать что.

Из темноты возникает котоголов и ластится к Старшей Матери.

— Ты нашел? — спрашивает та.

Котоголов утвердительно кивает.

Тимус еще ни разу не слышал, чтобы Старшая Мать разговаривала с котоголовами, а те отвечали.

Но этот точно отвечает, Тимус опять начинает дрожать, Старшая Мать еще крепче прижимает его к себе.

— Кто? — продолжает она выспрашивать котоголова.

Зверь пристально смотрит на Старшую, та явно пытается что-то понять.

— Нет, — наконец отвечает она, — этого просто не может быть!

Котоголов молчит, он опять устроился у самого костра и закрыл глаза.

— Повтори! — велит Старшая Мать Тимусу.

Тот не понимает и лишь испуганно смотрит на нее, дрожащий от страха мальчишка неполных четырнадцати лет.

— Сон, — уточняет Старшая, — этот человек из сна...

— У него не было лица, — говорит Тимус, — но потом он обернулся, и из серого пятна возникли глаза...

— Ты узнал его?

— Нет, но мне показалось...

— Кто?

Тимус боится. Если он скажет, то добром это не кончится. Да и потом, он не уверен. Глаза, нос, рот — это еще не все, хотя очень похоже. Только вот... что он там искал?

— Не бойся, — говорит Старшая, — рассказывай!

И Тимус вдруг начинает рассказывать про то, как он вчера пошел за березовой корой, и как наткнулся на Бонзу с Кирдыком, и как те обменивались какими-то странными фразами, которые он совсем не понял...

— В березовую рощу? — спросила Старшая Мать.

Тимус замолк, поняв, что если он сейчас проболтается, то ему недобровать. Он не должен говорить, что видел королеву карнавала, ведь это запрещено, а он и так уже сказал, зачем ходил за березовой корой.

— Маска котоголова? — Старшая Мать вдруг засмеялась.

Тимусу вдруг стало очень тепло, и он подумал, что Старшая Мать совсем не такая уж грозная, как это ему всегда казалось. И что у нее замечательный и очень легкий смех, вот только смеется она редко, но это можно понять — она ведь должна думать обо всех и обо всех заботиться, а это занимает много времени и сил и, должно быть, очень тяжело!

— Ты хочешь на карнавал... — сказала Старшая.

Тимус лишь кивнул, побоявшись, что если он ответит «да», то звуки его голоса каким-то образом разрушат эту мягкую ночную тишину, и тогда Старшая Мать опять станет грозной и жестокой.

— Если ты сможешь найти мне то место, — продолжила Старшая, — то я разрешу тебе испытать твою маску.

— У меня во сне было четыре лапы, — отвечает Тимус, — и я видел все по-другому...

Старшая Мать опять смеется.

— Ты был котоголовом, — говорит она. — Разве ты еще не понял?

— А разве они думают? — переспрашивает Тимус.

— Думают, — отвечает Старшая, — только мы их не понимаем. Зато ты можешь видеть их мысли во сне...

— А ты? — спрашивает Тимус.

— Не всегда, — говорит Старшая, — чаще я их просто чувствую. Я не понимаю, что они хотят мне сказать, но иногда догадываюсь...

— Но ведь ты только что с ним говорила...

— Нет, — отвечает Старшая, — я с ним не говорила, а просто проносила слова, и тебе показалось, что он их понимал. На самом деле мне трудно сказать, что он захотел нам сообщить, может, он просто ходил ловить хохряков...

— Они на самом деле есть? — спрашивает Тимус.

— Есть! — отвечает Старшая.

— А котоголовы, откуда они?

— Пришли, уже давно! — говорит Старшая.

Тимуса ответ не устраивает, ему хочется знать, откуда и, главное, почему они такие.

— Ты слышал про город? — Старшая внимательно смотрит на Тимуса.

«Я его видел!» — хочется ему ответить, но он вовремя проглатывает слова.

— Так вот, — говорит Старшая, — они оттуда, а большего я и сама не знаю!

«Не верю, — думает Тимус, — знаешь, только почему-то не хочешь мне рассказывать!»

— Ну что, — говорит Старшая, — ты найдешь то самое место?

— А когда? — спрашивает Тимус. — Сейчас ведь темно...

— Он пойдет с нами, — отвечает Старшая, — они ведь хорошо видят во тьме!

Котоголов поднимает голову и пристально смотрит на Старшую.

— Я попытаюсь, — говорит Тимус и вдруг добавляет: — Если он поможет!

Старшая встает, ее голос становится жестким и требовательным, она велит торопиться. Неизвестно ведь, сколько идти, а к утру они должны вернуться, чтобы никто ничего не заподозрил.

Котоголов бежит впереди, Тимус идет следом, за ним — Старшая.

Тимусу почему-то кажется, что они с котоголовом опять единое целое, пусть мир вокруг сейчас цветной, а не серый, хотя ночь, все цвета приглушены и плохо различимы.

Котоголов ведет их по тропинке, Тимус вспоминает свой сон.

Опять появляется запах, невидимые нити, пронизывающие воздух.

Вот здесь он впервые услышал шаги.

Вот тут притаился, а на этом месте решил притвориться камнем.

А здесь начинается спуск в ущелье, все действительно как во сне, только бежит он не на четырех лапах.

Старшая Мать запыхалась и просит идти чуть помедленнее.

Котоголов вдруг растворяется в темноте, Тимус останавливается и поджидает Старшую.

— Пришли, — говорит она, — сейчас будет спуск в ущелье, я вспомнила это место!

Котоголов уркает откуда-то снизу.

— Здесь надо осторожней, — говорит Старшая, — можно упасть!

Котоголов опять возле них, ходит кругами, будто что-то ищет.

Во сне скоро должен появиться камень.

И тот, кто шел впереди, тот, с серым пятном вместо лица, откатит его и откроет вход в пещеру.

Камень на месте, Тимус со Старшей с трудом сдвигают его с места.

— У нас нет огня, — говорит Тимус, — мы там ничего не увидим!

Старшая не отвечает и осматривается по сторонам. Наконец выбирает подходящую ветку, достает нож и срезает ее. Затем открывает висящую на поясе баночку и Тимус понимает, что сейчас загорится огонь — в баночке тлеют угольки, свет и тепло всегда должны быть с тобой!

Ветка вспыхивает, Старшая скрывается в черной дыре.

Тимус идет за ней, котоголов уже давно где-то впереди.

Внутри действительно тепло и сухо.

— А если погаснет? — спрашивает Тимус.

Старшая ничего не отвечает и вдруг просит его раскидать кучку из больших камней, наваленных в углу пещеры.

Тот, кто шел впереди, как раз обернулся в этот момент, Тимус пронулся и больше ничего не увидел.

Зато сейчас он видит: под камнями хранится длинный деревянный ящик с крышкой.

— Открой! — велит Старшая.

Тимус открывает.

В ящике какие-то странные штуки, которых он никогда не видел.

Черные и из железа.

И от них пахнет так, как пахло во сне — чем-то устрашающим, агрессивным, злым.

Света становится меньше, ветка скоро погаснет, им пора уходить.

Котоголов опять уже растворился где-то во тьме, Тимус втискивается в лаз, обратно ползти легче.

Он слышит, как позади скребется Старшая.

Вот уже видно, как сквозь ветви, прикрывающие вход в пещеру, голубеет рассветающее небо с поблекшими точками засыпающих звезд.

Свежий воздух дурманит голову, Тимус ложится на холодную землю и смотрит, как мерцают постепенно исчезающие звезды.

Вот и Старшая Мать. Устраивается рядом, они оба в земле, на ее лице копать от сгоревшей ветки.

— Что это было? — спрашивает он.

— Оружие! — говорит она.

— Какое-то странное! — говорит Тимус.

— Оно из другого мира, — говорит Старшая, — я помню такое!

Тимус не отвечает. Он смотрит на звезды, и вдруг ему опять вспоминается сон. Когда тот, что шел впереди, оглянулся, и сквозь серое пятно проступили глаза, а потом нос и рот.

— Я его узнал! — говорит Тимус Старшей Матери.

— Кто? — спрашивает она.

— Бонза! — отвечает Тимус.

Котоголов яростно трясет головой и шипит.

— Пора возвращаться! — говорит Старшая Мать и вдруг мрачно напеваает: — Еще одно лето призраком стало, значит, пришла пора карнавала!

— Зачем там оружие? — спрашивает Тимус.

— Скоро узнаем! — отвечает ему Старшая Мать.

9.

Мир нельзя спасти, его можно только уничтожить. Мальчик плакал, вот сейчас, после этой фразы, здоровенный урод в кожаной куртке нажмет на большую красную кнопку, и тогда прогремит взрыв, взрывище, всем взрываю пример. Он знал это кино наизусть, даже сейчас, столько лет спустя, Бонза мог вспомнить все, от первого титра и до последнего, хотя в тот самый день последнего титра никто не дождался — в зале погас свет.

А начиналось все просто замечательно: он сбежал с последнего урока и сразу отправился к кинотеатру, где его уже ждали Лох и Толстый. Интересно, где они сейчас, сдохли, наверное, хотя, может, и обретаются в городе, все равно там кто-то есть. Лох, Толстый и Боцман — это его тогда так кликали. Бонзой он стал уже здесь, в племени. Бонза — почти что вождь, шеф, босс, начальник, предводитель. Он и должен стать предводителем и станет, пройдет пара дней, ну, может, чуть побольше, он все просчитал, главное, чтобы никто ничего не заподозрил, особенно — Старшая Мать, хитрющая сучка, как он ее ненавидит!

Фильм назывался «Космический Апокалипсис». Второго слова он тогда не знал, да и сейчас может с трудом объяснить, что это значит. Вроде бы когда-то на каком-то острове один старый дед, уже совсем сбрендивший, увидел то ли сон, то ли его достал голос. По голосам тут много мастаков, особенно этот придурак Тимус. Старшая Мать с ним только поэтому и носится: мол, он видит сны, а каждый сон — это голос. То ли свыше, то ли откуда-то еще. Так вот, тот дед слышал этот голос, торчал в своей пещере и диктовал услышанное какому-то пареньку. Всякие страсти-мордасти, хотя в фильме круче было, но в тот день после фильма такое началось...

Но тогда он действительно заплакал, наверное, последний раз в жизни. Потому что как знал — мир уже не спасут, его действительно уничтожат. Когда он смотрел «Космический Апокалипсис» в первый раз, то был настолько заморожен, что лишь потел и пытался понять, что происходит на экране. Потом он уже знал сюжет и совершенно не волновался, когда армада тяжелых космических крейсеров мятежников возникала из нуля-пространства и окружала Землю.

Но урод в кожаной куртке не сможет нажать красную кнопку, ему помешают. В конце концов, во время третьего просмотра он влюбился не на шутку в эту стройную блондинку — как она вдруг возникала позади здоровяка и разряжала ему в спину свой крутой пистолет! Он помнит все, каждый кадр, каждое движение в кадре, только вот в тот день она не пришла...

Экран как-то странно мигнул, потом изображение пропало, все стало черным. Они засвистели, особенно хорошо свистел Лох, залихватски и громко, у Боцмана никогда так не получалось. Экран опять вспыхнул, изображение стало расплывчатым, будто они смотрели сквозь туман. Свист не прекращался, но экран погас окончательно, как погасли и лампочки над дверями, ведущими из зала.

И ему стало страшно.

Скорее всего, не только ему, потому что свист вдруг прекратился, как вообще прекратились все звуки. Казалось, в зале никто не дышал, продолжалось это лишь мгновение, но такого страшного мгновения он больше не переживал в своей жизни. Ни в тот же вечер, когда, добравшись до дома, обнаружил, что родителей нет в темной и пустой квартире, где он просидел до рассвета, так и не уснув, все надеясь, что на площадке послышатся шаги, но никто не пришел, даже соседи куда-то канули! Ни неделю спустя, когда убежал от придурков, пытавшихся отобрать у него куртку, а заодно и убить. Ни месяц спустя, когда, уже уйдя в холмы, терял сознание от голода и живьем жрал кузнечиков, которых ловил тут же, благо они отчего-то не боялись и было их великое множество. Все это было мерзко и противно, но не страшно.

Страшно было лишь тогда, в то мгновение, когда блондинка, которую он так страстно и безумно, со всей пылкостью подростка, любил и хотел с самого первого свидания, с того момента, когда впервые попал на «Космический Апокалипсис», вдруг не успела спасти мир, и жизнь его полностью изменилась.

Временами Бонзе снилось, что на самом деле она успела, хотя он прекрасно знал, что это не правда. Да и вообще, пора бы забыть — вот только как? В тот день он вошел в кинотеатр мальчиком, нормальным

подростком, а вышел волчонком, из которого вырос хитрый и жестокий волк.

Который должен победить.

Это будет его стая.

Волчицам не место во главе племени!

Волчицы должны подчиняться и рожать волчат, вылизывать их и ждать, когда волки придут с охоты. Но волки сами выбирают, где охотиться и как. Как выбирают себе и волчиц. Не Старшая Мать должна указывать ему, с кем спать и сколько раз в месяц ему это позволено, а он сам должен решать, кто принадлежит ему сегодня.

Больше всего он хочет Монку.

И он ее получит. Как только добьется того, что Старшая Мать перестанет быть Старшей. Скорее всего, ее придется просто убить. Она слишком умна и хитра, она знает какие-то особые слова, которые действуют на всех. И потом — она знает тайну карнавала. Сколько ни пытался он выпросить у нее, каким образом она умудряется находить эти слова и как определяет время, когда приходит пора надеть маски, ответа так ни разу и не услышал. Даже тогда, когда они были любовниками. Все мужчины племени хотя бы раз были любовниками Старшей Матери, а его она выбирала чаще других. Ведь у нее тоже было тело, и это тело требовало своего. Но он не чувствовал благодарности, он ненавидел ее. «Пойдем, — говорила она, проходя вечером мимо костра, где он сидел и смотрел на пламя, — сегодня твоя очередь». Бонза вставал, остальные мужчины с завистью смотрели на него. Спать со Старшей Матерью — это, как приобщение к чему-то божественному. А за ними шли котоголовы.

Он долго пытался понять, отчего их назвали именно так. А потом до него дошло: когда они лежат, вытянув свои тельца, сложив лапки и поджав хвостики, то похожи на младенцев, только вот с кошачьими головами. Временами же что-то менялось, и головы эти становились человеческими, а тела наоборот — кошачьими, мерзкие твари, не умеющие мяукать! Бонза обнимал Старшую Мать, она царапала ему спину до крови, а котоголовы сидели вокруг и смотрели, как они занимаются любовью, хотя это была не любовь. Старшая Мать позвала, и он пошел. Молитва, ритуал, что угодно, но не любовь.

Только вот уже больше года Старшая Мать не выбирала его на ночь. И никто не выбирал его. Будто его проклинали, будто решили просто отбросить в сторону, как что-то совершенно ненужное и лишнее для племени. Но раз этот мир нельзя спасти, то его нужно уничтожить. Можно и нужно. Убить.

Еще в начале лета этот придурок Кирдык сказал ему, что в каменоломне за холмами, как раз возле старой, заброшенной дороги в город, он нашел какие-то ящики. Они были укрыты досками, уже прогнившими от дождя и снега. Но сами ящики оставались крепкими, и Кирдыку жутко хотелось узнать, что в них. Только он боялся, он всего и всегда боялся, никто из матерей его даже ни разу не выбирал на ночь: от него пахло таким страхом, что становилось противно.

— Бонза, — сказал в тот день Кирдык, — я что-то нашел!

Он был горд и светился, и даже пахло от него не так мерзко.

Бонза выругался и посмотрел в сторону жилища. Старшая Мать с Монкой что-то громко обсуждали, а потом Монка как-то странно свистнула, и появились котоголовы.

Котоголовов тоже предстоит убить. Переловить и размозжить их дурацкие черепушки о камни. А потом побросать в реку, на корм рыбам. Хотя жрут ли рыбины котоголовов? Бонза не знал этого, но ему понравилась сама идея. И потом — их любит Монка, а его она ненавидит. Она еще не знает, что ее ждет. Как только Старшая Мать уйдет на небо и одни боги сменятся другими, Монка станет его женой. Не она будет выбирать, а он, вначале сам насладится ею, потом отдаст Кирдыку, вот смеху-то будет.

— Ты слышишь, — гордо повторил Кирдык, — я там какие-то ящики нашел!

Бонза лениво сплюнул, встал и потянулся. День еще начинается, они должны успеть. Лишь бы только за ними никто не увязался.

— Куда идти-то? — так же лениво спросил Бонза.

Кирдык ответил, Бонза прикинул, что до старой дороги им добираться где-то час. Но можно и быстрее, если напрямую, по холмам.

— Ты сам-то смотрел? — спросил Бонза.

— Нет, я испугался! — честно ответил Кирдык.

До каменоломни они добирались почти час, Кирдык взмок, от него опять воняло.

— Я устал, — ныл он. — Ты можешь потише?

Бонза даже не обернулся. Он шагал быстро, трава пружинила под ногами, солнце подползло к зениту и уже собиралось его перемахнуть. Один холм, второй, третий. Еще один, уже четвертый, можно, конечно, сесть на вершине и передохнуть, но лучше идти, пока солнце не начало жарить.

Они спустились с последнего холма, Кирдык тяжело дышал, воняло от него совсем омерзительно.

— Пить хочу! — канючил он.

Бонза презрительно посмотрел на приятеля, снял с пояса фляжку с водой и молча протянул. Тот присосался к горлышку и забулькал.

— Но-но! — сказал Бонза. — Не увлекайся!

Кирдык вернул фляжку, Бонза вытер горлышко ладонью и сделал пару глотков. Прополоскал рот и сплюнул. Этот дурак не понимает, что в жару лучше много не пить: чем больше пьешь, тем больше потеешь, чем больше потеешь, тем больше воняешь — а вони и так предостаточно!

— Ну и где? — спросил Бонза.

Кирдык начал спускаться в каменоломню. Бонза бывал здесь, но давно. Тут водились змеи, а змей он не любил, хотя в такую жару они точно сидят под камнями. Он и перестал сюда ходить после того, как напоролся на здоровенную гадюку, выползшую погреться на камень, только было это не летом, а весной: змея тогда зашипела и внезапно поползла в его сторону, пришлось забросать ее камнями, хорошо, что первый же попал в голову.

— Вот, — сказал Кирдык, — подводя его к куче досок у самого выхода из каменоломни, рядом с тем самым местом, где и начиналась старая дорога.

— Доски, — сказал Бонза, — просто доски!

Кирдык отшвырнул парочку, и в проеме показался ящик.

— Мало, расчисти место! — приказал Бонза.

Кирдык послушно начал отбрасывать доски, появился еще один ящик, затем еще один...

— Отойди!

Кирдык послушно отошел и сел на камни, тяжело дыша, как рыба, которую выкинули из воды.

Бонза снял с пояса нож и подошел к первому ящику. Тот был не из дерева, а из металла, крышка плотно закрыта, сбоку — замок.

Он попытался поддеть крышку ножом, но ничего не вышло.

Равно как ничего не вышло из попытки открыть ножом замок.

Солнце припекало все сильнее, скоро надо будет возвращаться.

Бонза огляделся в поисках подходящего камня.

Все слишком большие, такие одному не поднять.

Вот бы размером с футбольный мяч найти...

Отчего-то он вдруг вспомнил, как мальчишкой играл в футбол. В том мире, которого давно уже нет. Они собирались вечером и пинали мяч до поздней ночи, пока родители не загоняли их домой. На воротах обычно стоял Толстяк, Лох был в нападении, сам он — в полузащите...

Камень размером с футбольный мяч все-таки отыскался. Бонза

взял его двумя руками, тот оказался таким горячим, что пришлось сразу же положить его обратно.

— Горячий? — тупо поинтересовался Кирдык. — А ты водой его полей!

— Умник! — огрызнулся Бонза и снова поднял камень с земли.

Отчего-то на этот раз он был уже не таким горячим. Бонза поднес его к ящику, примерился и стукнул несколько раз по замку.

Наконец замок с каким-то непотребным звуком чавкнул и отвалился, Бонза отбросил камень и откинул крышку.

Посмотрел внутрь и сразу же закрыл.

— Эй, — сказал Кирдык, — я тоже хочу.

— Маленький еще! — проговорил Бонза. — Тебе туда лучше не смотреть!

— Это еще почему? — обиделся Кирдык.

— Умрешь со страха! — хохотнул Бонза.

Кирдык внезапно задышал еще сильнее, было видно, как лицо его покрылось крупными каплями пота.

— Это ведь я нашел! — наконец выдавил он.

— Нашел, нашел! — проговорил Бонза, а потом добавил: — Ну а теперь забудь, придет время — покажу!

— Обманешь! — чуть не плача сказал Кирдык.

— Успокойся, — ответил Бонза, — там ничего интересного...

— Все равно покажи! — ныл Кирдык.

Проще всего было набить ему морду, но тогда Кирдык мог обидеться и донести на него Старшей Матери. С него станет, наложит в штаны от страха и наступит. Так что придется показать, хотя что он там увидит...

— Смотри! — Бонза откинул крышку.

Кирдык уставился в ящик, там, завернутые в промасленную бумагу, лежали какие-то длинные штуковины.

— Что это? — спросил Кирдык.

— Штуки разные, — лениво ответил Бонза, — инструменты. Тут ведь каменоломня, приходили рабочие, что-то копали, ну а это — насадки для копания...

— Камни не копают! — сказал Кирдык.

— Значит, для взрывания... Есть это нельзя...

— Значит, зря нашел? — обиженно спросил Кирдык.

— Кто знает, — так же лениво ответил Бонза, — пусть лежат, может, пригодятся...

— Обратно хочю! — заныл Кирдык и добавил: — Жарко, дай еще попить!

Бонза закрыл ящик, положил на место доски и лишь потом протянул Кирдыку фляжку.

Тот опять начал булькать, но Бонза уже не считал глотки, а думал, как ему одному перетащить все это из каменоломни.

Ящик, полный автоматов. В другом, скорее всего, патроны. В третьем, наверное, что-то подобное. Пулеметы, пистолеты, мины, гранаты. Три ящика, которые изменят судьбу мира, ведь если его нельзя спасти, то можно уничтожить, теперь у него есть чем.

К жилищу они вернулись уже под вечер. Кирдык сразу завалился спать, а Бонза пошел на реку и долго плавал в заводи, потом растянулся на берегу и начал думать, где бы все это припрятать.

И вспомнил про пещеру.

Там точно никто не найдет.

Про нее никто не знает, он случайно наткнулся на лаз, когда бродил по холмам в самом начале лета.

Забрел в лес и наткнулся.

Когда он снова пойдет в каменоломню, то Кирдыка с собой не возьмет.

А ходить ему придется много раз, за один день все три ящика не перетащить.

Месяц, два...

Перетасил он все лишь к концу лета, теперь оставалось одно: ждать.

И, кажется, он дождался.

Как только наступит карнавал. В первую же ночь. Если никто не помешает. Внезапно он чувствует, как кто-то подходит сзади и останавливается у него за спиной. Он знает эти шаги и знает, что сейчас последует. Мягкая ладонь коснется его плеча, и ему не останется ничего, как встать и пойти. Его опять выбрали, недаром ему иногда все еще кажется, что если бы Лох свистнул тогда сильнее, то и в тот, последний, раз они досмотрели бы кино до самого конца.

10.

Неправильность мироздания — вот что смущало ее с того самого дня, как все изменилось.

Именно смущало — самое, пожалуй, точное определение.

Разница между тем, что было когда-то, и новой реальностью, окружающей ее уже столько лет, заключалась лишь в одном несущественном слове.

Счастье.

Смешном, кособоком, забытом на вкус, как шоколадные конфеты.

Если оно и не было синонимом света, то существовало где-то рядом, как всегда рядом витали воспоминания. Они оживали ночами, и не было никакой возможности их убить.

И новую жизнь Старшая Мать старалась выстроить так, чтобы уничтожить любые намеки на то, что когда-то существовала иная жизнь, в которой с детства каждый был уверен в одном: уж он-то точно вырастет счастливым и все у него сложится хорошо.

Никто из детей не знал слова «счастье», даже младшие матери не понимали, что оно означает.

Запретный ряд слов: «счастье», «любовь», «мечта»...

Старшая закрыла глаза. Сон не шел, хотя Бонза честно выполнил свое сегодняшнее предназначение — тело до сих пор сладко ныло и было удовлетворенным, чего она не позволяла себе уже очень давно, несколько месяцев, да и этой ночью ничего бы не произошло, если бы не необходимость.

Понять, что происходит.

Учуять запах, ощутить новый вкус.

У событий всегда есть запах и вкус. То, что произошло, пахнет совсем не так, как то, что лишь должно произойти, вкус прошлого и будущего всегда разный. Новый запах Бонзы был угрожающим, от него пахло железом, а еще чем-то кисловато-горьким, да и вкус изменился — раньше, когда Старшая пробовала губами его кожу, та была довольно приятной, разве что мыться ему стоило почаще. А сегодня это была кожа дикого зверя. Каждая клеточка налилась ненавистью — пальцы Старшей хорошо ощущали это. Что-то действительно происходит, но вот что?

Она лишь чувствовала и никак не могла увидеть.

Кто-то лег рядом. Маленькое, покрытое короткой шерстью тельце. Голове стало тепло, котоголовы всегда ложатся вот так, почти на лицо. И внутри у них мгновенно начинает работать какой-то невидимый моторчик. Старшей внезапно стало почти хорошо, она снова расслабилась.

«Он хочет тебя убить...»

Слова были написаны прямо на ночном небе, красиво выведены каллиграфической вязью между россыпью звезд.

Она не видела неба сквозь крышу жилища, но знала: слова действительно там, четыре слова в самом центре ковша Большой Медведицы.

Он...

Хочет...

Тебя...

Убить...

Котоголов продолжал урчать, но тело ее опять напряглось, внизу живота заныло, спазм продолжался недолго, однако был таким сильным, что ей пришлось стиснуть зубы.

Она искала ответ, но найти его никак не могла.

Все время ходила где-то рядом.

Наверное, ей надо было спросить его напрямую, когда мужчина лежит на женщине, то женщина всегда может надеяться на то, что ей ответят честно. Собственно, это и помогало ей столько лет знать все, что происходит в племени. Они лежали на ней, они соприкасались с той частицей божественного, что она несла в себе. И отвечали на все вопросы, которые она задавала шепотом. Такой же ритуал, как и карнавал, вопрос — ответ; еще одно лето призраком стало, вот и пришла пора карнавала — эти слова не написаны на небе, просто заклинание, магическая формула, совсем другое, когда невнятный голос произносит: «Он хочет тебя убить...»

Хотелось бы знать за что.

Она открыла глаза, в жилище было темно, все спали.

Бонзе давно пора на мужскую половину.

Интересно, понял ли он, отчего она сегодня опять выбрала его, да и почему вообще решила сделать это перед карнавалом.

Котоголов недовольно дернулся и заворчал. Потом встал, потянулся и ушел в глубь жилища.

Сон не шел, вокруг опять мельтешили призраки.

Серые, бесплотные тени с неразличимыми лицами.

Иногда она пыталась вспомнить лица тех, на пустыре, но они тоже давно уже стали неразличимы, просто сгустки чего-то темного, лишённые не только ртов, но и глаз.

Счастье не есть синоним света, но они всегда рядом...

Свет — это тепло, это отсутствие тьмы...

Счастье — это тоже тепло и тоже отсутствие тьмы...

Опять спазм — может, она зря сегодня позвала Бонзу?

Он опять заставил ее почувствовать себя женщиной, и теперь у нее внутри все болит, как болит и душа.

Один из призраков присел на корточки рядом с ней и начал что-то говорить, слов не было слышно, хотя она разбирала каждый звук, он возникал внутри ее головы почти бесшумно, потом становился громче, еще громче, пока не затухал, а на его месте возникал новый.

Первое слово было «тебе»...

— Тебе! — сказал призрак.

Старшая села на лежанке, она не успела одеться, но призраку бы-

ло все равно, он продолжал сидеть рядом какой-то мешковатой серой массой, и слова все так же возникали у нее в голове — отдельными звуками, собирающимися внезапно в длинную и осмысленную печочку.

— Бежать! — последовало второе слово.

Между ними чувствовался пробел, но Старшая Мать могла заполнить его сама.

«Тебе надо бежать!»

Бежать...

Ей стало смешно, серая тень исчезла, но слова продолжали роиться вокруг нее, они вырвались из головы и теперь жужжали вокруг, словно пчелиный рой.

Она никогда не думала о том, что подобное может произойти.

Что кто-то захочет ее убить. Достанет оружие и спрячет его в пещере. Ведь этот мир устроен совсем по-другому. В том мире — да, там все пытались прорваться вперед, наверное, поэтому тому миру и пришел конец. Временами она вдруг начинала думать о том, почему все это произошло тогда, много лет назад. Ответ напрашивался сразу же: тот мир был слишком несовершенен и потому обречен на гибель. Его следовало выключить одним щелчком, как гасят свет. Вот его и погасили. Кто-то нажал кнопку, и все исчезло. Хотя в том мире они на что-то надеялись, и там существовало слово «счастье». Химера, что-то эфемерное, лишненное всякого смысла, как и почти все в том мире. Совсем иное дело — здесь и сейчас. Смысл в том, чтобы выжить. Она поняла это еще тогда, на пустыре: жить и выжить, подчинить все иным правилам, ясным и понятным, как течение времени. В сутках двадцать четыре часа, в неделе семь дней, семь умножить на двадцать четыре равно сто шестьдесят восемь — но это в часах, а если в минутах? Она улыбнулась: надо просто умножить сто шестьдесят восемь на шестьдесят, это будет всего десять тысяч восемьдесят минут, хотя можно пересчитать и на секунды. Для этого надо умножить еще на шестьдесят, что составит шестьсот четыре тысячи восемьсот секунд, ей до сих пор никакого труда не составляет считать в уме, но тогда объясните — почему ей надо бежать?

Этот мир сделала она сама, определила его правила и стала Старшей Матерью. Когда она уйдет, то Старшей станет другая, все предопределено, ведь в неделе шестьсот четыре тысячи восемьсот секунд, и не все ли равно, кто станет Старшей после нее. Мужчины должны ходить на охоту и слушаться матерей; дети, которых женщины рожают от этих мужчин, принадлежат всем; карнавал бывает раз в год; после

осени всегда зима; если мужчины не ходят на охоту, то они ловят рыбу, а если они не ловят рыбу, то чинят жилище. А матери знают, где свет, и знают, как сделать так, чтобы огонь в бочках не гас.

Однако сейчас ей надо бежать...

Самое интересное то, что она сама поняла это, еще до того, как серая тень, возникшая рядом с лежанкой, странным образом заставила ее услышать звуки и перевести их в слова, засиявшие на ночном звездном небе.

Беги, говорил ей Бонза всем телом, когда она чувствовала на себе его тяжесть, воспринимала чужой запах, ощущала иной вкус. Да, она получила, что хотела — он раскрылся, мужчина всегда раскрывается, когда лежит на женщине. Как бы он ни пытался ее обмануть, у него это все равно не получится. Беги, говорил ей Бонза, беги как можно скорее, я уже не могу отступить от задуманного.

Вот только что он под этим подразумевал?

Ей нужен совет, ей опять нужен совет, только боги знают, как часто ей хотелось посоветоваться с кем-то за эти годы, но всегда было не с кем, правда, пока не пришли котоголовы.

И не родился Тимус.

Точнее, пока она не родила его.

Если бы он родился девочкой, то стал бы Старшей Матерью после того, как она уйдет в направлении холмов навсегда. Но он родился мальчиком, она не должна об этом помнить, потому что ни одна из рожавших женщин не должна помнить, кого родила. Это табу, самый страшный грех. Все дети общие, только так они смогут выжить, ведь тот мир и погиб лишь оттого, что все жили сами по себе.

И никто никому не оказывает предпочтения.

Она даже помнила мужчину, который стал его отцом. Он тоже давно уже стал призраком, как и те ублюдки с пустыря. Как и все ублюдки. Она не любит мужчин, может, если бы мир не изменился, то она бы относилась к ним иначе, но сейчас она знает: их удел — поддерживать жизнь племени, и все. Охотиться и оплодотворять.

А сейчас один из них решил все изменить.

«Ты ведь хочешь все изменить, Бонза?» — он лежал на ней, а она смотрела ему в лицо и задавала вопросы.

«Да!» — отвечал он.

Ни одного слова не слышно, лишь тяжелое прерывистое дыхание мужчины и женщины. Слова не нужны, она и так слышит все, что нужно.

«Зачем?»

«Это унижительно!» — говорит он ей и закрывает глаза.

Это она должна лежать с закрытыми глазами, только первым не выдерживает он — что же, она еще не утратила своей власти!

«Что тут унизительного?»

«Я мужчина! — говорит Бонза. — Я хожу на охоту, я приношу еду! И я не должен подчиняться!»

«Ты знаешь, откуда берется свет?» — спрашивает она его.

Он не отвечает, его тело становится еще тяжелее, но ей приятно, она давно не чувствовала на себе мужской тяжести, это то, что они действительно временами умеют — доставлять удовольствие.

«Молчишь? Но как ты тогда будешь править?»

Он опять не отвечает, никто из мужчин не знает, откуда берется свет и как сделать так, чтобы в бочках всегда горело пламя.

«Ты мне скажешь!» — говорит он и открывает глаза.

Она смеется, ни одному мужчине она никогда не скажет, откуда берется свет. Даже Тимусу, хотя он пока и не мужчина.

«Иди!» — говорит она, приняв в себя его семя. Бонза смотрит на нее с ненавистью, она опять использовала его, но ему все равно не узнать как.

«Я не хочу бежать!» — думает она, поплотнее закутываясь в накидку. В жилище все спят. И люди, и котоголовы. Послезавтра карнавал. Уже послезавтра. После чего наступит зима, не сразу, пройдет еще несколько недель, и лишь тогда выпадет первый снег. Затем река покроется льдом, они будут почти все время проводить в жилище, к холодам пищи станет меньше, но зато придет пора ставить ловушки. Да и после карнавала останется время для охоты, на карнавале мужчины отдохнут, к лету в племени опять появятся младенцы.

Она сама забеременела на первом карнавале, надо бы вспомнить, что стало с отцом Тимуса.

Кажется, он утонул. Она даже не помнит его лица. Зачем помнить их лица, зачем их вообще помнить? Она родила Тимуса, но и об этом должна бы забыть. Этот мир лишен памяти, иначе им не выжить, надо просто считать: дни, минуты, секунды. В одной неделе шестьсот четыре тысячи восемьсот секунд, ей надо что-то решать, она боится.

Бонза не отступит от своего, если бы она сама могла убить его, то все было бы намного проще.

Но это тоже табу.

С самого начала — никакой человеческой крови.

Мир держится на правилах, а еще на том, что они неизменны.

Об этом знают все члены племени — и женщины, и мужчины.

Даже дети знают об этом.

Человеческая жизнь неприкосновенна, ведь нас слишком мало и каждый должен помогать другому.

И самое страшное в том, что этот мир тоже начал рушиться, как и тот, исчезнувший много лет назад.

Ей придется уйти, она смотрит на звезды, среди них все так же можно разглядеть фразу «Он хочет тебя убить»...

Ей надо с кем-то посоветоваться, но не с кем. Как всегда, не с кем.

Разве что опять позвать Тимуса и попросить пересказать сон.

Это будет странно, если она подойдет и разбудит его — хотя кто и что ей тут скажет? Старшей из матерей света, первой и самой главной Матери.

— Тимус! — негромко произносит она, проходя на ту половину жилища, где спят дети.

Тимус спит, беспокойно ворочается, рядом приподнимает голову когоголов.

Будто охраняет от странных ночных напастей. Эти зверюшки любят Тимуса, они почти всех здесь любят, даже ее.

Остальные ее боятся.

Бонза тоже ее боится, сегодня ночью она поняла это.

Ненавидит и боится, а значит, готов причинить зло.

В том мире было очень много зла. В этом мире его нет. Отсутствие еды не есть зло, как и отсутствие одежды. И еду, и одежду можно найти. Зло в людях, ей всегда хотелось сделать так, чтобы в ее племени этого не было.

И ей это удавалось, многие годы, до прошедшего дня и сегодняшней ночи.

— Тимус! — снова негромко зовет она.

Он просыпается, молча смотрит на нее.

— Вставай, Тимус, ты мне нужен!

Поворачивается и идет к своей лежанке. Тимус, не до конца проснувшись, тащится за ней, глупо, конечно, было будить его, но ей надо с кем-то поговорить.

Ей надо решать, что делать, хотя его она об этом точно не спросит.

— Рассказывай! — говорит она.

Тимус смотрит на нее и мотает головой, он никак не может проснуться и не понимает, что Старшая от него хочет.

— Ты видел сон? — спрашивает она.

Тимус кивает головой — да, он видел сон, он всегда видит сны.

— Вот и рассказывай! — приказывает Старшая.

— Не могу, — отвечает он, — я не помню.

Он действительно не помнит, сон был таким странным, еще страннее, чем обычно.

Хотя нет, вот всплывает лицо, тот самый мужчина, который несколько дней назад помог ему найти дорогу к жилищу, когда Тимус заблудился в холмах.

Мужчина с серьгой в ухе и с большой собакой, которая бежала рядом и тяжело дышала, высунув язык.

— Лицо видел! — говорит Тимус. — Это был мужчина.

— Он что-то сказал? — спрашивает Старшая.

Тимус пытается вспомнить.

Вроде бы во сне мужчина ничего не говорил, хотя нет... Они бежали по узкой тропинке, Старшая Мать и Тимус, это он точно помнит. И даже знает, что они убегали. А потом вдруг на тропинку выскочил тот самый пес, и возникло лицо этого мужчины.

— Сюда, — сказал он, — здесь вас не найдут!

После чего Тимус проснулся.

— Ну, так что он сказал? — допытывалась Старшая.

— Он сказал «сюда!»... — послушно проговорил Тимус. А потом помолчал и добавил: — Да, так он и сказал: «Сюда, здесь вас не найдут!».

— Ты его знаешь? — спросила Старшая.

— Я знаю, как его зовут, — сказал Тимус, — и знаю, где его можно найти!

— Как?

— Хныщ! — ответил Тимус.

— Ты проводишь меня к нему?

— Прямо сейчас? — удивился мальчик.

— Нет, — сказала Старшая, — еще надо подождать! Иди спать!

Ей и самой внезапно захотелось спать, тело все еще болело, хотя спазмы внизу живота прекратились.

«Тебе надо бежать!» — подумала она, вспомнив слова, возникшие у нее в голове и внезапно собравшиеся отдельными звуками в длинную и осмысленную цепочку, и, не раздеваясь, легла.

До карнавала остались сутки, следует выспаться. Потом просто не останется времени.

11.

Хныщ смотрел на закат. Красные всполохи бились в черные zenки окон. В такие вечера должны прилетать пришельцы. Наверное, они и прилетали, но только в той, другой жизни.

Подошел Волк и положил морду на колени. Хныщ погладил собаку по голове, почесал за ушами. Волк довольно осклабился и высунул

язык, мокрый и розовый. В пещеру еще было рано, спать не хотелось.

Если бы пришельцы тогда успели, то ничего бы не произошло. И пусть бы даже они захватили мир, его, Хныща, мир, но он все равно продолжал бы существовать. Он мог бы сейчас включить телевизор и смотреть новости. Как всегда, дерьмовые, потому что хороших новостей не бывает. Разве что очередная сплетня про очередную кинозвезду, которая то ли увеличила свой бюст, то ли отчего-то решила его уменьшить. А заодно и снялась в новом фильме.

Последний новый фильм был снят двадцать лет назад. А они так и не прилетели. Хорошо смотреть на закат, сидя на пне у входа в пещеру. Закат полощется над рекой, отражается в ней и потихоньку гаснет, словно костер под утро. Но еще светло, так светло, что можно читать.

У него есть несколько книг. Нашел в городе. Он не любит книг, они слишком напоминают о времени, когда все было другим. И слишком бережат память. Музыка можно представлять, фильмы вспоминать. Книги — совсем другое, в них не просто герои, которых никогда не было, это еще можно пережить. В них мир, который существовал, города, про которые давно ничего не известно, и улицы, по которым навряд ли кто-то еще ходит. В каких-то из них Хныщу довелось побывать, сейчас он бы не смог читать про них. Как и про пришельцев.

И про катастрофы. Сколько в свое время он прочитал всякого дерьма про то, как мир гибнет? От бомбы, от эпидемии, от попадания астероида или от изменения климата. Но всегда выживала кучка людей, и все начиналось сначала: они пытались выстоять, им это удавалось и они опять начинали строить тот мир, который исчез. И им это тоже удавалось, причем отчего-то получалось лучше, чем было до того как...

Как что?

Волк вроде пытается что-то сказать, трясет башкой да еще будто улыбается. Скорее всего, ему хочется пройтись. Пробежаться, размять лапы. Пока еще не стало темно — собаки не любят темноты, это не кошки. Спуститься к озеру, нырнуть в закат.

Хныщ встает, Волк радостно виляет хвостом.

— Пошли! — зовет Хныщ.

До воды спускаться недолго, закат совсем рядом, будтоходишь в увеличительное стекло.

Эти идиоты, которые писали те книги, понятия не имели, как все произойдет на самом деле. Да, многие выжили, но толку от этого никакого нет. Даже то, что выжил он — какой в этом толк? У него есть пещера, у него есть Волк. У него есть лук, а еще саксофон, на котором он не умеет играть. И он просто живет. Доживает. Они все дожи-

вают, даже эти, из племени неподалеку. И те, кто в городе. Давно он не встречался с ними, может, там вообще уже никого нет? Потрескавшийся асфальт, разрушенные здания, пустые глазницы окон. Зенки. Когда ты один, то пытаешься вспомнить как можно больше слов. Чтобы все еще чувствовать себя человеком, наверное, именно для этого он и принес из города несколько книг: чтобы вспоминать слова...

Волк садится на берегу и смотрит в воду. Понятно, ему хочется порыбачить. Дождаться, когда на мелководье зайдет большая рыба, и заграбастать ее лапами. Или сразу же схватить пастью. А потом подойти, виляя хвостом, и положить к ногам хозяина.

Его, Хныща, ногам.

— Ешь, — должен сказать он Волку, — твоя добычка!

Волк плюхается в воду, но рыба уходит.

— Молодец, — говорит Хныщ, — рыбку пожалел!

Волк рычит, выскакивает на берег и отряхивается.

Закат гаснет. Постепенно все вокруг сереет, а потом проступает чернота.

— Пошли обратно, — говорит Хныщ, — лучше еще у дома посидим.

Пещера — дом. Давно уже, много лет. Третий дом в его жизни. Вначале он жил с родителями, потом — в собственной квартире. Теперь у него вот такой уютный дом. В пригороде. Со всеми удобствами. Особенно зимой. С туалетом на улице и душем из проруби. Хотя он привык к запаху, как и ко многому другому.

Волк обиженно устраивается у костра. Рыбка сделала хвостом, рыбака. Рыба, рыбаина. Может, и форель. Как это написано в той странной книге?

«Возьмем, например, форель. Существует только один сорт рыбы — живая форель. И есть только один способ ее приготовления — рыбу отваривают с долькой лимона и подают со сливочным маслом. Увы! Форель стала редчайшим продуктом, и, пытаясь соответствовать упорным требованиям некоторых клиентов, мы вынуждены сами выращивать форель, и тогда мы готовим ее так: «одеваем» рыбу в бил и подаем с тонко нарезанными шампиньонами. Жареный миндаль и кусочек сливочного масла не помешают такой «форели в рубашке»*.

Хныщ откладывает книгу и смотрит на остатки заката, уже почти полностью сожранного тьмой. Не только забытые слова, но и забытые понятия. Хотя когда-то он хорошо знал, что такое лимон. И сливочное мас-

* Рецепты из книги Клода Террайля «Моя Серебряная Башня». (Прим. авт.)

ло. Уже много лет он готовит на жире, у него есть в пещере погреб, в нем он и хранит свои запасы. Ненавидит вытапливать жир, все вокруг воняет, Волк сходит с ума, скоро опять придется брать лук и идти искать свиной, зима ведь не за горами. А вот клиенты... Он смутно вспоминает, кто это. Когда он работал, то у него тоже были такие. И сам он тоже бывал клиентом, но слово это сейчас ничего не значит. Лимон — да, ведь где-то еще есть лимоны, там, где почти всегда тепло и где есть море.

Слово, на которое он для себя давно наложил запрет. До ближайшего моря ему не добраться. Он просто сдохнет по дороге. Умрет и Волк, и кости их будут белеть в каком-нибудь овраге.

Масло, лимон... Клиенты... Смешная книга. У них с Волком сегодня на обед была куропатка. Одна на двоих. Хотя Волк еще подкормился бурундуками и даже принес одного Хныщу, но у этих полосатых зверьков какой-то тошнотворный привкус. Куропатку же он поймал сам, наловчился ставить силки.

«Зажарьте молодую куропатку. Это легко. Но, пожалуйста, сделайте это, как полагается — мясо должно оставаться розовым. Тут требуется чувство меры и немного заботы. Снимите с костей филе и окорочка. Остатки подрумяньте в масле с луком шалот, тмином и лавровым листом. Полейте сухим белым вином.

Упарьте, добавив бульона из дичи и размятой гусиной печени. Соус пропустите сквозь сито.

А немного сливочного масла пойдет соусу на пользу. Выложите каждую половинку куропатки на крутон, посыпьте молотыми сухарями. А потом сбрызните старым ромом. Соусом поливайте, не стесняясь. Ведь вы уже проверили, достаточно ли в нем приправы. В середину блюда положите несколько кусочков фуа-гра, завернутых в рубленые трюфеля».

А он просто сварил похлебку. Ободрал птицу, выпотрошил, порубил на куски и бросил в котелок. Туда же бросил несколько картофелин и зелени. Картофеля выросло немного, но до весны хватит. Если он доживет до весны. Поэтому так и ценны дни, вроде того, что подходит к концу — тихие, с рассеянным светом и божественным закатом. Когда нет ветра и кажется, что все хорошо. Смешная книга — если судить по ней, то им с Волком просто нельзя было готовить куропатку, они ее испортили, хотя Волк сгрыз все кости, сожрав перед этим кожу и требуху. Только вот что такое крутон? В книге нет сноски, а посмотреть ему негде. Так и умрет, не зная, что это за зверь.

— Как дела, Волк?

Волк отчего-то начал поскуливать, потом встал и закрутил башкой.

— Тебе что-то не нравится?

Волку часто что-нибудь не нравится. Летом это комары, мошка,

мухи, слепни. Зимой — мороз. Весной и осенью — грязь и дождь. Также ему не нравится голод, хотя голод не нравится никому. А еще Волку не нравится, когда он ранит подушечки лап и когда у него схватывает живот. Но больше всего ему не нравятся чужие.

— Чужие, Волк? — спрашивает Хныщ.

Волк внезапно успокаивается и ложится у его ног.

Наверное, просто что-то примерещилось. Или где-то вдалеке раздался шорох. Или внезапно поднявшийся ветерок принес какой-то запах.

Сегодня ясно.

И хорошо заметно, как одна из звездочек двигается.

За ней возникает другая и тоже направляется к земле.

И еще одна.

Хорошо, если бы это были корабли пришельцев, думает Хныщ, и улыбается.

Утки улетели, пришельцы заняли их место.

Он не против, чтобы один из кораблей сел рядом, хотя бы на той стороне озера. Как и положено, с шумом и грохотом, только вот ничему этому не бывать.

Ни длинные и тощие с вытянутыми зелеными лицами, ни маленькие колобки с шевелиющимися на голове антеннами, ни змееобразные создания с ушами-локаторами и зубами, хранящимися отдельно, в карманах возле головы, никогда не прилетят. Им нечего делать в этом дерьмовом мире, который сдыхает последние двадцать лет.

Сдыхает, но никак не может сдохнуть. Хныщ вспоминает еще одно слово: агония.

Да, именно так это и называется.

И мир, и они сами — в агонии. Но сегодня был хороший вечер и потрясающий по красоте закат, так что можно просто смотреть на небо, считать падающие звезды и даже еще немного почитать, пока костер не затух.

Опять просыпается Волк.

Умная собака, наверное, что-то опять учуяла.

Временами Хныщу становилось жутко интересно представить себе человека, который когда-то купил эту дурацкую книгу. Наверное, тот любил читать ее вечерами, сидя на кухне и поедая наскоро приготовленный ужин из полуфабрикатов, принесенных из ближайшего супермаркета. Опять куча ничего не значащих слов. Кухня, полуфабрикаты, супермаркет. Лук, охота, дерьмо... Тот человек не дожил, от него осталась смешная книга. Про всякие вкусные вещи, о которых остается лишь читать. Чтобы не забывать слова.

Звезды посыпались одна за другой, Хныщ смотрел на небо и вне-

запно ему стало страшно. Прошедший вечер был слишком хорош, а это значило одно: жди события, которое опять все перевернет. Нет, свет не появится и пришельцы не прилетят, но что-то изменится, может, ему, Хныщу, даже придется уходить отсюда. Из пещеры, где он прожил уже столько лет, от этого озера, которое так любит Волк. Что-то должно произойти, поэтому пес сегодня такой беспокойный, вот опять крутит башкой и не спит, принюхивается к чему-то, даже скалит зубы и рычит. Тихо, но угрожающе, охраняет территорию и защищает хозяина. Собирается защищать. Я отдам за тебя жизнь. Я перегрызу горло. И не надо спрашивать кому!

Он закрыл книгу и положил ее на землю. Затем встал и пошел в пещеру. Взял лук и стрелы, нож, потом вдруг рассмеялся и убрал все обратно. Иногда на него нападало такое вот беспричинное беспокойство, это все, оттого что он давно уже понял одно: в любую минуту может случиться то, что изменит всю твою жизнь, как это произошло в тот самый день, двадцать лет назад. И не стоит сопротивляться, надо просто продолжать выживать.

Главное, у него есть Волк, значит, он не один, выживать одному намного труднее.

Только вот беспокойство не проходило. Тихий вечер перешел в тревожную ночь. Да еще и ветер поднялся, прилетел откуда-то с холмов, из-за леса, с того берега озера.

Книгу он с собой не возьмет. Он вообще с собой почти ничего не возьмет, если придется сматываться. Хотя жалко, пер все это из города на себе, все эти смешные штуковины, которым нет больше предназначения, они лишь будят память. Ненужная машина времени. Лук, стрелы, нож, силки, рыболовные снасти — когда еще удастся пожить в городе чем-то полезным? И одежда, надо бы все равно собрать мешок, пусть стоит наготове — ты слышишь, Волк?

Волк не отвечает, он все так же лежит у костра и тихонько порыкивает, но уже во сне.

Наверное, вспоминает, как упустил рыбу.

Или как еще совсем недавно охотился на уток.

Или что-то другое, но также бередящее его собачью душу. Хныщ давно убедился в том, что у Волка тоже есть душа.

Звезды перестали падать, костер догорел. Внезапно откуда-то из темноты донеслось мрачное свиное уханье, Хныщу опять стало не по себе, наверное, так и должен чувствовать себя пришелец в чужом, незнакомом мире.

— Пойдем спать, Волк! — громко проговорил он.

Сонная собака встает и послушно тащится на его зов.

12.

Барабанщиков было шестеро, и они уже надели маски. Тимус удобно устроился в тени большой поленицы рядом с жилищем, отсюда все хорошо просматривалось, а вот его могли заметить, лишь подойдя вплотную.

Карнавалный костер еще не горел. Старшая Мать зажжет его в тот момент, когда последний солнечный луч убывающего дня коснется темной линии горизонта и исчезнет в накрывающей холмы тьме.

Тьма.

И свет.

Маски тьмы — страшные рожи, порождение ночных снов. Демоны зла, призраки пьяного леса. Вислоухие монстры с выбеленными губами. Большие желтоватые клыки в уголках изуродованных ртов. Три паука, соткавшие мрачную паутину. Божества подземелий, выбравшиеся наружу. Многорукие убийцы, явившиеся с той стороны.

Одетые в свет — словно цветы на полянах ушедшего лета. Белые и желтые лепестки. А еще — блики солнца на речном перекате, тройная радуга после дождя. Может, волхвы, может, просто посланники неба, прибывшие на защиту холмов...

Когда костер запылает, то он станет выше человеческого роста. Барабанщики тьмы начинают почти неслышно, вначале тот монстр, что справа, легонечко бьет в барабан.

Большие барабаны делают из высушенных и ошкуренных стволов. Тимус не знает, как называются эти деревья. Но точно не сосна и не береза. Он слышал, что под корой дерево должно быть белым, тогда барабан получается с душой. Ее нельзя увидеть, но можно услышать, чем белее дерево, тем добрее душа, пусть хозяин и скрывается сейчас под маской тьмы.

Дум-дум-дам! — говорит барабан первого монстра.

Думи-думи-дам, думи-думи-дам! — нагло и нахраписто подхватывает второй.

Тьма оскаливает зубы. Будто гроза, когда все небо утыкано молниями.

Думи-думи-дам, думи-думи-дам!

Молнии множатся, сполох за сполохом, только вот нет дождя.

Этой осенью дожди будто отменили. Так и говорила совсем недавно Старшая Мать:

— Их отменили, чтобы мы подсохли к зиме!

Добрая душа барабана обтянута козьей кожей. Козы живут в специальном загоне, за одним из дальних холмов. Когда кто-то сильно

болеет, то ему дают козье молоко. Оно чуть солоновато на вкус да еще с резким запахом.

Тьма уже подступает с холмов, совсем поглотила солнце, света больше не будет, отныне и навсегда, повторяйте за мной, требует Старшая Мать, дум-дум-дам, думи-думи-дам, думи-думи-дам, дум-дум-дам, думи-думи-дам — вы видите тьму?

Тимусу хочется превратиться в ящерку и юркнуть в сухую, но все еще такую густую траву, чтобы никто не нашел, не увидел, убежать поскорее от наступающей тьмы.

— Тьма! — говорит Старшая Мать.

И вступает третий барабанщик мрака.

Ду-дум-дум-дам, ду-дум-дум-дам!

Хищный зверь вот-вот выйдет на поляну из леса, он давно миновал холмы, ду-дум-дум-дам, ду-дум-дум-дам, глаза его полны странным огнем.

— Тьма! — говорит Старшая Мать. — К нам идет тьма!

Старшая Мать выходит к самому центру поляны, вот-вот она подожжет костер, но почему-то медлит. Солнце, вспыхнув последний раз, падает в темень за горизонтом. На Старшей шкура могучего лося, тело лоснится — намазано чем-то. Тимус пытается сжаться в комочек, свернуться в клубочек, стать ящеркой, только глаза его, полные ужаса, смотрят туда, где барабанщики мрака вновь отбивают ритм ночного кошмара.

Дум-дум-дам!

Думи-думи-дам, думи-думи-дам!

Ду-дум-дум-дам, ду-дум-дум-дам!

Старшая Мать властно взмахивает правой рукой, и вдруг наступает тишина.

— Наш мир подобен огромной вогнутой чаше! — почти пропевает она.

Все молчат, тьма становится все гуще и гуще.

— На стенках ее множество сверкающих точек! — продолжает Старшая.

Барабаны молчат. Молчат и люди.

— Это звезды, от которых исходит свет!

Напряжение нарастает. Тимусу хочется, чтобы уже запалили костер, чтобы стало светло и весело, ведь карнавал — это когда весело, все так говорят, но пока лишь тьма, и неясные силуэты на поляне, и молчат барабаны, люди в масках стоят спокойно, будто знают, когда придет время, чтобы мрак ночной, испугавшись, отступил под натиском света...

— Свет! — тихо повторяет Старшая Мать.

И вновь раздается звук барабана. Только это уже совсем другой ритм, да-да-да-да-дам-дам, да-да-да-да-дам-дам, ровно и мощно отбивают его одновременно барабанщики света. Звук становится все сильнее, он накрывает собой всю поляну, дорастает до неба, смыкается со звездами и уже возникшим над холмами кругом луны. Вогнутая чаша мира пульсирует, стенки ее из непроницаемо черных становятся прозрачными, звездные реки, как вены и артерии, украшают небосвод.

— Свет! — кричит Старшая Мать. — Пусть будет Свет!

Внезапно в ее руке оказывается факел. Тимус никак не может понять, откуда он взялся, ведь всего лишь мгновение назад ее руки были пусты, наверное, отдала темнота, ведь она обязана отдавать все, что ею пожрано, тьма — враг, свет — друг, но пока еще вокруг лишь враги.

Все шесть барабанов бьют одновременно. Тимус с трудом может различить ритм, он раскатистый и рваный, то утихает, то вновь заполняет собой все вокруг.

Старшая все еще стоит возле незажженного костра, только вот факел в ее руке уже пылает. Она сбрасывает лосиную шкуру, под ней нет ничего. Тимусу отчего-то становится не по себе. Старшая поджигает сучья, костер с треском разгорается, совсем скоро на поляне становится светло.

И Тимус видит, что все на поляне — уже в масках. Он никого не может узнать, лишь Старшая Мать стоит возле костра, распустив волосы и воздев руки к небу, а люди в масках, взявшись за руки, идут кругом вокруг нее, покачиваясь в такт барабанам.

Его маска все еще в жилище, спрятана возле лежанки.

Ему надо пойти и надеть ее, но он боится.

— Свет! — кричит Старшая Мать. — Нам дан Свет!

Да-да-да-да-дам-дам, да-да-да-да-дам-дам!

Внезапно один из круга подходит к Старшей и падает на колени. Тимус замирает от странного ощущения, какой-то небывалой смеси восторга и ужаса: Старшая вдруг зачерпывает ладонью огонь из костра и будто омывает им коленопреклоненного. Тот послушно склоняется перед ней еще ниже, потом отползает в сторону, и на его место приходит другой.

Или другая — Тимус не знает, кто есть кто, на головах маски, тела покрыты длинными, просторными балахонами, ни женщин, ни мужчин, странные чудища, непонятные монстры.

Да-да-да-да-дам-дам, да-да-да-да-дам-дам!

У него нет такого балахона, но если он возьмет козью шкуру и обернет ее вокруг себя, то тогда будет похоже. Он знает, где можно

взять шкуру — ею покрыта его же лежанка, мех давно сваялся и стал жестким, надо взять маску и шкуру, и тогда он пойдет к костру...

Старшая продолжает омыwać огнем подходящих к ней чудищ и монстров.

Их тени скрываются между деревьев, а костер все разгорается, пламя становится выше и выше.

И вот на поляне остаются лишь Старшая Мать и барабанщики.

Но они уже не играют. Ритм смолк, волна улеглась.

Старшая Мать опять взмахивает рукой, барабанщики один за другим подходят к ней, она и их омывает огнем, а потом они внезапно замолкшими тенями тоже растворяются в лесу.

Старшая Мать берет шкуру и набрасывает ее на себя, садится у костра на корточки и смотрит в огонь.

Тимусу надо проскользнуть мимо, да так, чтобы она его не заметила. Он уже взял шкуру и маску, в шкуре неудобно, она сползает, приходится подвязывать ее веревкой. А через маску не очень хорошо видно, ведь когда он проделывал в ней глаза, то это было днем, а днем все видно иначе, но он приспособится, уже и сейчас различает все на несколько метров вокруг, только вот в лесу темно — как он найдет дорогу?

Впереди вдруг становится светло.

Странно, он и не знал, что на этой тропинке тоже есть бочки.

Вот одна прямо перед ним, знакомо воняет горячей жижей.

Где все? Куда они подевались?

Ему становится жарко, плохо видно, хочется снять маску.

Он доходит до бочки и останавливается, ему кажется, что он слышит голоса.

Где-то рядом, чуть в стороне от тропинки.

Он никогда не был на этой поляне. Почти ровный круг в самой чаще. Странные чудища и непонятные монстры собрались здесь, хотя там, у жилища, их было больше, намного больше.

Здесь тоже горит костер, несколько человек сидят возле огня и что-то пьют из большого глиняного кувшина. Тимус догадывается что — летом он помогал женщинам собирать маленькие черные ягоды, растущие на больших деревьях, которые есть в одном только месте, в маленькой долине посреди холмов.

Их очень любят птицы. Когда ягоды почернели, Тимусу поручили отгонять дроздов — так называла пичужек Монка.

Интересно, она на этой поляне или на другой?

Потом собранные ягоды засыпали в большие, с него ростом, кувшины, перетолкли и поставили рядом с жилищем.

Он не знает, добавляли туда женщины что-то или нет.

Но его несколько раз поили этим напитком — в голове становится как-то неясно, ноги слабеют, а потом нападает смех.

Вот и они сейчас смеются, сидя у костра. Кувшин идет по кругу, все в масках, но кое-кто уже скинул с себя балахон.

Мужчина и две женщины, они голые, тела их блестят так же, как тело Старшей Матери, видимо, тоже намазались чем-то.

Мужчина начинает петь, это все та же песня про бересклет, которую Тимус хорошо знает, только поется она как-то очень уж весело.

А потом мужчина встает и начинает кружиться на месте.

Женщины встают следом, мужчина вдруг резко подпрыгивает и бежит в сторону леса, как раз туда, где притаился Тимус.

Обе женщины бегут следом, остальные громко смеются, кувшин все так же ходит по кругу.

Если Тимуса сейчас найдут, то ему не поздоровится.

Хотя ему очень хочется посмотреть, что они будут делать.

Мужчина пробегает рядом. Тимус вдруг догадывается, что тот бежит вполсилы — так его проще догнать.

Женщины появляются внезапно. Мужчина зачем-то спотыкается и падает.

— Поймали! — кричит та, что повыше.

Тимус узнает ее голос, это Тина, подруга Монки, одна из самых младших матерей. Неужели вторая — Монка? Тимусу почему-то этого очень не хочется, и он с облегчением вздыхает, когда вторая начинает говорить. Это не Монка, это Уаска, она еще не мать света, но говорят, что может ею стать.

— Снимем с него маску? — смеется Уаска.

— Узнайте сначала! — требует мужчина.

Тимус пытается определить по голосу, кто это может быть, ясно, что кто-то из молодых охотников, всего-то на несколько лет старше его самого, но вот кто?

— Кайен? — говорит Тина.

Мужчина смеется и мотает головой.

— Кайкара? — спрашивает Уаска.

Мужчина смеется еще громче. На нем маска совы, и кажется, что смех его — утробное свиное уханье.

— Ты Интал! — вдруг уверенно говорит Тина и внезапно срывает с мужчины маску.

— Беги! — вдруг кричит Тина.

Охотник срывается с места и большими прыжками несется в лес, обе женщины следуют за ним. Тимус лишь успевает перекатиться в сторону, чтобы его не затоптали.

А у костра все поют. Вот еще несколько человек скинули балахоны, и опять началась странная то ли игра, то ли охота.

Тимус вслушивается в слова. Песня какая-то незнакомая, такой он еще не слышал.

Они поют и кружатся у костра, держатся за руки, но совсем не так, как возле жилища. Тогда они слушали Старшую Мать, а сейчас просто радуются чему-то. Тимус понимает, что им хорошо. Вот еще несколько фигур исчезло в лесу, вот за ними последовали другие, у костра не остается никого, Тимус выползает из своего убежища и идет к огню. Ему хочется согреться, посидеть возле такого доброго пламени... Я опалю тебя огнем... Сидеть и смотреть, как искры уносятся к звездам, маленькие звездочки к большим, хотя и большие кажутся такими маленькими, когда они там, высоко-высоко в небе... Я опалю тебя огнем, сожгу тебя дотла... Костер уже совсем близко, Тимусу остается сделать лишь несколько шагов.

— Стой! — слышит он голос за спиной.

Тимус останавливается, отчего-то ему совершенно не страшно. Голос кажется знакомым, хотя он может и ошибаться.

— А теперь беги!

И он бежит, шкура мешает, Тимус сбрасывает ее и несется, не разбирая дороги. Сначала вдоль опушки леса, потом резко сворачивает и начинает карабкаться по косогору, поросшему невысокими молодыми сосенками. Его догоняют, совсем скоро он будет пойман, я опалю тебя огнем, сожгу тебя дотла. «Ну же, — говорит он сам себе, — быстрее, быстрее!» Но ноги вдруг перестают слушаться, он спотыкается о большое, узловатое корневище и падает на твердую, лишь слегка засыпанную хвоей темную землю.

— Сними маску, Тимус! — говорит ему Монка.

13.

Бонза хорошо понимал: начать придется с мужчин. Понятно, что сперва все будут на его стороне, но ведь это ненадолго. Месяц-два, и кому-нибудь в голову придет странный вопрос: а почему не я? Если ты решаешь изменить ход событий, то делать это надо так, чтобы не было возможности менять их снова и снова. Раз и навсегда. Как ломается ветка — пополам, на три части, на четыре, но обратно она не срастется. Можно, конечно, связать сломанные части, но это уже будет не то, проще отбросить в сторону и идти дальше.

Вот и он так: должен отбросить в сторону ненужные ветки и пойти дальше. Поползти, полезть вверх по стволу. К самой его вершине. А вершина всегда — самое тонкое место и выдержать может лишь одного.

По одну сторону ствола — мужчины, по другую — женщины. Из них лишняя только одна. Но Старшую он «отсечет» в последнюю очередь. Ему начинает нравиться эта аналогия с деревом, вершиной и ветками, а ветки отсекают. Ветка Старшей длинная, разлапистая и толстая у основания. Самая мощная и величественная, но пусть она подождет. А вот те, что с другой стороны...

Тут надо хорошо подумать. На самом деле он предпочел бы убрать всех взрослых мужчин, чуть старше, чуть моложе — это не важно. Они все сильны и умелы, да и с мозгами у многих в порядке. И почти каждый мог бы сейчас оказаться на его месте. Но отсекал бы все ветки нельзя, голый ствол не устоит перед наступающими зимними ветрами, кора начнет сохнуть, дерево заболеет — а зачем ему больное дерево?

Кирдык — тот пусть живет, славный малый, один из немногих здесь полных дураков. Как прибил к нему несколько лет назад, так до сих пор и таскается собачонкой. В забытые времена были такие понятия, как «помощник», «ассистент», «порученец». Младшенький, которому и положено делать большую часть грязной и самой тяжелой работы. Хотя самую тяжелую ему придется взять на себя, у Кирдыка кишка тонка, зайбится, сдрейфит, завалит все, и тогда уже они сами станут жертвами.

Ведь всегда есть охотники, и всегда есть жертвы.

Так устроен мир. Любой. Так был устроен мир, в котором он когда-то родился, таким стал и этот.

Выжить — вот главное слово.

Бонза не знает, смог бы он выжить в том мире или тоже стал бы жертвой, но в этом мире он — охотник. Давно, уже много лет.

Поэтому он и должен стать вождем.

Восстановить справедливость, ведь во главе племени должен стоять самый умелый охотник, а не глупая баба, которая помыкает ими всеми.

И вообще бабы должны лишь рожать детей, готовить еду и следить за огнем.

Хотя когда он называет Старшую «глупой», то откровенно лукавит. Она очень умна. Даже вчера, когда она взяла его за руку и повела с собой, а он послушно пошел рядом, то сделала она это не потому, что ей так уж приспичило. Она хотела почувствовать. Понять телом, что у него на уме. И в душе. Прочитать, как книгу. Старшая умеет читать и настоящие книги, он тоже когда-то умел, только уже стал забывать. А она не забывает, ничего и никогда. И он ее боится, сам себе он может в этом признаться, но только — сам себе. Поэтому он и убьет ее, хотя надо было бы поступить иначе, поселить в том распадке, где живет королева карнавала, в той самой хижине, держать на цепи и кормить

объедками. И приходиться, когда захочется. Смотреть, как Старшая ползает на цепи по земляному полу — пол обязательно должен быть земляным. Бонза никогда не был в той хижине, но догадывается: его застелили шкурами, а под ними, скорее всего, дерево, для тепла. Но дерево и шкуры он бы убрал, пусть ползает по земле, только вот все равно ее придется убить, хотя и не первой.

Первым он убьет Бобра.

Имя всплыло внезапно, а за именем возникло лицо.

Если Бонза и был великим охотником, то в племени таким считали не его. Бобр был старше на несколько лет, Бонза понятия не имел, кем тот был в исчезнувшем мире, но лучшего охотника на кабанов в племени не нашлось. Именно Бобр решал, где и когда устраивать засады, и всегда первым метал свое копьё. И из лука Бобр стрелял лучше всех. Десять стрел из десяти попадали в отмеченное на дереве место, а порой, когда Бобру этого хотелось, то стрела входила в стрелу.

Но убивать Бобра он будет не из лука. И не копьём. У него есть то, из чего он сделает это, надо лишь хорошо подготовиться. Найти место, ведь и сам Бобр так всегда делает, выслеживая кабанов.

Сейчас карнавал, и Бобр там, со всеми. Если он уже снимал маску по приказу одной из женщин, то, скорее всего, снова ее надел. А Бонза знает, какую маску носит Бобр, из года в год тот на время карнавала становится «кабаном», так что отличить нетрудно. Бонза устроится в засаде и будет ждать, пока «кабан» пойдет по тропинке, затем прицелится и выстрелит. Главное — лечь так, чтобы «кабан» не унюхал, то есть против ветра. У Бобра нюх, как у настоящего зверя, так что по ветру он сразу учует. А вот против...

Главное — не промазать, но Бонза много тренировался последнее время. Они с Кирдыком шли к пещере, брали оружие и стреляли. В камни и в деревья. Кирдык стреляет хорошо, но Бобра убивать он не станет. Кирдык вообще навряд ли кого станет убивать, его задача в ином — помочь выследить, Бонза так и сказал ему перед началом карнавала: постоянно сообщай мне, кто где... Тот и бегает белкой, то вынырнет из леса, то опять — в лес. И маска у него смешная, решил в этот раз стать хохлаком, недоумок...

На самом Бонзе маска волка. Волков действительно много вокруг, но страшны они лишь зимой, когда дичи становится мало, и серые часто подходят к жилищу. Бонза не помнит, чтобы волки хоть раз на кого-нибудь напали, только все равно бывает не по себе, когда в сумерках раздается вой. Снег, ветер, на стьлом небе стьялая луна и такие же замороженные звезды. И вой со всех сторон — спереди, сзади, справа, слева... Котоголовы начинают нехорошо шуриться и сбиваются в

кучу у костра. Лежат и склабятся. Бонза ненавидит когоголовов, хотя иногда признается себе, что просто боится их.

Вот кого надо бы уничтожить — всех, одного за другим. Неужели они действительно умеют читать мысли? Если так, то ему надо поторапливаться. Отстрелять одного за другим тех, кто может встать на его пути. А потом убить Старшую Мать. И взяться за когоголовов.

Лучше бы, конечно, начать с них, но тогда он успеет убить лишь одного или двух. Остальные доложат Старшей, и та примет меры. И потом — этот пацаненок, Тимус... Недаром Старшая так с ним носится. Говорят, ему снятся вещие сны, и когоголовы умеют их правильно читать, а потом рассказывают об этом Старшей... Нет, придется начать с Бобра.

Смешно, если Бобр в маске кабана, а Хрюша — бобра.

У Бонзы есть Кирдык, у Бобра — Хрюша.

Смешное имя и как нельзя лучше подходит хозяину. Толстый увальень с дурацкой улыбкой на лице. Но за Бобра жизнь отдаст. Тот спас его несколько лет назад, вытащил из реки, когда Хрюша свалился в воду. Течение понесло, толстяк плохо плавает, но Бобр оказался рядом. Вытащил, откачал, так что увальень теперь за него в огонь и в воду, а значит, ему придется стать вторым.

Но это будет несложно, они всегда ходят парой, даже на карнавале всегда вместе, наверное, и с девками сейчас лежат на одной поляне.

Бонзе не до девок. Те подождут. Слишком много надо сделать за эту ночь и за следующий день. Ведь Бобр и Хрюша — это только начало. Список длинный, в нем еще Мартын и Суккур, Ирши, Змей, Джамба и Кукан.

Восемь человек, почти все взрослые мужчины племени.

Оставшиеся — не в счет, как молодые, так и старые. Хотя стариков в племени просто нет — те, кто пришел когда-то в холмы, уже умерли.

Что-то давно не показывался из леса Кирдык, а уже пора.

Как пора и начинать охоту.

Бонза берет ствол, запасается патронами и ныряет в темноту ночного леса. Хорошо, что светит луна. «Желтое лето» — странная пора, днем тепло и солнечно, ночами же темно, как зимой. Иное дело — в начале настоящего лета, когда над холмами нависают сумеречные ночи, это та пора, когда и сумерки, и ночь существуют одновременно, и полностью небо не темнеет. Тогда и без луны все видно.

За оружием они сходили еще днем, когда все готовились к карнавалу.

Перетащили, сколько могли, сложили под старой упавшей сосной,

закидали ветками. А уже вечером, когда барабанщики выстроились по обе стороны незажженного костра, Бонза незаметно ускользнул в лес, чтобы начать готовиться к охоте.

Старшая Мать слишком занята, чтобы считать всех по головам.

Да и все остальные — тоже.

Карнавал — это те три дня в году, когда всем тут позволено все, а значит, и ему позволено.

Убивать.

Бонзе стало весело: за последние месяцы он полюбил держать в руках оружие, сдружился с ним — а когда у тебя появляется верный друг, то зачем грустить?

Неподалеку послышался шум, кто-то бежал по тропинке, ведущей вверх по склону, Бонза затаился, он уже был на охоте, а на ней всегда нужны вкрадчивость и осторожность.

Чем тише ты и незаметнее, тем меньше шансов у жертвы остаться в живых.

Шум становится все громче, голоса — веселее.

Кажется, женский голос ему знаком.

Странное имя — Пайта, он до сих пор не может понять логику Старшей Матери, ведь это она дает имена.

Почему, к примеру, его назвали Бонзой?

Да и Бобр стал Бобром по ее желанию.

Пайта...

В прошлом году ему очень хотелось, чтобы она выбрала его. Она тогда еще даже не была младшей матерью, еще только готовилась ею стать.

Уже прошла начальный обряд, но огнем ее не омывали.

Вообще-то про начальный обряд мужчинам знать не положено, но они все равно обо всем знают.

Только Пайта в прошлом году выбрала не его.

Может, потому он и хочет начать с Бобра, что тогда на нем оставился ее взгляд.

Бобр зачем-то рассказал ему об этом после карнавала, дурак.

А сейчас Пайта — уже младшая мать, она может сама зажигать пламя в бочках.

И ждуть, когда ее сделают королевой карнавала, хотя этого может и не случиться — кто знает, что придет Старшей в голову?

В лесу становится все темнее, но ему не страшно.

Он примерно знает, где надо устроить засаду на Бобра.

Там, неподалеку от развилки тропинок, где еще установлена пышущая огнем бочка.

Где густой подлесок и много высоких деревьев.

Отчего-то ему кажется, что Бобр там обязательно пройдет.

Пробежит по тропинке, а за ним, как всегда, Хрюша.

Первым выстрелом он убьет Бобра. Лучше целиться в голову. Или в спину, хотя в голову честнее. Надо сделать это с одного выстрела, затем передернуть затвор и выстрелить снова. Бонза решил взять с собой ружье, а не автомат, из ружья у него получалось стрелять лучше, хотя из автомата палить было удобнее, но он так и не научился делать это метко. Автомат он тоже прихватил, но спрятал его неподалеку от жилища, с ним должно быть проще охотиться на Старшую Мать.

Девку, которая будет гнаться за Бобром с Хрюшей, тоже придется убить. Хотя он еще подумает, может, пожалеет.

Только вот куда запропастился Кирдык? Время идет, а его все нет.

Неужели тоже решил поиграть в догонялки?

Хотя что взять с придурка — смешной, вечно краснеющий и потеющий, почти всего боящийся Кирдык...

Вот она, развилка, а вон и бочка.

Возле нее, как и положено, охрана. Кто-то из молодых, не видно только, парень или девчонка.

Нужное дерево в стороне, надо идти тихо, так, чтобы ни одна веточка под ногами не хрустнула.

Но он это умеет, научился за годы.

Вдалеке раздаются голоса, кто-то приближается.

«На всякий случай! — думает Бонза. — На всякий случай!..»

Снимает ружье с предохранителя и взводит курок.

Голоса становятся все ближе и ближе, неясная тень возле бочки увеличивается и начинает превращаться в залитую лунным светом девичью фигуру.

Внезапно в голове у Бонзы что-то взрывается. Он никогда еще не испытывал такого внезапного приступа боли, будто кто-то вогнал острый нож под черепную коробку и начал вращать его там, разрезая мозг на части, отделяя один пласт от другого. Вот-вот от боли лопнут глаза, в которых вдруг засветились синие и зеленые искры. Бонза пытается сдержать крик, но у него это не получается, слишком сильна боль. Он падает на землю, не выпуская ружья из рук.

Разноцветные искры в глазах гаснут, наступает полная темнота.

14.

Странный. Иначе не скажешь. Хотя не получится. Промявкать, проурчать, прошипеть, но не сказать.

Бонза открывает глаза, темнота не проходит. Зато он чувствует, как что-то стягивает его множеством тонких веревочек. Пытается пошевелиться — тщетно. Руки примотаны к телу, ноги связаны. Вдобавок ко всему веревочки эти — живые. У каждой свой голос, хорошо различимый в крошечной тьме.

Можно попытаться сосчитать. Один голос — одна веревочка. Четыре голоса — четыре веревочки. Тонких, но прочных, не порвать, разве что сами развяжутся.

Странный. Иначе не скажешь...

О ком это? Неужели о нем?

Тьма достает, он пялит в нее глаза, но все еще ни зги не видно... Хотя нет, что-то начинает просматриваться, тьма сереет, четыре сероватых тени окружили его. Отчего они кажутся такими большими, ведь обычно эти паршивцы маленькие, размером с обычную кошку. Всегда их не любил, ждал подвоха. Твари. Мерзкие, противные твари, наушники Старшей.

Они все странные...

Это не слова, обрывки чего-то, что нельзя даже назвать мыслями. Просто сгустки какой-то энергии, похожие на больших ночных бабочек или на маленьких летучих мышей. Голоса обвивают его веревками, а то ли бабочки, то ли мыши впиваются в кожу своими крепкими, острыми зубками.

Есть хорошие странные, а есть и плохие...

Этот — плохой...

Они обсуждают его. Оглушили, спеленали, положили на землю, а сейчас обсуждают. Обмениваются сгустками, решают, что делать дальше...

Если тьма рассеется, то он поймет, как ему быть. Но пока почти ничего не видно, лишь четыре хвостатые тени, две — слева от него, две — справа.

Надо сказать...

Раньше он никогда их не понимал, хотя и чувствовал, что они разумны. Откуда все же они взялись? Он теряет время, сейчас он должен быть в засаде и ждать своего часа.

Передай, чтобы сказали...

Никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным, лежит на усыпанной хвоей земле и не может пошевелиться. И тьма, тьма, клубящаяся, хотя и не такая уже беспросветная, как несколько минут назад.

Передал...

Ждем ответа...

На самом деле он слышит просто какие-то звуки, но бабочки и мы-

ши, покусывая его плоть, переводят эти звуки в слова. Никогда не любил бабочек и летучих мышей. Бесплезные твари, как комары и мошка. Лучше уж муравьи и пчелы.

Он нас слышит...

Это не страшно, он неподвижен...

Как они оказались здесь?

Мы тебя прочитали...

Они с ним разговаривают. Сидят неподвижно возле него и что-то мявкают.

Бонза опять пытается пошевелить руками и ногами и опять у него ничего не получается.

Мне больно...

Мы не можем тебя освободить, ты опасен...

Он их ненавидит, но об этом нельзя даже подумать. Надо обмануть, но как? Неужели они — умнее и хитрее?

Ей передали, она сказала, что догадывалась...

Она — умная...

Этот — злой...

«Этот» — про него, он злой, так они считают.

Но он не злой, он просто хочет справедливости.

Мир должен измениться, все должно стать по-другому.

Она велела оставаться с ним, пока сама не придет...

Если они сейчас разгадают его замысел, то затянут веревки еще крепче. Но он хитрый, он всегда был хитрым, еще в той жизни, совсем маленьким, он был хитрее многих и умел притворяться. Вот и сейчас Бонза притворяется — мыслей нет, голова пуста, откуда им знать, что он давно уже умеет превращать их в хаос, который нельзя расшифровать никому, кроме него самого. Такая игра, которая сейчас оказалась кстати. Поймай нужную дождевую каплю среди струй дождя. Снежинку внутри снегопада.

Он не помнит, как научился в нее играть, хотя сложного на самом деле ничего нет. Мозг — пещера, надо нырнуть в нее, устроиться поудобнее, свернуться клубочком и затаиться. И полностью расслабиться. Как он сейчас — неподвижен, будто и не живой.

Что с ним?..

Он притворяется...

Нет...

Вроде бы удалось, но он все еще спеленат этими веревками-веревочками, да и ночные бабочки вместе с летучими мышами продолжают нежно покусывать его тело, уже не больно, разве лишь щекотно...

Он перестает дышать...

Еще глубже заползти в собственный мозг, закрыть все входы и выходы, они ни о чем не должны догадаться, пусть испугаются, пусть ослабят пути.

Она говорит, что он нужен ей живым...

Но он действительно почти перестал дышать...

Переводить на язык знакомых слов становится все труднее. Какое-то жужжание, переходящее в вибрацию.

Она... прочерк... просит...

И все обрывается, Бонза приоткрывает глаза, тьма почти рассеялась. Котоголовы все так же сидят рядом, они не смотрят на него, пялятся друг на друга, посверкивая желтоватыми в этот час глазами.

И глаза — светятся!

Пошевелить кистью правой руки — получается?

Если да, то можно попробовать сделать это и левой рукой.

Только бы они ничего не почувствовали, опять нырнуть внутрь черепной коробки, наглухо запереть двери мозга, чтобы не смогли ворваться следом. А потом вновь приоткрыть глаза. Чуть-чуть, смотреть сквозь веки.

Скоро... она...

Ничего не понимает, может только догадываться. Он закрыл от них свой мозг, но и их перестал слышать.

Стоп, один из котоголовов зачем-то встал и начал принюхиваться. Выгнул спину, задрал голову к небу и втягивает в себя воздух.

Если сейчас попробовать пошевелить ногой, то они заметят.

И тогда он снова погрузится во тьму.

Сколько они могут так удерживать его? Час? Два? И сколько времени прошло?

Он не знает, он все еще прячется в собственной черепной коробке, но уже готов выпрыгнуть, вынырнуть, выскочить из нее.

Идет...

Пора, иначе он проиграет. Или еще подождать?

Все, как на охоте: притворяешься мертвым, чтобы зверь тебя не унюхал. А потом вскакиваешь и поражаешь его прямо в сердце. Только вот всегда нужно выбрать то единственное мгновение, которое приносит победу — не раньше и не позже, а именно то самое.

Они поверили, что он продолжает оставаться неподвижным. И они проиграли!

Он резко встает, мозг его все еще закрыт, хотя Бонза чувствует, как котоголовы пытаются вновь повалить его на землю, отдавая команды, которые отскакивают от его черепной коробки, осыпаются на землю и разбегаются по ней маленькими разноцветными ящерами.

Это не он расслабился — они.

Котоголовы исчезают среди стволов, в голове опять возникает боль, но совсем не та, что свалила его на землю меньше часа назад, хотя в тот самый момент время остановилось, и он не знает, прошел с той поры час или всего лишь несколько минут.

Эту боль можно перетерпеть, тьма рассеялась, хотя ночь еще не пошла к концу.

Поднимает с земли ружье и исчезает вслед за тьмой.

Она идет...

Странно, но он до сих пор улавливает эти звуки и переводит их в слова.

Надо ей сказать...

Говорите, только толку от этого уже не будет. Он не даст ей дойти, мужчины подождут, по крайней мере, те, кого он наметил. А вот она — другое дело.

Он хочет ее убить, передайте ей...

Передавайте, до вас тоже дойдет очередь. Бонза ломится сквозь лес, сучья трещат под ногами, ветви хлещут по лицу.

Он бежит вверх, его надо остановить...

Впереди среди деревьев мелькает какая-то тень. Бонза поднимает ружье и стреляет.

Тень пропадает среди деревьев, Бонза делает второй выстрел.

Всего в магазине пять патронов. И еще ими забиты карманы. Он вышел на охоту, потом стали охотиться на него. Но пока он побеждает.

От выстрелов звенит в ушах, звуки исчезли, надо подождать, пока он снова сможет слышать.

И надо посмотреть, что с тенью.

Кто-то лежит на земле под деревом. Пуля попала в тень, тень превратилась в мертвое тело.

И ему уже все равно, кто это.

Мужчина или женщина.

Первая жертва охоты.

В голове вновь пульсирует боль.

Но он перетерпит.

Бонза подходит к телу — женщина. Лежит, уткнувшись лицом в землю. Вторая пуля попала в шею, первой же, судя по всему, он ранил ее в ногу. Надо перевернуть и посмотреть, кто это, но отчего-то он не может.

Бонза обходит тело и внезапно останавливается. Все-таки он должен увидеть лицо. Как бы противно это ни было. Хотя ведь это была

просто тень, мелькнула между деревьев, и он нажал на курок. Сработал рефлекс охотника, сейчас уже ничего не поделаешь.

Где он?..

Опять эти звуки, вновь в голове появляется боль.

Эту убивать он не хотел. Одна из младших матерей, с таким смешным именем — Уаска. Вместо нее здесь должна бы лежать другая, эта просто оказалась не в том месте.

Он там, на соседнем холме...

Они его не достанут, он не позволит.

Только вот голова болит все сильнее и сильнее.

Бонза сплевывает, это все Старшая со своими дурацкими песенками. Какая разница, мертвый свет или живой, главное — чтобы он был. Они знают, где он, только не знают, что он собирается сделать. Им не хватает света, ладно, он поможет им. Голова болит все сильнее, неужели опять котоголовы? Он смотрит на мертвую Уаску и понимает: ему ее не жалко. Нельзя жалеть ни лося, ни кабана.

Он все еще там...

Это им только кажется, там лишь мертвая Уаска, пусть находят ее тело, он же вновь пробирается через лес, но тихо и вкрадчиво, как и положено лучшему охотнику.

Опять какая-то тень, однако на этот раз стрелять он не будет. Патронов много, но не так, чтобы палить во всех без разбора. Он ведь заранее наметил цели. Когда охотишься на кабана, то нет смысла убивать зайца.

Голову отпустило, Бонза отчего-то ухмыляется и вдруг сворачивает на ближайшую тропинку. Можно уже не скрываться, им все равно его не остановить.

Звуков слишком много, он никак не может разобрать, что они там пытаются друг другу сказать.

Он их больше не боится, а ведь должно быть наоборот, только страх — это как мертвый свет, если о нем не думать, то даже не вспомнишь, как он выглядел.

Тропинка сбегает под гору, идти легко, несмотря на то, что рассвет еще не начался. Но хватает луны, чтобы видеть все. Вон они, бочки, уже заметно пламя. И чувствуется вонь. Бонза не знает, кто сейчас на страже, но если потребуется, он выстрелит.

Идет к бочкам...

Все равно не успеете, он будет первым, осталось всего ничего, жаль лишь, что получается не по плану, но на охоте так часто бывает: задумываешь одно, а выходит совсем другое. Вот и сейчас, разве еще вчера он предполагал, что ему придет в голову сделать именно это?

— Стой!

Голосок-то совсем слабенький, девчужка какая-то.

— Ты кто?

Тебе этого знать не надо, зато он уже знает, кто его спрашивает.

Подружка Тимуса, Белка, вроде бы так ее зовут.

— Уходи! — говорит Бонза и поднимает ружье.

Он уже там, мы не успеваем...

Дура девчонка, не торопится, плянется на него, будто на невидаль какую, а самой надо бы сматываться побыстрее, пока он добрый — хотя что она, малявка, может сделать?

— Ну, — повторяет Бонза, — я кому сказал?

Взводит курок, хотя стрелять ему не хочется. Если бы сейчас тут стояли Бобр или Старшая Мать — другое дело, но ведь Белка почти ребенок, еще даже на карнавале не ловила мужчин.

Видим, вот он...

Сама виновата. Бонза стреляет, не целясь, девчонку сдувает с места, будто ее и не было. А теперь главное — успеть, сам-то он знает, куда потом бежать, огонь его не догонит.

И никто не догонит — ни котоголовы, ни Старшая.

Он опрокидывает первую бочку, пламя растекается по траве, начинает лизать стволы деревьев.

Теперь можно и вторую.

А самому надо быстро улизнуть в сторону, огонь все равно пойдет по ветру, а он побежит против, туда, к берегу реки, здесь недалеко.

Они хотели света? Пусть его будет много.

Огонь пожрет лес, да и их не оставит в живых.

Опять в голове возникает гул. И жестокая, пульсирующая боль.

Зачем ты сделал это?..

Это не котоголовы, это Старшая Мать. Он отчетливо слышит ее голос, но некогда остановиться, приходится говорить на бегу.

Потому что я ненавижу...

Это не аргумент...

Это как раз аргумент, хочется прокричать ему, но огонь отчего-то начинает его догонять, и Бонзе не до разговоров. До реки еще метров двести, и кто успеет вперед — пока неизвестно.

Ты хотел меня убить...

Мне помешали, пришлось убить вас всех...

Река совсем близко, Бонза уже видит ее, но огонь дышит ему в затылок, пламя бежит быстрее, чем он ожидал, странно, но отчего переменялся ветер?

Они его повернули...

Это невозможно...

Все возможно, надо только очень захотеть...

Дура, пусть замолчит, вот уже вода, осталось лишь несколько шагов и можно нырнуть в реку, она остудит жар, затушит огонь, который вцепился в него и не отпускает.

Тебе не победить, Бонза, ведь сам ты умираешь!..

— Нет! — кричит он, отбрасывает ружье, которое все это время не выпускал из рук, и бросается в воду. Река накрывает его с головой, Бонза пытается вынырнуть, но река вновь и вновь заталкивает его на глубину, ему уже не хватает воздуха, голова опять переполняется болью, в легких остается совсем мало воздуха, надо вдохнуть, всего лишь глоток воздуха, и тогда он выживет, что бы ни кричала ему вдогонку Старшая.

Ему все же удастся вынырнуть, но уже нет сил бороться с течением, вода несет его, а огонь, подступивший к самому берегу, сливается с небом, закрывает звезды и луну, хотя и без них уже стало совсем светло!

15.

— Почему я? — спрашиваю Монку, но она не отвечает.

— Молчи, — ее губы опять касаются моего лица. Что же, наверное, все это опять лишь сон.

— Сними маску, Тимус! — сказала она, и я не мог послушаться.

— Не бойся! — сказала она и засмеялась. А потом добавила: — Ты весь дрожишь!

Я действительно дрожал. Но не от страха, бояться мне было нечего. Наверное, я просто понимал, что сейчас произойдет нечто такое, после чего я стану другим. Так все говорят в племени: мальчик на карнавале стал мужчиной, теперь он уже другой...

Вот от этого я и дрожал: оттого, что совсем скоро все изменится.

Только почему-то ничего не изменилось.

И небо, и луна, и звезды — все оставалось таким же, как до того момента, как Монка взяла меня за руки и потянула к себе.

— Успокойся, — ласково сказала она и вдруг упала на землю, так и не выпустив моих рук из своих.

Но все это было еще в той части сна, которую я могу вспомнить и рассказать, а вот дальше пришла влажная темнота. Не знаю, сколько она продолжалась, скорее всего, какие-то мгновения, полные таких необычных звуков и ощущений, что внезапно я будто начал падать то

ли с верхушки самой высокой сосны, то ли со скалистого обрыва у речки, под которым, далеко-далеко внизу, бурлила и пенилась вода на зловещих перекатах.

Я сорвался и разбился, луна померкла, звезды моргнули и исчезли, небо стало огромной черной дырой.

Вот сейчас мое тело оторвется от земли, его всосет небесная воронка, закрутит и выплюнет где-нибудь совсем в другом месте.

— Очнись, — все так же ласково прошептала Монка, крепко обнимая меня и прижимая к себе. — Все хорошо, Тимус!

То ли продолжение предыдущего, то ли начало нового сна, но все еще влажного и такого странного.

— Лежи, — сказала она, — это бывает со всеми...

Меня опять била дрожь, но она гладила меня по голове, плечам, спине, я вдруг почувствовал, что тело мое стало необыкновенно легким, такое ощущение, будто в любое мгновение я могу сорваться с места и улететь.

— Холодно, — вдруг сказала Монка, — я что-то замерзла, давай оденемся!

Я послушно слез с нее и сел прямо на землю, одеться мне было не во что — шкуру я бросил где-то в лесу, скорее всего, неподалеку, но сейчас мне ее не найти.

Монка накинула на себя плащ и посмотрела на меня.

Потом опять улыбнулась и сказала:

— Залезай, тут хватит места!

Я прильнул к ней, мне вдруг захотелось, чтобы сон повторился сначала, наверное, для этого надо было крепко закрыть глаза, только я вдруг понимаю, что если он и повторится, то лишь тогда, когда этого захочется Монке.

И тогда я опять спрашиваю ее, почему именно мне она велела сегодня снять маску.

Она отстраняется и пристально смотрит, уже не улыбаясь. И я понимаю, что ответ будет совсем не такой, какой мне бы хотелось услышать. Сон закончился, он там, уже в другом времени, в нем живет какой-то иной Тимус, а не тот, который опять начинает дрожать, только уже не от ожидания и не от холода, а от страха перед тем временем, что наступает после окончания любого сна.

— Потому что именно ты будешь тем, кто изменит будущее! — говорит она.

Я ничего не понимаю, лишь начинаю дрожать сильнее. Она опять обнимает меня, кладет мою голову к себе на колени, я чувствую ее резкий, томящий запах, но сон пока не возвращается. Монка гладит

мои волосы, перебирает их кончиками пальцев, с них будто срываются искры, как бывает с молниями во время грозы, когда после вспышки на небе искры внезапно начинают пробегать то по стволам деревьев, то по земле.

Вдобавок я не знаю, что это такое, будущее.

Есть завтра, есть послезавтра. Есть зима, которая придет после осени, точно так же, как потом придут весна и лето, но ведь этого никто не в силах изменить!

— Это когда изменится вся наша жизнь! — будто читая мои мысли, говорит Монка.

— Ты видела сон?

Она смеется.

— Это ты видишь сны, Тимус, те сны, которые и предсказывают будущее.

Я опять ничего не понимаю, да, мне снятся сны, но ведь они снятся всем.

— У тебя другие сны, Старшая Мать права! — Монка отчего-то вздыхает, а я внезапно успокаиваюсь: пригрелся возле ее горячего тела, дрожь прошла, мне хочется опять почувствовать на своем лице ее губы, вот только боюсь попросить ее об этом, но тут она, будто почувствовав, наклоняется и касается губами моего лба.

— Ты увидела это в моем сне?

— Да! — отвечает она.

— А как ты в него вошла?

— Мне помогли...

Я не спрашиваю кто. Меня интересует другое.

— А они сами — откуда?

— Не знаю, — говорит Монка, — они уже жили здесь, когда мы пришли. Может, они жили здесь всегда, хотя иногда мне кажется, они прилетели оттуда... — и она смотрит на небо, я тоже поднимаю глаза, луна плывет над нами, а следом кружатся звезды, внезапно одна отрывается и падает, спустя мгновение за ней следует другая.

— А там что-то есть?

Монка опять начинает гладить мои волосы.

— Должно быть, Тимус...

— А тот мир, ты помнишь его?

Об этом нельзя спрашивать, запрещено. Тот мир исчез, и зачем нам о нем что-то знать?

— Плохо, — говорит Монка, — я была еще совсем маленькой...

Помню лишь море...

— А что это?

— Это когда очень много воды. И она соленая!

— Вода не может быть соленой! — возмущаюсь я. — Тогда в ней не смогут жить рыбы...

Монка смеется.

— Дурачок! — говорит она, и я вдруг чувствую ее губы. Она целует меня, неужели опять возвратится сон?

Но этого не происходит, Монка вдруг напрягается и начинает к чему-то прислушиваться.

— Что с тобой? — спрашиваю я.

— Голоса, — говорит она, — вроде бы они зовут меня на помощь, но так тихо, что я могу и ошибаться...

— Они? А разве они сами не могут справиться?

— Иногда — нет. Они ведь маленькие. Они умеют то, чего не умеем мы, зато мы — сильнее...

— А они могут переплыть море, если оно такое большое?

— Его никто не может переплыть, разве что на чем-то, когда ты увидишь его, то поймешь!

— А я увижу?

— Да, только нескоро!

— А когда?

— Когда уйдешь отсюда!

— Я не хочу уходить!

Монка не отвечает, я вдруг понимаю, что сейчас снова начнется сон, и оказываюсь прав. На этот раз влажная темнота продолжается дольше, мы оба купаемся в ней, покачиваемся на ее волнах, наверное, так же качаются на волнах неведомого мне моря.

А потом, когда все заканчивается, она вдруг отталкивает меня от себя.

— Они говорят, тебе пора!

— Так быстро?

— Не спрашивай, уходи!

— Ты мне так и не рассказала про тот мир...

— Ты сам увидишь, когда придешь в город...

— Но почему я должен уходить?

— Потому что здесь все меняется, они говорят, что горит лес, что огонь уже подступает к жилищу...

Монка плачет.

Я еще никогда не видел, чтобы женщина плакала.

— Иди! — говорит она сквозь слезы.

И тут я понимаю, что действительно все изменилось. Часть неба внезапно покраснела, наверное, именно в той стороне и горит лес. Ес-

ли ветер сменится, то огонь быстро доберется до того места, где сейчас находимся мы с Монкой.

И уже не убежать.

— А ты? — говорю я.

Она не отвечает. Сидит рядом на земле, покрытой жухлой осенней травой, плачет и молчит.

— Я не пойду без тебя!

И тут она бьет меня по лицу. Так сильно, что в ушах начинается звенеть.

— Немедленно, — говорит она сквозь слезы, — вставай и иди. Убирайся! А то опоздаешь!

Мне ничего не остается, как встать и уйти.

Я все еще голый, меня знобит.

Я тащусь по этому лесу, который собирается сожрать меня, послав вдогонку огонь.

И самое странное, что я отчетливо слышу голос Монки. Он сейчас в моей голове, устроился там, как хохряк в своей норке.

— Ты должен увидеть, понять и найти...

— Что? — спрашиваю я.

— Не знаю, и они не знают. Но они просят передать тебе, чтобы ты шел в город и искал...

— А вы?

— Мы будем здесь, те, кто выживет... Только ты нас больше не увидишь...

Внезапно я натываюсь на брошенную мною же шкуру, видимо, я иду туда, где совсем недавно подсматривал, как Тина и Уаска ловят Интала. И где потом Монка начала погоню за мной.

— Не туда, — раздается в самой глубине норки ее голос, — туда нельзя, иди к реке!

Я послушно сворачиваю, река должна быть внизу, но до нее еще надо добраться, только вот что мне делать потом?

— Плыть, — говорит она, — ведь ты умеешь плавать!

Почему-то становится жарко, как летом. Это огонь несет с собой тепло. Лес за спиной горит, я бегу изо всех сил.

— Монка! — кричу я, но ответа нет. Норка пуста, голос куда-то исчез, неужели я больше его никогда не услышу?

А вот и река, я добегаю до берега и плюхаюсь в воду. Совсем недавно где-то здесь я спасал из воды котоголова. Наверное, поэтому они решили спасти сейчас меня. Вода накрывает с головой, я вынырываю и начинаю грести, течение сильное, вода холодит, шкуру я опять бросил и уже навсегда.

Противоположный берег становится ближе, вот уже чувствуется дно. Теперь можно встать и выйти из воды. Холодный ветер, а ведь совсем недавно он казался таким горячим. Я моментально покрываюсь пупырышками и опять дрожу, только это иная дрожь.

Меня колотит, зубы отбивают какой-то странный ритм.

А ведь я так ждал этого карнавала!

Я не знаю, куда сейчас идти. На этом берегу я вообще плохо ориентируюсь. Это не наши земли, где-то здесь, в пещере, живет странный мужчина с собакой, может, я смогу его найти...

Но пока еще темно, хотя луна все висит в небе, однако небо темное, лишь там, где должно быть наше жилище, оно отсвечивает красными отблесками.

«Скорее бы рассвет, — думаю я, — тогда станет легче!»

Внезапно за очередным поворотом открывается большая заводь с песчаным пляжем. Я иду по мокрому холодному песку, меня все еще знобит, но я уже привык. Зубы перестали отбивать странный ритм, да и пупырышки на коже куда-то исчезли. Скоро рассветет, и на солнце я согреюсь. А потом пойду искать...

Вот только что и кого?

И тут меня вроде как окликают.

Я останавливаюсь, кажется, кто-то зовет меня с реки, вроде бы с самой середины.

Мне ничего не остается, как вновь зайти в воду и побрести по мелководью, чувствуя, что дно постепенно начинает уходить из-под ног.

Хотя нет, вот один большой камень, за ним — другой, будто мост или дорога, проложенные здесь кем-то и когда-то.

И на самой середине, между двумя камнями, зажато чье-то тело.

Я не знаю, кто это, но понимаю: мне надо попытаться вытащить его из воды. Если хватит сил, ведь я весь опять дрожу от холода.

Я пытаюсь подтолкнуть тело, освободить его от каменного плена, хватаю за руки и тяну.

И внезапно сам падаю в воду, а когда, нахлебавшись, выныриваю, то вижу, как течение начинает крутить и нести тело дальше по реке.

Только там мелководье, я бросаюсь следом и пытаюсь догнать.

Вода здесь еще холоднее, но мне все равно.

Два метра, три...

Четыре, пять...

Старшая Мать лежит на спине и смотрит в небо.

Мне хочется отвести от нее глаза: лицо в кровоподтеках, голое тело в ссадинах и царапинах.

Но я подхватываю ее под мышки и начинаю тащить к берегу.

Она молчит, голова болтается, как у неживой.

Но ведь меня кто-то звал с реки, я отчетливо слышал голос.

Становится совсем мелко, я бросаю ее и сажусь рядом. Что-то надо сделать, только я не помню что, ведь я никогда еще не вытаскивал из воды людей, которые перестали дышать.

Снова встаю и волоком тащу ее к берегу, дно здесь песчаное, но в ракушках, мои ноги уже кровоточат, а спина ее, скорее всего, вся покрыта порезами, однако я должен вытащить ее на берег, еще два метра, еще три...

Я переворачиваю ее на живот, кладу себе на колено и давлю на спину.

Внутри Старшей что-то громко лопается, и ее начинает рвать.

Один сон сменился другим, все это происходит не со мной, того Тимуса уже нет — но тогда кто я?

Она дышит, я бережно кладу ее на холодный песок, она лежит на боку, подтянув ноги к подбородку.

— Мы должны идти! — говорю я, глядя, как солнце встает за излучиной.

Старшая Мать смотрит куда-то в сторону, и вдруг я понимаю: она меня не узнает.

Или не видит, будто все еще находится на том берегу.

— Мы должны идти! — повторяю я.

Старшая Мать послушно пытается встать, но сразу же падает на берег.

Я подхватываю ее и буквально тащу на себе.

Смешно, но за последние несколько часов я второй раз прикасаюсь к голой женщине.

Только на этот раз я просто не чувствую ее наготы.

Сны исчезли, может, их больше никогда и не будет.

Как того мира, в котором Монка видела море.

Не будет и Монки, только думать об этом я не хочу.

И про котоголовов не хочу думать — неужели их больше нет?

Этого не может быть, они ведь существовали еще до того, как мы сюда пришли...

— Ты кто? — спрашивает меня Старшая.

— Тимус! — отвечаю я.

— Ты не Тимус, — говорит она, — тот еще совсем маленький...

— Ты можешь идти сама?

Она не отвечает, просто отстраняется от меня и идет рядом.

Только не идет, а бредет, покачиваясь, и время от времени хватаясь за меня, чтобы не упасть.

— Он стрелял в меня! — говорит она.

Я не спрашиваю кто, догадываюсь...

— Я думала, что это Бонза, но оказалось, другой...

У меня подкашиваются ноги, я сам хватаюсь за Старшую, чтобы не упасть.

— Он промазал, но тут я упала в воду... Куда мы идем? Надо обратно!

— Туда нельзя, — говорю я, — там все сгорело...

Она замолкает и останавливается.

Если она меня узнает, то больше ничего не расскажет. Старшая Мать не должна говорить мальчику из племени о том, что случилось. Даже если он уже не мальчик...

Но она меня все так же не признает.

— А почему тебя тоже зовут Тимусом?

— Назвали! — говорю я.

Где-то неподалеку уже должна быть пещера. Главное, найти ее и согреться. Иначе мы оба заболеем, и я, и Старшая Мать. И тогда я не смогу сделать того, что мне велела Монка — пойти в город и узнать ответ.

А Старшая не сможет отомстить, ведь она должна хотеть отомстить — только кому?

Если в нее стрелял не Бонза, то это сделал Кирдык.

Хотя они оба — убийцы, был мир, а они его убили.

Солнце уже довольно высоко взошло над горизонтом. Я начинаю согреваться, хотя больше всего мне хочется что-то надеть на себя.

Чтобы Старшая не видела моей наготы.

Внезапно раздается громкий лай. Большой серый пес появляется между деревьев и прыжками несется на встречу.

Мы останавливаемся, собака подбегает к нам, обнюхивает вначале меня, а потом и Старшую Мать.

— Волк! — слышится голос. — Кто там, Волк?

Пес опять лает, а потом замолкает и стоит перед нами, будто показывая черту, которую нельзя переступить.

16.

Странная выдалась ночь. Хныщ долго не мог уснуть, а когда ему это удалось, то его начали мучить кошмары, хотя обычно он спал

крепко, особенно если перед сном ему удавалось поиграть на саксофоне, вот только Волк терпеть не мог слушать эти визжащие звуки, а иные у Хныща не получались, как он ни старался.

Волк начинал возмущенно поскуливать, потом принимался громко выть, будто желая заглушить игру Хныща, а если тот не унимался, то пес, несколько раз рыкнув для острастки, старался прихватить его пастью, почему-то всегда за правую руку, ту самую, пальцами которой Хныщ упоенно и беспомощно давил на кнопки инструмента, отчетливо понимая: ни в одном приличном месте ему не дали бы заниматься этим даже пяти минут.

Только вот приличных мест уже лет двадцать как не было. А с годами Хныщ вообще начал сомневаться, что когда-то он знал иную жизнь. Разве что видел во снах, которые все чаще стали переносить его в то время, которое исчезло. Как правило, сны эти были приятными и ненавязчивыми, вот только не в эту ночь.

Хныщу снился город. Было лето, стояла жара. Солнце палило всю, но деревья не отбрасывали тени. И струи фонтана, мимо которого шел тот, второй, еще молодой Хныщ, были просто облачками пара, фонтан пшикал, выпускал пар, замолкал, опять пшикал, никакой воды и никакой прохлады!

Людей было много, только все они были какими-то плоскими, сплюснутыми, будто вырезанными из картона. А еще сильно пахло выгребной ямой.

Хныщ шел без всякой цели, просто брел по городу, слушая шум проезжающих машин, тоже плоских, и пытаясь убежать от этого запаха, ему даже подумалось, что это все фонтан, вроде бы так пахнут струи белесого пара. Внезапно запах исчез, как и машины, да и люди тоже вдруг испарились, будто их и не было, лишь один Хныщ в самом центре абсолютно пустого, оболваненного жарой города, в котором деревья больше не отбрасывают тени.

Тут он и увидел кафе — парусиновый тент, натянутый прямо над асфальтом, несколько столиков и стойка. Ему захотелось чего-нибудь выпить, он подошел к стойке, но за ней никого не было.

— Эй, — сказал Хныщ, — тут есть кто-нибудь?

Никто не ответил, лишь в музыкальном центре, стоявшем на стойке, внезапно замигала какая-то зеленая лампочка, а потом из динамиков раздался голос:

— Местное время...

Затем послышались бульканье и шипение, волна куда-то сместилась, местное время осталось загадкой, хотя, судя по солнцу, был полдень.

— Двенадцать часов! — зачем-то ответил Хныщ.

Бульканье и шипение прекратились, голос, внезапно ставший низким и бархатным, насмешливо произнес:

— Неправда, раз этого места нет, то и местного времени больше нет!

— А где я? — спросил Хныщ.

Голос ничего не ответил, послышался лишь глубокий вздох, будто кто-то пытается, но так и не может ничего сказать в ответ.

Хныщ перегнулся через стойку, взял стакан и решил сам себе налить пива. Открыл кран, из него полилась одна пена, причем противного красноватого цвета. И пахла она противно, совсем не пивом. Хныщ закрыл кран, оставил стакан на стойке и пошел к выходу.

— Ты куда? — на этот раз голос был не мужским, а женским, очень даже приятным, немного вкрадчивым.

— А что? — вопросом на вопрос ответил Хныщ.

— Садись, поговорим!

Он сел за ближайший столик, опять раздалось бульканье и шипение, будто вновь менялась радиоволна.

Солнце безжалостно палило через тент, голос замолк на какое-то время, но потом возник опять.

— Ты зачем вернулся?

— Я не уезжал! — сказал Хныщ.

— Вы все уехали! — проворковал все тот же женский голос, но потом вдруг возник уже подзабытый, низкий и бархатистый мужской.

— Бежали! — сказал он. И добавил: — Трусый!

— Я здесь живу, — сказал Хныщ, — у меня даже в паспорте записано...

— Здесь никто не живет! — мужчина сердился, это было заметно.

— Давным-давно, уже двадцать лет! — добавила женщина.

— Бред, — сказал Хныщ, — я только недавно вышел из дома...

— У тебя здесь нет дома! — отрезал мужчина.

— Уже двадцать лет как нет! — опять встряла женщина.

Хныщу надоел этот беспредметный, с его точки зрения, разговор, и он опять собрался уйти.

— Подожди! — мужской голос был настойчивым, женский же пропустил на этот раз свою очередь.

— Чего? — автоматически спросил Хныщ.

— Увидишь! — загадочно произнес мужчина. А потом добавил: — Должен быть третий знак!

Зелененький глазок на музыкальном центре вдруг погас.

Хныщ посмотрел вокруг, но никого и нигде не было, хотя там, вдалеке, намечалось какое-то шевеление. Прямо на прожаренном солнцем асфальте, который вдруг стал покрываться буграми, будто кто-то прорывал в земле нору, дошел до поверхности и вот сейчас пытается выбраться наружу.

Ближайший к нему асфальтовый бугорок лопнул, из него выполз кузнечик огромных размеров, наверное, с Волка, если не больше. Да, надо бы позвать Волка, только где его сейчас найдешь?

Волк положил ему морду на колено, Хныщ ничуть не удивился его появлению.

Так и должно быть во сне, хотя ему начинало казаться, что это все не сон.

Но тогда что?

Лопнул еще один бугорок. Из образовавшейся дыры вылез еще один кузнечик, затем они полезли из-под асфальта один за другим, огромные, со странными головами и большими фасеточными глазами. Только вот зубы... Желтоватые и огромных размеров... Больше, чем у Волка, намного больше!

Тот зарычал. Кузнечики молча приближались, окружая кафе, где сидел Хныщ, со всех сторон.

— Сожрут! — сказал он Волку, глядя пса по голове.

Собака напряглась, будто уже приготовилась к прыжку, Хныщ чувствовал, как у нее на загривке дыбом встала шерсть.

Кузнечики понеслись огромными прыжками, но почти у самого кафе они вдруг взмывали в воздух, сотрясая его огромными прозрачными крыльями.

На земле вдруг появилась тень, а потом внезапно стало темно — солнце пропало, будто его никогда и не было.

Свет погас, воцарилась тьма.

— Я же тебе говорил, должен быть третий знак! — донесся до Хныща все тот же мужской голос.

Волк заскулил, Хныщ погладил его по голове, но тот скулил все громче и громче, и Хныщ проснулся.

Еще темно, но, судя по всему, скоро наступит рассвет. Хныщ давно уже привык к тому, что время переселилось в него: есть рассвет, есть закат, а часовые стрелки убраны за ненадобностью. Он и так все знает, надо лишь сбросить с себя остатки этого сна, умыться и решить, что делать дальше.

Хотя чего тут решать — надо уходить.

Собрать кое-какие вещи, свистнуть Волка и пойти в город.

Завалить вход в пещеру, может, ему еще придется вернуться.

И дело не во сне, просто он давно уже там не был, ближайшие окраины не в счет.

Хныщ встал и вышел из пещеры.

Было холодно, снизу, от реки, полз туман.

Он поежился, представляя, как сейчас спустится к реке, разделется и пойдет в нее. Пусть и на мгновение, но его сразу же обожжет водой, «желтое лето» — одно название, на самом деле давно уже глубокая осень, пусть в этом году она полна солнца и лишена дождей.

Но зато он сразу проснется, стряхнет с себя остатки ночного кошмара, всех этих кузнечиков, зачем-то выбравшихся из-под асфальта, да и радиоголоса из прошлого — вода смоеет и их, и тогда Хныщ быстро позавтракает, соберется и покинет холмы.

Он выдержал в воде лишь несколько минут, затем вернулся к пещере, позавтракал вяленным мясом, остатки которого аккуратно завернул в старую тряпку — лучше бы, конечно, в листья, хотя бы лопуха, но где их сейчас взять?

Волк выпросил маленький кусочек мяса, хотя, судя по всему, уже и сам позавтракал пойманной на перекате рыбиной.

Солнце встало, Хныщ собрал вещи: одежда, которая ему понадобится, еще новая, принесенная из последнего набега на окраины, нож, трут и кремни, если повезет, разживется на каком-нибудь складе спичками, но этот склад еще надо найти, а его запасы подошли к концу!

И тут Волк залаял, вскочил и понесся к реке.

Хныщ пошел за ним.

Между деревьев, что сбегали по склону вниз, к самой реке, отчетливо виднелись две голые фигуры. Волк стоял напротив и лаял, будто говоря: «Стоп! Дальше прохода нет!».

— Волк! — закричал Хныщ. — Кто там, Волк? — Потом он быстро начал спускаться, кто знает, что еще взбредет в голову псу, а от этих людей никакой беды ждать не стоит, мальчик, ну, подросток, лет четырнадцать, и женщина со спутанными волосами, у которой вроде бы нет возраста.

Судя по всему, они с той стороны.

Мальчик — точно тот, который тогда заблудился, и Хныщ еще показал ему, где их жилище.

Хорошо еще, не затоптал костер, гостям надо согреться. А потом, когда они расскажут о себе, решим, что делать.

Только вот они ничего не рассказывают. Сели у костра и греются. Хныщ достал мясо — благодарно вцепились, каждый в свой кусок. У

женщины ничего не выражающие глаза, будто она не здесь, но вот где — и сама не знает.

— Ты так и не сказал тогда, как тебя зовут! — обратился Хныщ к мальчику.

— Тимус, — недолго помолчав, ответил тот, а потом вдруг заплакал.

Хныщ зашел в пещеру и начал рыться в куче оставленных вещей. Выбрал что покрепче и вернулся наружу. Тимус и женщина все так же сидели у костра, от последних кусочков вяленого мяса не осталось и крошки.

— Оденьтесь, — сказал Хныщ, протягивая им вещи. А потом спросил: — Ее-то как зовут?

Тимус, уже переставший плакать, замялся.

— Не хочешь — не отвечай! — добродушно проговорил Хныщ, наблюдая, как парнишка натянул на себя его старые штаны, длинные и широкие.

— Подверни, — сказал он, — а я поищу какой-нибудь пояс!

Он достал из мешка веревку, отрезал кусок и протянул мальчику.

Женщина так и сидела голой.

— Она что, не слышит? — спросил Хныщ.

— Она чуть не утонула, — ответил Тимус, подворачивая штанины, — наверное, из-за этого...

— А как она выбралась?

Мальчик ничего не ответил, он уже подпоясался веревкой и теперь застегивал старую клетчатую рубаху, причем делал это так неумело, что можно было подумать, будто он первый раз в жизни видел пуговицы.

— Значит, — сказал Хныщ, — ты ее спас! А потом добавил: — Попроши ее все же одеться, она ведь заболела!

Тимус протянул женщине вещи, но та никак не отреагировала. Тогда он silkом надел на нее какую-то бесцветную теплую кофту, она не сопротивлялась, лишь продолжала все так же смотреть ничего не выражающим взглядом, от которого Хныщу стало не по себе.

— Интересно, — зачем-то проговорил он вслух, — а как она надеет штаны?

— Ты поможешь! — сказал Тимус.

Они вдвоем надели на женщину штаны, и та сразу же вернулась к догорающему костру.

— Ладно, — сказал Хныщ, — выходит, что вы тут за всем и присмотрите!

- А ты куда? — спросил Тимус.
- Я ухожу, — сказал Хныщ, — мне надо в город...
- А придешь...
- Может, и не приду, тогда будете здесь жить...

Женщина вдруг пристально посмотрела на Хныща и негромко произнесла:

- Мы пойдем с тобой!
- Разговаривает! — опять вроде бы как сам себе сказал Хныщ.
- Нам нельзя здесь оставаться, — продолжила женщина, — нас здесь убьют!
- Тебя как зовут? — спросил Хныщ.

Она промолчала, хотя взгляд ее вдруг стал властным, пусть лишь на какое-то мгновение.

- Как хочешь, — сказал Хныщ, — но со мной вам все равно нельзя, это опасно!
- Везде опасно! — ответила женщина.
- Нельзя! — продолжал настаивать на своем Хныщ.

Мальчик молчал, он сидел у почти догоревшего костра и переводил взгляд то на женщину, то на Хныща, то на Волка.

— Ты возьмешь нас с собой! — властно сказала женщина, и Хныщ вдруг понял: он ее послушается. Да и потом — втроем веселее, он слишком долго жил здесь один, вроде бы и привык, но временами очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Чтобы тебе отвечали, а Волк этого делать не умел.

- Ну что, Волк, — спросил Хныщ, — возьмем?

Пес заурчал в ответ — Тимус прилежно почесывал ему за ухом, и тому это явно нравилось.

- Третий знак... — отчего-то проговорил Хныщ.
- Что? — настороженно спросила женщина.
- Да так, — ответил Хныщ, — сон сегодня дурной был...
- Это все пожар, — сказала та, — ты его тоже почувствовал... — А потом добавила: — Там все сгорело, а может, и не все...

— Пошли, — сказал Хныщ, — пора! Помоги вход завалить! — обратился он к мальчику.

Тимус молча встал и пошел помогать. Они брали камни, подкатывали их ко входу, затем шли и катили другие. Один на другой, еще один, затем еще...

- Жалко будет, если разграбят, саксофон там... — сказал Хныщ, опять ни к кому не обращаясь.
- А что это? — не удержался от вопроса мальчик.
- Да так, — сказал Хныщ, — одна ненужная штукавина!

Взял мешок, забросил на спину, накиннул лямку и размашистым шагом пошел прочь от реки, туда, где, если долго идти по холмам, можно выбраться на старую дорогу, ведущую в город.

Волк бежал рядом, женщина с Тимусом еле успевали за ними.

Полдень остался позади, желтый лес готовился к тому, что через несколько часов опять подползут сумерки, а следом наступит ночь.

Внезапно поднялся легкий ветерок.

Он принес с собой странный, до того не ощущаемый Хнышом запах — приторно пахло чем-то горелым.

Холмы то набегали на них, то пропускали вперед, Волк временами начинал беспокойно лаять, но потом успокаивался и опять бежал молча.

Старшая Мать шла замыкающей, она смотрела в спину Тимусу и думала, что мир опять перевернулся, как и в тот день двадцать лет назад, когда все началось.

Хныш пытался представить, что они будут делать, когда доберутся до окраин, и где сегодня будут ночевать, да и что будут есть, потому что вяленого мяса больше нет.

А Тимус хотел одного — узнать каким-нибудь образом, что произошло с Монкой и осталась ли она в живых, только не знал, как бы ему это сделать.

Внезапно солнечный лучик отразился от золотой серьги в ухе Хныща и на секунду ослепил Тимуса.

Тот зажмурился, и в этот самый момент норка в голове опять ожила, и очень далекий голос произнес:

— Удачи тебе, Тимус! — А потом, спустя мгновение, добавил: — Может быть, мы еще встретимся!

— Все, — сказал Хныш, — пришли!

Он сбросил мешок и сел рядом на землю.

Уже отчетливо был виден город. Красноватые лучи заходящего солнца зловеще пылали на уходящих за горизонт крышах.

— Страшно! — сказал вдруг Тимус.

— Мне тоже! — честно признался Хныш.

Старшая Мать ничего не ответила, а Волк было заскулил, но потом замолчал и неуверенно побежал вперед.

Они двинулись за ним, следом поднялся ветер, только нес он с собой не запах уже выветрившейся гари, а сухую печаль холмов.

Тимусу вновь показалось, что ему желают удачи, и он обернулся. Старшая Мать по-прежнему шла за ним, а больше никого не было.

Г Е Н Р И Л А Й О Н О Л Д И

ЛОДОЧНИК

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Tribute to Roger Zelazny

Сегодня опять никто не пришел. Лодочник вздохнул, докурил трубку и встал с чурбачка. Для вечерних посиделок он всегда выносил к берегу чурбачок, ставил под ивой, садился, закуривал и смотрел на воду. Табак он выращивал сам, в огороде, за грядкой укропа и двумя кустами красной смородины. Он много чего делал сам, потому что помощников здесь не водилось. Только он — и те, кого требовалось перевезти на другой берег.

С недавних пор он остался один.

«С давних, — поправился лодочник. — С давних, приятель. Никому больше не надо плыть через твою дурацкую реку. Мир изменился. Никто не приходит, а ты ждешь, как дурак. Готов поклясться, ты и завтра явишься сюда — ждать. Сотня дел по дому, тысяча забот по хозяйству, а ты, выкроив по минутке от каждого часа, станешь бегать к реке, как мальчишка, и глазеть по сторонам, сопя от огорчения.

Ага, так и будет, и никак иначе».

Тонкие ветви ивы купались в черной воде. В бочаге плеснула рыба. Луна, белесая, как рыбий пузырь, качалась в смутном небе. Вдали, за рекой, выла собака. Отражаясь от луны, вой дробился, расслаивался, летел над коврами маков и диких лилий. Казалось, воет не один пес, а по меньшей мере три.

— Хватит, дурачок, — шепнул лодочник, словно несчастный зверь мог его услышать. — Хватит. Не трави душу. Ну, луна, понимаю. А их все равно нет, хоть вой, хоть рвись с цепи...

Он знал, что на той стороне реки тоже никого нет. Несколько раз он садился в лодку — без пассажиров, хотя это было противоестественно! — и плыл на другой берег. Оставив лодку на песчаной косе, он шел и шел, углубляясь в дикие, безлюдные земли. Крепкие, хотя и непривычные к долгой ходьбе ноги меряли пространство. Зоркие, несмотря на возраст, глаза шарили вокруг, слезаясь от надежды. По дороге он волновался, что лодку могут украсть.

Иногда он кричал:

— Э-эй! Эге-ге-гей!

Ему не отвечало даже эхо. Здесь не было эха, хоть в бубен стучи.

Время лодочник рассчитывал так, чтобы успеть вернуться к вече-

ру, переплыть обратно и ночевать в хижине, а не под открытым небом. Иногда по пути домой он думал, что стоило бы хорошенько заготовиться провизией — и уйти в поход дней на пять или на неделю. А вдруг там, за рекой, кто-то остался? Затаился в пещере, укрылся в лесу, спрятался за скалой и боится выглянуть... Не все так общительны, как некий брошенный на произвол судьбы лодочник.

В конце концов, если они перестали являться на этот берег, то им совершенно необязательно исчезать сразу по обе стороны реки! Надо взять сыра, и лепешек, и курева, и воды в бурдюке, набрав ее из родника, потому что из реки пить нельзя, и пойти куда-нибудь, куда угодно. Может быть, даже туда, откуда они приходили раньше. Найти их, спросить, почему столько времени никого нет...

Ясное дело, он тешил себя иллюзиями, но есть ситуации, в которых тебе остаются лишь иллюзии. Он знал, что не уйдет ни на пять дней, ни тем более на неделю. Он не мог так долго оставлять лодку без присмотра.

Взяв чурбачок под мышку, он побрел к хижине. «Они ушли, — думал лодочник по дороге. — Они ушли, и я не понимаю — куда. Они забыли дорогу к реке, и я не знаю — почему. Это началось давно, но я не помню — когда именно. Что мне осталось? Лодка, река и славный табачок. Пожалуй, немало. Я знаю многих, кто с удовольствием поменялся бы со мной местами».

Раньше, везя пассажиров через реку, он иногда в шутку спрашивал: не хочет ли кто-то поменяться с ним местами? Желающие, как ни странно, встречались редко. Но кое-кто соглашался. Если сосчитать всех, давших согласие, выйдет вполне пристойная компания.

Многие — это немногие, умноженные на время.

Лодочник улыбнулся, вспоминая, как предлагал хитрецам сесть на весла. Лодка через минуту начинала вертеться, вода хлюпала через борт. Хитрецы тщетно орудовали веслами, бранясь и всхлипывая, остальные пассажиры вопили от страха... Когда он наконец возвращался на законное место, его благодарили. Крохотный мир лодки на мгновение забывал, где они, кто они и куда плывут. Оставалась лишь шутка, и глупость, и страх, и спасение.

Вполне достаточно.

Высаживаясь, каждый давал ему монетку. Возвращаясь домой, отдыхать или за новой партией желающих переправиться, он останавливал пустую лодку на середине реки и бросал монетки в воду: одну

за другой. Какой-то пассажир, грустный человек с влажными глазами навывкате, задержавшись на переправе, потому что в тот день пришло много народу, сказал ему:

— Так делают, чтобы вернуться. Куда хотите вернуться вы, лодочник?

— Я хочу вернуться на свою реку, — ответил он.

Грустный пассажир удивился:

— Неужели? Разве вы когда-нибудь покидали эти места?

— Нет, — ответил он. — Никогда. А разве для того, чтобы хотеть вернуться, непременно надо сперва уйти?

— Вы философ, — засмеялся грустный пассажир. Смех у него был под стать облику: тихий и невеселый. — Тогда сделайте одолжение, киньте монетку и за меня. Я тоже хочу однажды вернуться. Февральский снег, рыхлый и ноздреватый, вкус свежего хлеба... Крики галок над колокольней. Да, я очень хочу вернуться. Я бы кинул сам, но свою монетку я только что отдал вам.

Лодочник, извиняясь, развел руками:

— Ничего не получится. Простите, если обидел, но я не умею лгать. Такие, как вы, не возвращаются. Зачем зря тратить монету?

«Зачем зря тратить желание?» — хотел добавить он, но промолчал. Монетка что, ерунда — бульк и нету, а хорошее желание всегда пригодится. Даже на той стороне, где маки и лилии.

— А такие, как вы, не уезжают, — подвел итог грустный. — Ладно, я пойду. Удачи!

На середине реки лодочник все-таки кинул в воду монетку за этого пассажира. На всякий случай. Монетка, конечно же, пропала даром. Впрочем, остальные монеты утонули со смыслом вряд ли большим, а значит, беспокоиться было не о чем.

Сейчас, в сумерках возвращаясь к хижине, лодочник вспомнил грустного пассажира. Жаль, что он не вернулся. Сидели бы вдвоем, на двух чурбачках, курили и болтали о пустяках. Грустный научился бы грести, и конопатить лодку, и ухаживать за курами...

Лодочник остановился.

У него перехватило дыхание. На лбу выступили крупные капли пота. От волнения ему показалось, что возле хижины стоит грустный пассажир с влажными глазами навывкате. Лишь спустя два томительно-долгих удара сердца он понял, что ошибся.

У хижины стояла женщина.

Он ускорил шаг, но быстро опомнился. Негоже бежать навстречу случайной гостье, словно ты — сопливый мальчишка. Мало ли, что здесь давно никто не появлялся. Возможно, с завтрашнего утра они пойдут толпами — только успевай перевозить. Надо будет заново просмолить лодку и разобраться с уключинами. И укрепить причал: случались дни, когда третья справа доска не выдерживала.

Он уже и забыл, когда они случались, такие дни.

— Добрый вечер, — сказала женщина, дождавшись, пока он поднимется по тропинке. — Я понимаю, что некстати... Вы разрешите мне переночевать в хижине? Поверьте, я не стесню.

Высокая, стройная, она была в годах, но не выглядела старухой. Уж точно, не старше лодочника. Ветер трепал подол черного платья, шелестел на белых кружевах воротничка и рукавов. Ноги, открытые до колен, казались изящными и сильными. Чувствовалось, что женщине доводится много ходить пешком и она знает толк в удобной обуви.

В правой руке женщина держала серп.

— Разве вам не надо на тот берег? — удивился лодочник.

— Мне? Нет. А что, там кто-нибудь есть?

— Нет. Я думал...

Он хотел сказать, что перевезет ее, и с этой минуты на том берегу будет она, а дальше, глядишь, все опять наладится, станет, как раньше... И не сказал. Вой собаки стих, луна поднялась выше. В наступившей тишине стало слышно, как внизу плещет река.

— Уже поздно, — лодочник поставил чурбачок на землю. — Давайте ужинать. У меня есть сыр, лепешки, и сушеная рыба, и вода из родника. Еще на леднике яйца, пять штук. Мои куры хорошо несутся. Вы как любите, вкрутую или «в мешочек»?

— Я люблю яичницу, — ответила женщина. — У вас найдется сковородка?

Сковородка нашлась. Вскоре на ней зашкворчала грудинка, которую гостья извлекла из дорожной котомки. Яйца растеклись между поджаренными ломтиками, застывая и уплотняясь. Сушеная рыба быстро превратилась в набор из маслянистых ребрышек, жирной спинки и тускло-красноватой, слезящейся икры. Сыр расплавился на подогретых лепешках, а сверху женщина насыпала горсточку мелко порубленного укропа.

— Царский ужин, — сказала она. — Спасибо.

— Это вам спасибо...

Все это время лодочник сидел на чурбачке, курил вторую за вечер трубку и смотрел, как она стряпает. Чудесное зрелище. В самом начале он сунулся было помочь, но женщина решительно отстранила его, велев принести воды и отдыхать. «Уверена, что вы устали, — сказала она. — Я что, я просто шла и глазела по сторонам, а у вас река, и лодка, и хозяйство, и вообще...»

Он не стал спорить. Хотелось, конечно, возразить: дескать «вы целый день шли, а может, и не день, и даже не неделю, пока я бездельничал на берегу...» Но грудинка пахла так вкусно, а лепешки с сыром и зеленью выглядели так красиво, что любой спор заканчивался, не начавшись.

— У вас есть инструменты? — спросила она после ужина.

Он встревожился. Сейчас женщина попросит иголку и нитки, а костяная игла и моток суровых ниток вряд ли уместны, если возникла нужда пришить оторвавшееся кружево.

— Что вам нужно?

Вопрос прозвучал грубовато. Он покраснел от стыда. К счастью, сумерки скрыли его неловкость. Вечером все кони бледны, как говорил один пассажир, мрачный и неприветливый.

— Я хочу привести в порядок мой серп. Хорошо бы точильный камень и наждак...

— Конечно! У меня есть даже ножовка по металлу...

Он снова покраснел. Хвастается, как мальчишка! Но женщина благодарила его со всей искренностью, а ножовка привела ее в восхищение. Через десять минут, доедая от нечего делать последнюю лепешку, он с удовольствием наблюдал, как она возится с серпом. Чем-то напоминало его возню с веслами. Привычка, за много лет не утратившая оттенок любовности.

Темнота не была женщине помехой. Ей вполне хватало света луны.

— Я бы мог смастерить вам новую рукоять для серпа, — сказал он. — Здесь рядом есть буковая роща. Ваша старушка, конечно, еще послужит. Но всегда хорошо иметь под рукой запас.

Она улыбнулась.

— Вы очень любезны.

Лодочник понял, что это отказ, но рискнул еще раз.

— Я умею работать с деревом. С металлом — не очень, а с деревом умею. Я сам делаю себе весла. Хотите посмотреть?

— Уверена, что у вас чудесные весла, — засмеялась она. — И золотые руки. Просто мне не хотелось бы обременять вас пустой работой. Если я ухаживаю за серпом по привычке, это не значит, что и вы должны делать то же самое. Но если случится чудо, и у меня возникнет нужда в новой рукояти, вы будете первым, к кому я обращусь.

— Хорошо, — серьезно кивнул лодочник. — Пусть я буду первым. Женщина вдруг отложила серп в сторону.

— Знаете, что я скажу? Я удивляюсь, почему вообще не выбросила эту железяку. Кому она теперь нужна? Разве что мне. И то как память. Одни хранят любовные письма, другие — медальон с локоном волос, а я — этот серп.

— А я — лодку.

Слова вырвались сами, произвольно. В следующий миг он уже пожалел о сказанном. И, чтобы скрыть замешательство, задал вопрос — главный, мучительный, который терзал его день за днем, пока он ждал на берегу:

— Скажите, там, откуда вы пришли... Там и впрямь больше никого нет?

— Никого, — ответила женщина.

— Совсем?

— Совсем.

— И никто больше не придет к переправе?

— Думаю, что так. Я искала — может, хоть кто-то остался... Я очень долго искала. Там, откуда я пришла, есть много заповедных уголков — в джунглях, в горах, на островах. Не скажу, что обошла их все, но...

Она не договорила, бесцельно играя серпом.

«Я их всех перевез, — подумал он. — Всех. До единого». Ему казалось, эта мысль должна принести покой и удовлетворение, но он ошибся. На сердце скребли кошки, руки, словно чужие, лежали на коленях. Сейчас он был лодкой, брошенной на произвол судьбы.

— А зачем вы пришли сюда?

— Я вам надоела? — она кокетливо оправила платье.

— Нет, что вы! Я просто... я хотел спросить... Ну, вам же не надо на тот берег!

— Простите, я не думала вас смутить. Понимаете, когда я убедилась, что нигде никого не осталось, я задала себе вопрос: а на том берегу? Мне захотелось переплыть реку, пройтись по землям, где я

раньше не бывала, найти хоть кого-то, кто скажет мне, что я еще существую, что я — не бесплотная тень... Теперь я понимаю, как это было глупо.

Лодочник нахмурился, чувствуя, что к горлу подкатывает ком, и решился.

— Вы — не тень. Вы существуете. Хотите, я скажу вам это сто раз подряд?

— Хочу, — ответила она. — Но уже очень поздно. Пора ложиться спать.

Утром женщина ушла. Лодочник предлагал свозить ее за реку, погулять, нарвать букет лилий... Ничего не получилось. Женщина сказала, что вернется, откуда пришла, и продолжит поиски. Что остались еще укромные места, где вполне мог бы кто-то сохраниться.

Что минутная слабость ничего не значит.

Когда она скрылась за буковой рощей, лодочник долго смотрел ей вслед. Стройная, легконогая, в черном платье с белыми кружевами, с серпом в руке, она почти бежала, словно боялась: умерь она шаг, и ее потянет назад.

До обеда он возился в огороде. Потом чинил лодку. Потом вытащил лодку подальше на берег, под навес. Весла завернул в дерюгу и положил рядом. Вернулся в дом и собрался в дорогу. Она не могла уйти далеко. Если он поспешит, то успеет ее догнать. А если даже и не догонит сейчас, то обязательно найдет после. Со временем. Уж чего-чего, а времени у него навалом.

Он знает, где ее искать. В укромных местах. В заповедных уголках. Не может быть, чтобы двое не встретились там, где не осталось ничего, кроме них, Адама и Евы нового мира.

И она еще нестарая.

В любом случае, моложе его.

«Надо будет потом вернуться за собакой, — думал лодочник, уходя и не оглядываясь. — Хорошая собака всегда пригодится в хозяйстве. Вернуться, привести лодку в порядок, переплыть на тот берег и забрать Кербера с собой. Старик заслужил это. Да, и не забыть ножовку по металлу — боюсь, пес до сих пор на цепи...»

На дне покинутой реки блестели камешки.

Словно мириады монеток.

ВОСКРЕШЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

Нет, недаром этот фильм начали демонстрировать в Европе на три месяца раньше, чем в США. Слишком уж это неамериканское кино — что показал Венецианский фестиваль, где фильм хоть и не получил «Золотого льва», но завоевал несколько специальных призов.

Мексиканский режиссер Альфонсо Куарон обрел мировую известность несколько лет назад — и совершенно неожиданно. Тому причиной не экранизация диккенсовских «Больших надежд» и не номинировавшаяся на «Оскар» молодежная драма «И твою маму тоже». Когда Куарону, известному на тот момент только киноманам, предложили стать режиссером третьей ленты «Гарри Поттер и узник Азкабана», публика несказанно удивилась. Однако мексиканец доказал, что он настоящий профессионал со своей неповторимой манерой: его фильм о юном очкарике жесткой стилистикой и мрачным юмором весьма отличался от предыдущих.

Новый фильм Куарона ожидали с интересом: мол, насколько его испортила игра в высшей голливудской лиге. Оказалось, не испортила, зато дала возможность работать спокойно — вряд ли под такой сценарий был бы доступен бюджет в 72 миллиона долларов, если бы не громкое имя.

«Дитя человеческое» — экрани-

зация одноименной книги 1992 года «бабушки» британского криминального романа Ф.Д.Джеймс. Но действие перенесено чуть подальше в будущее: у Джеймс все происходит в 2021 году, здесь же — в 2027-м, когда на Земле перестали рождаться дети. В центре повествования спивающийся лондонский госслужащий Тео Фарон (известный британский театральный актер Клайв Оуэн, «Город греха»), окончательно разочаровавшийся в жизни. В приятелях у него — хиппующий на заброшенном хуторе Джаспер (крайне необычная роль для единственной звезды фильма Майкла Кейна). Но однажды Тео находит его бывшая жена Джулия, ныне возглавляющая одну из террористических группировок. Ведь в жизни разочаровался не только Тео, но и все человечество. Пропала цель существования, мир раздирают протирозмения, люди ищут себя в терроризме, непрерывных молениях, варварстве, киберпространстве, наркотиках, разрушении предметов культуры (или же спасении оных). Америка и континентальная

Европа уже окунулись в пучину нарастающего хаоса, лишь в Британии существует видимость цивилизации — и то за счет жесткого тоталитарного контроля и войны с нелегальными иммигрантами. Джулия просит Тео добыть через брата-министра подорожные документы для одной девушки, чтобы та могла добраться до западного побережья острова. Ну а дальше начинается цепь невероятных приключений, ведь девушка-негритянка (нелегальный иммигрант) на девятом месяце беременности, а доставить ее надо к кораблю «Проекта Человечества» — группы ученых на Азорских островах. Но в команде Джулии хотят использовать нерожденного еще ребенка для своих политических целей...

Куарон попытался сделать реалистичную картину — в отличие от большинства антиутопий, где зрителя сначала пугают надуманными ужасами, а потом пафосно ищут пути спасения мира. Происходящему на экране веришь, ибо мексиканский режиссер рисует 2027 год широкими мазками, по ходу повествования складывающимися в цельное полотно. Кажется, будто бы это немного гипертрофированный слепок с нашей действительности, и все, что происходит в фильме, вполне могло бы происходить сейчас. Реалистичности добавляет и блестящая операторская работа. Особенно в сценах восстания в резервации иммигрантов, снятых в репортажной манере — крайне натуралистично и честно...

Говорят, Куарон сам бегал с камерой на плече, на манер телеоператора в горячей точке, а самые длинные эпизоды с огромной массовой снимались с одного дубля.

Не обошлось и без библейских мотивов, но даже в теме самопожертвования полностью отсутствует пафос. Один неумный российский критик, непонятным образом попавший на Венецианский фестиваль, обвинил Куарона в отсутствии оригинальных технических новинок, коими должен быть полон 2027 год. Но Куарон-то снимал фильм о человечестве, прекратившем развиваться — ибо не для кого! Фильм о современности. Фильм о людях. И даже если в ленте встречаются «гаджеты» — это лишь иллюстрация к тому, как могут, будут или уже живут люди, потерявшие смысл существования. Большинство интерьеров в фильме — это сочетание хайтека с нагромождениями анахронизмов. Огромное количество мелочей на заднем плане, дополняющих картину будущей Англии, органично соседствуют со штрихами, рисующими характеры персонажей. Главный герой абсолютно не обычен для американского кино — за весь фильм он так ни разу не выстрелил... Его цель — провести через ад негритянскую девочку Ки и ее ребенка, чтобы дать человечеству шанс.

Безусловно, «Дитя человеческое» — одна из самых лучших, непротиворечивых, реалистичных антиутопий в новейшей истории кино.

Тимофей ОЗЕРОВ

СДВИГ

Производство компаний «Golden Key Entertainment» и «РОСПОФильм» (Россия), при поддержке Министерства культуры Казахстана, 2006.

Режиссер Анна Кельчевская.

В ролях: Дмитрий Ульянов, Иван Бортник, Михаил Козаков, Михаил Ефремов, Борис Галкин и др. 1ч. 46 мин.

Молодой ученый (журналист, военный, работник спецслужб) неожиданно узнает, что некие злые силы (ястребы в правительстве, безумный генерал, акулы бизнеса, империалисты-милитаристы) хотят захватить власть над миром посредством новейшего сверхсекретного оружия (атомной бомбы, суперлазера, отравляющего газа), взорвав Генсекретаря ООН (Президента США, мирные переговоры по ОСНВ, Антарктиду). Главный герой — маленький винтик в системе, но вполне может спасти мир, чуть-чуть побыв тупым и смелым идиотом, о чем ему сообщает неожиданно встреченная сексапильная блондинка (брюнетка, шатенка, но ни в коем случае — не рыжая). Злые силы прознают о намерении ГГ спасти мир и пытаются его погубить. Но герой при помощи новой подруги и какого-нибудь родственника, выдержав не одну погоню на автомобилях (катерах, самолетах, пароходах, звездолетах), добивается своей цели — все-таки спасает (иногда — не спасает, иногда — спасает, но героически погибает) мир от напасти...

Те, кто постарше, вспомнят, как Госкино СССР закармливало советского зрителя пачками подобных американских штамповок категории «Б» — видимо, пытаясь совместить динамичность зрелища (чтоб народ ходил) с попыткой доказать протестный (герой разоблачает империалистические козни!) характер заокеанского кино. Этакая пропагандистская политкорректность по-советски — вроде и про американцев, но против них.

Теперь история повторяется, но уже как фарс — российский кинематограф решил восполнить зияющий пробел: подобно отечественному автопрому, собирающему свои авто на платформах иномарок многолетней давности, создать свое кино на базе штампованной сюжетной линейки.

Итак, молодой российский ученый-геофизик подозревает, что землетрясение в нефтеносном районе не могло быть вызвано естественными причинами, а виной тому — сейсмическое оружие...

Тимофей ОЗЕРОВ

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ 2

(THE BUTTERFLY EFFECT 2)

Производство компаний New Line Cinema, FilmEngine и BenderSpink, 2006.

Режиссер Джон Р.Леонетти.

В ролях: Эрик Лайвли, Эрика Дбюранс, Дастин Миллифт, Джина Холден и др. 1 ч. 32 мин.

Бывает, что фильм категории «Б» становится культовым — благодаря интересной и необычной сюжетообразующей идее, а также ее удачному воплощению. Бывает также, что, следуя основополагающим законам бизнеса, эту идею пытаются подхватить — как падающее знамя. А иногда просто попользоваться брэндом. И тут весьма важно, кто именно поднимет знамя и как это сделает.

Фильм 2004 года «Эффект бабочки» Эрика Бресса и Мэки Грубера воистину стал культовым: зрителям-интеллектуалам понравилась даже не столько идея о перемещении назад во времени в собственное сознание, сколько ее реализация — когда множество событий и парадоксов логично и изящно закольцовывается.

Малобюджетный сиквел (он даже не вышел на экраны, а был выпущен сразу на DVD) тоже рассказывает о перемещении назад во времени в некие ключевые точки. Однако в отличие от первой ленты герой перемещается всего лишь на год в прошлое. И занимается там вполне практичными вещами: спасается от автокатастрофы, подправляет карьерные перспективы, решает свои проблемы с девушкой... Поэтому в его финальное самопожертвование верится с трудом — слишком уж он приземлен, и душа у него «резиновая»... Перемещаться он может, глядя на фотографии, причем в тот момент, который там зафиксирован. Напомним, что в первом фильме все было сложнее — единым «якорем» служил дневник главного героя.

Что же в «сухом остатке»? Вывод, что абсолютно никакого отношения к первому фильму второй не имеет — ни героями, ни идеями, ни качеством режиссуры и игры актеров. Создается ощущение: единственное, что интересно режиссеру (кстати, лишь недавно покинувшему цех операторов) — это эротические сцены. И еще одно: изначально фильм задумывался как самостоятельное произведение, и лишь после съемок, дабы избежать провала, и уловив некое сходство, создатели использовали для названия зарекомендовавший себя брэнд.

Тимофей ОЗЕРОВ

МЕЧЕНОСЕЦ

Производство кинокомпании СТВ, 2006.

Режиссер Филипп Янковский.

В ролях: Артем Ткаченко, Чулпан Хаматова, Алексей Горбунов, Леонид Громов и др. 1 ч. 48 мин.

Есть такой популярный марвеловский комикс, по которому снят чуть менее популярный киносериал. Это «Люди Икс», где Росوماха — один из ключевых персонажей. Военные сделали его совершенной машиной убийства, и когда Росوماха звереет, из кулаков его выскакивают острые алмазиевые лезвия. Трагический герой жаждет избавиться от этого страшного дара и узнать свою настоящую биографию...

«Меченосец» — его русский клон. Правда, ни автор романа, лауреат премии имени Ф.М.Достоевского Евгений Даниленко, ни режиссер об этом, наверное, не догадываются. Хотя как знать...

Жил-был мальчик Саша, у которого из правой руки в минуты гнева выскакивал меч. Этим холодным оружием он крошил всех, кто хоть раз его обидел. Когда герой подрос, количество смертей увеличилось. Приревновал одноклассницу — смерть ее бойфренду; не платил папа алименты — смерть папе... Но каждый раз герой всенепременно страдает. По его кровавому следу идут (на свою беду) милиция и бандиты.

Идут долго.

И «в общем, все умерли».

Правда, в конце фильм несколько оживляется, когда герой (уж он-то точно читал «Людей Икс») начинает срубать лесопосадку, заваливая преследующих спецназовцев, а затем разрубает пополам вертолет... И снято это так... Словом, рецензент от души хохотал, хотя, по замыслу режиссера, должен был рыдать.

«Меченосец», несмотря на кровавую начинку, отнюдь не боевик. Это фильм-настроение, медленный, тягучий, с отсылками к Тарковскому и «Бегущему по лезвию бритвы», где эмоциональный фон, обмен взглядами и натурные съемки важнее сюжета — рваного, клипового. Фантастика здесь явно для приманки. Она грубо пришита к притчевому повествованию о современном «лишнем человеке», отринутым обществом, к истории трагической Большой Любви. С тем же успехом герой мог выполнять свою кровавую роль с простым кухонным ножом в руках. Вопрос, который меня давно терзает: зачем им нужна фантастика, если она не выполняет ровным счетом никакой функции?

Юрий КОРОТКОВ

МОЯ СУПЕРБЫВШАЯ

(MY SUPER EX-GIRLFRIEND)

Производство компании 20th Century Fox, 2006.

Режиссер Айвен Райтман.

В ролях: Ума Турман, Люк Уилсон, Анна Фарис, Эдди Иззард,

Ванда Сайкс и др. 1ч. 36 мин.

Супергерои медленно, но верно покидают территорию кинокомикса. Чем они занимаются в отставке, мы видели в уморительно-смешном мультфильме «Суперсемейка». Что делают их дети, пока родители в очередной раз спасают мир, нам показали в фантастической ленте «Высший пилотаж». А вот как у них, у супергероев, обстоят дела на личном фронте? Об этом решил рассказать один из лучших голливудских комедиографов Айвен Райтман, на чьем счету такие хиты, как «Близнецы» и «Охотники за привидениями».

Рекламный слоган фильма гласил: «Он разбил ее сердце. Она испортила его жизнь». Он — это неудачник Мэтт (Уилсон). Она — это милашка Дженни (Турман), на поверку оказавшаяся мстительной стервой и редкостной неврастеничкой. С такой дамочкой расставания просто так, без последствий, не выйдет. А уж если она еще и супермен в юбке, то, что называется, тушите свет. Оскорбленной супербывшей не составит труда забросить в вашу спальню огромную живую акулу или выкинуть в космос ваш любимый автомобиль.

Собственно говоря, подобным выходкам и отведена большая часть экранного времени фильма «Моя супербывшая». Ну а между этими выкрутасами Мэтт развлекается со своей новой пассией. Ее роль сыграла Анна Фарис, причем сыграла абсолютно бездарно. По всей видимости, актриса так и не вышла из того образа придурковатой блондинки, что забавлял зрителей в четырех частях «Очень страшного кино». Впрочем, и к исполнителям главных ролей можно предъявить подобные претензии.

Картина получилась неровной. С одной стороны, повествование идет бодро, есть где улыбнуться и даже посмеяться от души. С другой, не раз придется поморщиться: из-за актерской игры, банальной фантастической фабулы и предсказуемого хэппи-энда. Можно было подать историю гораздо изящнее, но сценарист Дон Пэйн слишком увлекся шутками ниже пояса и не придумал ничего лучше, чем сказочку про упавший метеорит, дающий сверхспособности.

Степан КАЙМАНОВ

ЛИФТ

Производство кинокомпании «Нуаж», 2006.

Режиссер Всеволод Плоткин.

В ролях: Игорь Верник, Ольга Родионова, Даниил Спиваковский, Наталья Рычкова, Сергей Горобченко и др. 1 ч. 28 мин.

Пять человек заходят в лифт. Нажимается кнопка с цифрой «один», лифт едет вниз. Пусть тридцать, ну даже сорок этажей — сколько времени это займет? Минуту? Две? Три? Оглянитесь по сторонам и рассмотрите внимательно попутчиков. Странные, да? Один сидит в углу с разбитой мордой, у заплаканной девушки в сумочке шприцы, девчонка с прической «ёжиком» какая-то дерганая, мужчина со скрипичным футляром, наоборот, подозрительно спокоен... А есть и еще попутчик — взъерошенный, в халате и с окровавленным ножом в руке. Маньяк! Убийца! Да про него по телеку показывали! Только что...

А лифт все едет и едет. Десять минут, полчаса...

Лента, несмотря на стандартную сюжетную схему (люди в замкнутом пространстве) и некую неуловимую вторичность, вышла очень эмоциональной. Страх, переходящий в панику до потери рассудка, сыгран актерами блестяще. Даниил Спиваковский в роли человека с ножом (затем превратившегося в архангела Рафаила) заслуживает оваций. Верник, привычно ироничный и раздражающе отстраненный, уже к середине фильма совершенно преображается. Дамы — высокомерная Ольга Родионова и дебютантка Наташа Рычкова — очаровательны в своих нервических шараханиях. Плюс Горобченко — в своей типичной ипостаси персонажа «Бумера». Каждый на своем месте.

Реклама гласит: «Психо-мистический триллер!». Психо... Ну, этого хоть отбавляй. Все психи. Все пятеро. Триллер? Да. Стынет кровь в жилах. Два часа. Нервы на пределе. Кто маньяк? Кто убил? Его, ее, потом еще этого? Взгляд скачет с одного лица на другое, на третье, на пятое. Кто убийца?!

Все едет в лифте, у каждого свой «скелет в шкафу». И каждый не тот, за кого себя выдает... А лифт все едет. Куда?..

Единственное, что вызывает сомнение: зачем называть обычный триллер мистическим? Зачем нужно вводить в сюжет многочасовое ничем не обоснованное падение лифта в бездну? Объяснения нет.

Ходите по лестнице пешком — мало ли что...

Вячеслав ЯШИН

ПЛЕТЁНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(THE WICKER MAN)

Производство кинокомпаний Millennium Films Inc., Nu-Image Films и Redbus Pictures, 2006.

Режиссер Нил Лабют.

В ролях: Николас Кейдж, Эллен Бёрстин, Франсез Конрой, Лилли Собески, Кейт Бихан и др. 1 ч. 28 мин.

Больше тридцати лет назад появилась экранизация мистического романа Энтони Шеффера «Плетёный человек». Ныне почти забытую тему попробовал воскресить малоизвестный режиссер Нил Лабют. Достаточно удачно был подобран по типуажу актер на главную роль — Николас Кейдж. Лицо у него подходящее — тоскливое...

Сержант дорожной полиции (Кейдж) впадает в депрессию после того, как не смог спасти ребенка в аварии. Хандру прерывает письмо от бывшей подружки с мольбой о помощи: пропала дочь. Герой Кейджа отправляется на отдаленный хутор, затерянный в лесной глуши. Население там странное — одни женщины всех возрастов. Загадочные и молчаливые, практикующие кельтские обряды. Вроде бы жуткая, страшноватая картина, но страшноватая как-то... по-дилетантски.

Даже если забыть о существовании оригинальной ленты 1973-го года, этот фильм все равно не покажется запоминающимся. Все предсказуемо и нудно. Может, не стоило актеру, великолепно справляющемуся с ролями в экшн-боевиках («Без лица») и мелодрамах («Семьянин»), браться за работу в мистических лентах. Не получается у него сыграть встречу с необычным.

И картину уже ничто не в состоянии спасти. Ни красоты американских лесов, снятые бесподобно — словно для канала Discovery. Ни музыкальное сопровождение Анжело Бадаламенти, отличное, но порядком отвлекающее от нарочитой «серьезности» происходящего на экране — «Плетёный человек» все-таки не «Твин-Пикс».

Держать зрителя в напряжении не удастся. Флэшбеки (одни и те же) надоедают и раздражают. А объяснения происходящему режиссер предложить даже и не пытается. Отрывочные сведения, загадки без разгадок, вопросы без ответов... Просто красивые картинки. Понимай, как знаешь. Возможно, режиссер просто хотел заставить зрителя взглянуть на происходящее глазами главного героя? Но и это не удалось. Уж больно бестолково ведет себя персонаж Кейджа.

Алексей АРХИПОВ

ОБРАЗЕЦ 2

(SUBJECT TWO)

Производство компаний S2 Productions, Cardiac Pictures, Chabo Films и First Look Studios, 2006.

Режиссер Филип Чидел.

В ролях: Кристиан Оливье, Дин Степлтон, Кортни Мэйс, Юрген Джонс и др. 1 ч. 33 мин.

Бывает, что на фоне лент-пустышек с многомиллионным финансированием иногда мелькнет весьма интересный малобюджетник экспериментального толка.

Студент-медик Адам Шмидт, отчисленный из колледжа, получает неожиданное приглашение заняться медицинской практикой. Приехав на место, Адам узнает от пригласившего его доктора Вика, что заниматься предстоит регенерацией мертвого тела. И прямо во время собеседования становится опытным образцом № 2 (от первого осталась лишь окровавленная голова). Спустя сутки умерщвленный Адам воскресает, чтобы снова умереть, и так раз за разом...

Очередной ужастик на тему Франкенштейна и Реаниматора? Отнюдь. Здесь нет привычного нагнетания страха, ужасы умерщвления-воскрешения не педалируются. Размеренное действие, неторопливые диалоги, восхитительные снежные панорамы — но каким-то удивительным образом вырисовывается научно-фантастический психологический триллер. Зрителю, искушенному в подобных жанровых «полотнах», эксперимент Филипа Чидела покажется утомительным — ведь здесь нет невероятных спецэффектов, только минимум грима и контактные линзы с «волчьим взглядом». Да и какие спецэффекты можно сделать в экспериментальном фильме с бюджетом в 23 000 долларов?.. Долгие разговоры, многократно повторяющиеся сцены воскрешений тоже вполне могут навевать тоску на зрителя, ждущего совершенно иного кино. Однако сама тема, затронутая Чиделом (который, кстати, не только написал сценарий и снял фильм, но и сыграл в нем — ту самую голову образца номер один), куда интереснее, чем способы ее визуализации на экране. Можно ли создать совершенное существо? Что делает человека человеком — разум, серое вещество, нервная система? Что есть живое, а что есть мертвое? Нужно ли людям бессмертие? И вообще, что это такое — бессмертие? Если вы хоть иногда задавались такими вопросами, наверное, ленту посмотреть имеет смысл.

Вячеслав ЯШИН

КАПИТАН ЗУМ

(ZOOM)

Производство компаний Revolution Studios, Team Todd и Underground Films, 2006.

Режиссер Питер Хьюитт.

В ролях: Тим Аллен, Кортни Кокс, Кевин Зегерс, Спенсер Бреслин и др. 1 ч. 23 мин.

Бытописания жизни супергероев скоро можно будет компоновать в отдельные киноевангелия: ведь как ни крути, а комиксные персонажи уже с полвека для одной отдельно взятой части света вполне сравнимы с библейскими. Жителей этой части света интересуют даже не собственно подвиги, а главным образом описание жизни вне (до, после) подвигов. Детство, отрочество, юность, гимназисты, студенты, инженеры... Как едят, с кем спят, как проводят выходные... Режиссер Питер Хьюитт уже потрудились на этой ниве, сняв потрясающе пошлую супергеройскую комедию «Гром в штанах», где мир спасает мальчиш, умеющий, pardon, мощно пукать. Правда, в «Капитане Зуме» Хьюитту все-таки хватило мужества не включать в команду юных суперменов паренька с суперсоплей, так туда рвавшегося. Ограничился толстым мальчишкой, умеющим невероятно раздувать отдельные части тела (Спенсер Бреслин, партнер Брюса Уиллиса по диснеевскому «Малышу»). Ну и еще нескольких набрал в команду, уже со стандартными комикс-свойствами: сверхсила — у шестилетней пигалицы, телекинез — у симпатичной старшеклассницы, невидимость — у угрюмого длинно-го подростка.

Всех четырех малолетних участников группы «Зенит» призван обучать супергеройскому делу давно ушедший на покой и утративший свои гиперскорости Капитан Зум (его играет Тим Аллен — звезда ситкома «Большой ремонт» и множества семейных комедий типа «Санта Клауса»). Понятно, что новой группе предстоит спасти мир от неожиданного зла — воскресшего из ниоткуда брата Зума, перешедшего на Темную сторону Силы... Весь юмор фильма (да-да, это комедия, если вы не поняли) состоит в показе процесса обучения юнцов на закрытой военной базе и их «невинных» шалостей с использованием неординарных способностей. Шутки и гэги — телекинетически полить недруга супом, подсунуть под нос скунса — явно рассчитаны на младший школьный возраст.

Тимофей ОЗЕРОВ

Запах книги

Кому, как не писателю, рассуждать об экранизациях? Особенно — об удачных экранизациях, что в нынешние времена большая редкость. Сегодня дежурным по рубрике «Писатель о кино» назначается Леонид Каганов — он предложит свой взгляд на киноверсию знаменитого романа Зюскинда «Парфюмер», созданную немецким режиссером Томом Тыквером, кстати, одним из любимых режиссеров Каганова.

Существует миф о том, что крылатая ленинская фраза «Важнейшим из искусств для нас является кино» на самом деле звучала так: «Пока народ неграмотен, важнейшими из искусств для нас являются кино и цирк». Поскольку никто из нас полное собрание Ленина не осилил, узнать правду сложно. Тем более, фразу эту записал не сам Ленин, а Луначарский — через 10 лет после смерти вождя. Впрочем, так ли нам важно, что говорил Ленин?

Гораздо интереснее взглянуть, что сегодня происходит с кино на самом деле. Если вспомнить, кино всегда шло бок о бок с театром: туда-сюда перебежали актеры, заимствовались технологии игры, костюмов, грима, декораций. Но сегодня, как это ни странно, кино

далеко ушло от театра и максимально приблизилось к цирку. Конечно, это уже не тот цирк, куда ходили Ленин с Луначарским, здесь нет круглой арены и конского пота. Но принципы, по которым строится современное кино (назовем аккуратней: современный кинопродукт), по сути своей цирковые.

Говорят, в Голливуде существует учебник сценариста, где четко расписано, на какой минуте фильма что должно происходить. Вот здесь — представить героя, дав ему характерный поступок или фразу. К двадцатой минуте — сгустить напряженность. Затем должна быть динамическая сцена, а после нее — спад напряженности. Потом надо вставить сцену комическую. А тут — лирическую.

А в конце обязательно хэппи-энд. И мы, сами того не замечая, уже давно смотрим кинофильмы, сделанные по единому шаблону. Потому что это — бесприигрышная цирковая схема, приводящая к заработку бабла. Будем смотреть правде в глаза — тем и отличается театр от цирка, что театр художественно, но пытается делать искусственно, а цирк уже давно не скрывает, что главная цель представления: заработать бабло. Современное кино изначально мыслит именно баблом: сколько миллионов составил бюджет фильма (из них ровно половина тратится на рекламный промоушн) и сколько составили кассовые сборы. Эта информация обязательно подается теперь зрителю в аннотации с фильмом — тем же тоном, каким в старом цирке восклицали: «Спешите видеть смертельный номер!» (чтобы осознать бесстыдство, представьте себе поэта, который пишет в аннотации к своей книге стихов, что потратил на чернила, бумагу и кофе одиннадцать баксов, а заработал одиннадцать тысяч).

Чего ждет современный зритель от кино? Того же, чего его прадед ждал от цирка. Во-первых, чтоб все было пышно, ярко, с фейерверками и фокусами (сегодня это

называется «компьютерная графика и спецэффекты»). Во-вторых, чтобы было, над кем поржать — чтобы выходили на сцену клоуны и было видно, какие они неуклюжие по сравнению с нами. А еще — чтоб было, кому позавидовать. Чтобы нам показали что-то такое, что нам не доступно, чтобы увидеть такого могучего силача и такого ловкого жонглера, до которых нам никогда не дорасти, лишь сидеть с открытым ртом. И конечно, надо, чтобы были захватывающие дух сцены: чтобы кто-то сунул голову прямо в пасть льву, и в самый последний миг под самую громкую барабанную отбивку смерть прошла стороной. И так несколько раз. А еще очень желательны погони: скачки по кругу и джигитовка (это называется «муви-экшн»). Ну и конечно, никак нельзя без романтики — между клоунами, силачами и джигитовкой непременно должен быть момент, когда Он и Она в трико взлетают в танце под самый купол в лучах прожекторов и качаются там на трапециях под трогательную музыку.

Глядя на современный кинорепертуар, нетрудно убедиться, что подавляющее число современных блокбастеров представляет собой именно эту цирковую нарезку номеров, тщательно составленных вдоль сюжета по гол-

ливудской методичке — чтобы в равной мере развлечь зрителя и клоунами, и силачами, и джигитовкой с фокусами, и романтичными гимнастками. Мы не будем показывать пальцем — вам не составит труда разглядеть классический цирк в любом современном коммерческом фильме.

Возникает вопрос: неужели нет альтернативы ширпотребному кино? Есть. Но эта альтернатива еще хуже: она называется «фестивальное кино». Кино ради чистого искусства (читай: снятое без денег), сделанное неудачниками для показа на закрытых фестивалях. Сравнить его можно не с цирком, а с театром — в худшем его проявлении. Представьте себе маленький старый театр, который живет на подаяние провинциальной мэрии. В нем — дряхлый режиссер и актеры-неудачники. У них старые костюмы, треснувшие фильтры в софитах и глухой дирижер. Они работают ради искусства, в качестве пьесы неизменно выбирают какую-нибудь замшелую классику не моложе горьковской «На дне» и срывают аплодисменты у десяти старушек в зале. Другой вариант: берут шумный супермодерн и срывают аплодисменты у десяти прекрасных представительниц офисного

планктона, изображающих боге-му. Правильным будет сказать, что кино, важнейшее из искусств, сегодня расслоилось — либо это сияющий цирк с барабанной дробью, фейерверками и культом бабла, либо театральная самоделка «на дне», которая никогда не доходит до настоящих киноэкранов. А третьего не дано.

И вот на этом фоне тихо, без особого шума выплыл на экраны фильм «Парфюмер: история одного убийцы». Приплыл он не со стороны Голливуда, где днем и ночью не смолкает топот дрессированных слоников, барабанная дробь и грохот фейерверков с фокусами, а из тихой европейской Германии, не прославившейся за последнее десятилетие никакими блокбастерами (ну кроме разве что авангардной «Беги, Лола, беги»).

Создатели «Парфюмера» наплевали на все мыслимые каноны и схемы. Фильм не рассказывает стандартную легенду о парнях-которые-спасают-мир, не пытается покорить домохозяек историей-про-любовь, не пугает кошмарами, не выжимает слезу жалости, не разыгрывает детектив в стиле «но в самый последний миг...» и не щекочет нервы подросткам смакованием секса и насилия. Этот фильм вообще не с нашей планеты. Создатели даже не

озаботились выделить половину бюджета на рекламную подготовку: не выставили фильм ни на один фестиваль, не сняли ни одного телевизионного ролика, не повесили ни одной растяжки в немецких супермаркетах, не подкупили журналистов (пресса начала обсуждать фильм по собственной инициативе). Их совершенно не заботило, как эксперты оценят компьютерные спецэффекты. Да были ли в том фильме спецэффекты? Эффекты были несомненно, а вот спец они или не спец — не разберешь. Рассказывают, что фильм снимался на улицах Испании и Франции, загримированных латексом, а режиссер стоял по колено в вонючей рыбной требухе, отдавая команды. Был ли там компьютерный рендер, когда рушился дом, или играл свою роль потрясающий младенец? Может, это и есть настоящее искусство — делать фокусы по необходимости, без барабанной дробы и эффектной паузы? Создатели просто сделали фильм и отдали в прокат. И фильм понесся по миру, с первых же дней обретая потрясающий успех, который можно сравнить лишь с той же «Лолой», окупившейся в первую неделю проката.

«Парфюмер» — экранизация знаменитой книги Патрика Зюскинда, вышедшей больше двадца-

ти лет назад. По сути это фантастическая сказка: действие происходит в средневековой Франции, а речь идет о судьбе человека, обладавшего уникальным чувством запахов и маниакальным желанием создать духи непревзойденные — их аромат, как выяснилось, дает владельцу безграничную власть над окружающими. И ради этой красоты герой не дождет ни своей жизнью, ни жизнью окружающих. Книга необычная, красивая, в то же время глубоко мерзостная и потому нелегкая для чтения — как тот Ленин. С точки зрения литературного эксперимента, она уникальна: читатель погружается в мир запахов, ощущая то невыразимый смрад рыбного рынка, то восхитительный аромат розовых плантаций. А для Германии книга уникальна еще и тем, что это фактически единственный всемирно знаменитый роман на немецком языке со времен Кафки.

Неудивительно, что продюсер Айхингер последние двадцать лет мечтал сделать киноверсию романа. Не давал осуществить эту идею, как ни парадоксально, сам Зюскинд; говорил, что доверить экранизацию сможет разве что Стэнли Кубрику и никому кроме. Кубрик, в свою очередь, от идеи

аккуратно отмахивался, отвечая, что за такое не возьмется. Со смертью Кубрика в 1999 году умерли и надежды Зюскинда на достойный фильм. Когда Айхингер в очередной раз пришел с просьбой, Зюскинд махнул рукой: «Делайте, что хотите, мне уже все равно». И тогда Айхингер нашел другого режиссера — молодого мастера немецкого кинематографа, которому в Берлинском музее кино целиком посвящен отдельный, самый последний зал. Потому что если в литературе единственная гордость немецких читателей — Зюскинд, то в кино это — Том Тыквер, снявший ту самую «Беги, Лола, беги», «Принцесса и Воин», «Рай».

То, что делает Тыквер, далеко выходит за границы представлений о режиссерской работе. Например, он сам пишет музыку для своих фильмов. Для «Лолы» это был откровенно рейверский саундтрек, для «Парфюмера» — симфоническая гармония средневековой Франции.

Чудеса творит Тыквер и с камерой — вместе со своим оператором Фрэнком Грибе. В «Лоле» камера крутилась волчком, то выпадая из окна, то взлетая на крышу дома, а то зачем-то «щелкая» телефонную будку с восьми разных

планов, хотя эпизод ничего подобного не требовал. Этот необычный и ничем не оправданный уровень сложности воспринимался как молодецкая удача режиссера, не ведающего пределов своей силы. Чудеса творил Тыквер и с монтажом. Удивительно, но в его фильмах ни один план не держится дольше пяти секунд, однако при этом не возникает ощущения рекламного калейдоскопа. Можно смело сказать, что Тыквер дотошно работает не над эпизодами, а над каждым кадром, и в этом его фирменный стиль: любой кадр Тыквера красив настолько, что его можно брать в рамку и вешать на стену. Похоже, он единственный, кто сегодня работает на подобном уровне. Зачем Тыквер приучил себя к такому адскому труду — стало понятно лишь с появлением «Парфюмера». Здесь камера — это нос. Она чует. Реально чует. Камера оборачивается на запахи и фокусируется на источниках, она, как собака, припадает к земле, вынюхивая, или встает на задние лапы, ловя ветер, и летит далеко за поля и горы, обнюхивая мир на много миль вокруг.

В итоге Тыквер сделал то, что до него в кино не делали ни разу — позволил зрителю, сидя в зале, реально ощущать все запахи средствами киноязыка. Имело ли

смысл ожидать чего-то подобного от Кубрика?

К книге Тыквер отнесся максимально бережно — не изменил ничего, лишь слегка сместил акценты в сторону большей эстетики. Рассказывая историю про смердящие города и маньяка, убивающего девушек, Тыквер ни разу не перегнул палку и не показал ничего по-настоящему отвратительного. Как снять сцену многотысячной сексуальной оргии на городской площади? Тыквер совершил чудо и здесь: оргия идет в полный рост в самых разнuzданных аспектах, но выглядит при этом безукоризненно возвышенной.

Нет промахов и у актеров. На главную роль Тыквер нашел Бена Уишоу — неизвестного английско-го актера, игравшего до этого в театрах Гамлета. Он отлично сыграл роль в тяжелом, немногословном облике, но при этом выглядел куда менее уродливо, чем мыслилось читателю книги — прочтение Тыквера реабилитировало чудовище, заставив зрителя сопереживать несчастной судьбе. Знаменитый Дастин Хоффман великолепен в роли Бальдини — старого парфюмера, растерявшего остатки былого таланта и богатства и теперь воровато пытающегося подобрать чужую формулу духов из купленного тайком модного флакона.

В итоге получился шедевр. От него не надо ждать воспитательных моралей, увеселительной беготни, детективной разгадки или эффектного хэппи-энда — вы не в цирке. Надо просто погрузиться в мир фильма и наслаждаться зрелищем. Совершенно неважно, читали вы книгу или не читали, понравилась она вам или не понравилась — даже лучше, если не читали. Ведь книга ничего не скажет о фильме. А фильм вне всяких сомнений является выдающимся произведением современного кино. И, оглядываясь назад, мы запоздало понимаем, каким цирком нас кормили кинотеатры последние годы. «Парфюмер» — как минимум, один из лучших фильмов последнего десятилетия, и уж конечно, самая талантливая экранизация за много лет.

Горчает лишь одно. Говорят, когда в 2003 году Тыквера уговорили заняться «Парфюмером», он вовсю разрабатывал проект экранизации «Мастера и Маргариты» с Джонни Деппом в роли Мастера. И когда смотришь «Парфюмера» — невольно понимаешь, какого шикарного фильма мы так и не дождались. И вряд ли теперь дождемся.

Леонид КАГАНОВ

О Л Е Г О В Ч И Н Н И К О В

ПЕДАНТ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Простите, вы — русский? — раздалось за спиной.
— Да, и горжусь этим, — ответил я, затем медленно, с достоинством обернулся и улыбнулся через силу — наверное, в двухсотый раз за последние сутки.

Однако моей соотечественнице, девушке лет двадцати пяти в бежевом сарафане и плетеных босоножках на платформе, похоже, было не до шуток. Она лавировала в толпе, распределив свое внимание между ребенком, которого одной рукой прижимала к груди, спадающей с плеча лямкой сарафана и большим чемоданом, который волочил за ней, упираясь в пол колесиками и цепляя раздутыми боками нерасторопных посетителей аэропорта.

— Очень хорошо. — Девушка остановилась в двух шагах от меня, приставила чемодан к ноге и сдула челку со лба. Потом поправила непослушную лямку, которая переплелась с ремешком наплечной сумочки и поудобнее перехватила ребенка. — А то эти туземцы...

Она покачала головой и — о, чудо! — моя двухсотая на сегодня улыбка из дежурной превратилась в совершенно искреннюю. Туземцы — именно так. Пусть ни я, ни мои коллеги под страхом немедленного увольнения никогда не произнесут этого слова в официальной обстановке, но про себя... и между собой...

— Это ведь здесь регистрируют на Москву?

Я посмотрел в глаза девушки и подумал, что ей, наверное, двадцать четыре. Просто она устала.

— Да. Но регистрация еще не началась.

— Жарко... — Девушка помахала перед лицом конвертом с билетами, и я мысленно вычел из предполагаемого возраста еще год. Просто вдобавок к усталости она не выспалась. Или это я проецирую собственное состояние на окружающих? — Почему они не включают кондиционер?

— Здесь всегда так, — авторитетно заявил я. — Климат-контроль есть только в зале прилета. С отлетающими особо не церемонятся. Наверное, чтобы расставаться было не так грустно. Вы хорошо отдохнули?

— Ничего... Правда, Тимош? — Она посмотрела на ребенка и наморщила нос, передразнивая. Девушка двадцати двух лет, которая устала, не выспалась и страдает от жары. — Покажи дяде, как водопад шумит?

Ребенок, до этого осоловело глядящий по сторонам, нахмурился и замычал:

— У-у-у-у!

— А вы? — спросила довольная мама. — Хорошо отдохнули?

— Увы... — Я усмехнулся в меру снисходительно, в меру устало. — Мне было не до отдыха. Кстати, как вы догадались, что я из России?

Действительно, упирающаяся в регистрационную стойку очередь только на две трети состояла из туземцев. Были здесь и европейцы, преимущественно шведы и немцы, путь которых, по всей видимости, обрывался во Франкфурте-на-Майне, где нашему самолету предстояло совершить промежуточную посадку.

— Да как-то... — Девушка пожалала плечом, с которого немедленно соскользнула ляжка. — Наверное, что-то в одежде и... — Она провела ладонью по подбородку, намекая на мою суточную щетину. Не самый приятный намек.

Двадцать пять, определился я. Она устала, не выспалась, и ей двадцать пять.

А повисший на ее шее карапуз снова подал голос.

— Ух! — сказал он и вытянул пухлую ручонку, указывая куда-то вниз.

— Тимоша! — с укором произнесла молодая мама, но ребенок не унимался.

— Ух! Ух! — все повторял он и тянулся своими крошечными, словно игрушечными пальчиками, привлеченный то ли блеском моих ботинок, то ли стрелками на брюках.

— Что он говорит? — с улыбкой спросил я.

— «Ух» значит «грязное», — перевела мама и улыбнулась в ответ, как будто извиняясь.

Я опустил глаза и увидел на правой штанине, пониже колена, небольшое пятно. На левой было такое же, плюс умеренная помятость. Ну конечно, сафари на слониках! — обреченно подумал я и наклонился, чтобы хоть немного привести себя в порядок.

— Только, пожалуйста, не обижайтесь на Тимку. Дети в этом возрасте... — начала было мамаша. Сама она при взгляде снизу вверх выглядела на все двадцать семь!

— Ничего, — буркнул я, затем выпрямился и встал лицом к стойке. Тем более что очередь передо мной заколыхалась и зашаркала, что означало начало регистрации.

«Что-то в одежде!» — негодовал я. Выдернули посреди ночи, дали три минуты на сборы. Хорошо, что дежурный костюм всегда наготове, а так — без вещей, без любимой бритвы... Выручай, Вадим Борисыч, не справляемся! Переговоры зашли в тупик. А Вадим Борисыч и рад стараться! Запрыгнул в машину и всю дорогу до аэропорта изучал досье на клиента, хотя с первого взгляда на фото — не разберешь, цветное или черно-белое — стало ясно, с кем придется иметь дело. Чинов-

ник средней руки, из бывших международников, по одним коридорам институтским мыкались, правда, этот на два года позже поступил, но уж за пивом в «стекляшке» точно в одной очереди стояли. Небось тихим тогда был, покладистым, чужие слова старательно коверкал, а вот вернулся на родину — и куда что подевалось! Почувствовал себя то ли царьком, то ли божком. К такому с серебряным «Паркером» не подходит. И с платиновым «Монбланом» не подходит. Тут требуется средство убеждения позавлекательнее. Хорошо, что подходцы к таким типам в корпусе давно отработаны, а в средствах Вадим Борисыча попросили не стесняться. Надо было видеть, с каким постным лицом этот чинуша встретил нового переговорщика. Уж он и зевал, и мух считал на подоконнике, но едва Вадим Борисыч достал из сумки автомат Калашникова, расцвел, точно майская роза. Взглянул на герб родной страны над столом, потом опять на автомат и заметил разительное сходство. Поглядел приклад резного дерева с алмазной инкрустацией — ноу-хау петерских физиков, пусть камни и синтетические, зато каждый размером с бог знает чье яйцо, — поцокал языком, заулыбался. И тут же пригласил дорогого гостя прокатиться на слониках. Что характерно, по-русски пригласил. Ему, видишь ли, намедни как раз подарили двух — диких, необезженных. Туземец, что с него возьмешь! И Вадим Борисыч согласился. Только мягко настоял: сначала подписать кое-какие бумаги. Чтобы потом не отвлекаться. Так что не надо...

Тут мое внимание наконец привлек странный повторяющийся звук, вот уже пару минут доносящийся сзади. Я оглянулся и увидел, что Тимошка и его мама придумали себе новое развлечение. Тимка расстегивал молнию на сумочке, мама клала в нее конверт с билетами, Тимка закрывал сумку, мама, косясь мне в затылок, говорила «ой, где билетики?», Тимка снова открывал, мама доставала конверт, и все повторялось сначала без надежды на счастливый конец.

— Все, хватит! — сказал я, пронаблюдав эту сцену трижды, и решительно положил руку на молнию.

Тимка настроенно посмотрел на меня. В блестящих кукольных глазах я прочел осуждение. Почему незнакомый дядя прервал такую увлекательную игру?

Подумалось вдруг: какого черта я сержусь на них? Пусть костюм немного пострадал, а голова до сих пор слегка кружится — то ли от катания на слоненке, то ли от обилия напитков, вспоминать о которых в такую жару было сущим мучением. Зато эти двое, как и прочие соотечественники, еще три года смогут путешествовать в страну слонов и водопадов по упрощенной визовой системе.

— Ладно... — Я усмехнулся и убрал руку.

Малыш немедленно расстегнул молнию, мама достала конверт, и цикл повторился еще раз, с той разницей, что теперь, застегнув молнию, Тимоша опять посмотрел на меня. Очень серьезно и, как мне показалось, требовательно.

— Чего он хочет? — спросил я, еще не понимая, на что себя обрек.

— Ему нужна ваша рука, — девушка со вздохом закатила глаза. Довольно красивые, между прочим.

— Только рука? И все?

— Нет. Еще вы должны сказать «все, хватит». Иначе он не успокоится, — улыбнулась она.

Я накрыл молнию рукой и сказал:

— Ну все, хватит! Так?

Мама и сын кивнули одновременно.

Пока подошла наша очередь на регистрацию, мне пришлось повторить эту фразу восемнадцать раз.

Заняв свое место в салоне, я сразу же установил спинку кресла вертикально, пристегнулся ремнем и поднял до упора козырек пластиковой шторы, хотя хотелось как раз обратного: откинуться, расслабиться и спрятаться от льющегося в иллюминатор солнечного света. Зато теперь даже самая придирчивая стюардесса не смогла бы меня ни в чем упрекнуть, так что я имел полное право подремать, не дожидаясь взлета, и намеревался этим правом воспользоваться. Господи, какое счастье! — подумал я, закрывая глаза. Тихое шипение прокачиваемого перед взлетом кондиционера убаюкивало.

Однако наслаждаться комфортом, пусть минимальным, мне пришлось недолго.

— Видишь, какие окошки? Круглые окошки! — услышал я за спиной знакомый голос и внутренне подобрался. — Сейчас Тимоша сядет к окошку и полетит домой. Да? Как самолет гудит?

Тимоша с удовольствием замычал, и я узнал, что самолет гудит примерно так же, как шумит водопад. А еще понял, что выспаться этим утром мне, похоже, не суждено. Некоторое время в душе еще теплилась надежда, что знакомая пара пройдет мимо, но вскоре истаяла и она.

— Извините, вы не могли бы... — раздалось над ухом. — Ой, это вы?

— Да, это я. — Я открыл глаза и поморщился: надеюсь, со стороны казалось, что от солнца. — Вам, наверное, нужно место у окна?

— Если вы не против. Правда же, странно, что мы с вами...

— Ничего странного. Мы же регистрировались вместе. Теперь вместе летим, — сказал я, пряча в голосе тоску о шести часах полета, на которые возлагал большие надежды. Место у иллюминатора я уступил

с легким сердцем, все равно вид из него открывался не лучший. Можно сказать — никакой.

Дождавшись, пока новые соседи усядутся, я занял кресло у прохода и закрыл глаза в надежде урвать хотя бы пару минут блаженного беспмятства.

— Тише, Тимоша, видишь, дядя спит. — Девушка перешла на шепот, который был лишь самую малость тише обычной речи, но раздражал почему-то даже больше. — А мы сейчас тихонечко посидим, посмотрим в окошечко... Что там? У-у!.. — Спустя секунду разочарование сменилось деланным восторгом. — О-о! Смотри, Тимоша, крыло! Как самолет крылышками машет?

— У-у-у-у! — сказал Тимоша, а одно из «крыльев» задело кончик моего носа.

— Ой, извините! Мы больше не будем. Тише, тише, Тимка, все! Давай лучше книжечку читаем. Какую ты хочешь?

Ребенок что-то мяукнул, и уж не знаю по каким признакам, но мама распознала в мяуканье «Колобка».

Кстати, конец у сказки оказался совсем не таким, какой мне запомнился с детства. В новом варианте Колобку удавалось скрыться от лисы, оставив в ее пасти бог весть откуда взявшуюся палку. «А жаль, — подумал я, когда неугомонный кусок теста проделал эту операцию в четвертый или пятый раз. — Сожрала бы его, и дело с концом. А я бы немного поспал».

Наконец мама перестала читать и спросила:

— Хочешь соку? На. Вот трубочка.

Через две минуты, заполненные шелестом целлофана, я все-таки открыл глаза. Ребенок увлеченно возился с пакетиком, внутрь которого была запаяна пластиковая трубочка.

— Давай помогу, — вызвался я, отбирая у малыша пакетик. — Смотри, раз — и все. Держи свою трубочку.

Ребенок посмотрел на меня, как на убийцу Колобка, и, задрожав подбородком, отвернулся.

— Что же вы наделали! — вздохнула мама. — Он всегда достает трубочку сам. Надо было только надорвать пакетик.

— Извините, — пробормотал я. — Не знал.

— Ладно, ничего. — Она достала из сумки новый пакет яблочного сока с еще нетронутой трубочкой, которая была извлечена из целлофана по всем правилам.

Напившись, Тимка, к счастью, задремал. Мама подняла разделяющий их подлокотник и уложила голову ребенка себе на колени.

И все-таки, сколько ей, интересно? — пытался определить я, украдкой скашивая глаза. Узнать возраст ребенка было куда проще.

- Сколько вашему Тимоне? — спросил я вполголоса.
- Как вы его назвали? — неожиданно нахмурилась мама.
- Как и вы. — Я растерялся. — Тимоня.

— Только один человек называл Тимку так, — холодно сказала она, покачала головой — я с ужасом заметил, что ее подбородок тоже начинает дрожать — и ответила: — Полтора. Вернее, год и семь.

Что за день! — подумал я. Неловкость на неловкости! И пролепетал:

- Простите, я вас, кажется, чем-то...

— А мне скоро двадцать один, — невпопад ответила она, глядя исподлобья, с вызовом, потом опустила глаза и неожиданно поведала мне историю своей жизни. Ничего особенного, ни слова сверх того, о чем и так можно было догадаться по блестящим карим глазам, по кругам вокруг них и по этому ее «скоро двадцать один», но я вдруг почувствовал, что не так уж сильно хочу спать.

- Что ж это я, — спохватилась она в конце. — Тимку разбудим.

— Пусть поспит. — Я протянул руку, чтобы погладить кудрявую макушку мальчугана, но наткнулся на тонкие пальцы его мамы и снова пробормотал: — Извините.

Она кивнула и отвернулась к иллюминатору, я — в другую сторону.

Она совсем не в моем вкусе, подумал я. Слишком усталая. Слишком вся в ребенке. Мать-одиночка, по совместительству — секретарь-референт в мини-турфирме. Нет, нет... Слишком много дефицитов!

Но что-то было в ней. Я так и не понял что, ни тогда, ни сейчас.

Поэтому не стану кривить душой, утверждая, что от этого случайного прикосновения между нами пробежала искра, из которой возгорелось пламя, в конце концов поглотившее... и тому подобные банальности. Лучше смалодушничая по примеру кинорежиссера, которому нужно показать жизнь героев в развитии, но жаль тратить экранное время на незначительные подробности. Возьму и напишу по-простому, огромными буквами во весь экран:

ПРОШЛО ДВА ГОДА.

Ну, и еще пара месяцев.

- Кто там?

— Я, Тимош, — признался я под звук отпираемой задвижки. А когда спустя пять секунд дверь распахнулась, неодобрительно покачал головой. — Опять босиком!

Тимка радостно кивнул, глядя снизу вверх своими голубыми глазами, и посторонился, пропуская меня в прихожую.

— Ну, что же ты, начинай, — вздохнул я и пробормотал себе под нос: — Снимай куртку.

— Снимай култку! — потребовал ребенок, нимало не смущенный моей подсказкой.

Я кивнул своему отражению в овальном зеркале и сделал следующий прогноз:

— Мой руки.

— Иди мой луки! — сказал Тимка. — Включтай воду! Бели мыло!

Я послушно выполнил все требования, крикнул «хорошо» в ответ на Алёнино «ужин через десять минут», прилетевшее из кухни, и взял в руки полотенце.

— Снимай блюки! — сказал ребенок, дергая за штанину. — Надевай халат!

— А где он? — обреченно поинтересовался я.

— В спальне! — ответил Тимка и всю дорогу до места возмущенно ворчал мне в спину: — Где же есё? Ох, нитого не помнит! Эй, ты тего еле-еле плетешься?

Разумеется, возмущение малыша было бы куда сильней, если бы я забыл спросить о халате.

Все время ужина Тимошка голодным беспризорником увивался вокруг стола. Требовал:

— Дай хлеб! — А когда я отщипывал кусочек, усугублял: — Есё!

— Сколько тебе? Два? Три?

— А-а. Столько! — Он показывал ладошку с прижатым большим пальцем.

Тимка всегда вымогал ровно четыре кусочка. Первый съедал на месте, второй относил маме, третий, изрядно потрепанный, возвращал мне, а четвертый, немного подумав, отправлял в рот вслед за первым.

После ужина наступало время следующего ритуала. Тимка забирался ко мне на колени и, тыча пальчиком в щетину над верхней губой, спрашивал:

— Вот балада?

Я мотал головой.

— Нет, это усы.

— Вот балада? — повторял он, опуская палец на сантиметр.

— Нет, это губы.

Маленький пальчик сдвигался еще ниже, вызывая к жизни новый вопрос.

— Это усы?

— Нет, — улыбался я. — Это как раз борода.

Ребенок удовлетворенно кивал, и серия вопросов повторялась сна-

чала. Причем оборвать ее, ответив, например: «Да, пусть это будет борода», не представлялось возможным. Нечестный ответ повергал Тимку в кратковременный ступор, после чего указующий пальчик превращался в грозящий и все возвращалось на круги своя.

В свете ночника ребенок с разметавшимися по подушке кудрями походил на ангелочка. Я с трудом отобрал у спящей Алёны книжку про Буратино, переложил Тимку в кровать и наклонился, чтобы поцеловать его — теплая щека пахла украденной со стола конфетой, — после чего с сожалением погасил свет.

«Ужас, ужас!» — подумал я, рассмотрев зеленые цифры на часах, и провалился куда-то, едва сомкнув челюсти после отчаянного зевка.

Когда мобильник на прикроватной тумбочке ожил и завибрировал, опасно смещаясь к краю, зеленые цифры успели измениться незначительно.

— Да? — сказал я, выбираясь из одеяла. Как ни тихо сказал, Тимка услышал.

— Папа куда пошел?

— На работу, — не просыпаясь, ответила Алёна.

— Надень халат! — потребовал Тимоша.

— Не сейчас. — Я махнул рукой. Судя по голосу на том конце, проблема была нешуточная. Но и отмахнуться от малолетнего педанта оказалось не так-то просто.

Кряхтя, он выбрался из кровати и прошлепал в прихожую, волоча за собой халат.

— На халат! — Но, увидев, что я уже застегиваю брюки, сменил тактику: — Где сётка?

— Машина выехала? И когда? Уже? Хорошо, выхожу. Мы в министерство? А куда?.. Да погоди же, Тимка, некогда!

Но годить Тимка не собирался. Пришлось, притоптывая на месте, ждать, пока он символически обмахнет щеткой одну, потом другую штанину. Алёна жаловалась, что в тех редких случаях, когда мне удавалось ускользнуть из дома, избежав чистки, Тимка долго потом стоял под дверью и причитал: «Ух блюки! Папа на лаботу, а блюки — ух!».

В свои три с половиной он уже почти все слова говорил по-человечески, но от «ух» почему-то не мог избавиться. Как и я — от воспоминания о нашей первой встрече.

Что за объект? Военная база? Зачем я здесь? Зачем я здесь в четыре часа ночи? Базу захватили террористы? У них в руках — оружие невиданной мощи и, чтобы вернуть его государству, нужен переговорщик?

Я зевнул. Нет, такое бывает только в кино.

— Мне сказали, что пропуск оставят на вахте. Посмотрите еще раз, — попросил я охранника.

Понаблюдав с минуту, как паренек с мужественным, но заспанным лицом водит пальцем по строчкам, я сам склонился над списком, как вдруг услышал до боли знакомое:

— Вич воч?

— Хаф файв, — машинально ответил я.

— МГИМО финиш?

— Лайк ю, лайк ю, — задумчиво протянул я, оборачиваясь. — Ты почто собаку утопил, гад?

Гера, глумясь, промышал что-то невнятное, потом махнул охраннику — «это ко мне» и галантно крутанул передо мною скрипнувшую вертушку.

— Рад тебя видеть, — признался я, пожимая Герке руку. — Совсем не изменился, черт.

— Зато ты... — Он смерил меня взглядом. — Настоящий Джеймс Бонд.

— Кто ж знал, что у вас тут... — Я не закончил мысль. — Стало быть, под твоим началом придется работать?

— Господь с тобой, я тут мелкая сошка. Главным у нас — Аркадий Петрович.

Я придержал пальцами левую бровь, которая от удивления устремилась куда-то уж слишком высоко, и уточнил:

— Тот самый? Нетрадиционный?

Герасим кивнул.

— Тот самый. Кстати, он ждет. Нам сюда. Этаж третий. — Зачем-то поглядел на носки моих туфель. — Ты пешком или на лифте?

— Да ладно, по стене заберусь, — ответил я и улыбнулся: хотелось надеяться, совершенно по-бондовски.

Обошлись без лифта.

— Заходи. — Гера потянул за ручку высокую стальную дверь. — Только не свисти громко, денег не будет.

Я вошел и... нет, не засвистел, сдержался. Только спросил, когда от обилия мониторов зарябило в глазах:

— Ого! Это что, ЦУП?

— Вроде того, — довольно усмехнулся бывший сосед по общежитию. — Ты заходи, заходи... Аркадий Петрович! Вот он, ваш отличник!

— Доброе утро, Вадим, — донеслось откуда-то из мониторного междурядья.

— Доброе, — согласился я, подавив зевок. Но до чего же ранее!

За большим панорамным окном вяло занимался рассвет.

Профессор встал. Маленькая седая голова вынырнула из-за спинки кресла, как некогда — из-за кафедры первой поточной аудитории. Я отметил, что Аркадий Петрович тоже ни капли не изменился. Впрочем, ему и десять лет назад было некуда дальше стареть.

— Вы извините, Вадим, что пришлось вас разбудить...

— Да ничего, не в первый раз, — успокоил я и огляделся. — А где... Знаете, меня ведь даже не предупредили, с кем мы будем переговаривать. Они еще не прибыли?

— Прибыли, — вздохнул профессор. — Девяносто шесть дней как прибыли. Вот они.

Безукоризненно отшлифованный ноготь постучал по стеклу большого монитора.

Я взглянул на экран и уронил тело на стул. Вскочил. Посмотрел на профессора, потом на Герку. Медленно сел и спросил:

— Это то, что я думаю?

— Нет, это гайка калибра четыре тысячи восемьсот, — сообщило существо с именем тургеневского живодера и глумливо ослабилость.

— А эти белые фигурки... Это ведь люди, да? — Я склонил голову набок, стараясь разглядеть подробности. — Или...

— Люди, люди, — подтвердил Герасим. — Да ты не думай, наши они, человеческие. Разведчики.

— А почему на них...

— Это защита. Не знаю, сам такой никогда не видел. Только в кино.

— Интересно, — пробормотал я, — какой у этой гайки должен быть болт.

— Болт, кстати, был! — Герка хихикнул. — Нормальный болт, высотой с девятиэтажку. Только головка не плоская, а шариком.

— И куда делся?

— А кто его знает? Прилетел, отвинтил гайку, а сам — фьюить!

— А-а... где это все?

— Граница Калужской, Тульской и Орловской областей, — ответил Аркадий Петрович. — Заповедник Калужские Засеки. Охранная зона. К счастью.

— И как окрестные жители отнеслись к этому... шапито? — Я ткнул пальцем в соседний экран. На нем красовался купол защитного цвета, который, пожалуй, слился бы с окружающими деревьями, если бы не возвышался над ними, как слон над травой. — В нем же метров сто пятьдесят, если только эти березки не карликовые.

— Почти двести, — внес поправку Герка и снова хихикнул. — С по-

ниманием отнеслись. Ты смотри, смотри, сейчас самое интересное начнется.

Но даже после предупреждения я не смог сдержаться, глядя, как невидимая сила в один миг разметала по полю фигурки в смешных надутых скафандрах. Наши фигурки, человеческие.

— Что с ними? — Я вскочил. — По ним стреляли?

— Да нет, это они сами — от неожиданности. Их просто немного... отодвинули. По крайней мере, так они описали свои ощущения, когда вернулись.

— Так они живы? А эти двое, которые упали?

— Погоди, сейчас поднимутся. Да ты не волнуйся, Вадь, это же запись. Все-все живы, — успокоил меня Герка, а потом зачем-то добавил: — Пока.

— Дальше ничего интересного. — Аркадий Петрович проводил взглядом разведчиков, похожих на белые пешки, в панике покидающие шахматную доску, и щелкнул кнопкой на пульте. — Взгляните-ка лучше вот на это. Эту запись передали на третий день на всех телевизионных частотах. Хорошо еще слабым сигналом.

— Ага. А еще хорошо, что в окрестных деревнях не так много телевизоров, — подхватил Герка, улыбаясь чему-то. — Ну, и что передача черно-белая.

— Пока что белого маловато, — заметил я, глядя на темный экран, и прислушался. — А что это за звук? Это из колонок? Как будто кто-то...

— Сейчас, я сделаю погромче, — сказал профессор. — Секундочку... Вот.

В следующее мгновение по залу разнеслось громоподобное:

— ПОИСКОВ ЗОНУ СПЕРВА ПОДЕЛИВ НА КВАДРАНТЫ, МЧАЛИСЬ, ПОДОБНО ГОНИМОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПЫЛИ, К ЦЕЛИ СТРЕМЯСЬ, СЛОВНО ЧЕРВИ ВГРЫЗАЛИСЬ В ПРОСТРАНСТВО, ОПЕРЕЖАЯ ДВИЖЕНЬЕ НЕСПЕШНЫХ ФОТОНОВ...

— Простите, получилось слишком громко.

— Да ничего, — сказал я, отнимая ладони от ушей.

Когда звучащий из динамиков голос стал тише, я понял, что не ошибся, это действительно были стихи. Какое-то архаичное пятистопье, мало подходящее для описания космического перелета, или о чем это с таким пафосом вещал голос. Однако вскоре мне стало не до него, потому что сквозь темноту экрана наконец проступило изображение.

— Господи! — Я прильнул к монитору, хотя первым моим порывом было как раз отшатнуться. — Это фото или видео?

— Видео, — ответил профессор. — Просто он почти не двигается.

— Да уж, малый не суетлив, — поддакнул Герка.

— А это... это всё руки? — спросил я.

— Или щупальца, — сказал Гера. — А может, пальцы. Кстати, их ровно сорок восемь.

— А-а... где еще два? — сморозил я очевидную глупость и получил достойный ответ.

— Может, на спине? Спиной он еще не поворачивался.

— А вот эти вот? Ну, как будто лампочки...

— Предположительно, глаза.

— Ой!

— Я же говорил, иногда он двигается. В основном лицом. Наши физиономисты различили на этой записи больше десятка выражений.

— Больше десятка!

Я рассмеялся, чувствуя себя подростком, если не сказать мальчишкой! Да и как тут не почувствовать: ведь вот же оно, воплощение мальчишеских грез, пялится на меня с экрана своими глазами-лампочками, шевелит руками-щупальцами, поводит из стороны в сторону огромной трапециевидной... наверное, все-таки головой. Даже сердце кольнуло: вот оно! Не ради африканских божков, европейских дипломатов и азиатских бизнесменов, не говоря уж о психопатах всех мастей. Вот ради чего ты проучился восемь лет, а потом еще десять — оттачивал профессиональные навыки.

Кстати, умение справляться с детским восторгом — не один ли из них?

— Вы сказали, девяносто шесть дней? — вспомнил я. — Это получается...

— Шестое июля, — подсказал Гера.

Я кивнул и пробормотал под нос:

— Бойся данайцев, дары приносящих в июле. — Потом обернулся к профессору: — Это ведь он говорит? По-русски?

— Или синтезирует человеческую речь. Точнее сказать трудно. Контакт до сих пор не установлен. У нас нет ничего, кроме этой записи.

— Но почему стихи? И такие странные... Может, они уже прилетали? Сотни лет назад?

— Ага, тысячи, — хихикнул Герка. И добавил серьезно, а может, кто его разберет, снова пошутил: — Я тоже так подумал, когда увидел черно-белое изображение.

— А вы пытались выйти с ними на связь? Стихами или... как обычно?

— И так, и так, — кивнул Аркадий Петрович.

— И что?

Профессор только развел руками.

— А на других языках? — не унимался я. — На английском, немецком, китайском?

— Мы не пробовали.

— Почему? — спросил я, но через секунду и сам сообразил. — Ах, ну да. Незачем раньше времени показывать, что население Земли — не одна большая дружная семья.

Я прислушался к звукам инопланетной речи.

— *Пусть представитель планеты сей, меньший иль равный,*

Первые солнца лучи чье чело озаряют,

Не шевелясь, к нам приблизится, выждет мгновенье

И, разделив неделимое, руку протянет...

— Так ведь это... Это и есть инструкция для контакта! — осенило меня.

— Гений! — фыркнул Герка. — Вы были правы, Аркадий Петрович, когда говорили: вот придет Вадик и все решит. — Потом перестал издеваться и добавил обиженно: — Инструкция, как же! Знал бы ты, чего нам стоило одно это «не шевелясь, приблизится». Семнадцать дней потрачено, семнадцать! Заметь: солнечных!

— Кстати, до восхода меньше часа, — напомнил профессор и выключил запись. — Сейчас, Вадим, я дам вам распечатку, так будет быстрее. Вы ознакомитесь с отчетом, и мы, помолясь, начнем. Если у вас остались какие-нибудь вопросы... Да где же она?

— Один вопрос. — Я дождался, пока Аркадий Петрович поднимет на меня глаза, и спросил: — Почему я?

Профессор перестал шелестеть бумагами, опустил очки на кончик носа и улыбнулся.

— Вы не пропустили ни одной моей лекции.

Я пожал плечами.

— Не я один.

— Да. Но вы единственный, кто ни разу на них не заснул.

Это было правдой. Во время спецкурса по нетрадиционным методам ведения переговоров я не спал. Я там ел. Из-под парты, отламывая от бутербродов маленькие кусочки и прикрывая ладонью рот. Потому что в столовой на всех не хватало мест. И еще потому что по средам у ловеласа Герки были свидания, а комната в общежитии была одна на двоих. И наконец потому что... Не стану кривить душой. Мне просто нравилось, как преподает Аркадий Петрович.

Через пятнадцать минут начали прибывать остальные сотрудники. Входили, занимали предписанные места и принимались деловито ко-

пошиться. Шума старались не производить, но все равно к половине шестого в зале стоял монотонный гул, опять-таки как в ЦУПе за несколько минут до старта. Только я за неимением собственного места бродил между рядами, как неприкаянный, знакомился с кем-то, отвечал на приветствия, пил из пластикового стаканчика остывший кофе или чай и при этом ни на миг не отрывался от распечатки.

Судя по тексту, обстоятельства складывались не лучшим образом. 6 июля сего года в районе Калужских Засек приземлилась огромная восьмигранная гайка, предположительно, с пришельцами (по крайней мере, одним пришельцем) на борту. Естественно, факт ее появления был немедленно засекречен. Инопланетян скрывали от мировой общественности не хуже, чем мировую общественность от инопланетян. 9 июля с борта корабля было передано первое и единственное видеосообщение, фрагмент которого я уже видел. Все попытки отправить ответное сообщение ни к чему не привели. 20 июля закончилась работа по интерпретации стихотворного послания и начались попытки личного контакта. Довольно скоро выяснилось, что контактер должен быть один: группе людей не удавалось подойти к кораблю ближе, чем на 24 метра. Их просто «отодвигали», как разведчиков во время неудачной попытки штурма. Впрочем, единственного контактера тоже отодвигали, правда, уже с 18-метровой отметки. И так продолжалось до тех пор, пока не стало ясно, что фразу о «первых солнца лучах» следует понимать буквально. Не просто появиться на рассвете, а непременно с озаренным солнцем челом (для чего в стене купола было проделано перемещающееся отверстие). При соблюдении этого условия контактер подбирался к кораблю на 12 метров. Дело оставалось за малым — приблизиться, не шевелясь. На то, чтобы расшифровать эту часть ребуса, как уже упоминал Герасим, ушло семнадцать дней. Семнадцать солнечных дней, хотя после привлечения семи единиц погодной авиации проблема хмурого утра в окрестностях заповедника потеряла актуальность. Тем не менее методом проб и ошибок вопрос с приближением был решен, и управляемая электромагнитами платформа без единого движущегося элемента донесла контактера до корабля. Тут процедура контакта вошла в новую фазу, на которой благополучно забуксовала. Фазу железного цветка.

Эту часть отчета я просмотрел трижды, а потом все-таки попросил Герку включить запись. Некоторые вещи лучше один раз увидеть. Но и на экране все выглядело так же запутанно, как на бумаге. Действительно, что-то вроде цветка. Кувшинка из серебристого металла на метровом стебле, выросшая из корпуса гайки при приближении контактера. Который, кстати, при виде цветка всплеснул руками и с позором

ретировался. Я только покачал головой. Скорее всего, это было первое появление «кувшинки», и все равно... где они откопали такого хлюпика?

На следующем фрагменте записи, сделанном, по всей видимости, на другой день, паренек продемонстрировал уже большую выдержку. «Кувшинка» успела выползти на всю длину и раскрыться, прежде чем он, ослабев, уселся на платформу. Цветок простоял раскрытым ровно три секунды, после чего сложил лепестки и убрался восвояси. Вдоволь налюбовавшись сценами замедленного открытия и закрытия, я остановил запись и вернулся к бумагам. Теперь, увидев цветок воочию, я лучше воспринимал сухие строки отчета.

Итак, перед нами некий механизм из серебристого металла, внешне напоминающий цветок. Снаружи — подвижные сегменты, похожие на лепестки, внутри — конический вырост, продолжение стебля, к концу которого на тонких, упругих и, как выяснилось, неразрывных нитях крепятся «семена». Все «семечки» имеют форму полушарий, этикие половинки горошины размером с кулак и, по словам контактера, очень тяжелые. Поверхностное сканирование показало...

В этом месте Герасим отвлек меня от чтения.

— Пятиминутная готовность, — сказал он и, перегнувшись через мое плечо, сунул нос в распечатку. — Где ты... О, до цветка дошел! Тогда давай лучше я. Значит, есть лепестки и семечки на ниточках. Если потянуть за ниточку, она растянется, но до определенного предела, сантиметров тридцать с чем-то, точнее не помню, потом медленно сократится. Если собрать из двух семечек полный шар, не происходит ничего, кроме вполне предсказуемого «бзденьк!». А вот если поднести семечко к лепестку, наблюдается заметное притяжение. Если еще учесть, что в центре каждого лепестка есть вогнутость в форме такого же полушария, то не нужно быть гением вроде тебя, чтобы догадаться: лепестки и семечки нужно как-то там соединить. Одна проблема: лепестков шесть, а семечек четыре. И в послании этом — помнишь стишок? — ясно сказано про «разделив неделимое». В общем, еще одна загадка, которую мы вот уже полтора месяца разгадываем. Притом неизвестно, насколько еще хватит терпения у пришельцев. Я бы на их месте давно психанул и убрался на историческую родину. А то и разбомбил бы напоследок планетку тугодумов. Такие дела.

— Шесть лепестков и четыре семечки? — Я почесал в затылке. — А вы пробовали...

— Мы все пробовали. — Герка бросил взгляд на часы и затараторил. — Если ни к чему не прикасаться, цветок закрывается через три секунды. Если положить семечко на лепесток — любой, лепесток ждет

три секунды и закрывается. Кладешь второе семечко на соседний лепесток — закрывается сразу. Кладешь через один — ждет три секунды и закрывается. Через два — сразу закрывается. Кладешь третье семечко по соседству с любым из первых двух — закрывается. Кладешь снова через один — ждет три секунды. Все. При попытке пристроить четвертое семечко цветок закрывается, закрывается и закрывается, хоть ты тресни!

— Но ведь, — отчаянно соображал я, — получается не так уж много комбинаций. Если первые три семечка уложены правильно, то для последнего остается всего три свободных лепестка.

— Угу. Это если все семечки и все лепестки равноценны. А если важен выбор первого лепестка? Направление обхода? Порядок наложения семечек? Бог знает что еще? 864 комбинации, минимум. И проверка каждой занимает сутки. Все, включили экран. Мне пора.

Огоршив меня, Герасим юркнул в кресло по правую руку от Аркадия Петровича, голова которого уже обросла наушниками с микрофоном. На экране, занимающем всю стену зала, как в старинной кинохронике, замигали цифры обратного отсчета.

Я чувствовал себя ребенком, которому не хватило стульев, когда стихла музыка. Ни стула, ни персонального монитора, ни наушников. И вообще, почему меня подключили к проекту так поздно?

Но обижаться было не время, и я довольно нагло пристроился между бывшим сокурсником и бывшим преподавателем, на подлокотнике Геркиного кресла.

— Ну что, Вадим? У вас возникли какие-нибудь идеи? — спросил Аркадий Петрович, не отрывая взгляда от экрана.

— Как сказать... — Я тоже зачарованно смотрел на квадрат из стали, медленно скользящий над землей, на стоящего на нем человека, неподвижного, будто манекен, несмотря на направленный в лицо луч света, на восьмигранную гайку потрясающих воображение размеров. — Нет, но я... готов попробовать.

— Хорошо, — согласился профессор. — Гера, вы не могли бы...

Герасим, не дожидаясь продолжения, поднялся и, хмыкнув, передал мне наушники.

Чужое кресло ревниво скрипнуло подо мной, и я немедленно пожалел о своем порыве. «Ну и зачем ты это сделал? — спросил я себя. — Куда полез со своей мечтательной улыбкой, когда кругом только серьезные, сосредоточенные лица. То, что ты воспринимаешь как приключение, для них давно превратилось в рутину. Что нового ты можешь придумать? Какой неожиданный шаг? — и закончил совсем тоскливо: — Тимку бы сюда. Вот кто мастер делить неделимое! Это — Тиме...»

— Что вы сказали? — голос Аркадия Петровича в наушниках прозвучал неожиданно резко.

— Разве я что-то сказал? Извините, наверное, мысли вслух.

— Аккуратней, пожалуйста. Сейчас ваши мысли слушают сто человек. Приготовьтесь, цветок распухнет.

Действительно, кувшинка на экране один за другим расправляла лепестки, и когда расправила последний, остатки бравады покинули меня. Три секунды! — мелькнула паническая мысль. Всего три секунды, чтобы сделать что-нибудь и опозориться. Или ничего не сделать и тем более опозориться.

— Он слышит меня? — шепотом спросил я, подбородком указывая на экран.

— Да, да! — простонал профессор. — Командуйте же!

— Первое семечко — на ближайший к себе лепесток! — выпалил я и мысленно добавил: «Это — Тиме».

Недоделанная серебристая горошина уютно нырнула в углубление. Получив три секунды отсрочки, я перевел дух и продолжил спокойнее:

— Второе — через один лепесток от первого.

— По часовой стрелке или против? — уточнил Аркадий Петрович.

— По, — сказал я и вдруг, вспомнив, как мы обычно сидим за ужином, вскрикнул: — То есть против, против!

Бедняга контактер вздрогнул от истерического визга, но семечко не выронил и в три секунды уложился. «Это — маме», — подумал я и, заметив, как профессор неодобрительно покачал головой, добавил бесцветным голосом:

— Теперь третье. Понятно куда.

Все верно, это папе. Заслужил.

— Так. А дальше? — нетерпеливо рявкнули наушники.

— Дальше? Снова Тиме.

— Что?!

— На первый лепесток! — Я неожиданно обнаружил, что стою в полный рост и размахиваю руками. — Поверх первого семечка! Гладким к гладкому! Вот так: «бзденьк!».

«Бзденькнуло» на славу, как, собственно, и предупреждал меня Герка. Потом на некоторое время и в наушниках, и в зале стало очень тихо. Все собравшиеся смотрели на кувшинку, на лепестке которой божьей коровкой приютилось последнее семечко. Так прошла секунда, другая... Потом какая-то женщина ахнула: «Не закрывается!». Сразу двое закашляли. «Ну, Вадька!..» — пробормотал Герка и отчетливо скрипнул зубами. Кто-то в дальнем конце зала дважды хлопнул в ладоши. «Как вы догадались?» — Аркадий Петрович смотрел с восторгом. Как, как?

Просто вспомнил, как один формалист трех с половиной лет от роду каждый вечер делит на троих четыре кусочка хлеба. Я пожал плечами и попробовал есть, но не смог, оттого что кресло почему-то валялось колесиками вверх. Тогда я наклонился, чтобы поднять его, и, по-видимому, пропустил что-то важное, потому что по залу пронесся громкий вздох.

Я медленно выпрямился, взглянул на экран и увидел, что у кувшинки осталось пять лепестков, а шестой, то есть первый, перегруженный семечками, куда-то подевался. Спустя секунду облетели третий и пятый лепестки. Потом отвалились остальные три. Теперь это был не цветок, а обычная металлическая труба с заостренным концом.

— Ну, Вадим, что? Что теперь? — одними губами прошелестел профессор.

— Пусть потянет, — хрипло ответил я.

— Что?

Я прокашлялся и повторил:

— Пусть потянет на себя. Разве вы не видите, это же рычаг!

— Как лучше, а? — Герасим выпятил грудь, простер вперед левую руку и продублировал: — Наземь спустясь, воспоследуй за мною немедля. Или... — Сменил руку и продолжил: — Наземь спустившись, немедля последуй за мною.

— По-любому плохо, — резюмировал я. — Лучше уж так. Оземь ударившись, оборотись человеком и прекрати изводить нас стихами своими.

— Перестаньте заниматься ерундой, — вмешался профессор. — У нас хватает профессиональных лингвистов из числа неудавшихся поэтов. Формулируйте пожелания прозой. И пожалуйста, побольше формальных требований, раз уж наш гость к ним так равнодушен.

— Ну, первым делом пусть все-таки выберется из своей гайки, — сказал Герка. — А то взял моду, чуть что — люком хлопать. Отведем его подальше. Метров на двадцать пять минимум, чтобы силовое поле не дотянулось, или что там у него. Оборудуем какую-нибудь беседочку здесь же, под куполом. Потом...

Тут я отвлекся, чтобы в очередной раз прокрутить утреннюю запись. В седьмой, если быть точным.

Вот горе-контактер нерешительно берется за рычаг и тянет его на себя. Мгновение спустя в стене «гайки», в полуметре от земли, распаивается люк. В открывшемся проеме стоит пришелец, похожий на полтораметровую сороконожку. Точнее, сорокавосемьюножку: теперь-то видно, что на широкой гладкой спине нет дополнительной пары ко-

нечностей. Трапециевидная голова, а вернее сказать, верхний подвижный сегмент туловища, обращена к контактеру. Выпуклые, как у рака, лампочки-глазки приветливо шевелятся. Пришелец открывает похожий на воронку рот, слышится речь:

— *Брат мой по разуму, рад, что в тебе не ошибся.*

Ты доказал, что достоин, пройдя испытанья.

Верю, нас ждет впереди много славных свершений,

А посему умолкаю и жду указаний.

— Э-э... Что? — спросил переговорщик. Голос его оказался под стать внешности: тонкий и неуверенный.

— *Только не вздумай меня изводить ожиданьем,*

Времени много и так уж потрачено всуе.

Так что, отринув сомненья, командуй, что делать:

Мне ли спуститься к тебе иль поднимешься сам ты?

— Ну... — промямлил контактер и беспомощно оглянулся на камеру. — А как вам удобнее?

Люк захлопнулся.

— Идиот! — проростонал я, хотя за семь просмотров мог бы и привыкнуть. — Извините, Аркадий Петрович. Почему вы его не смените? Или численность землян тоже лучше до поры не афишировать?

— Я не могу, — ответил профессор. — Видите ли, во всем остальном у нас полный карт-бланш, но этот паренек... — Он поморщился. — Можно сказать, что нам его навязали. На самом деле он не так плох, просто очень волнуется. Слишком высоки ставки. Ну, и потом, коней на переправе, сами знаете...

— Так то коней, — возразил я. — А это, по-моему, пони.

Аркадий Петрович вздохнул и ничего не сказал.

А я повторно пробежал глазами расшифровку послания, поступившего с инопланетного корабля спустя час после провальной попытки контакта. На сей раз пришелец не удостоил нас своим изображением, так что можно сказать, это было аудиописьмо. Короткое, всего пять строчек.

Оно гласило:

Глупость, а также халатность, но не оскорбленье

Вижу в случившемся и оттого вас прощаю,

Ждал я немало, так дам вам еще три попытки.

Ими воспользуйтесь, или, клянусь чем угодно,

Вы пожалеете. Я же забуду про жалость.

— Сорок шагов отсчитав в направлении восхода,

Мы остановимся подле тенистой беседки.

Я сяду слева от входа за маленький столик,
Ты же займешь свое место по правую руку.
Лишь мы рассядемся, тотчас появится третий,
Это и станет сигналом к началу беседы...

В этом месте пришелец, который до сих пор слушал контактера с молчаливым одобрением, перестал качать головой. Дежурный физиономист, последние две минуты простоявший с поднятым большим пальцем, медленно опустил руку и нахмурился.

— Что-то не так, — пробормотал Герка.

Пришелец не дал контактеру договорить.

— *Двум сторонам для беседы не надобен третий.*

Так для чего он появится среди говорящих?

Я опустил микрофон к подбородку и повысил голос, перекрывая озабоченный гул в наушниках:

— Будет записывать он содержание беседы,

Дабы ни слова из оной не кануло в Лету.

Коротышка, хоть и запнувшись дважды, передал мои слова пришелицу. Тот, однако, возразил:

— *Местную речь я освоил, как видишь, неплохо,*

Произношение слов — равно как написанье,

Я запишу разговор, если это так важно,

Что же касается третьего...

— Так ведь... — не к месту вякнул контактер.

— Молчите, Бога ради! — взмолились наушники голосом профессора.

— Мудрость твоя не имеет границ, о великий! — в ту же секунду заголосил сосед по парте и общежитию. — Да повтори же! Мудрость твоя не имеет границ...

Я поскреб подбородок, изрядно ошетилившийся за эти безумные сутки. Господи, что же такое сказать, чтобы не стать тем самым третьим лишним и не разрушить и без того не клеящуюся «беседу». В голове почему-то крутился только глупый вопрос: «Это усы?». И не менее глупый ответ: «Нет, это как раз борода».

В любом случае, было уже поздно.

Люк захлопнулся.

— О, великий! — все же договорил Герка и выматерился.

— А мне эта идея с секретарем сразу не понравилась, — заявил Герасим. — Зачем он, если и так каждое слово пишется всеми возможными способами?

— Вы меня спрашиваете? — пожал плечами профессор. — Думаете, я придумал правило: «все договоренности — в письменном виде»?

Оба замолчали.

— Ну вот что, — взял слово я. — Шутки в сторону. У нас осталось два дня.

— Что вы предлагаете? — спросил Аркадий Петрович.

— Прежде всего, поменять переговорщика.

Профессор устало поморщился.

— Вадим, ну я же уже объяснял...

— А мне плевать, чей он сын, или племянник, или... не знаю. Прощу прощения. В профессиональном плане он ничто. Так что либо мы его меняем, либо я сейчас еду домой, беру Алёну и Тимку и выясняю, сколько стоит месячная путевка на Северный полюс.

— Лучше на Южный, — с ухмылкой посоветовал Герка. — Он дальше.

Мы с профессором, не сговариваясь, отмахнулись от него, изобразив на лицах одинаковое: «Ты-то хоть помолчи!».

Аркадий Петрович думал почти три минуты. Потом громко вздохнул и спросил:

— И кого вы предлагаете на его место?

Зато я не размышлял ни секунды. Сегодняшняя бессонная ночь — не в счет.

— Себя.

Герасим возмущенно фыркнул, но не нашелся, что возразить. Только потряс перед моим носом стопкой свежих, теплых еще распечаток и спросил:

— А ты успеешь вызубрить всю эту древнегреческую муть?

Я удостоил его испепеляющим взглядом и сказал негромко:

— Я, между прочим, гимн Зимбабве за две минуты выучил. Как слова, так и музыку. Подыгрывал себе на двух тамбуринах, по-македонски. — А потом запел, за неимением тамбурина отбивая ритм ладонью по столу: — O lift high the banner, the flag of Zimbabwe...

— До заповедника отсюда больше двухсот километров, — напомнил Аркадий Петрович. — Вызвать вам машину или, может быть, вертолет?

Я задумался на мгновение.

— Вертолет.

Герка со стоном закатил глаза:

— Джеймс Бонд!

— На чем она все-таки держится? — не выдержал я.

Паренек в сером рабочем комбинезоне смерил меня взглядом.

— А у вас какое образование?

— Гуманитарное.

— Тогда бесполезно. Все равно не поймете, — сказал он. — Держитесь — и ладно.

— И ладно... — повторил я и с опаской шагнул на платформу.

Ближний край стального квадрата опустился под моим весом на пару сантиметров и снова выровнялся, стоило мне занять место по центру. «Нормально, — успокоил я себя. — Как в лифте, только стен не видно... и тросов». И все-таки вздрогнул, когда голос, раздавшийся, казалось, внутри моей головы, громко сообщил:

— Готовность — одна минута!

Герка и в самом деле был неподалеку, в маленькой пультовой у дальней стены купола, куда они с профессором перебрались из своего уютного ЦУПа. «Северный полюс никуда не денется, — рассудил Аркадий Петрович. — Пока что лучше держаться поближе к эпицентру».

— Все запомнил? — спросил Герка.

— Все, — соврал я, машинально наклоняясь к микрофону, и искал глазами камеру, чтобы кивнуть.

Камер в округе обнаружилось неожиданно много, и я даже слегка смутился, представив, сколько людей видят меня сейчас на больших и малых экранах... и сколько еще увидят, если я все сделаю, как надо. Впрочем, честолюбивые мысли я отмел мгновенно. Не до них.

— Удачи вам, Вадим, — сказал профессор внутри моей головы.

— Спасибо.

— Десять секунд! — напомнил Герасим.

— Четырнадцатому и девятому — приготовиться, — произнес знакомый женский голос.

— Это вы мне? — удивился я.

— Тишина в эфире! — призвал Аркадий Петрович и добавил тоном местного демиурга: — Да будет свет!

Я зажмурился и едва не потерял равновесие, когда платформа под мной вздрогнула и куда-то поплыла.

Однако покачивает, с удивлением обнаружил я. Легко сказать: «не шевелясь, приблизится!» Какие-нибудь перильца бы не помешали. А этот свет в лицо! Черт бы побрал пришельцев с их идиотскими требованиями! И голоса в голове — шизофренику на зависть. И бормочут, и бормочут...

Пожалуй, я был несправедлив к своему предшественнику. Неизвестно, как сам я сейчас смотрюсь со стороны. Действительно же неудобно! Вместо того, чтобы проникаться важностью момента и размышлять об ответственности перед человечеством, думаешь, как бы не свалить-

ся с платформы и не ослепнуть от первого луча солнца. А ведь паренек еще и твердил про себя безумные стихи, чтобы не забыть от волнения. Вот бедолага! Сам-то я в текст, заново отредактированный лингвистами из числа неудавшихся поэтов, даже не заглянул. Ни к чему. Если интуиция меня не подводит — не подвела же с железным цветком! — стихи нам больше не понадобятся. Интуиция и импровизация — вот два конька, на которых я собираюсь выехать сегодня. Хотя первое требование я все-таки выучил наизусть. Полночи оттачивал формулировку и даже перед зеркалом прорепетировал, когда брился. Вот оно: «Никаких больше стихов. Прилетели на Землю — извольте выразаться по-человечески!».

И все же, когда до «гайки» оставалось метров пять, тщеславие назойливым паучком проникло в мозг. Тридцать шесть камер, подумал я и невольно приосанился, даже улыбнулся навстречу солнцу. Вадим Борисович, благородный рыцарь, спаситель человечества. Серебристый рычаг лег в руку, как древко копья, и овальная крышка люка откинулась, точно замковый мост.

В проходе показалась большая трапециевидная голова.

Никаких больше стихов! — напомнил я себе и кашлянул в кулак.

Я все еще прочищал горло, когда люк с оглушительным лязгом хлопнулся.

«Как же так! — в едином порыве возопят спустя пару часов неудавшиеся лингвисты из числа никаких поэтов. — Ведь вот же оно, буквально в первой строке! Просто никто не придал значения. Просто с предыдущим контактером все получилось само собой. Просто...»

Аркадий Петрович начнет меня успокаивать, Герасим станет биться головой о мягкую брезентовую стену, а я буду твердить, как заведенный: «меньший иль равный, меньший иль равный...»

Оказывается, рост переговорщика не должен превышать роста... вернее, длины этой ракообразной мокрицы.

Кто бы мог подумать!

То есть я хотел сказать...

Твою мать!

— «Вы пожалеете. Я же забуду про жалость!», — скорчив злобную рожу, повторил Герасим. Повторил, наверное, в сотый раз, хотя фраза и без того витала в воздухе. — Как думаете, это очень серьезно или нас просто «отодвинут» куда-нибудь за орбиту Плутона? — И, не дождавшись ответа, пропел героическим голосом: — На полюс, на полюс, на по-олюс! Или сразу на Марс махнуть?

Аркадий Петрович вздохнул.

— Одно успокаивает. Так или иначе, завтра наши мучения закончатся.

— Лучше уж так, чем иначе, — буркнул я.

— Давайте снова маленького попробуем, — сказал Герка. — От него по крайней мере этот руконогий не шарахается, как от Вадьки. Нет, вы видели, а?

Мы, разумеется, видели, и не раз, и оттого промолчали.

— Это же никаких физиономистов не надо. Лапки передние подогнулись, с лица позеленел и это... вокруг рта — зашевелилось. Борода, в общем.

— Вот балада? — пробормотал я, задумчиво почесав под носом.

— Что? — Герасим настороженно покосился на меня. Должно быть, что-то в моем взгляде натолкнуло его на новую мысль. — Или, может, по психбольницам пошарим? Подберем какого-нибудь стихоплета малорослого, который на древней поэзии мозгами тронулся. А еще, я слышал, бывают эти... педанты параноидальные. Вот кто решил бы все наши проблемы!

Я медленно поднял на него глаза.

— Ты пошутил?

— Ну, типа.

— А я серьезно. Дай телефон. Быстро дай мне телефон.

— Вы что-то придумали, Вадим? — с надеждой спросил профессор.

— Не знаю. Может быть. Правда, меня за это убьют.

— Так нас всех вроде завтра... — хмыкнул Герка.

— Когда всех — не так обидно, — сказал я. — Все, тихо! Алёнка, не спишь? Вот умница. Слушай, тут такое дело... Ты только сразу не начинай ругаться...

Последующие двенадцать часов были наполнены событиями под завязку. Обо всех этих заботах, волнениях, угрозах, нервных срывах и бестолковой суете можно написать целую монографию. Чего стоит, к примеру, одна только фраза: «В противном случае я снимаю с себя обязанности координатора проекта». Но лучше уж я снова воспользуюсь хитроумным кинематографическим приемчиком.

Итак...

ПРОШЕЛ ДЕНЬ.

А следом за ним еще восемь.

— Ты все запомнил? — спрашиваю я, сидя на корточках перед маленьким контактером.

— Ага.

— Точно?

— Ага.

— Но смотри, не раньше, чем вы окажетесь в беседке. И не вздумай снова вынуть наушник!

— Ага, ага.

Видно, что ему не терпится запрыгнуть на единственную в своем роде летающую платформу.

— Ну давай, — вздыхаю я, тем более что зануда Герка уже объявил тридцатисекундную готовность.

Платформа даже не вздрагивает. И маленький контактер совсем не щурится от яркого света. «Я тоже когда-то так умел, — приходит воспоминание. — Не мигая, смотреть на солнце».

Люк распаивается. Пришелец уже стоит на пороге. Ждет.

— Дай луку! — требует маленький контактер, а когда одна из сорока восьми конечностей тянется к нему, возмущенно добавляет: — Не та лука!

Досадное недоразумение, повторяющееся изо дня в день, устранено, после чего парочка, рука об руку, спускается с платформы.

— Тепель покатай меня! — говорит человек пришельцу и, не дожидаясь разрешения, забирается на широкую гладкую спину. — Ну ты куда? Не в ту сторону! Ох, нитого не помнит!

Под громкое сетование «эй, ты того еле-еле плетешься?» парочка приближается к беседке, дважды объезжает ее по кругу, сначала — по часовой стрелке, потом — против, и наконец скрывается внутри.

При этом и голубые глазища человека, и стекловидные отростки пришельца светятся одинаковым восторгом.

Они появляются через сорок пять минут: на большее у землянина не хватает усидчивости. Минут пять выписывают причудливые петли и зигзаги вокруг беседки, потом пришелец возвращается на корабль, а землянин бежит прямоком ко мне. Он говорит: «На, пап!» и «Влоде нитого не пелелутал» — и протягивает очередной исписанный листок, а я бегло просматриваю текст и улыбаюсь. Пришелец действительно мастерски владеет письменной речью, хотя слишком уж буквально воспринимает устную. Но это ничего: где не справляются логопеды, помогут корректоры, ведь, я надеюсь, наш сорокавосьмирукий друг не обидится, если мы слегка отредактируем записанный под диктовку текст столь важной для всего человечества «Декларации о намелениях».

К Р И С Т И Н К Э Т Р И Н Р А Ш

НЫРНУТЬ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

В КРУШЕНИЕ

К месту назначения мы приближаемся с максимальными предосторожностями: все устройства связи и освещение полностью отключены, сенсоры в усиленном режиме сканируют ближнюю сферу пространства на предмет любого активного корабля. В рубке «Не-Вашей-Заботы» лишь я одна. Только мне одной известны точные координаты этого места.

Все остальная команда в общем салоне, а их хитроумное персональное снаряжение в трюме под замком. Я лично обыскала каждого из них, прежде чем добросовестно привязать к креслу для отдыха. Никто, ни один человек на свете не знает, где это место. Кроме меня. Таково всеобщее соглашение.

Каждый был волен отказаться сразу, черт возьми!

Мы в шести сутках крейсерского полета от космостанции Лонгбоу, но на деле мне понадобилось десять. Досадный просчет, хотя из тех, что заранее не учесть. Я планировала двое суток на астероидный пояс Беты-Шестой, а потратила втрое больше, переменными курсами удирая от какого-то настырного мелкого торговца. Этот тип явно поставил себе целью выяснить, где именно мы собираемся нырять.

В надежде на поживу, понятно.

Но я на поживу совсем не надеюсь. Сомнительно, чтобы в столь архаичном крушении, каким оно безусловно выглядит, обнаружилось что-нибудь технологически ценное для продажи. Однако, помимо чисто материальной выгоды, существуют еще и такие вещи, как уникальная историческая ценность, и жгучее желание удовлетворить собственное любопытство, и даже самое незамысловатое: «Черт побери, мы все-таки сделали это!..» Именно нематериальные ценности подобного рода я держала в уме, подбирая команду.

В команде нас общим счетом шестеро, и все имеют солидный опыт дайвинга в глубоком пространстве. Я уже ныряла прежде с двумя женщинами, которые откликаются на прозвища Голубка и Кудесница. Обе они сухощавые и тонкокостные, что типично для потомственных спейсеров, и обладают чувством истории, а это для большинства космических отнюдь не типично. Когда я начала осваивать дайвинг, мы очень часто ныряли вместе — в нашей тесной девичьей компании... Тогда мы, все трое, верили в нерушимую ценность истинно сестринских чувств. Со временем, довольно скоро, мы избавились от этого заблуждения.

Что касается Карла, у него хвалебных рекомендаций больше, чем у самого Господа Бога. Если честно, любого другого с таким помпезным

букетом я бы даже не пустила к себе на борт, но Карл мне требуется позарез. Не столько потому, что он участвовал в самых сложных дайвингах, а благодаря его изумительному, почти неправдоподобному искусству выживания. Мне известно, что Карл ухитрился спасти по крайней мере две рискованные экспедиции, где все внезапно пошло наперекосяк.

И наконец, неразлучная пара в составе Джайпа и Джуниора. Это отец и сын, хотя они больше походят на половинки единого целого. Мне никогда еще не доводилось нырять вместе с ними, но зато я дважды доставляла их на место очередного дайвинга. И не упустила случая понаблюдать. Эта пара слажена идеально: они движутся синхронно, думают синхронно, понимают друг друга без слов.

Денег у Дж&Дж во много раз больше, чем у всех остальных из нашей компании вместе взятых. Так что дайвинг для них не образ жизни, а вроде экстремального туризма, но с огромным смыслом. История человечества — страстное хобби отца и сына. Они готовы на любые затраты, на что угодно, лишь бы раздобыть достоверные сведения о каких-нибудь незапамятных временах. Факты, которые я смогла раскопать, подтверждают, что страсть Дж&Дж к истории совершенно бескорыстна. Они никогда не стремились нажиться на информации, полученной в дайвингах.

Если кто-то из нашей команды и занимается выколачиванием денег, так это я. Правда, на собственный, не слишком доходный манер. Я выколачиваю ровно столько, чтобы мне хватило на новую экспедицию в глубину, ну и на текущие расходы, чтобы дожить до нее благополучно. Можно сказать, я трудяга-спейсер, никогда не покладаящий рук, но никак не скажешь, что ради персонального благосостояния. В этом смысле я не слишком-то преуспеваю, ибо дайвинг...

Дайвинг — моя неутолимая страсть.

Сам процесс получил свое название по аналогии — и примерно настолько же опасен, как и глубоководное ныряние. В старину обычно говорили о спейс-дайвинге, дабы подчеркнуть отличие от поисков затонувших сокровищ на потерпевших крушение морских судах. А теперь о мертвых кораблях, затерявшихся в глубоком пространстве, тоже принято говорить, что они потерпели *крушение*, хотя реальные столкновения с крупными космическими телами — с Землей, если хотите! — случаются чрезвычайно редко.

Конечно, в глубоком пространстве мы не имеем дела с такой текучей субстанцией, как вода, с ее весом, давлением и необычными свойствами на больших глубинах. Дайверам бросают вызов другие характе-

ристики недружелюбной окружающей среды: отсутствие гравитации и кислорода, запредельный холод.

Но также алчность. И это *универсальная* опасность.

Моя основная проблема в том, что я рождена на планете и мне не хочется это признавать. Первые сорок лет новой жизни я изо всех сил старалась забыть, что некогда мои ноги ступали по огромной планетной тверди, пропитанной могучей естественной гравитацией. Я слишком поздно ушла в пространство — в пятнадцать лет, будучи уже *зафиксированной на твердь*. Мои первые инструкторы с грустью предупреждали, что я никогда не смогу отучиться от образа мыслей и автоматических телесных рефлексов, которые неизменно вкладывает в человеческое дитя колоссальная природная атмосфера.

В самом главном мои инструкторы оказались все-таки правы. Твердь испортила меня, лишила того внутреннего стержня, каким от природы обладают рожденные и выросшие в пространстве. Если мне приходится совершать сознательное волевое усилие, чтобы погрузиться в черную глубину, то урожденные спейсеры купаются в ней, словно в теплой материнской ласке...

Но если сравнивать с другими зафиксированными на твердь, то я — без всяких сомнений! — первоклассный спейсер. Потому что я понимаю вакуум так, как планетные жители инстинктивно понимают воздух.

Старики, никогда не покидавшие пространство, уверяют: мой активный интерес к истории вызван одним — фиксацией на твердь. Спейсеры, как толкуют мне они, постоянно движутся вперед, забывая о том, что остается позади, в прошлом. А все рожденные и воспитанные на тверди ищут для себя исторические узы, полагая, что возможно понять свое будущее, только если ты постоянно оглядываешься назад.

Но я не думаю, что все настолько просто. Встречались мне и потомственные спейсеры, увлеченные историей, и планетники, которые принципиально смотрят только вперед. На мой взгляд, в действительности все зависит от того, каким образом тот или иной индивид склонен распорядиться своими накопленными знаниями.

Что до меня, я обращаю собственные знания в золото.

Итак, крушение.

Я наткнулась на него около года назад, возвращаясь домой после одной провальной затеи, куда меня заманили, как водится, посулами успеха и славы. Кораблик я вела на ручном управлении, занимаясь картированием по пути, дабы как-то компенсировать зря потраченное

время. Говорят, в данном регионе Галактики уже не осталось никаких неизведанных мест, но зато есть давно позабытые. И я думаю, это чистая правда.

Стоило мне моргнуть в тот самый момент, и я бы наверняка пропустила крушение. Но я заметила энергетический всплеск на сенсоре, настроенном на максимальную сферу окружающего меня пространства. Единственный импульс, очень слабый и краткий, какая-то мизерная доля секунды... и все.

Но у меня уже достаточно опыта, чтобы мгновенно прийти к выводу: ТАМ ЧТО-ТО ЕСТЬ. Сигнал слишком удаленный и слабый, чтобы означать что-либо, кроме мертвого корабля.

Я вывалилась из сверхсвета так быстро, как только смогла, одновременно сбрасывая до нуля субсветовую скорость. Тем не менее понадобилось еще два прыжка и полсуток на поиски, прежде чем я опять засекала отраженный импульс, определив скорость и направление дрейфующего объекта.

И я оказалась права. Это был корабль.

Черное пятно на черноте глубокого пространства.

Мой одноместный кораблик кардинально модифицирован, что означает: никакой автоматики, которая потенциально могла бы стать опасной для меня! И теперь он только мой, весь целиком, я чувствую себя здесь как дома.

Все корабли-одиночки полностью автоматизированы, чтобы обеспечить круглосуточную защиту единственного обитателя. Но я модифицировала свой собственными руками. И двигатели, и сверхпривод, и все компьютеры, и всю аппаратуру связи, так что теперь никакое из этих хитромудрых устройств ничего не может сделать без моего на то дозволения.

Кораблик даже не подключен ко мне напрямую, по линку, хотя непрерывно отслеживает мои жизненно важные показатели: сердцебиение, дыхание, а также движение глаз. Если стук моего сердца замедлится, а дыхание станет ровным или глаза останутся закрытыми дольше чем на минуту, корабль мигом переходит под временный контроль автоматики.

Поэтому сон или бессознательное состояние не представляют опасности для меня, как было бы при стопроцентно мануальном режиме управления.

Бодрствуя, я тоже в полной безопасности: никто не сможет подслушивать мои мысли или отслеживать передвижения, даже если потрудится взломать все бортовые компьютеры.

Но самое замечательное — в бортовых электронных анналах никогда не остается никаких записей о том, что я обнаружила в пространстве... Например, крушение. Ни единой!

Только о том, что я остановилась.

Внутренний комп, подключенный к моему главному линку, сообщил мне то, что мой собственный биологический мозг уже вычислил интуитивно. Крушение очень древнее, жизни нет давным-давно. А слабый энергетический сигнал означает всего лишь паразитный электроток, гуляющий внутри металлического корпуса.

Мой комп выдвинул гипотезу: этот корабль построили на Старой Земле приблизительно пять тысяч лет назад, возможно, чуть раньше. Однако я была уверена: на сей раз мой комп все-таки ошибся.

Никоим мыслимым образом земляне не смогли бы улететь так далеко от своей родной системы на таком корабле, как этот. Даже если древнему монстру повезло, и он не развалился, дрейфуя все это время, даже если он здесь не случайно, факт остается фактом: пять тысяч лет назад никаких землян не было — и быть не могло! — даже поблизости от данного региона Галактики.

Отбросив компьютерную гипотезу, я подвела свой кораблик настолько близко к неопознанному крушению, насколько допускают разумные меры предосторожности, и внимательно вгляделась.

Мощная, некогда отполированная броня внешнего корпуса вся изъедена пространством, испещрена ямками и бороздками. Кое-где виднеются тусклые пятна, смахивающие на коррозию, и дырочки, пробитые стремительными микротелами. Да, эта штука и впрямь ужасающе стара... И очень, очень долго путешествовала в черной глубине, никаких сомнений. Ничего живого там, разумеется, нет. И все неживое, очевидно, тоже не функционирует. Слабенькая паразитная сигнатура лишь подтверждает невообразимый возраст моей находки.

Любой другой спейсер, оказавшись на моем месте, сразу тщательно просканировал бы крушение, но у других спейсеров другие приоритеты. На своем месте я просто счастлива, что мое приборное оборудование не записывает внешнюю информацию для хранения. Поэтому теперь у меня есть СЕКРЕТ — еще какой! И никто никогда не раскроет его, не имея зацепок, а уж я-то не проболтаюсь. Никто ничего не узнает об этом крушении. До тех пор, по крайней мере, пока я не смогу лично приступить к его обследованию.

Я сделала только лаконичные заметки в уме (координаты, скорость, направление) и тут же продолжила путь домой, как ни в чем не

бывало. Всю остальную дорогу я размышляла: а что же на самом деле мне удалось найти?

У меня есть собственная квартира на восемнадцатом ярусе высоко-орбитальной космостанции, которая обращается вокруг Гектора-Первого Прим. В тишине и невесомости моего рабочего кабинета, защищенного от всех видов электронного шпионажа, я сравнила картинку крушения, полученные при беглом глазном сканировании, со своей картошкой резервных файлов.

И получила, как говорится, удар под дых.

Мою находку действительно построили на Старой Земле!

Там же она и базировалась. Это серийный корабль вполне определенного типа, и данный тип имеет словесное наименование: ДИГНИТИ.*

Тип «Дигнити», универсальный военный космический корабль, усиленный специальным стелс-режимом.

Боевой корабль-невидимка, если попросту.

Но только ни один образчик упомянутого типа *никогда* не удалялся от Старой Земли более чем на полсотни световых лет. Такие корабли изначально не были рассчитаны на преодоление колоссальных — даже по нынешним меркам — расстояний... А за пределами Земной солярной системы ничего подобного вообще никогда не строили.

Вот так.

Даже если предположить, что моя находка, неважно по какой причине, выскочила за пределы ограниченной пространственной сферы (центр — на Земле, радиус — 50 световых лет) и затем легла в мертвый дрейф на своей максимальной скорости... Все равно, корабль типа «Дигнити» не смог бы добраться за пять тысяч лет туда, где сейчас находится. Ну никак! И за пятьдесят тысяч лет тоже.

Совершенно невероятно, правда?

И все же...

Вот он, дрейфует.

Окутанный тайнами.

Наполненный временем весом в пять тысяч лет.

В ожидании кого-нибудь вроде меня.

Того, кто сумеет разрешить его загадки.

Команде жутко не нравится моя конспирация, но они ее понимают. Каждый из них отлично знает: что для одного — просто космиче-

* *Достоинство (англ.).*

ский мусор, для другого — бесценное сокровище. А такие сокровища имеют неудобную тенденцию исчезать даже из самого глубокого пространства. Одно неосторожное словцо не там и не тому — и мое скромное миленькое открытие улетучится без следа...

Словно его никогда и не было.

Вот почему я сама провела второе и третье сканирование, делая хорошо продуманный крюк на пути к иным миссиям, и никому не обмолвилась ни словечком. Конечно, был определенный риск, что кто-нибудь заметит, как я вываливаюсь из свержсвета, и поинтересуется причинами и целью такого маневра. Но я не верю, чтобы даже меня столь неусыпно держали под пристальным наблюдением.

Когда я собрала свою команду вместе, то сказала им только то, что у меня есть загадочный корабль. Крушение, которое подвергнет суровой проверке знания и личные убеждения каждого из них, не говоря уже о профессиональных навыках дайвера.

Ни одна душа до сих пор не знает, что это «Дигнити». И я не намерена подсказывать им, как-то подталкивать к заранее определенной, единственной цепочке рассуждений.

Не хочу совершить ошибку и навязать ее всем остальным.

Что, как, почему и зачем — об этом можно подумать позже.

Крушение здесь.

И это единственный факт, который мне нужен сейчас.

Удостоверившись, что нас больше никто не преследует, я выбираю стратегическую позицию для «Заботы». Таковую, откуда мою находку не заметишь визуально, и обычное ближнее сканирование тоже не покажет ее. Затем я аккуратно выравниваю скорости — нашу и крушения. Полный порядок. Если дальнейшее сканирование обнаружит энергетические сигналы «Заботы», то эти же самые сигналы автоматически переключают слабенькую сигнатуру мертвого корабля. У меня наготове полдюжины складных историй на выбор, буде кто-нибудь проявит к нам нежелательный интерес.

Надеюсь, никто.

Правда, при таком раскладе потребуется паром для доставки дайверов к крушению и обратно. Но это единственное осложнение. В общем-то, мелочь.

Итак, первый рабочий выход.

Первый ход в нашей игре с крушением.

Я — капитан парома, ненавижу эту роль, но в данном случае никуда не денешься. Мы используем легкий скип, рассчитанный на корот-

кие рейсы, с грузоподъемностью не более четырех человек при полном снаряжении.

Сегодня нас трое — Карл, Голубка и я.

Обычно мы сразу ныряем всей командой, но здесь у нас не рядовой случай. Сейчас, на ранней стадии нашей тактической игры, мне необходимы два первоклассных игрока различного типа. С несходными талантами. Наша Голубка может нырнуть куда угодно, Карл способен уничтожить что или кого угодно. Ну а я — я умею летать на чем угодно, если на то пошло.

Мы вылетаем.

Я веду скип без заслонок на порталах. Изнутри выглядит так, будто мы заключены в прозрачный брусок черного стекла, который нетопливо скользит в открытом пространстве. Голубка всю дорогу слоняется взад и вперед, вглядываясь в пустоту за порталами. Надеется, что заметит крушение первой.

Карл занят тем, что отслеживает приборную информацию с пристальным вниманием, словно это он пилотирует, а не я. Не имей я с ним дела раньше, то наверняка бы взбесилась, а так ничего. Я знаю, Карл старается подметить что-нибудь необычное, любую странность, он делает это всегда.

Крушение начинает вырисовываться. Не корабль, а мегагигант. Левиафан, приплывший сюда из тех дней, когда размер был равнозначен могуществу. И все-таки он выглядит крошечным в огромной пустоте и слабым, как его метка на моих сенсорах.

Голубка чуть ли не подпрыгивает к самому потолку, но ей мешает гравитация, которую я традиционно оставила для себя. Вроде как дань моей зафиксированности. Вид у Голубки такой нервный, что посторонний человек, появившись он здесь, мог бы заподозрить неладное: что эта женщина помешалась, не своим уме. Голубка чересчур худая, даже для дайвера, но мускулистая. Очень сильная. Мне нравится это. Почти так же, как ее натренированный разум.

— Что это за хреновина? — резко спрашивает она. — Старая Империя?

— Старше. — Карл буквально навис над контрольной панелью, впитывая приборную информацию. Он всегда предпочитает данные приборов визуальному сканированию. Доверяет оборудованию больше, чем себе.

— Старше Империи? Нет, — твердо говорит Голубка. — Ничего такого старого здесь не может быть.

— Может, не может — понятия относительные, — возражает ей Карл.

Я не мешаю им препираться. Ничего не сообщаю о том, что мне удалось выяснить. Просто занимаюсь своим пилотским делом, при-
тормаживаю скип, очень аккуратно, не оставляя следа.

— Нужно больше, чем шесть человек, чтобы обшарить всю эту ту-
шу, — авторитетно заявляет Голубка. — А иначе нам придется торчать
здесь всю оставшуюся жизнь!

— Эта туша такая древняя, — размышляет Карл, — что ее, скорее
всего, уже успели пограбить... Может, и не раз.

— Мы здесь не для поживы, — вмешиваю я наконец, мягко на-
поминая им обоим, что у нас Историческая Миссия.

Угловатое лицо Карла оборачивается ко мне, подчеркнутое под-
светкой приборной панели: серые глаза отливают серебром, кожа мерт-
венно бледная.

— Ты знаешь, что это такое?

Я не отвечаю. Не хочу никакого обмана в таком важном для меня
деле и поэтому не могу сказать «нет». Но «да» я тоже не могу себе по-
зволить, сразу же посыплются новые вопросы, а это как раз то, чего я
сейчас стараюсь избежать. Мне нужно, чтобы они хорошенько пора-
ботали мозгами. Самостоятельно.

— Огромный, старый... — Голубка задумчиво качает головой. — И
опасный. Ты знаешь, что там внутри?

— Ничего, насколько мне известно.

— Как, ты даже не проверила?

Многие лидеры дайверских команд ныряют в крушение сразу,
лишь только оно обнаружено. Каждый спейсер, зарабатывающий на
спасении имущества, хорошо знает: не стоит тратить время на то, что
уже перешерстили до тебя.

— Нет, — отвечаю я односложно, выбирая место поближе к глав-
ному шлюзу древнего монстра, и останавливаю скип в удобной для ра-
боты позиции. Без следа, идущего сюда от «Заботы», никто вообще не
заметит крошечную эманацию энергии от нашего парама.

— Слишком опасный? — невинно спрашивает Голубка. — Поэтому
ты не нырнула?

— Понятия не имею, — отвечаю я на первый вопрос.

— Но есть же причина, раз ты притащила нас сюда! — В ее голосе
звучит раздражение. — Не хочешь ли поделиться, Босс?

Я отрицательно качаю головой.

— Не сейчас. Сперва хочу посмотреть, что обнаружите вы.

Голубка пронзает меня свирепым взглядом, но глаза не зубы, они
не кусаются. Мои методы ей давно известны, иногда она даже одоб-

ряет их. И уж ей-то следовало бы знать: не настолько я хороша, чтобы нырять в полном одиночестве.

Она молча снимает с себя всю одежду — ни капли скромности в этой женщине! — и натягивает на голое тело свой дайверский костюм. Костюм прилипает к ней, словно вторая кожа. На бедра она навешивает пять резервных дыхалок — аварийный запас на крайний случай. Правда, общего ресурса ее дыхалок хватит лишь едва-едва, чтобы добраться от крушения к парому. Если кислородная система костюма откажет внутри крушения, толку от них почти никакого. Костюм Голубки минимален, без резерва защиты от внешней среды. Она обратится в продолговатую льдинку за считанные секунды, если первичный и вторичный модули ее костюма вдруг накроются один за другим, а такое случается.

Голубка любит рисковать.

Карл не любит.

Его костюм массивнее, не такой облегающий, и он снабжен дублирующими внешними устройствами защиты от среды. У Карла уже были серьезные неприятности с системами жизнеобеспечения, и тогда он едва выжил. Я слышала эту любимую лекцию Карла уже полдюжины раз. Голубка тоже, хотя она всегда игнорирует его советы.

Карл никогда не раздевается догола, всегда оставляет нижнее белье. Разные дайверы, разные стереотипы. Он берет с собой только две дыхалки, такие компактные, что они даже не увеличивают его габариты в бедрах. Оставшиеся свободные петли он использует для оружия, предпочитая лазеры, хотя я знаю: где-то в загашнике у него спрятан нож.

Без этого ножа Карл как без рук.

Лезвие дважды спасало ему жизнь, насколько мне известно. В первый раз от профессионального сталкера, слишком агрессивно претендующего на находки Карла. В другой раз, застряв в крушении, он сумел пробить этим своим ножом достаточно большую дыру, чтобы протиснуть руку.

Оба не надевают шлемы, пока я даю им последние инструкции. План обычный: всего один час по схеме 20/20/20. Двадцать минут на вход, двадцать минут на разведку, двадцать на возвращение. Работать только в паре, никаких исключений! Мы просто хотим получить представление, что там внутри.

Шестьдесят минут — время вполне достаточное, причем риск остаться без воздуха минимален. К тому же за час они не успеют настолько увлечься, чтобы совсем позабыть о времени. Все мои дайверы обязаны строго укладываться в расписание.

Вообще-то, эти двое вымуштрованы. Они уже работали по такой схеме, во всяком случае, со мной. Не знаю, какие порядки заведены на кораблях других лидеров команд и как они управляют своими дайверами. Что до меня, то я строго регламентировала все, что возможно. И от моих дайверов я ожидаю соответствующего поведения.

Шлемы надеты. У Голубки он тонкий, туго обтягивает лицо, и теперь она очень похожа на кибернетического андроида. У Карла, конечно, полная защита: шлем в семь слоев (каждый из них с особой функцией), с мощным ноктовизором (два диапазона), микрокамерами (со всех сторон) и компьютеризованными мониторами (на внешней оболочке).

Карл вручает мне наладонный экранчик, который записывает все, что он «видит» посредством своего снаряжения. Эта штучка не настолько хороша, как записи камер, с которыми они вернутся из дайвинга. Но зато я, по крайней мере, могу в любой момент удостовериться, что моя рабочая команда все еще жива.

Не то чтобы я могла чем-нибудь помочь, если дайверы вдруг вляпаются в беду. Моя работа — сидеть на скипе и наблюдать. Их работа — вернуться из крушения, желательно целыми и невредимыми.

Они входят в воздушный шлюз — Голубка вприпрыжку, как обычно, Карл с непрременной осторожностью — и терпеливо ждут предписанные две минуты. Костюмы приспособляются к вакууму. Тогда Голубка открывает наружный люк, а Карл выстреливает тросиком с магнитной присоской в древний корабль.

Мы не привязываемся в буквальном смысле слова, но всегда протягиваем направляющую линию от одной точки входа к другой. Разумная предосторожность. Довольно многих во время дайвинга внезапно поражает травматическая слепота (нажал не ту кнопку, взглянул прямо на лазер и прочее, включая также и дисфункции дайверских костюмов, о которых я не желаю и вспоминать). Все эти люди нуждаются в тактическом поводе, чтобы иметь возможность вернуться.

Сама я не занимаюсь срочной реабилитацией ослепших, наша Кудесница прекрасно с этим справляется. Она разбирается в офтальмологии и может заменить линзу всего за пятнадцать минут, даже меньше. Она сохранила зрение многим дайверам из моих команд. За ее первой операцией (тогда Кудесница и заработала нынешнее прозвище) я наблюдала чрезвычайно внимательно... Но больше никогда, никогда не смотрю.

Голубка устремляется вперед, Карл за ней. Там, снаружи, они вы-

глядят очень хрупкими — маленькие фигурки на фоне черноты. Они скользят вдоль направляющей, одной рукой придерживаясь за тросик, разгоняются, ускоряют свой полет к крушению.

Это легкая часть нашей работы. Если дайвер вдруг упустит поводок и промахнется на несколько метров, то воспользуется крошечными воздушными чипами в перчатках и подошвах, чтобы подтолкнуть себя в нужную сторону. Есть и другие чипы — с газообразным горючим, они распределены по всему костюму. Это пропелленты, которые используют в тех случаях, когда дайвер оказался слишком далеко от цели.

Ни на входе, ни на выходе я не потеряла никого.

Внутри крушения — совсем другое дело.

Пока все нормально, но мои ладони уже вспотели, и я едва не выронила экранчик. Правда, сейчас существенной информации все равно нет. Я слышу эхо равномерного дыхания Карла, разбиваемое периодически, словно пунктуацией, возгласами «черт!», когда он отпускает поводок или на что-нибудь наткнется. На изображение я даже не смотрю. И так понятно: тросик и рука в перчатке на переднем плане, на среднем плане черная пустота, на заднем — фрагменты крушения.

Возвращаюсь в пилотскую кабину, сажусь в кресло и врубаю все свои мониторы. Теперь у меня видео с камер обоих дайверов, на отдельном экране их жизненные показатели — частота дыхания и пульс. Наладонник я тоже подключаю к экрану, но все равно не смотрю, пока Карл не добирается до крушения.

Теперь я вижу створки главного шлюза, все они исцарапаны, измяты. С одной стороны шлюза еще сохранились... это заклепки, самые настоящие, просто с ума сойти! Я никогда еще не сталкивалась с такой стариной. Прежде я видела подобные штучки только в музеях да в исторических книгах. Я глазею, словно зачарованная, на нечеткое изображение, которое посылает мне Карл. Как могли эти крошечные кусочки металла пережить века и тысячелетия?! У меня вдруг вспыхивает острое желание в тот же миг оказаться возле корабля. Медленно провести перчаткой по его металлической поверхности...

Карл именно так и поступает.

Хотя заклепки, очевидно, не заинтересовали его. Пальцы Карла методично ошупывают створки шлюза в поисках защелки, замка, чего угодно, лишь бы это помогло без особого труда их открыть. Я сильно сомневаюсь, что ему повезет. Вряд ли хоть что-нибудь можно сделать без особого труда, если крушение тысячелетиями блуждало в глубоком пространстве.

Голубка наконец привлекает к себе внимание Карла.

— Эй!.. Тут кое-что есть, — говорит она.

Сейчас Голубка на дальней от меня стороне крушения. Эту секцию я не осматривала вблизи. Карл направляется туда вдоль корпуса, придерживаясь руками. Аккуратно переставляет ладони, движется боком, как краб.

У меня перехватывает дыхание. Именно эту стадию игры я больше всего ненавижу: фактический старт дайвинга, после чего и начинаются всякие неприятности.

Обыкновенно у мертвых кораблей внутри то же самое, что и снаружи: вакуум. Но некоторые все еще поддерживают какую-то внутреннюю среду, и она может оказаться по-настоящему опасной. Запредельная жара, или разъедающая костюмы атмосфера, или еще что-нибудь экзотическое.

Однако не меньшую угрозу представляют очень простые вещи. Зазубренный кусок металла может прорвать самый прочный костюм. Небольшой коридорчик, достаточно широкий для одного человека, вдруг резко сужается, захватывая его в ловушку.

У каждого крушения свои собственные сюрпризы. А сюрприз, даже невинный — это такая неприятная штука, которая обычно провоцирует серьезные последствия. Дайвер шарахается назад, чтобы уклониться от плавающего объекта, и прикладывается при этом головой о стенку, что приводит к фатальному повреждению деликатных внутренних механизмов его костюма. И далее примерно в том же духе. Все известные случаи документированы визуально (или выжившими, или свидетелями), и ни одна ситуация из этого примечательного архива не походит на другую.

Теперь наладонник транслирует на большой экран картинку крупной продолговатой трещины во внешнем корпусе. Изображение очень неважное, но это совсем не похоже на дыру от залетного камешка. Голубка сжимает кулак, сует в разрыв брони, примерно посередине, и активирует лазеры на суставах пальцев. С точки зрения наладонника трещина кажется достаточно большой, чтобы двое могли пройти в нее бок о бок.

— Запусти зонд, прежде чем у тебя возникнет идея сунуться туда, — говорю я Голубке.

— Ты думаешь, там глубоко?

Через наладонник ее голос звучит с жестяными отзвуками, будто из старинного динамика.

— Давай сначала попробуем шлюз, — говорит Карл. — Мне не нужны сюрпризы, Голубка, и если можно их избежать...

Молодец. Хороший дайвер.

Теперь фигурка Карла напоминает паучка, ползущего по боку громадной металлической бочки. Наконец он добрался до шлюза и возвращается к своему сканированию.

Я бросаю взгляд на таймер главного монитора.

17:32.

Они все еще не вошли.

А времени уже почти не осталось.

У Карла в шлеме есть цифровой хронометр, это я знаю. Так что Карл тоже в курсе сложившейся ситуации. А ведь он всегда старается следовать заданной процедуре, как по времени работы, так и по результатам.

Голубка торопится присоединиться к нему. Осмотревшись, она сразу сует руку под козырек, нависающий над шлюзом, и громко хмыкает.

— И как это я не заметил? — удивляется Карл.

— Не туда смотрел, — бросает она. — Послушай, эта штука и вправду очень старая. Весь металл очень хрупкий, держу пари! Мы можем попробовать пробиться внутрь... Ну как?

— Мы здесь не для того, чтобы разрушить реликвию, — в голосе Карла чувствуется глубокое неодобрение.

— Я знаю.

19:01.

Выхожу на связь и требую, чтобы они сразу вернулись, если не уложатся в предписанные двадцать минут.

Голубка хватается за что-то, чего я не вижу, упирается ногами в бок корабля и принимается тянуть изо всех сил. Я содрогаюсь. Сорвись ее пальцы — и моя Голубка мигом улетит, вращаясь, в окружающее пустое пространство... Очень быстро и очень далеко.

— Дерьмо... — пыхтит она. — Ни с места...

— Я и так мог бы тебе сказать, — хладнокровно замечает Карл. — Эти штуковины сделали именно для того, чтобы створки оставались закрытыми.

— Значит, мы полезем в дыру?

— Без зонда? Нет, — твердо говорит он.

— Но у нас нет времени!..

21:22.

Они превысили свой лимит.

Я уже готова включиться, чтобы напомнить им о времени, когда Карл внезапно говорит:

— У нас есть выбор. Или мы пробуем вышибить эти створки ко всем чертям, или запускаем зонд в ту дыру.

Голубка не отвечает Карлу. Продолжает усердно тянуть. Я четко вижу ее фигурку на экране главного монитора, тоненькую, но перевитую набухшими мускулами: изо всех сил она пытается отворить то, что пребывало запертым тысячелетия.

На другом экране увеличенное изображение рук Голубки — с наладонника. Что эти руки делают под козырьком, не видно, но облегающий костюм демонстрирует мучительное напряжение всей плоти.

— Брось это, Голубка, — убеждает ее Карл.

— Я не причиню вреда, — возражает она. — Бог его знает, что там внутри...

— Хватит.

Она повинуется. Теперь я вижу руки Голубки целиком, одна ладонь устало опирается на створку.

— Мы запустим зонд, — говорит Карл. — А потом уйдем.

— Кто назначил тебя командиром? — огрызается Голубка.

Однако следует за ним к дальней части корабля.

Я вижу только их конечности, когда они передвигаются по чудовищному корпусу, человеческие руки и ноги на изъеденной космической оспой броне. Рывтины, ямки, царапины, глубокие вмятины и канавки, дырочки от мелкого летающего мусора. Острые чешуйки, как лепестки, окружают маленькие застывшие кратеры расплавленного металла. Кое-где попадаются гладкие участки — уцелевшие образчики первозданной зеркальной брони, и они все еще блистают в свете головного прожектора Голубки.

Я хочу быть вместе с ними. Прильнуть к броне крушения, изучая каждую отметину, размышляя, когда она появилась и что означает.

Но я могу всего лишь наблюдать со стороны.

Зонд углубился в большую трещину на шестнадцать метров, прежде чем застопориться. Карл дергает его, пытаюсь вытянуть, но зонд застрял. Это случилось бы и с моими дайверами, сунься они туда без разведки.

Они возвращаются через сорок две минуты после выхода.

Чувствуя себя побежденными.

Но я — я в восторге.

Они сделали гораздо больше, чем можно было ожидать.

Мы летим на «Заботу» с информацией, полученной от зонда, хотя мои дайверы бурно протестуют. Они желают перезарядить костюмы,

вычистить дыхательные системы и снова нырнуть, но я категорически запрещаю. Это одно из моих главнейших правил, и я вынуждена им напомнить: не более одного выхода в крушение за 24 часа. В нашей работе слишком много неизвестных параметров и переменных величин, поэтому жизненно важно, чтобы каждый из нас имел вполне достаточное время для полноценного отдыха.

Все мы впадаем в эйфорию во время дайвинга, что приводит к неоправданному риску. Расслабление, спокойный сон, свободное личное время — все это вместе предотвращает лихорадку поспешности, убивающую нас.

На «Заботе» я сразу загружаю в главный компьютер новую информацию: ту, что сняли с зонда, с дайверских костюмов и перчаток, с наладонника, с компьютера скипа. Мы всегда собираемся в общем салоне, здесь у меня отличная трехмерная голотехника, которая позволяет сразу всем *почувствовать* крушение.

Пока я сортирую первичный материал, раздумывая, как бы лучше представить его, моя команда начинает подтягиваться. Голубка успела принять душ, у нее мокрые волосы. И усталый вид. Она клялась мне всю обратную дорогу, что ничуть не перетрудилась, но глаза выдают ее. Эта женщина измотана.

За ней приходит Кудесница, с сумрачным видом. Джайп и Джуниор уже здесь, заняли лучшие места и наблюдают за мной. Только Карл опаздывает. Когда он наконец появляется (выглядит тоже неважно), Кудесница останавливает его в дверях.

— Голубка говорит, оно очень старое?

Голубка бросает на подругу возмущенный взгляд.

— Больше она ничего не говорит! — Теперь уже Кудесница смотрит на меня, будто это я во всем виновата.

Только я не принуждала свою первую команду поклясться мне в сохранении секретности, они сами так решили. Добровольно.

— Оно старое, — подтверждает Карл и боком протискивается в салон, так как Кудесница продолжает стоять на пороге.

— Голубка говорит, оно *ужасно* старое.

Теперь уже Карл пристально смотрит на меня. Его угловатое лицо осунулось почти до костлявости. Взглядом спрашивает, дозволено ли что-нибудь сказать.

Я невозмутимо продолжаю сортировку.

Карл вздыхает и сообщает всей команде:

— Я никогда ничего подобного не видел.

Больше никто не задает никаких вопросов. Ждут, когда я начну. Я

начинаю с изображений, записанных со скипа, затем добавляю материалы наладонника. Различные измерения, сделанные автоматикой костюмов, я в последнюю минуту решила оставить на потом. Вероятно, я единственная, кому действительно интересны такие вещи, как композиция металлических сплавов, температура внешнего корпуса или количество заклепок, обрамляющих створки главного шлюза.

Все молча наблюдают, как перед скипом проявляется крушение, с напряженным вниманием следят за фигурками Голубки и Карла, скользящими к нему по направляющей. Потом я показываю им все, что видела и слышала сама. Джайп одобрительно кивает, когда Карл принимает твердое решение воспользоваться зондом. У меня просто гора с плеч. Джайп, как я и надеялась, разумен, практичен и осторожен.

На очереди материалы зонда. Я даже не просмотрела их заранее. Все мы видели, как это обычно выглядит, и привыкли к зернистой картинке с неярким световым пятном, вокруг которого — темнота. Зонд служит нам не столько для исследований, сколько для практических целей. Он внедряется как можно глубже в перспективную дыру с целью выяснить, не станет ли она самым легким доступом в крушение.

Первые десять метров, которые прошел наш зонд, оставляют впечатление, что все действительно легко и просто: только свет, темнота и совсем ничего по краям. В кадре то и дело мелькают потревоженные зондом частицы.

Но потом дыра сужается: теперь мы видим неясные формы по краям — это стены. И опять сужается: стены в освещенной зоне — голый металл, почти не поврежденный коррозией. Летящих частиц гораздо меньше.

И наконец впереди появляется поперечная стена. Однако дыра, еще раз сузившись, проходит насквозь. Теперь она маленькая, но, похоже, не слишком. Зонд выбрасывает лазерный импульс, измеряя ее диаметр: шесть сантиметров. Более чем достаточно, чтобы продвинуться дальше.

Но когда зонд доходит до узкой дыры, то резко упирается в невидимый барьер. Абсолютно невидимый. Зонд выстреливает сразу несколько импульсов, один за другим. Результаты категорически отрицают наличие какого бы то ни было препятствия.

Через несколько секунд зарегистрирован рывок на линии: это Карл пытается вытянуть зонд наружу. Следует еще несколько рывков. А потом Карл и Голубка, убедившись, что зонд застрял капитально, делают впрок еще кое-какие измерения и выключают его.

Результаты последних измерений не сообщают нам ничего познавательного. Кроме того, что дыра уходит еще на два метра вперед и диаметр ее остается неизменным.

— Чертовщина какая-то, — первым высказывается Джуниор. — Эй, народ, а вы что думаете по этому поводу?

У Джуниора все еще ломается голос, хотя его отец клятвенно уверждает, что парню уже больше восемнадцати.

— Может быть, силовое поле, — предполагает Кудесница без всякого энтузиазма.

— В таком старом корабле? — сомневается Голубка не без яда в голосе.

— Насколько старом?

Кудесница сейчас, словно натянутая струна. Всем уже понятно, что они с Голубкой только что рассорились вдрызг.

— Насколько старом, Босс? — мило переспрашивает Голубка.

Теперь вся команда уставилась на меня. Они знают, мне что-то известно. И подозревают, что возраст крушения — одна из причин нашего здесь пребывания.

Я пожимаю плечами.

— Как раз это нам и следует подтвердить. Кроме всего прочего.

— Подтвердить. — Карл незамедлительно цепляется за слово. — Подтвердить что, Босс? Что такое тебе известно, чего мы не знаем?

— Давайте посмотрим технические данные, — предлагаю я всем, — прежде чем я отвечу на твой вопрос.

— Нет. — Кудесница демонстративно скрещивает руки на груди. — Расскажи сейчас!

Голубка бросается к моей панели, тычет пальцем в иконки, вызывая информацию с костюмов. Появляются технические данные. Она торопливо прогоняет их от начала к концу, жадно впитывая цифры, схемы, диаграммы, химические символы, и приходит к собственному выводу.

— Свыше пяти тысячелетий. — Голубка упорно не смотрит на Кудесницу. — Корабль человеческий, земной постройки. И он уже много веков проболтался в здешних местах, когда люди впервые появились в этом пространственном секторе.

Карл ошарашен.

Кудесница отрицательно качает головой.

— Это невозможно. Ничто земное не добралось бы сюда, по пути не развалившись на кусочки. Слишком много гравитационных колодезев, слишком много мусора в пространстве.

— Пять тысяч лет... — задумчиво повторяет Джайп.

Я молчу, пусть сами говорят. Слушаю взбудораженные голоса, их аргументы, контраргументы. Все то же самое, что крутилось в моей собственной голове, когда я обнаружила первые сведения о моей находке.

Джуниор вновь подает голос. Теперь он закрывает дискуссию.

— Эй, народ! — окликает он остальных то ли полутенором, то ли полубаритонном. — Чем галдеть бестолку, лучше подумайте как следует. Именно для этого Босс и притащила нас сюда, так? Чтобы мы подтвердили ее подозрения.

— Или опровергли, — вставляю я, пожимая плечами.

Все разом оборачиваются ко мне с таким видом, будто только что обнаружили мое присутствие.

— Не будет ли лучше, Босс, если ты поведаешь нам о своих подозрениях? — холодно осведомляется Кудесница.

Карл, прищурившись, зорко наблюдает за мной. Словно видит меня первый раз в жизни.

— Нет, так лучше не будет, — отвечаю я ровно. И неторопливо окидываю взглядом свою команду, смотрю в глаза каждому, прежде чем продолжить. — Я не хочу, чтобы вы использовали мои специальные знания — или отсутствие таковых — как основу для собственных умозаключений.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы поболтали на эту тему в нашем кругу, как коллеги?

Теперь Кудесница практикует на мне враждебно-насмешливый тон. Не знаю, почему она так настроена, что именно вывело ее из равновесия, но выясню непременно. Или эта женщина возьмет себя в руки, или я не подпущу ее к моему крушению.

Я благосклонно киваю Кудеснице.

— Правильно.

— Ну что же. — Она бросает взгляд на технические данные, которые еще плавают перед нами в воздухе, и высказывается: — Если этой штуке пять тысяч лет, и ее сделали люди, и каким-то образом она оказалась в данный момент в этом самом месте... Тогда у нее не может быть никаких силовых полей. Абсолютно.

— Разумеется, — кивает Джайп. — Но тогда эта штука не может фальсифицировать показания зонда. Никким образом.

— Дьявольщина, — почти рычит Голубка, — да этого монстра здесь вообще быть не должно! Огромное время, колоссальное расстояние. Космический мусор мог бы размолотить его на куски. В пудру!

- Тогда что он здесь делает? — спрашивает Карл.
- Я пожимаю плечами в третий и последний раз.
- Вот это мы и постараемся выяснить.

Они не отдыхают. Они одержимы цифрами и фактами, как это раньше случилось со мной. Только и делают, что подсчитывают расстояние, время, параметры дрейфа, забыв о странностях, которые обнаружили в той дыре. Кажется, это заботит одну меня.

Правда, мне не удалось особо продвинуться. Слишком мало экспериментальных данных. Мы еще дважды — в процессе поисков иного доступа в крушение — навестили наш застрявший зонд, но тот не выдал нам почти никакой новой информации.

Невидимый барьер — либо абсолютно новая технология, либо очень старая, о которой давно забыли.

Удивительно, сколько разных полезных технологий бесследно теряется в веках. Не говоря уже о тысячелетиях, истекших со времени постройки корабля.

Похоже на то, что человечеству постоянно приходится все изобретать заново.

Мы совершили уже шесть рабочих выходов, но по-прежнему не знаем, как пробраться в крушение. Шесть миссий, и никакой новой информации. Шесть неудачных дайвингов, а моя главная головная боль — это Кудесница.

Чем дальше, тем хуже. Мрачность, раздражительность, озлобление. Седьмой выход — и я беру Кудесницу вторым пилотом на скип, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Работают Джайп с Джуниором. Они обследуют верхнюю часть корабля, как я полагаю, хотя это только догадка. Кропотливая работа. Сантиметр за сантиметром. Они оглядывают, ощупывают, обстукивают, ищут слабинку любого сорта, которой, быть может, мы сумеем воспользоваться.

У меня двойной мониторинг, компьютерный и визуальный. На компьютер скипа поступают все данные с дайверских костюмов, и я постоянно слежу за крошечными фигурками Дж&Дж, медленно ползущими по огромному корпусу.

Кудесница стоит рядом со мной, заложив руки за спину, в армейской стойке. Она знает, я взяла ее с собой только ради беседы, и наказывает меня упорным молчанием. Ни за что не заговорит сама, если я первая не начну.

Наконец, когда дайверы миновали опасное место на стыке двух секций, я встаю с пилотского кресла и пародирую стойку Кудесницы: руки за спину, грудь колесом, плечи развернуты, ноги на ширине плеч.

И задаю вопрос:

— Почему ты все время злишься? В чем дело?

Но она продолжает молча смотреть на фигурки, ползущие по крушению. Живой упрек для меня, ибо внимание человека на скипе принадлежит исключительно дайверам. Я сама ее так учила. Одно из главнейших правил. И вот она я — пожалуйста! Читаю нотации незанятому члену команды, когда дайверы работают на крушении.

— Кудесница!..

Она не отвечает мне. Продолжает наблюдать с каменным выражением лица.

— У тебя было столько же выходов, как у любого другого члена команды, — напоминаю я. — Никакой дискриминации. Я не имею претензий к твоей работе, но мне очень не нравится твое настроение. И почему-то мне кажется, что твой гнев направлен исключительно на меня... Разве нас связывает тайна, о которой я не знаю?

Кудесница стремительно поворачивается ко мне, и это движение тоже, по-моему, из строевого репертуара. Ее глаза резко сужаются в щелки.

— Ты могла бы сказать нам, что это «Дигнити», — говорит она напряженным голосом.

Она подтверждает мою гипотезу!

На секунду меня охватывает блаженство. Но я совсем не понимаю, почему Кудесница так злится из-за этого.

— Могла бы, — отвечаю я ей. — Но мне нужно было получить независимое заключение.

— Я знала уже после первого выхода, — сообщает она. — Но ждала, когда ты сама им расскажешь. Не дождалась. А они все еще теряют время, пытаюсь выяснить, с чем же имеют дело.

— Мы имеем дело с аномалией. С чем-то, не имеющим смысла, чего вообще быть не может.

— С чем-то очень опасным. — Кудесница скрещивает руки на груди. — Тип «Дигнити» был предназначен для военных действий.

— Да, мне известны такие легенды.

Я смотрю на крушение, потом в наладонный экранчик. Джайп и Джуниор трудятся над чем-то, сильно смахивающим на люк.

— Войн было много, — говорит Кудесница. — Некоторые длились столетиями, как выяснили историки.

— Здесь никогда не воевали, если я не ошибаюсь.
 — Здесь — никогда, — соглашается она.
 — Тогда я не вижу особых причин для беспокойства.
 — Если ты не расскажешь, что это «Дигнити», команда не будет готова. А вдруг в крушении окажется действующее оружие? Или планетарные фугасы, или еще что-нибудь...

— Вроде того барьера?

Кудесница замолкает, стиснув зубы.

— Мы уже ныряли в неопознанные крушения. Ты и я, помнишь? Она нервно дергает плечом.

— Это не одно и то же! Те крушения были типичными. Мы знали историю, знали, как в принципе устроены те корабли и каковы их возможности. Но об этом корабле мы не знаем ровно ничего... и не только мы. Никто на самом деле не знает, на что были *реально* способны древние дредноуты. А это крушение, ему здесь вообще не место!

— Загадка, — говорю я задумчиво.

— Опасность, — уточняет Кудесница.

— Эй, Босс!.. — Тоненький жестяной голосок Джуниора. — Мы все-таки открыли его! Мы входим!

Кудесница и я, не сговариваясь, поворачиваемся к крушению. На корпусе не видно ни одной человеческой фигурки. Наладонник показывает нечто неясное, изображение дрожит.

Я поспешно включаю коммуникатор: Дж&Дж еще могут меня услышать.

— Сначала зонд! Про барьер не забыли, надеюсь?..

Но никто не отвечает, и я знаю почему. В данной ситуации я бы тоже не ответила. Они притворяются, что не слышат меня: хотят первыми войти внутрь. Первыми узнать секреты крушения.

Экранчик резко темнеет. Я вижу четыре яркие точки — это подсветка перчатки Джайпа, а еще мельтешащие частицы, совсем как на первых метрах путешествия нашего зонда... и почти сразу все погружается в абсолютную черноту.

Да, придется как-то подстроить наладонник для приема через металл корпуса.

— Мне это не нравится, — мрачно сообщает Кудесница.

Мне тоже. Мне всегда ужасно не нравятся такие ситуации, когда я не вижу и не слышу своих дайверов.

Мы уставились на крушение так, словно ожидаем, что оно само нам ответит. Огромное и темное пятно на экране скипа. Кудесница

подходит к порталу и вглядывается, как будто через стекло может увидеть больше, чем с помощью электронных чудес науки.

На экране скипа таймер отсчитывает минуты.

Наш спор не забыт, но уже потерял значение.

Тридцать пять минут — пятнадцать из них внутри.

Джайп всегда скрупулезно придерживается расписания, и все-таки я начинаю нервничать. Ненавижу последние пять минут ожидания.

Кудесница раньше никогда не оставалась дежурить на скипе. Жутко переживает, мерит палубу шагами. И больше ничего не говорит. Ни об опасности, ни о моих авторитарных методах руководства. Ни даже о самом крушении.

Я наблюдаю за ней: грация, изящество и сила, как всегда. Прежде она ни разу не сталкивалась с настоящей тайной, хотя с опасностью в глубоком пространстве сколько угодно. Нырjala в такие крушения, куда свободные дайверы и палец бы не сунули, даже самые алчные. Но прежде все было понятно.

Здесь у нас нет полной уверенности, что это действительно корабль типа «Дигнити». Мы не знаем также, почему он здесь, как сюда попал и с каким грузом. Ни малейшего понятия не имеем о его миссии, если таковая вообще была.

37:49.

Кудесница снова стоит у портала и пристально вглядывается в темноту. Как будто там что-то изменилось. Черта с два.

— Ты боишься, правда? — нарушаю я молчание. — В первый раз за все эти годы.

Она смотрит на меня так, словно перед ней неведомое создание.

— А ты?

Я молча киваю.

И вдруг мой наладонник оживает, посылая на большой экран прыгающую зернистую картинку, ее почти невозможно рассмотреть, но что-то сразу разжимается у меня внутри, отпускает. Я делаю свободный глубокий вдох, оказывается, я почти не дышала все это время.

Да, я боюсь. Немножко.

Но только не крушения. Это всего лишь диковинка, шарада, головоломка, с какой никто еще не сталкивался.

На самом деле я боюсь только глубокого пространства. Бесконечной протяженности этой черной глубины, не доступной моему пониманию. Миллионы, триллионы шарад, загадок и головоломок, которые мне никогда, никогда не удастся разгадать.

Громкий треск, потом голос. Это Джайп.

— Босс, мы тут кое-что успели разглядеть!
 Джайп ликует, он пьян от восторга.
 Кудесница шумно выдыхает воздух.
 — Мы возвращаемся, — петушком добавляет Джуниор.
 Я смотрю на большой экран.
 На таймере 40:29.

Наше крушение — действительно аутентичный «Дигнити», все сомнения полностью развеяны. На внутренней стороне крышки люка выгравированы буквы DV — Dignity Vessel — и серийный номер: так и должно быть согласно всем историческим материалам. Руководствуясь этим номером, мы непременно проведем дополнительное расследование, но только позже. Не сейчас.

Сейчас вся команда в салоне, чтобы посмотреть первое видео, доставленное с корабля Джайпом и Джуниором.

У них наилучшее снаряжение, какое только существует. Их костюмы снабжены не только всякими добавочными сенсорами и датчиками, но еще видеочипами с внушительной емкостью, которые рассеяны по всей верхней оболочке. Эти чипы чувствительны и нуждаются в усиленной защите, что утяжеляет костюм, а дешевка лишнего веса не выдерживает. Костюмы Дж&Дж экстра-класса, они обошлись в целом состоянии.

Два костюма, два пакета видеоматериалов.

Прорва визуальной информации.

Главный компьютер «Заботы» сортирует всю эту информацию и сводит в два непрерывных потока: один с точки зрения Джайпа, другой с точки зрения Джуниора. Затем компьютер чистит, осветляет и усиливает изображение, выделяет четкие контуры там, где может их прочесть, и оставляет нечеткими, если не может.

Но в этих картинках практически нет ничего расплывчатого. По большей части они черно-белые благодаря резкому контрасту между яркими монохромными лучами микролазеров и окружающей темнотой.

И вот что мы все видим.

С точки зрения Джуниора: Джайп спускается в открытый люк. Края откинутой крышки ровные и блестят металлом, как будто ее открывали по тысяче раз на день, а не один раз за тысячи лет. Потом компьютер переключается на запись ножных камер Джайпа, с этого момента я больше не обращаю внимания, каким костюмом какие кадры сняты.

Люк круглый, и вниз уходит круглый вертикальный туннель. Колодец. Шахта. С одной стороны шахты на стенке поперечные металлические перекладины. Я уже видела такие: это древняя разновидность лестницы, неэффективная и опасная. Джайп ступает на первую перекладину, поворачивается к стене спиной и легонько отталкивается. Он медленно дрейфует вниз в темноте, которая мне представляется бездонной.

На металлической стене через равномерные промежутки мы видим выгравированные старинным шрифтом буквы DV и несколько цифр. Цифры повторяются те же самые, и Карл первым догадался зачем. Чтобы без труда идентифицировать обломки корабля в случае катастрофы. Поэтому его серийным номером помечена каждая деталь.

На металле попадаются и другие пометки — процарапанные, — мы не можем их прочитать, слишком темно. Некоторые еле видны даже в свете перчаток. Джайп не сразу вспоминает, что у него есть еще источники света — в подошвах ботинок, и это говорит мне о его недостаточном опыте.

Десять метров вниз. И второй люк. Он легко открывается, а еще десятью метрами ниже мы видим третий.

Третий люк открывается в сеть коридоров, разбегающихся чуть ли не в дюжине разных направлений. В полной тишине вдруг раздается резкое би-и-ип, и все инстинктивно бросают взгляд на собственные часы, прежде чем до нас доходит, что это запись.

Сигнал предупреждает: время пребывания внутри корабля истекло наполовину.

Джуниор, спустившийся вслед за отцом, уверяет, что еще несколько метров определенно не повредят. Но Джайп, по своему обыкновению, скрупулезен. Он просто качает головой, и сын повинуется.

Теперь мы видим, как Дж&Дж поднимаются вверх по туннелю. Они всплывают с такой же легкостью, как и спускались вниз. Я отмечаю, что оба промежуточных люка они оставляют открытыми, но плотно закрывают наружный. Правильно. Мои первые инструкторы именно так меня и учили.

Изображение пропадает, и сразу же, без паузы, появляется техническая информация. Но я игнорирую цифры и схемы, с ними можно разобраться позже. Гораздо важнее люди, которые вместе со мной в этой комнате.

Нашу компанию распирает от бурлящей энергии. Столько радости, гордости, возбуждения, что эмоции почти осязаемы. А еще страх Кудесницы. Она стоит у стены одна, зябко обхватив себя за плечи. Держится подальше от Голубки.

— Dignity Vessel, — медленно произносит Карл, пробуя эти слова на вкус; его бледные щеки вспыхивают румянцем. — О черт, и кто бы мог такое подумать?..

— Ты все уже знала! — бросает мне Голубка в лицо.

Я пожимаю плечами.

— Всего лишь надеялась.

— Невероятно... — Это Джайп. — Никак не может быть, и все же... Я сам побывал там, внутри!

— Ха! Вот это и есть самый смак, — замечает, ухмыляясь до ушей, Джуниор. — Не может быть, а все-таки существует!

Только Кудесница не произносит ни слова. Смотрит на технические данные. У меня возникает странное чувство. Мне кажется, она видит в цифрах и чертежах такое, чего никогда не сумею разгадать я.

— Нам предстоит огромная кропотливая работа, — заявляет Карл с энтузиазмом. — Думаю, лучше всего сейчас отправиться домой и разузнать про эти корабли все, что удастся. А потом мы вернемся к нашему крушению.

— Нашему? Да здесь другие станут нырять, пока мы роемся в архивах! — возмущается Голубка. — За нами будут наблюдать, проверять сетевые запросы, следить за всем, что мы делаем. Они найдут крушение и заявят как свою собственность.

— Нельзя подать заявку на такую глубину, — сомневается Джуниор и смотрит на меня. — Или можно?

— Еще как можно, — отвечаю я. — Но заявка — прежде всего публичное объявление о точных координатах находки. Как только координаты станут общеизвестными, в этом месте будет просто не протолкнуться от сталкеров.

— Карл прав, — неожиданно произносит Кудесница тусклым голосом, лишенным всяких эмоций. — Нам лучше всего вернуться.

— Что это с тобой? — резко спрашивает Голубка. — Прежде ты очень любила нырять в крушения!

— Ты когда-нибудь слышала о стелс-технологии? — отвечает Кудесница. — О раннем ее периоде? Или что-нибудь читала? Технология невидимости. С-технология, или СТ. У тебя есть представление, насколько она может быть опасна?

Теперь мы все глазеем только на Кудесницу, но она стоит к нам спиной, зябко поеживаясь. Перед ней все еще плавают техническая информация, подсвечивая ее короткие кудри сияющим нимбом.

— Ты изучала С-технологию?.. — с изумлением спрашивает Карл. — Зачем?

— Она была в армии, — сообщает Голубка непринужденно. — Давным-давно, пока еще не поняла, как ненавидит подчиняться всяким строгим правилам. Где, по-твоему, еще можно обучиться полевой медицине?

— И тем не менее, — говорит Карл. — Я тоже когда-то служил в боевом подразделении...

Что ж, это многое объясняет.

— Но в армии никто никогда не рассказывал нам про СТ... Эта штука существует только в легендах и детских сказках.

— Она запрещена, — говорит Кудесница негромко, но в ее голосе чувствуется скрытая сила. — На С-технологии наложили категорический запрет пятьсот лет назад. И с тех пор люди регулярно пытались то оживить ее, то упростить, то усовершенствовать... Все равно не работает.

— Что не работает? — жадно спрашивает Джуниор.

Всеобщее напряжение возрастает.

Нельзя допустить, чтобы ситуация вырвалась из-под контроля, но я хочу услышать все, что может рассказать нам Кудесница.

— Эта технология вроде как затеняет корабли, — говорит она. — Делает их невидимыми даже для невооруженного глаза.

— Чепуха, — запальчиво возражает Голубка. — Это способ дистанционно воздействовать на чужие инструменты и приборы. Такие корабли невидимы лишь потому, что их нельзя обнаружить при помощи электронного оборудования. Вот и все!

Кудесница поворачивается к нам лицом, опускает руки и распрямляет плечи.

— Значит, ты теперь все знаешь? Ты потратила три года на изучение теоретических принципов и предпосылок невидимости? Ты потратила два года постдоктората на попытки восстановить СТ?

— Конечно, нет! — Голубка смотрит на нее так, словно видит впервые.

— А ты? — спрашивает у Кудесницы Карл.

Она кивает.

— Как по-вашему, для чего я занялась поиском вещей? Почему мне так нравится *находить* вещи, которые были *потеряны*, как вы думаете?

Джуниор озадаченно качает головой. Я тоже не могу уловить логической связи с невидимостью.

— Почему? — возвращает вопрос Джайп, очевидно, тоже не понимая.

— А потому, — отвечает Кудесница, — что я слишком много вещей потеряла сама... Из-за нелепых случайностей.

— Каких вещей? — спрашивает Карл очень тихим голосом. Его лицо стремительно теряет румянец.

— Много чего. Корабли. Люди. Материальные ценности. Что ни назови, я успела это потерять, пытаюсь сделать невидимым для сенсоров. Возродить бесследно утраченную технологию. А вы просто нашли ее на этом древнем корабле...

У меня снова перехватывает дух.

— Стоп!.. Почему ты так решила?

— Все было прямо перед глазами с самого начала, — устало говорит Кудесница. — Этот проклятый зонд застрял точно так же, как добрая половина моих экспериментальных объектов... Между одним измерением и другим. Есть только один способ войти туда, единственный вход. Но нет НИКАКОГО выхода. И самое худшее, что только может случиться с человеком... самое распоследнее! Если кто-нибудь из нас вдруг застрянет, как этот зонд.

— Я не верю в твои дурацкие басни! — выпаливает Голубка с таким пылом, что мне понятно: эти двое не прекращали яростно спорить с той минуты, когда впервые увидели крушение.

— Ты должна поверить. — Кудесница с настойчивой силой говорит это мне, не Голубке. — Поверь всем своим существом! И поскорей заberi нас отсюда. А еще лучше — взорви это проклятое крушение ко всем чертям! Если тебе не чужды человеческие чувства... Чтобы больше никто на него не наткнулся.

— Как это — взорвать?! — лепечет Джуниор.

Ее предложение столь нелепо, что меня на миг охватывает бешеный порыв гнева. **МЫ НЕ ВЗРЫВАЕМ ПРОШЛОЕ.** Да, мы можем искать его, чтобы поживиться, и просто для того, чтобы постараться понять, и никогда для того, чтобы уничтожить. Нет, мы не разрушаем прошлое в прах своими собственными руками!

— Избавься от него, — настаивает Кудесница, теперь в ее глазах стоят слезы. Она смотрит только на меня, говорит только со мной. — Пожалуйста, Босс... Это единственное разумное решение.

Разумное или неразумное, я не знаю.

Я терзаюсь сомнениями.

Допустим, Кудесница не ошибается в оценке реального положения вещей. С-технология утеряна, новые исследования по данной теме строго запрещены, хотя армейские спецслужбы нелегально продолжают ра-

ботать. Пытаясь (если я все поняла верно) заново открыть и применить на практике некие принципы, которые были хорошо известны человечеству уже несколько тысяч лет назад.

При таком раскладе моему крушению просто нет цены. Мы без труда загоним его за такие денежки, что я смогу отойти от дел не просто прилично обеспеченной, я буду... нет! Мы все будем богаты до самого окончания нашей очень-очень долгой жизни.

Кудесница утверждает, что СТ может быть опасна, и я ей верю. Но какого рода эта опасность? Опасны эксперименты по воссозданию аутентичной технологии? Или сама она имеет некий врожденный порок, притом коренной и поэтому неустранимый?

Карл абсолютно прав: чтобы разобраться досконально, нам надо вернуться домой и провести фундаментальные исследования. Все, что точно известно о кораблях «Дигнити», все касательно С-технологии, а на закуску — последние пять с половиной тысяч лет человеческой истории.

Голубка тоже чертовски права: если мы улетим отсюда ради новой информации, то шансы потерять крушение подпрыгивают на непомерную высоту. В итоге мы разделим судьбу бесчисленных дайверов, убивающих время за стойками баров по всему пространственному сектору, оплакивая сокровища, которые они потеряли.

Мы не можем улететь. Не можем даже отпустить Кудесницу.

Мы останемся здесь, пока не примем решение.

Пока я сама не пойму, что надо делать.

Посоветовавшись с собой.

Я начинаю с Кудесницы, ее персональных данных. Меня не интересуют ее зарегистрированные аресты. Ни послужной список, ни история ее дайвингов или история болезни, на что в первую очередь обращает внимание любой дайверский капитан. Мне нужна именно персональная история: кто эта женщина, что сделала в своей жизни, кем стала.

Я никогда еще ничего подобного не делала. Всегда считала, что это будет вторжением в частную жизнь людей.

Вот все, что нам требуется знать о дайверах, говорила я всегда другим капитанам: хорошо ли они управляются со своим снаряжением, не подворовывают ли у товарищей по команде, достаточно ли подготовлены физически для дайверской работы и насколько психически устойчивы, чтобы иметь дело с мерзлыми трупами.

И я действительно свято верила в собственные слова. Даже сейчас

верю, хотя занимаюсь глубокими раскопками в секретных архивах, захороненных в главном бортовом компьютере «Заботы».

К счастью, большинство из этих информационных массивов залинковано только на меня. Никто не знает об их существовании, а если кто-нибудь случайно наткнется, то все равно не получит доступа. Тут нужны мои персональные коды, рисунок моей сетчатки и образец моей ДНК.

Ходовая рубка — мой персональный домен. Сюда без моего разрешения не войдет ни один человек. Но я все равно запираю двери, выключаю звук и притемняю экран компьютера.

У меня такое чувство, будто каждый на борту «Заботы» уже догадался, что я предаю Кудесницу. И все ненавидят меня за это.

Ее настоящее имя: Розельма Квинтиния.

Родилась сорок лет назад на крупном многонациональном торговом судне. Родители настаивали, чтобы малышка всегда проводила половину суток при искусственной гравитации: во избежание развития типичных «конечностей спейсера».

Этого она, действительно, избежала. Заодно выработала пластичность, которая позволяет моментально переходить от нулевой гравитации к стандартной земной и обратно. Чрезвычайно редкое искусство.

Семья планировала, что дочь традиционно займется торговым бизнесом или же станет пиратом. Но она взбунтовалась. Обладая научным складом ума, девушка без труда прошла стандартную процедуру вступительных экзаменов. Прямо с борта родного судна. Результат максимальный, чистые 100 баллов. Ни одна «маленькая мартышка» с пузатого торговца еще такого не добивалась.

По меньшей мере сто престижных школ, разбросанных по всем известным системам, пожелали заполучить ее. Предлагали отдельную квартиру, полное содержание, бесплатное обучение, но только одна из них предложила оплатить ей дорогу до школы и обратно. Единственное, что на самом деле имеет значение для ребенка спейсеров: стоимость двух путешествий через половину Галактики.

Она улетела туда и затерялась в системе. Чтобы вдруг объявиться в нашем секторе через двенадцать лет. Слишком тощей, нищей и озлобленной для вундеркинда, поэтому ей гарантирован был успех. Она сразу записалась на большое торговое судно медиком, но вскоре присоединилась к группе штатных дайверов этого торговца и стала одной из лучших и самых бесстрашных.

С Голубкой она встретилась в баре. Они сразу нашли общий язык и быстро сблизилась. А позже Голубка привела ее ко мне, предвари-

тельно убедив, что свободные дайверы живут интереснее и больше зарабатывают, чем штатники.

Так началось наше тройственное сотрудничество.

Я вздыхаю, протираю глаза костяшками пальцев и прислоняюсь горячим лбом к прохладному экрану.

Мне не хочется, но настало время для вопросов.

Разумеется, она ждала меня.

Она опустила добавочную стенку, разделив пополам большую комнату, в которой до этого они с Голубкой обитали вместе.

Отгородилась. Поставила последнюю точку в их споре.

На кровати аккуратные стопки одежды, на полу — ее личный рундук с откинутой крышкой. Она уже успела упаковать туда нижнее белье вместе с ночными сорочками и пижамами.

— Ты покидаешь нас? — интересуюсь я.

— Не могу остаться. — Ровный, спокойный голос. — Я больше не верю в эту миссию. Ты всегда говорила, что в команде должно быть единство, и это чистая правда, Босс. Не хочу подрывать вашу сплоченность. Не собираюсь тебе мешать.

— Интересно... Почему ты ведешь себя так, будто я уже приняла окончательное решение?

— А разве нет?

Она сидит на краю кровати: спина идеально прямая, руки чинно сложены на коленях. Действительно, армейская выправка. Я всегда это замечала, но по-настоящему никогда не обращала внимания. До сих пор.

— Расскажи мне о технологии невидимости, — прошу я.

Она едва заметно вздергивает подбородок.

— Все данные засекречены.

— Спасибо за информацию. Но это мне известно.

Ее проняло, бросает на меня удивленный взгляд.

— Ты пыталась нарыть сведения по СТ?

Я киваю.

В первый раз я запустила поиск, когда разбиралась с типом «Дигнити», а потом уже здесь, на борту «Заботы». Почти ничего не нашла, но я не скажу об этом Кудеснице.

— Ты и прежде нарушала правила, — говорю я, — почему бы не нарушить и сейчас.

Она отворачивается и смотрит на полупрозрачную матовую стенку, обеспечивающую ей уединение. Отрезающую от прошлой жизни. Ку-

десница была становым хребтом моей дайверской команды, но больше не поддерживает никого из нас. Твердая и непроницаемая, как эта стена, которой она отгородилась.

— Я дала клятву, — сообщает она нехотя.

— Ладно. Тогда я помогу тебе ее нарушить. Что со мной случится, если я попытаюсь пройти через тот барьер?

— Не надо, Босс!.. Лучше улетай отсюда поскорее.

— Хорошо. Если ты сможешь убедить меня.

— Тогда тебе тоже придется дать клятву. Поклянись, что никому ничего не откроешь.

— Клянусь! — не задумываясь, выпаливаю я.

И сама не слишком верю себе. Слышу собственный голос как чужой, незнакомый, фальшивый. Но Кудеснице требуется клятва, какой бы сомнительной она ни была, и мои слова ее успокаивают.

Она глубоко вздыхает, прежде чем начать. Но не изменяет позы, не оборачивается ко мне, упорно смотрит на новую стену. И этой стене начинает рассказывать.

— Я стала медиком, навсегда покончив с невидимостью, — говорит она. — Решила, что теперь должна, обязана спасать людям жизнь, после того как я сама погубила столько народу. Единственный способ как-то искупить вину, сбалансировать мой позорный счет...

— Многие эксперты полагают, что С-технология затерялась не случайно, ей «помогли». Слишком она опасна, таит большой риск. Ученые, разработчики оригинальной СТ, все как один скончались молодыми при загадочных обстоятельствах, не оставив после себя никаких записей. Даже формальных рабочих дневников, не говоря уже о принципиальных описаниях. И с течением времени имена их, по обыкновению, затерялись в веках, но были заново открыты неким исследователем, который побывал на Старой Земле где-то в конце прошлого века.

Кудесница рассказывает все это скучным, монотонным голосом. Как будто наизусть читает старую-престарую лекцию. Но я жадно слушаю, впитываю слово за словом и не задаю никаких вопросов, опасаясь сбить ее с мысли. Боюсь, что если прерву эту лекцию, нечто важное навсегда останется недосказанным.

— Когда тот исследователь предпринял научное паломничество, все принадлежавшие Старой Земле корабли «Дигнити» уже много столетий как прекратили свое существование. Будучи полностью выпо-

трошенными. Некоторые переоборудовали в грузовики, другие пошли на слом. Около пятисот лет назад возникла идея заново собрать один «Дигнити» из разрозненных уцелевших деталей. В качестве исторического экспоната. Но попытка провалилась, так как главные компоненты и системы навигации пропали целиком и без всякого следа, никто нигде не сумел их отыскать. Ни в кучах старого металлолома, ни даже в виде древних бумажных чертежей, известных историкам под названием *синьки*.

Несколько документов, которые обнаружили в колониях на земной Луне (и попали туда, очевидно, контрабандой), наводят экспертов на мысль, что изначальная С-технология базировалась на научной концепции многомерного пространства. То есть радары не видели кораблей совсем не потому, что те набрасывали на себя электронный аналог плаща-невидимки, а из-за того, что эти корабли прятались от радаров в иных мирах. На какое-то время уходили в параллельную вселенную, подобную нашей собственной.

Я вспоминаю, что уже знакома с этой теорией, как раз она положена в основу темпоральных путешествий, хотя на самом деле мы никогда не умели путешествовать во времени. В классическом смысле, а не банально старея. Во всей Галактике исследователи уже давно отказались от попыток подтвердить эту теорию экспериментально. Теперь у них крайне популярна совсем другая версия, которая гласит, что в действительности время нелинейно, мы только воспринимаем его как линейное. И чтобы реально совершить темпоральное путешествие, следует изменить наше восприятие, иными словами — человеческий мозг.

Но рассказ Кудесницы вроде бы подтверждает классическую теорию. Она говорит, что путешествия во времени возможны, если открыть небольшие окошки в другие измерения, то есть проходы, которыми ты можешь управлять по собственному желанию.

— Но только, — добавляет она после паузы, — на практике эти окошки подчиняются совсем не так хорошо, как хотелось бы, и на каждое успешное путешествие приходится не менее двух, когда ничего не получается.

— Что не получается?.. — не выдерживаю я.

Но она лишь качает головой и отвечает коротко:

— Можно застрять. На все оставшиеся времена.

— А как же «Дигнити»? Они тоже ныряли в окошки?

Кудесница снова качает головой.

— Я так не думаю. В основе тот же принцип — мультимерное пу-

тешество. Но совсем другие методы, которые мы не способны воспроизвести.

— А наше крушение?.. Почему ты ужасно боишься его?

— Потому что ты права. — Наконец Кудесница смотрит прямо на меня: под глазами темные круги, лицо осунулось. — «Дигнити» тут быть не должно! Ни один из них не покидал пространственного сектора Старой Земли. Никогда! Корабль не мог ни пролететь, ни продрейфовать половину Галактики. Эти корабли не были на такое рассчитаны.

Я киваю. Ничего сверх того, что мне уже известно.

— И что?

— А то, — говорит она. — Ты знаешь, что они не возвращались в порты приписки дюжинами?

Я пожимаю плечами.

— Они были серьезно повреждены или разрушены. Это ведь боевые корабли, так?

— Повреждены, разрушены... Или пропали? Я голосую за третий вариант. Или еще может случиться так, что корабль отправили в секретную миссию, давно забытую в веках...

— И что?

— Разве ты сама не удивлялась, почему никто не заметил этот корабль за все тысячелетия? И как он мог продрейфовать настолько далеко от Земной системы?

Я утвердительно киваю.

— Конечно! Он, может быть, вообще не дрейфовал, — говорит она.

Я буквально ошеломлена.

— Ты думаешь... его сюда специально послали?!

— Нет, я так не думаю, — вздыхает Кудесница. — Давай мы лучше представим, что корабль «Дигнити» отправили в приграничный район Земного сектора с какой-то миссией... Неважно с какой, кроме того, что она была под грифом высшей секретности. И поэтому «Дигнити» прошел через всю систему в стелс-режиме... Ты уже представила это, правда?

Мой желудок нервно сжимается.

— А если, — задумчиво говорит Кудесница, — они пытались вывести корабль из длительного режима невидимости... и все это закончилось тем, что он оказался здесь?

— Пять тысяч лет назад?.. — тупо спрашиваю я.

— Нет... — Она качает головой. — Всего лишь несколько поколений назад, чуть больше, чуть меньше. Но в любом случае этот корабль

не слишком долго здесь болтается. Тебе просто повезло, что ты первая заметила его, Босс!

Всю ночь напролет я слушаю Кудесницу. Теории, рассказы, умозаключения. Она знакомит меня со своей программой исследований СТ. От нуля к теории, от теории к экспериментам. Редкие удачи и потери, потери... Сорок пять невинных человеческих жертв.

Когда она ушла из научно-конструкторской лаборатории и занялась медициной, то воспользовалась своим высшим допуском, чтобы порыться в старых файлах. И ей удалось отыскать спецпакеты научных исследований давностью почти в пятьсот лет. Но все существенное оказалось полностью изъято, остались лишь краткие резюмирующие заключения.

С-технология потеряна. Уничтожена.

И никто, никто не способен восстановить ее.

Я слушаю, и оцениваю, и взвешиваю, и размышляю, и лишь глухой ночью прихожу к выводу, что ученый из меня просто аховый.

Но зато я прагматик с немалым опытом. И я точно знаю, благодаря собственному расследованию, что корабли «Дигнити» со своей технологией невидимости существовали более двухсот лет — и все это время были в строю. А как мой солидный опыт подсказывает, ничего подобного не могло произойти, если оригинальная СТ и впрямь была настолько порочна, как считает Кудесница.

Слишком много переменных, неизвестные параметры. И пока я взвешиваю, оцениваю, подсчитываю и усиленно размышляю, что-то странное начинает разгораться во мне.

Пять столетий армейцы бьются за восстановление СТ. Но практически они не совершили ничего, говорю я себе. А между тем все ответы на их вопросы существуют в наглядном виде и, что самое замечательное, прямо у меня под боком. В крушении, которого никто не заметил, кроме меня. Которое принадлежит мне и только мне на данный момент.

Страсть разгорелась и начинает пульсировать во мне, и теперь я точно знаю: это жадность. А я-то думала, этот порок мне абсолютно чужд. Как я ошибалась!

Я ухожу под утро, надеясь немного вздремнуть. Кудеснице приказываю убрать с кровати одежду и как следует выспаться. Я настаиваю на своем: она должна остаться с нами в любом случае.

Независимо от моего окончательного решения.

Она кивает, словно ничего другого не ожидала, и возможно, так оно и есть. Она уже распаковывает свои ночнушки, когда я выхожу из комнаты в коридор, где воздух гораздо прохладнее, а свет намного мягче.

Я устало бреду к своей каюте, когда меня перехватывает Джайп:

— Ну как, она поведала тебе что-то стоящее?

Глаза у него подозрительно блестят, и мне вдруг приходит в голову: уж не снедает ли Джайпа лихорадка жадности, как и меня?.. Чуть не спросила, но вместо этого скучно отвечаю:

— Ничего. Она рассказала о своей работе довольно подробно, но мне не показалось, что для нас это важно.

Я лгу, потому что намерена, как говорится, переспать со своей проблемой. В древности люди на Старой Земле утверждали, что утро вечера мудренее, и это как раз про меня. Я принимаю гораздо лучшие решения по утрам, на свежую голову.

— В твоём репозитории не так уж много исторических файлов на «Дигнити», — сообщает мне Джайп. — Во всяком случае, узко специализированных... Я ничего не нашел в базе данных про наше крушение — полный ноль, нет даже его серийного номера. Хотелось бы подключиться к внешней системе, ты позволишь?

— Чтобы кто-нибудь узнал, где мы и что сейчас делаем? Тебе этого хочется?

— Нет, просто так будет гораздо удобнее, — возражает он с иронической усмешкой.

— И глупее некуда, — отрезаю я.

Джайп со вздохом кивает. Я делаю один шаг в сторону своей каюты, но он цепко хватает меня за руку.

— Послушай, я тут проверил кое-что...

Я устала, мне так хочется спать, что даже выразить не могу.

— Ну что еще?..

— Знаешь, я давно уже пришел к выводу, что когда ты не можешь что-то найти в официальной истории... надо поискать в легендах. Там всегда существуют зерна истины, даже если их очень трудно раскопать.

Я жду. Огоньки в его глазах разгораются.

— Есть одна старинная история, которую уже много-много веков пересказывают спейсеры. И притом в различных культурах, пока их правительства приходят и уходят, одно за другим. В этой спейсерской истории говорится о флотилии кораблей «Дигнити».

— Что? — вяло переспрашиваю я. — Конечно, можно и так сказать:

мол, это был флот. Таких кораблей построили несколько сотен, согласно историческим документам.

Джайп нетерпеливым жестом отмахивается мои слова.

— Их было гораздо больше! В очень многих вариантах этой истории говорится о тысячах кораблей. В других вариантах их число оценивают многими сотнями, третьи вообще не упоминают о количестве. Но все легенды утверждают: это был огромный флот кораблей «Дигнити», чья миссия состояла в спасении миров, расположенных за самыми далекими звездами, какие только можно увидеть. Эти корабли двигались от порта к порту, в каждом запасаясь всем необходимым, и в первую очередь — запчастями для ремонта. Все экипажи этого флота непрерывно латали свои корабли, чтобы те могли лететь дальше, дальше и дальше... В сотни раз превысив ресурс, рассчитанный конструкторами.

У меня сна ни в одном глазу.

А ведь Джайп знал заранее, что так и будет.

— И таких историй много? — спрашиваю я.

— Вполне хватит, чтобы восстановить траекторию... И она верна, если ты, к примеру, ведешь огромный флот из сферы Старой Земли к нашему пространственному сектору.

— Мы слишком далеко от сектора Старой Земли, — говорю я со вздохом. — Земляне той древней эпохи и мечтать не смели, что люди туда доберутся... И уж тем более поставить себе целью долететь туда.

— Да, так говорят все. Но кто знает, как было на самом деле?

— «Дигнити» никогда не имели сверхсветового привода, — напоминаю я.

— Может, и не имели... Неважно!

Джайпа буквально распирает, он жаждет поделиться своей сумасшедшей идеей, и я — совершенно непонятно почему — ощущаю легкий проблеск надежды.

— Перманентный ремонт, понимаешь? И в полете, и в портах, где они покупали материалы, заказывали детали и все прочее. Что если в каком-то из портов, где они ремонтировались, им подарили эти самые штуковины? Сверхприводы?

— Подарили... — повторяю я с большим сомнением. Ни один из знакомых мне миров никому ничего не дарил.

— Ну, или продали... Разве невозможно такое предположить? Одна легенда называет этот флот наемным. Их нанимали сражаться за миры, которых они прежде и в глаза не видели.

— Абсолютно мифическая история.

— Да, — соглашается Джайп, — это всего лишь легенда. Но иногда... Случается, легенды внезапно обрастают реальными подробностями.

— А конкретнее?

— Конкретнее? Перед нами подлинный «Дигнити», который, по идее, никак не мог попасть сюда, но тем не менее он перед нами.

— Ты заметил следы ручного ремонта? — быстро спрашиваю я.

— Каким, интересно, образом? — Он пожимает плечами. — Это я у тебя должен спросить. Ты ведь просматривала технические данные? Если корабль ремонтировался, то датировка разных его частей не совпадает.

Я даже не взглянула на даты, понятия не имею, совпадают ли они. Но я не стану признаваться в этом Джайпу.

— Скачай подробные спецификации аутентичного «Дигнити», — говорю я деловито. — Все материалы, где что должно находиться... и так далее. Словом, все, что имеется.

— Я думал, ты сделала это сама. Еще до того, как мы сюда прилетели.

— Да, но не настолько подробно. Видишь ли, корабль обычно восстанавливают в том же виде, каким он был до повреждения. Во всяком случае, внешне, а вот начинка вполне может отличаться от первоначальной. И я как раз собиралась сверить наши данные со стандартами для «Дигнити», но не успела. Сперва из-за этой самой СТ, а теперь мне элементарно надо поспать... Так что — действуй.

Джайп расплывается в широкой ухмылке.

— Есть, капитан!

— Не капитан, а Босс, — бормочу я, ковыляя по коридору, который ведет меня напрямик к моей кровати. Даже выразить не могу, насколько я люблю быть боссом... черт меня подери.

Я поспала, но недолго. Мой мозг слишком занят обработкой всякой всячины. Я уверена, что точные спецификации не совпадут с реальностью, но это просто факт, который ровно ничего не подтверждает. Кто-то ремонтировал корабль в неких определенных местах по мере необходимости. Только и всего. Но что если мы обнаружим такие материалы, которых заведомо не могло быть в Земной сфере в те древние времена, когда строили «Дигнити»? Это уже совсем другое дело. Версия о спятившей СТ, из-за которой наш «Дигнити» попал сюда, будет опровергнута, и Кудесница может больше не беспокоиться.

Я сижу за своим прямым терминалом, когда она подходит к двери моей каюты. Я прошла уже пять или шесть уровней защиты, чтобы до-

браться до некоторых данных, очень старых. Эти данные недоступны с любого другого терминала корабельной сети.

Кудесница стоит под самой дверью и ждет. Я надеюсь, что ей все-таки надоест, но тщетно. Через несколько минут она демонстративно кашляет.

Я вздыхаю так, что слышно за дверью.

— Мы уже беседовали, целую ночь.

— Только один вопрос.

Она входит, не дожидаясь приглашения, и закрывает за собой дверь. Я сразу начинаю чувствовать себя клаустрофобом; это всегда так, когда кто-нибудь вторгается в мое сугубо личное пространство. В своей каюте я всегда — неизменно! — была одна, в полном и счастливом одиночестве. Даже когда у меня случился романчик с дайвером из моей команды, это я бегала к нему, а не он ко мне. Ни разу не пустила его дальше порога.

Привычка к уединению глубоко въелась в меня, но привычка к секретности коренится еще глубже. Я автоматически затемняю экран монитора, прежде чем повернуться и сказать:

— Да?

Кудесница выглядит так, будто спала еще меньше меня.

— Я должна попытаться. В последний раз, — говорит она. — Прошу тебя... Взорви это крушение. Пожалуйста. Или сделай так, чтобы его здесь больше не было. Не впускай внутрь никого, не входи сама. Забудь, что оно вообще существовало.

Я складываю руки на коленях. Вчера у меня не было ответа на такую просьбу, но сегодня есть. Я успела обдумать все, что услышала прошлой ночью, — совершенно разные истории, которые поведали мне Джайп и Кудесница, — и за полчаса до того, как она меня потревожила, пришла к заключению. Что ни одна из этих историй не правдивее другой. Не ближе к истине, которая не известна никому.

— Пожалуйста, — монотонно повторяет Кудесница.

— Я не ученый... — начинаю я, но эта прелюдия не производит на нее должного впечатления.

Тот же взгляд, та же поза.

— ...Но много размышляла, — продолжаю я. — Если эта СТ такая могущественная и опасная, как ты уверяешь... Где гарантия, что мы не вызовем катастрофу, попытаюсь уничтожить стелс-генератор? Что если взрыв активирует его на полную мощность? И мы пробьем между измерениями дыру? Или, может быть, разрушим нечто для нас невидимое в иных измерениях?

На ее скулах появляется едва заметный румянец, и я продолжаю:

— Или, вполне вероятно, взрыв вернется к нам рикошетом. Я припоминаю, что «Дигнити» считались непробиваемыми... Якобы все, что в них попадает, тут же отскакивает назад. А вдруг это побочный защитный эффект СТ?

— Это типичный эффект силовых полей. — Откровенная нотка сарказма. — В ту эпоху силовые поля еще не придумали.

— И тем не менее, — настаиваю я. — Конечно, ты разбираешься в С-технологии гораздо больше меня, но... Ведь на самом деле ты *не понимаешь* ее? А иначе сумела бы полностью воссоздать.

— Это... не аргумент, а софистика, и мне кажется...

— Но ты ведь не отрицаешь, что полных знаний у тебя нет? Известно, что произойдет, если мы взорвем крушение. Ты не знаешь, никто не знает. Но может статься, это будет настоящая катастрофа, которой мы не переживем.

— Я готова рискнуть, — говорит она пустым голосом.

Глаза у нее тоже пустые, холодные. Как будто передо мной совсем чужой, незнакомый человек. Какая-то женщина, которую я никогда прежде не видела. И что-то застывшее, безжизненное в ее глазах явно подсказывает мне: если бы я сегодня утром встретила эту женщину впервые, то наверняка не захотела бы ее видеть.

— Я сама люблю рисковать, — отвечаю я. — Вот только в данном случае риск совершенно не оправдан. Получается, что все шансы против нас.

— Против тебя и меня? Может быть, — кивает она. — Но есть вещи и поважнее, чем кучка дайверов. Если ты оставишь это крушение здесь, то под угрозой окажется вся наша культура. Множество человеческих жизней.

— Погоди, ты говорила мне, что военные постоянно пытаются восстановить эту штуку, снова и снова. И ты сказала, что при таких попытках всегда погибают люди. А между тем факты, которые я раскопала в исторических файлах, подтверждают: «Дигнити» проработали сотни лет... И вот что я думаю: может быть, это твоя методология порочна? Может, если настоящая штука попадет в руки тех, кто способен в ней разобраться... С-технология будет не губить, а спасать жизни?

Она пристально смотрит на меня, и я понимаю, что всего пять минут назад я смотрела на Кудесницу точно с таким же выражением.

Я всегда знала: ничто так не способно разрушить дружбу, как жад-

ность, зависть и религиозные убеждения. И я знаю также: эта триада сгубила столько дайверов, что даже неохота вспоминать.

Поэтому я стараюсь никогда не допускать ничего подобного на моем корабле, в наших дайвингах. Поэтому я так тщательно подбираю свои команды. Вот почему я присвоила такое имя моему кораблю — «Не-Ваша-Забота».

И тем не менее.

Я совсем не ожидала, что распрю начнет Кудесница.

Я не ожидала, что она вступит в конфликт со мной.

— Что бы я ни говорила, ты ведь все равно не передумаешь? Никогда не откажешься от этого дайвинга?

Я киваю.

Она тяжело, прямо-таки театрально вздыхает. Показывая всю глубину своего неодобрения. Демонстрируя, что я одна несу ответственность за все ужасные события, которые, как она полагает, рано или поздно, но непременно должны произойти.

Мы смотрим друг на друга в молчании. Глаза в глаза. У меня возникает чувство, будто мы спорим, перебрасываясь аргументами, только аргументы без слов. Ни за что не отведу глаз, пускай лучше вылетят из орбит.

Наконец она отворачивается и смотрит в сторону.

— Ты хочешь, чтобы я осталась, — говорит она. — Прекрасно, я остаюсь. Но только на моих условиях.

Я давно ожидала этих слов. Честно говоря, я думала, она сразу заговорит на эту тему.

— Что ж, назови их.

— Нырять я не буду. Даже ради спасения человеческой жизни.

— Принято.

— Но я могу работать на скипе, если ты позволишь мне брать с собой медицинские принадлежности.

Пока я не вижу никаких проблем.

— Согласна.

— И если что-нибудь пойдет не так... а это наверняка случится... Я оставляю за собой право передать мои записи, как аудио, так и цифровые, любым официальным лицам по моему выбору. Я оставляю за собой право рассказать о наших изысканиях и о том, что я предупреждала тебя. Я также оставляю за собой право публично заявить, что именно на тебе лежит вся ответственность.

— Я всегда ответственна за все, — соглашаюсь я. — Но хочу напомнить, что ваша группа заключила стандартный контракт, где подроб-

но перечислены опасности дайвинга на глубине. И все вы добровольно подписали отказ от любого рода претензий. Смерть — один из рисков, которые входят в этот перечень.

Ее губы кривятся в улыбке, однако глаза остаются пустыми. Сама улыбка — один сплошной сарказм.

— Да... — говорит она, словно прежде никогда не слышала моей тронной речи. — Полагаю, что так оно и есть.

Всем остальным я объясняю, что у Кудесницы возникли сомнения касательно СТ. Поэтому, говорю я, она больше не будет работать основным дайвером, однако останется нашим медиком. Никто не задает никаких вопросов. Ситуация обычная для длительных дайвингов: у кого-то при одном виде крушения возникает нервная тошнота, другие начинают всерьез бояться темноты, а кто-то едва не погибает и решает незамедлительно завязать с этим делом.

Мы суеверный народец во всем, что касается работы. Мы надеваем снаряжение всякий раз в одном и том же порядке, и у каждого есть заветная вещичка, которую дайвер непременно берет с собой, даром что давно пора ее выбросить. Нам нравится чувствовать чье-то покровительство, постоянную заботу о нашей безопасности, даже если это старый дайверский пояс прадедушки.

У решения, принятого Кудесницей, как обычно, две стороны. И приятная состоит в том, что теперь я смогу позволить себе нырять в крушение. На скипе будет сидеть хороший пилот, пускай и не блестящий, и я знаю: действовать она станет разумно, с учетом сложившейся ситуации, и не поддастся импульсивному порыву бросить скип ко всем чертям, желая спасти одного из нас. Она сама так сказала, и я верю Кудеснице.

Досадная сторона в том, что как дайвер Кудесница на голову выше меня. Она способна найти такое, что мне не удастся, заметит то, чего я сама никогда не увижу, не сунется беспечно в рискованные места, при виде которых у меня даже мыслишки не промелькнет о возможной опасности.

Вот почему для своего первого визита в крушение я выбираю в партнеры Голубку. Ведь она самый опытный дайвер в нашей команде после Кудесницы.

Наш полет на скипе никак не назовешь приятным или хотя бы спокойным. Взаимная неприязнь этих двух женщин зашла слишком далеко. В атмосфере висит болезненно напряженное молчание, такое тяжелое, что оно, кажется, чувствуется на ощупь. Я провожу время за

тщательной, кропотливой проверкой своего снаряжения. Как бы страстно я ни желала нырнуть в это крушение, я боюсь.

Боюсь глубины, темноты и неизвестности. Первые секунды после прыжка в невесомость всегда захватывают меня врасплох, напоминая: то, что я сейчас делаю, неестественно для человека по самой его природе.

В конце концов скип располагается на привычном рабочем месте, я облачаюсь в свой дайверский костюм, каким-то образом ухитряюсь пережить первые ужасные минуты, и вот я уже несусь вдоль направляющей вслед за Голубкой, которая опережает меня на несколько метров, и благополучно добираюсь до крушения. К его входному люку.

На первый раз Голубка взялась позаботиться о рабочих записях и картировании, я пока еще не ориентируюсь в крушении. Голубка уже побывала внутри вместе с Карлом — после Джайпа и Джуниора.

Я наметила, просмотрев видеоматериалы, три коридора: один для Карла, один для Дж&Дж, один для Голубки. Когда мы выясним, что нас ожидает на противоположном конце, я выберу для дайверов другие. У меня нет своего постоянного коридора, буду работать с любимым, кто составит мне пару.

Спускаться в люк не так легко, как это выглядит на видеозаписи. Кромки гораздо острее, чем я рассчитывала, надо внимательно смотреть, чтобы не повредить перчатки. Я слышу собственное дыхание, чересчур резкое и частое, наверное; надо было последовать совету Голубки: схема 10/10/10 для первого моего выхода вместо 20/20/20, тем более что теперь до крушения мы добираемся всего за девять минут. Я смогла бы для начала акклиматизироваться, чтобы в следующий раз уже полноценно работать.

На скипе я пропустила ее совет мимо ушей, не задумываясь; меня гораздо больше занимал наш с Голубкой коридор, а вдруг он приведет прямо к ходовой рубке или какой-нибудь аппаратной. Кудесница подумала за меня, прицепив ко мне еще одну аварийную дыхалку. Она помнит, что когда я впервые ныряю после долгого перерыва, то расходую слишком много кислорода.

Она помнит, что иногда я впадаю в панику.

Только не сейчас, просто я излишне возбуждена. Я включаю весь наружный свет костюма, стараясь разглядеть каждую трещинку, каждую неровность цилиндрической трубы, уводящей нас в темные недра корабля. Голубка следует за мной с небольшим интервалом. Поскольку я освещена, как туристическая станция, она не использует свет на

своих ботинках. Она позволяет мне самой установить скорость спуска, и я, должно быть, немножко тороплюсь.

11:59. Мы на уровне коридоров.

12:03. Голубка показывает мне наш коридор.

12:06. Мы приступаем к его обследованию.

И я ощущаю эйфорию пополам с головокружением, как дитя на своей первой космической прогулке.

Знакомое и опасное состояние, которое дайверы всегда должны держать под контролем. Очень даже вероятно, что это первый заметный признак кислородного голодания, а недостаток кислорода, помимо всего прочего, провоцирует злостное пренебрежение правилами безопасности.

Но я никому не сообщаю, как полагалось бы, что со мной не все в порядке. Я не в порядке с того самого дня, когда Кудесница расплывалась с нашей командой. Удивительная легкость в голове, ощущение неустойчивости внешнего мира, и чем ближе к моему выходу в крушение, тем сильнее моя квазиэйфория. Сейчас я немного беспокоюсь о кислороде, поскольку избыточные эмоции усугубляют тяжелое дыхание, но намерена положиться на свой костюм. Надеюсь, он вовремя предупредит меня, если опасно понизится уровень кислорода или давление внутренней атмосферы. Или что его системы защиты готовы вот-вот загнуться.

Коридор соответствует человеческим пропорциям и рассчитан на полную гравитацию. Очевидно, никто не догадался устроить на стенах или потолке лесенки из перекладин, как я видела в люке, на тот случай, если контроль за ориентацией откажет.

Это говорит мне о поразительном доверии, которое некогда люди питали к технологиям. Я не раз читала об этом, но впервые вижу собственными глазами. Ни один корабль, сконструированный за последние триста лет, не сошел со стапеля без специальных палубных покрытий, по которым можно ходить даже в невесомости. В любом из нынешних кораблей через каждые десять метров — или около того — размещены аварийные запасы кислорода, возле каждой двери непременно есть устройства связи.

Прошлое теперь еще дальше от меня, чем я думала. Я полагала, стоит мне оказаться внутри крушения, как я его *почувствую*, даже не ощущая запахов, не слыша внешних звуков. Я почувствую, каково это — посвятить большую часть своей жизни, свою карьеру этому объекту.

Но я не чувствую ничего. Я просто в темном, унылого вида пустынном проходе, где нет никаких аварийных запасов, к которым я

привыкла. Голубка продвигается вперед гораздо медленнее, чем хочется моей легкомысленной эйфорической половине, хотя другая половина — осторожный, умудренный опытом босс — прекрасно знает: чем неторопливее, тем лучше.

Голубка находит опорные точки для рук и молча подает мне сигналы, как будто мы с ней втайне карабкаемся по оболочке корабля дайверов. Мы работаем по системе незапамятной старины: ведущий дайвер ощупывает выбранное место, а убедившись в его надежности, отталкивается, приходя в движение, и все остальные, кто следует за ним, скрупулезно используют для отталкивания ту же проверенную точку.

Здесь, вопреки моим ожиданиям, совсем не так часто попадаются двери. В длинном коридоре, по моему разумению, обязательно должно быть много дверей, а еще он должен иногда пересекаться с другими коридорами. Но здесь нет никаких пересечений, а одинокая дверь появляется перед нами, когда я уже начинаю сомневаться, что мы в коридоре, а не в глухом туннеле. Здесь дверные проемы утоплены в стену гораздо глубже, чем я привыкла.

Голубка пробует каждую дверь, но безуспешно. Все они то ли заперты, то ли заклинились. В данный момент наша основная задача — картирование, поэтому мы оставляем все трудные места на потом, до того времени, когда карта крушения будет составлена полностью. Но мне, конечно, хотелось бы заглянуть в один из этих замкнутых на тысячелетия закутков прямо сейчас... Думаю, что и Голубке хочется не меньше.

Наконец она остановилась, процарапывает на стене пометку, а затем оборачивается ко мне и кивает.

На сегодня мы закончили.

И чудесным образом моя безоглядная эйфория съезживается до минимума. Сейчас мы пойдем назад — это правило! И если вернемся раньше, чем истечет наше время, так тому и быть.

Я проверяю свой счетчик: 29:01.

У нас десять минут, чтобы добраться до шахты люка.

Едва не начинаю выканючивать еще пару минут для работы, но беру себя в руки. Если мы добрались сюда быстрее, это еще не значит, что путь отсюда обязательно окажется легким. Я уже потеряла четырех дайверов, которые совершили именно такую ошибку.

Пропускаю Голубку вперед в качестве ведущего. На обратном пути она использует те же самые точки отталкивания, что и раньше, и до меня доходит: Голубка как-то пометила эти места, а ее костюм их опеределяет. Мое собственное снаряжение более скромное, и я рада, что

Голубка так классно экипирована. Могут понадобиться недели, чтобы полностью закартировать внутреннее пространство крушения, а удерживать в голове все множество безопасных точек для такого огромного корабля... Это весьма затруднительно, а может, и невозможно. Для меня, по крайней мере.

Наконец мы на скипе, и когда я снимаю шлем, Кудесница вперяет в меня испепеляющий взгляд.

— Ты была под кайфом, — заявляет она категорически.

— Обыкновенное волнение... — слабо протестую я.

Она вскипает бессильной злобой.

Ведь это мой корабль, мое крушение, мой бизнес.

Я буду делать все, что захочу.

Снимаю свой костюм и с удовольствием расслабляюсь, пока Кудесница гонит скип обратно, к «Заботе». Мы не слишком много успели сегодня, Голубка и я, генеральная карта крушения обогатилась лишь на какие-то метры, но у меня такое чувство, будто мы открыли новый мир.

Возможно, все дело в эйфории, вызванной сверхнормативным расходом кислорода, кто знает. Но я так не думаю. Я думаю, это вроде реакции завязавшего наркомана, который по случайности вдруг принимает наркотик, и восторженный кайф настолько грандиозен, что схвативший дозу готов придать ему любой смысл, приписать любое значение, но только не называть вещи их собственными именами.

Итак, мое крушение: масса потенциальных возможностей.

Вот только я не могу обсуждать такие вопросы на скипе, где теперь в моем пилотском кресле сидит Кудесница, а Голубка расположилась напротив меня.

Кудесница возненавидела мой проект от всей души.

Голубка близка к этому. Ее энтузиазм вянет прямо на глазах, хотя я не знаю почему. То ли ее вымотала война с Кудесницей, то ли бывшая подруга все-таки успела убедить Голубку, что это крушение неизмеримо опаснее, чем все предыдущие. Так или иначе, результат налицо.

Я отворачиваюсь от них и смотрю в портал: мое крушение все дальше, все меньше, миниатюрнее и наконец растворяется в глубине... Забавно. Хотя меня окружает та же тяжелая, грозная атмосфера, я внешне чувствую себя счастливой.

Я довольна.

Еще полдюжины выходов с Голубкой, еще шестьдесят с лишним погонных метров — по большей части попросту коридор. Но также

потенциальный складской отсек (поначалу мы надеялись на зал для собраний или жилое помещение) и глубокая техническая ниша с оборудованием (еще руки не дошли, чтобы составить каталог). Свое личное время я провожу за анализом материалов.

Пока ничего убедительного. Много явных следов ручного ремонта, но это обычное дело: мало ли что случается с кораблем во время долгого путешествия.

Чего здесь нет и в помине, так это трупов. Мы не нашли ни одного, и это на самом деле крайне необычно. Иногда в крушениях плавают скелеты — или их фрагменты, по крайней мере, а иногда попадаете прямо-таки цветущий покойник, облаченный в дайверский костюм и совершенно целехонький. Те, что без костюмов, вот эти хуже всего. И тогда я не устаю благодарить неведомо кого, что сама я здесь в костюме и он не пропускает запахов.

Отсутствие мертвых тел начинает действовать на нервы Карлу. Он даже поговорил со мной наедине по поводу того, чтобы пропустить несколько запланированных выходов.

Я не уверена, что лучше, что хуже. Если я разрешу, то Карл ослабится и после отгулов может вообще отказаться от дайвинга. Но если я заставлю его работать из-под палки, суеверные страхи Карла могут настолько усилиться, что внезапно парализуют его в самом неподходящем месте.

Вздыхнув, я передвигаю Карла в самый конец очереди и предупреждаю Кудесницу: возможно, что ей все-таки придется надеть дайверский костюм.

Она смотрит на меня с широкой ухмылкой. А уж потом говорит:

— Тебе ничего не останется, как улететь домой, если еще кто-нибудь из нас откажется.

— Буду нырять одна, а вам всем придется меня подождать, — парирую я, но это только бравада: мы обе отлично знаем.

Но я знаю также, что крушению не удастся победить меня, никогда, пока в его чреве таится настоящее сокровище.

Вот что щедро питает мою жадность, постоянно подливает масло в ее жгучий огонь: самое настоящее, истинное, подлинное сокровище... МОЕ сокровище, которое ответит на исторические вопросы, даже не заданные прежде, даже на те, которые раньше вообще не были известны историкам, и откроет человечеству такие факты, о которых сейчас никто и не подозревает. Сверх того, помимо огромной исторической ценности, мое сокровище обладает вполне реальной, материальной стоимостью... И цена его чрезвычайно высока.

Я люблю историю, понимаю ее духовную ценность, но это отнюдь не мешает мне зарабатывать на ней. Я заколачивала очень недурные деньги на доставке туристов к известным историческим крушениям, учила новичков за отдельную плату, как правильно нырять в такие древние места. А сколотив достаточный начальный капиталец, занялась своим главным и любимым делом: я нахожу в глубине новые исторические объекты, о которых никому еще не известно, и организую там собственные раскопки с личной командой надежных дайверов. Во славу истории — и моего неумного любопытства.

Но я никогда не предполагала и не мечтала даже, что в своих исторических раскопках рано или поздно натолкнусь на подлинное сокровище.

Всякий раз, когда я просто думаю об этом, у меня начинается мандраж, а перед каждым выходом в крушение я непременно впадаю в идиотскую эйфорию. С той лишь разницей, что теперь я пунктуально обо всем докладываю Кудеснице. Скромно сообщаю ей, что на сей раз, кажется, слишком возбуждена, и по традиции Кудесница всегда предлагает мне транк, а я от него неизменно отказываюсь.

Никогда, никогда не суйся в неизвестность с притупленными чувствами! Таков мой жизненный принцип, хотя я знаю множество людей, которые обычно поступают наоборот.

Нам предстоит долгий, невероятно долгий дайвинг.

Трудная, тяжелая миссия.

Мы торчим возле крушения уже столько времени, сколько мои дайверы прежде не проводили в глубине. А конца нашей работе по-прежнему не видно.

Нам всем предстоит еще множество испытаний. Никто из нас не застрахован от нервного срыва. Возможны приступы безудержной эйфории и безумного беспричинного страха, эпидемия всяческих суеверий, абсолютно непредвиденные критические ситуации. То ли со счастливым спасением, то ли (упаси нас, конечно, Творец) с печальными потерями.

Но мы прорвемся через все это и обязательно получим Золотой Приз. И никто не сумеет отобрать его у нас, никто на свете.

Все переменялось чуть позже полудня.

Сегодня я снова капитанствую на скипе, а Кудесница уже на «Заботе», исполняет категорический приказ босса: отдыхать! Я устала от ее жалоб, мрачных взглядов исподлобья и неизменно враждебного отношения.

Я поймала Кудесницу на том, что она усердно капает на мозги Дж&Дж, сильнейшему звену моей команды. Так и сяк выспрашивает: как они себя чувствуют в древнем логове смерти, уверены ли, что им вправду хочется туда нырять? Оба почти не слушали ее, разве что из вежливости (хотя Джайп немного с ней поспорил), но разговорчики подобного сорта могут подорвать всю нашу миссию. Саботаж — именно так это называется. Понемножечку, почти невинными, но хитроумными способами, о которых я даже размышлять не хочу.

Мой метод прост: держать ее подальше от этой пары.

И поэтому теперь я одна на скипе, пока Джайп с Джуниором работают в крушении. Я слушаю их голоса вполуха, не глядя на крупнозернистые, практически бесполезные картинки наладонника. В основном я размышляю о том, как бы мне ухитриться отослать назад Кудесницу, не оповестив одновременно весь свет о моей находке, и уже начинаю понимать, что такая логическая задачка мне не по зубам, когда мой слух вдруг улавливает слова:

«...открыто», — Джуниор.

«Вау!» — Джайп.

«Джекпот, ага?» — опять Джуниор.

А затем следует долгое молчание. Чересчур долгое, на мой взгляд. Не потому что я уже начала беспокоиться за Дж&Дж, а потому что проклятая тишина мне абсолютно ни о чем не говорит.

Смотрю на таймер и вижу, что натикало совсем немного.

25:33.

У них еще куча времени. Сегодня Дж&Дж добрались до своей новой секции быстрее, чем когда бы то ни было.

Молчание продолжается.

Я уже почти кусаю ногти, пытаюсь сообразить, чем же они там заняты. Наладонник показывает зернистые стены и опять зернистые стены. Или это попросту зернистая пустота — все равно невозможно различить.

Впервые за все эти недели я желаю, чтобы в скипе рядом со мной был кто-то еще. Но увы. Мне не остается ничего другого, как глазеть на таймер.

28:46.

«Время кончается, пора», — голос Джайпа.

«Погоди, па, ты должен на это посмотреть», — Джуниор.

Он говорит слегка прерывисто — это волнение?.. Очень надеюсь, что так.

И опять тишина.

Теперь я слежу за секундами. Набежало еще тридцать пять секунд гробового молчания, когда наладонник наконец доносит до меня очень громкий и эмоциональный возглас:

«Черт!»

Что это? Сердитый «черт»? Или испуганный «черт»? Или восторженный «черт»? Я почти ничего не понимаю, даже чей это голос.

Теперь я уже действительно грызу ногти, такого со мной не случилось с детства, и смотрю на бегущие циферки таймера, они завершают полную минуту...

31:00.

И продолжают резво бежать дальше.

«Подвинь руку...» — наконец бормочет Джайп.

Теперь я поняла: в этом «черте» не было ничего хорошего.

Что-то случилось.

Что-то очень плохое.

«Еще чуточку левее...» — и это опять Джайп.

Только теперь его голос звучит до странности спокойно.

Почему?.. Я лихорадочно размышляю. Почему Джуниор молчит, почему не отвечает отцу? Может быть, он сейчас в такой секции корабля, где луч чем-то экранируется и передача не доходит до скипа? Я надеюсь, это единственная причина его молчания. Ибо альтернатива такова: коммуникатор Джуниора больше ничего не передает. И я могу придумать тысячу разных причин, объясняющих, почему так происходит. Но ни одна из них не сулит ничего добро-го Джуниору.

«Мы просрочили уже пять минут», — говорит Джайп.

Я улавливаю в его голосе нотку, которую можно истолковать как предвестник паники.

И снова гробовое молчание.

Я выдыхаю воздух, застоявшийся в легких. Смотрю в портал и не вижу ничего. Кроме крушения, которое выглядит, как обычно. Наладонник показывает уже несколько минут одну и ту же неясную зерни-стость, абсолютно статичную.

37:24.

Если они сейчас не поторопятся, то рискуют остаться без кислорода. А если в спешке забудут об осторожности...

Я пытаюсь припомнить, сколько запасных баллончиков они прихватили с собой. Но сегодня я почти не смотрела на Дж&Дж, когда они снаряжались. Я уже столько раз наблюдала ритуал этой пары, что теперь у меня нет никакой уверенности, что я на самом деле видела

сегодня, а что мне только кажется, будто я видела. Я не уверена, не знаю точно, что у них есть с собой, а чего нет.

«Замечательно», — голос Джайпа.

Наконец-то я понимаю, узнаю эту интонацию: родительская паника под жестким контролем. Спокойствие! Только спокойствие, когда ситуация просто из рук вон, лишь бы ребенок об этом не догадался.

«Так и продолжай», — тот же спокойный голос.

Теперь я начинаю вертеть головой, заглядывая попеременно то в портал, то в экранчик наладонника. Но картинка остается неизменной.

«У нас получилось, — Джайп. — А сейчас аккуратно... еще аккуратнее, ну... с-сукин с-сын! Двигайся, двигайся, двигайся — а-а-ах, дьявол...»

Я сверлю глазами крушение, будто можно что-нибудь увидеть сквозь его броню. Учащенное хриловатое дыхание заполняет слух — мое собственное, такое же, как у меня всегда бывает в чреве этого древнего левиафана.

Бросаю взгляд на таймер.

44:11.

Они не уложатся в шестьдесят минут, никаких шансов. Они не справятся, никогда не выйдут оттуда, а я не могу спуститься к ним туда. Черт, я даже не уверена, где они сейчас.

«Ну давай... — Джайп, теперь он почти шепчет. — Давай, сынок... еше раз... давай же, помоги мне, давай...»

И опять тишина.

Помоги мне — что?

Нет, это не просьба, обращенная к человеку. А скорее ремарка, комментарий... И внезапно я все понимаю.

Джуниор в ловушке.

Он без сознания, костюм, вероятно, поврежден.

Все уже кончено для Джуниора.

И Джайп чувствует это на каком-то глубинном уровне.

Но ему еще нужно осознать, чтобы спастись.

Я хватаюсь за собственный коммуникатор раньше, чем успеваю сообразить, что не могу общаться с дайверами в этом крушении. Мы уже установили, что скип не пробивает его броню, уж не знаю почему, но только мощности не хватает. Мы прогнали, разумеется, через диагностику все силовое и коммуникационное оборудование скипа, а затем и через диагностику «Заботы», но ничего конкретного не выяснили: мистика какая-то, не иначе.

В конце концов я решила, ну и черт с ним, обойдемся и так. В самом деле, что может сделать для дайвера в крушении человек на скипе, кроме как поддержать ободряющим словом?

«Ну давай, сынок...» — монотонно повторяет Джайп. А потом — натушный мычащий звук, и этот звук мне очень не нравится.

Пауза, которая следует за ним, длится тридцать секунд, но кажется мне вечностью. Теперь я смотрю только на таймер, как одна секундная цифра спешит заменить другую... почему-то они делают это все медленнее, ленивее.

45:24.

...25...

...2...6...

...2.....7...

...2.....

И наконец я больше ничего не вижу из-за слез.

Но я опять слышу этот жуткий мычащий звук, а потом всхлип, а потом короткое полузадушенное рыдание, а потом...

— Ты можешь как-нибудь послать сюда помощь, Босс?

Я резко вздрагиваю, услышав свое имя. Это Джайп, а я не могу даже ответить ему.

Никак не могу, будь оно все проклято!

Но я могу обратиться за помощью. То есть попросить.

Кудесница объясняет мне, что надо сделать. Самое лучшее, говорит она, чтобы я доставила выжившего (ее словечко, не мое) прямоком к ней на «Заботу», и притом так быстро, как только это будет возможно.

— Никакого смысла встречаться на полпути, верно?

Полагаю, в прагматическом смысле она права.

Но я проклинаю ее (после того, как отключилась), поношу последними словами за то, что она подвела нас с Джайпом и не желает прилететь сюда, пускай даже она не смогла бы сделать ничего существенного здесь, на скипе.

И я начинаю натягивать костюм. И я обещаю себе, что не войду в крушение, что я не собираюсь спасать Джуниора, но обязательно помогу Джайпу добраться по линии до скипа, если будет необходимо.

— Босс... Вызови помощь... срочно... Нам нужна Кудесница и еще кто-нибудь и... вот дерьмо, я даже не знаю.

Голос у него одышливый.

Смотрю на таймер.

56:24.

Куда подевалось время?!

Я думала, Джайп движется к выходу быстрее. И я тоже. Но я экипировалась, толковала с Кудесницей, и вот время утекло, и мы с Джайпом, считай, влипли.

Что они все скажут, когда мы вернемся? В команде и так гуляют суеверия и темные страхи перед технологией невероятной древности, которой сегодня никто уже не понимает.

Только я и Джайп страстно увлечены этим крушением.

Джайп и я.

Теперь, должно быть, только я.

— Оставил ему... немного кислорода... не знаю, хватит ли...

Ужасная одышка. Неужели Джайп отдал все свои запасы? И что там происходит с Джуниором? Если он без сознания, ему не требуется много кислорода, а если костюм попорчен, то не надо совсем.

— Я в люке... выхожу...

Вижу Джайпа. Крохотная фигурка на загорбке левиафана, она движется так медленно, чересчур медленно для человека, который сражается за собственную жизнь.

Строгое правило босса гласит: в любом случае дайвер должен вернуться из крушения без помощи со стороны.

Но я не желаю наблюдать со стороны, как человек умирает.

Посылаю на «Заботу» голосовое сообщение:

«Джайп вышел. Я спускаюсь по линии».

Ни слова о помощи, это само собой, но каждый на «Заботе» без труда сообразит, что именно я намерена сделать.

И я думаю, никто из них никогда больше не станет строго повиноваться всем моим приказам, никогда в этой жизни... ну и пропади оно все пропадом.

Я просто не желаю потерять двоих за одно дежурство.

МОЕ дежурство. Понятно?

Когда я наконец — шесть минутами позже — добираюсь до Джайпа, он невыносимо медленно тащится вверх по направляющей, механически переставляя одну руку за другой: эти движения не похожи на человеческие, так может двигаться автомат. Красный огонек лихорадочно пульсирует на горловине его шлема — финиш кислороду, проклятие! Он действительно отдал сыну весь свой аварийный запас без остатка.

Торопливо хватаю один маленький баллончик, за секунды подвешиваю к его костюму и утапливаю кнопку включения ровно наполовину: слишком много так же плохо, как и слишком мало, я давно это

усвоила. Его взгляд проясняется, теперь он смотрит на меня, но я вижу не благодарность, а тревожное изумление.

Он уже успел зайти чересчур далеко, прежде чем я до него добралась. Даже не заметил, как я появилась, не осознал моего присутствия.

У меня с собой грапплер, хотя я всегда утверждала, что такая технология транспортировки более опасна, чем полезна. А теперь мне предстоит впервые опробовать ее. Я закидываю крючья на линию, активирую челюстной захват, туго опоясываю Джайпа и фиксирую застежку, а потом обхватываю его сзади и прижимаю к себе. Я говорю ему, что можно расслабиться, даже нужно, что я крепко держу его, не отпущу ни за что и с нами все будет в полном порядке.

Но он не слушает меня. Или не понимает. Хотя я отцепила его пальцы от линии, его руки продолжают выполнять слабые механические движения — но зато упорные, чтобы зацепиться за линию и снова подтянуться, подтянуться ближе к цели еще на сантиметры.

Вместо этого мы совершаем безумный рывок к скипу. Прямо с места — я задействовала все подходящие пропелланы костюма. Никогда еще я не передвигалась в пространстве с такой скоростью. Костюм панически сигнализирует, что потребление кислорода втрое превысило мою среднестатистическую норму, но мне наплевать. Я хочу увидеть Джайпа в безопасности, в атмосфере, внутри скипа. Я желаю видеть его ЖИВЫМ, чего бы это ни стоило и дьявол меня забери.

Рефлексы пилота сработали безупречно. Открываю внешнюю дверь скипа, в шлюзе отцепляю Джайпа от грапплера, и он сразу валится на пол, как пустой костюм. Убедившись в герметичности задней двери шлюза, открываю переднюю и затаскиваю его внутрь.

Когда я освобождаю Джайпа от шлема, его костюм активно протестует против каждого моего движения. Лицо у него серое с отливом в голубизну, в глазах полопались капилляры. У меня мелькает мысль о других кровеносных сосудах, которые моему невооруженному взгляду не видны. У него кровь на губах, на подбородке.

— Мне надо сказать тебе, — бормочет он. — Я должен тебе рассказать...

Я киваю, продолжая делать ему энергичный массаж сердца. Так, как меня научили, как я делала уже полдюжины раз.

— Включи что-нибудь, — хрипит Джайп. — На запись...

Так я и поступаю, в основном для того, чтобы он не спорил со мной, не терял жалких остатков своей энергии. Я трачу энергию за двоих, стараясь спасти его, проклиная Кудесницу за то, что ее здесь нет, а заодно и остальных, которые бросили меня на скипе в одиноч-

ку отдуваться за всю команду, спасая человека, который уже не может жить, но должен, обязательно должен.

— Он в ходовой рубке, — сообщает мне Джайп.

Я киваю. Джайп говорит о Джуниоре, но я не желаю ничего знать. Джуниор — наименьшая из моих забот, во всяком случае, сейчас.

— Застрял под какой-то... мебелью, в этом месте все... Там как поле битвы.

Поле битвы? В каком смысле? Эти слова все-таки зацепили меня. Там что, мертвые тела? Или полный кавардак?

Но я не спрашиваю. Не желаю, чтобы он тратил силы, я хочу, чтобы он выжил.

— Ты должна вытащить его оттуда... Он продержится еще час, не больше... или даже меньше. Достань его, Босс... пока не поздно...

Понятно. Зажат под какой-то грудой мебели. Прижат к стене, похоронен во чреве левиафана. Ага, прям щас и побегу. Как будто оно того стоит.

И еще эти острые края и зазубрины.

Костюм Джуниора наверняка пострадает, когда я разгребу всю кучу. А это должна быть уж очень здоровенная куча, если в ней можно плотно застрять при нуль-Г.

На «Заботе» я смогу убедить всех, что Джуниор не застрял в буквальном, гравитационном смысле. Дело обстоит так, что его костюм зацепился за острый штырь и повис. Джуниор теряет — нет, уже потерял! — свою защиту и кислород, и скорее всего, он умер даже раньше, чем его отец успел добраться до скипа.

— Спаси его... — бормочет Джайп очень тихо и хрипло. — Ты обещаешь?..

Я смотрю ему прямо в лицо. Кровь, слишком много крови.

— Да. Я вытащу его.

Джайп улыбается, то есть делает попытку. А потом закрывает глаза, и я едва удерживаюсь, чтобы в отчаянии не врезать ему в грудь кулаком. Он умер, и я знаю это. Но какая-то часть моей души упорно не желает верить в худшее, пока Кудесница не объявит о его смерти официально.

— Я вытащу его.

Повторяю свое обещание, и теперь я не лгу.

Кудесница вынесла вердикт незамедлительно, как только появилась на скипе. Не то чтобы это было слишком трудно. Он уже погрузился в себя, утонул, и еще эта кровь — нет, я не хочу даже вспоминать.

Потом она отвезла нас с Джайпом на «Заботу». Голубка была в другом скипе и даже не заглянула сюда, просто сразу полетела назад.

Я осталась сидеть на полу рядом с Джайпом. Мне казалось, он внезапно встанет и начнет проклинать меня за то, что я все еще здесь, а не в крушении. Что не пытаюсь вытащить Джуниора, пускай даже все мы знаем: Джуниор уже мертв.

Когда мы долетели до «Заботы», Кудесница сразу забрала тело в свое миниатюрное медицинское отделение. Она намерена установить формальную причину смерти Джайпа. То ли неполадки в его костюме, то ли недостаток кислорода, то ли еще что-нибудь. Лишь бы избавить нас от претензий законников.

Кто знает, отчего он умер на самом деле?

Страх? Паника? Глупость?

Нет, глупость — это как раз про меня.

Черт возьми, я позволила отцу нырять в паре с его родным сыном! В то время как сама приказала всем своим командам оставлять на произвол судьбы тонущего дайвера.

Но кто способен бросить собственное дитя?..

И кто слушается меня?..

Даже я не слушаюсь.

Мое жилище кажется слишком тесным, а «Забота» — чересчур просторной, и мне не хочется никуда выходить, потому что каждый станет тарачиться на меня, и у всех на лицах будет одинаково написано: ну-мы-же-тебе-говорили.

И вообще-то я не могу винить их. Смерть — это самое трудное в нашей работе, а мы постоянно флиртуем с ней в наших глубоких дайвингах.

И мы утверждаем, что флирт — это почти любовь.

Я закрываю глаза, но передо мной маячит цифровой таймер. Секунды сменяются так медленно, что кажутся днями. Или это пространство между точками времени? Если бы мы только могли уловить пространственные промежутки между моментами и зафиксировать их...

Если бы.

Я качаю головой, удивляясь сама себе, как же мне удастся сделать вид, что я ни о чем не сожалею.

Когда я наконец выхожу из своей каюты, Голубка с Карлом уже просматривают видео с костюма Джайпа. Они расположились в салоне. Лица у обоих очень серьезные, но довольно спокойные.

Увидев меня, Голубка сразу сообщает:

— Они нашли «сердце».

Понадобилась почти целая минута, чтобы до меня дошло. Чтобы я вспомнила слова Джайпа о ходовой рубке. Они были там, в самом сердце корабля, где я и предполагала обнаружить генератор невидимости, стелс-технологии.

Джуниор застрял в этом месте... Как зонд?

Я невольно содрогаюсь.

— Инцидент записан на видео?

— Мы не досмотрели, — говорит Голубка и выключает экраны. — Кудесница ушла.

— Ушла?..

Я встряхиваю головой, значение слов очень туго доходит до меня. Это реактивное состояние, я знаю. Со мной такое уже было один раз, когда я потеряла всю команду.

— Она взяла второй скип и улетела. Мы даже не заметили сразу. — Голубка вздыхает. — Ее нет, пропала.

— А Джайп?

Она молча кивает.

Я закрываю глаза и еле удерживаюсь от стога.

Теперь нашей миссии точно пришел конец. Кудесница отправится к властям и представит им свой рапорт на нас. То есть на меня. Она расскажет им все: о крушении, о смерти Джуниора. Покажет Джайпа, о котором я должна была сообщить, но пока не сделала этого. Не хотела, чтобы кто-то узнал наши координаты. Чтобы сюда поспешно прибыли какие-то местные чиновники (уж не знаю, в чьей юрисдикции находится эта зона) и срочно конфисковали мое достояние.

В лучшем случае нам устроят крупную выволочку, а в моем персональном деле появится очередная черная метка.

В худшем случае меня — а может быть, и нас всех — обвинят в убийстве по неосторожности.

— Мы можем смыться отсюда, — предлагает Карл.

Я киваю.

— Можем. Но считай, они уже знают про «Заботу», так что долго искать не придется.

— Но если продать корабль...

— И что? Не покупать другого? Это дает какую-то отсрочку, но ненадолго. А когда нас все-таки поймают, то уж вклянут по полной программе. Потому что бегство считается признанием вины.

— Может быть, она все-таки никому не расскажет, — говорит Карл неуверенно.

— Ты так думаешь? А зачем она тогда забрала тело Джайпа?

Голубка откидывается на спинку кресла и закрывает глаза.

— Я уже не знаю, кто она такая. Что за человек.

— Может быть, мы никогда и не знали, — предполагаю я.

— Не думаю, что она просто испугалась, — говорит Голубка задумчиво. — Я так орала на нее! Сто раз объяснила заново, как тупому планетнику, что дайвинг — самое главное. И знаешь, что она сказала мне в ответ?.. Что это совсем не так, что мы все ошибаемся, что самое главное — это ВЫЖИТЬ. Нет, раньше она никогда такой не была.

Я думаю о женщине, которая одиноко сидит на своей кровати и смотрит на матовую стеклянную стену. Все время кажется, что через эту стену что-то можно увидеть, но нет, ничего подобного.

Может быть, эта женщина всегда была именно такой. Может, выживание для нее всегда было самым главным в жизни. Возможно, дайвинг для нее был только удачным способом доказать себе самой, что она живая... Пока прошлое не настигло ее и здесь.

Технология невидимости.

Она думает, это СТ убила Джуниора.

Я киваю на экран.

— Давай посмотрим, — предлагаю я Карлу.

Карл бросает на меня напряженный взгляд, почти лишенный всякого выражения. Карл старается держать себя в руках, сохранять спокойствие.

Но его страх пожирает все лучшее в нем.

Просто удивительно, что мой собственный страх поперхнулся все-таки моими лучшими чувствами.

Карл запускает видео с самого начала.

Голоса мертвых, которые еще сегодня были живыми.

Обмениваются обычными в нашей работе репликами: «Толкайся здесь». — «Осторожно, тут острый угол».

Услышав это, Голубка открывает глаза.

Я прислоняюсь к стене, скрестив руки на груди. Все эти реплики мне знакомы, я уже слышала их несколько часов назад. Но только тогда я была чересчур занята собственными мыслями. Я размышляла о личных проблемах с дайверами, о будущем нашей миссии, которая, как мне думалось, продлится еще несколько месяцев.

Просто удивительно, как разительно могут измениться твои перспективы за какие-то несколько минут.

Коридоры выглядят точно так же, как и все остальные, на глазок не определить, где эта зона. Но я побывала в крушении, просмотрела все видеоматериалы и поэтому заранее знаю: коридорная часть будет очень длинной и почти ничего не прояснит. Однако я подавляю порыв приказать Карлу, чтобы он прокрутил запись вперед.

На что-то я надеюсь. Какое-то небрежное движение, потревоженный обломок, спланировавший на одного из моих дайверов — моих *бывших* дайверов — еще раньше, чем они добрались до сердца корабля... Но ничего такого я не замечаю. И мне понятно, что Карл с Голубкой тоже ничего подобного не увидели, так как сидят они спокойно.

А потом Дж&Дж находят святой грааль.

В первый раз я попросту пропустила мимо ушей их реплики. Пустяки наподобие «ну-у, парень» и «эх, придется отметить». Но у Дж&Дж такие восторженно-благоговейные интонации, что если бы я тогда внимательно слушала... Сразу бы поняла.

Я загоняю эмоции в подполье и запираю на ключ. Я больше не смогу заниматься дайвингом, если стану взваливать на себя личную ответственность за каждую потерянную жизнь.

Конечно, может случиться и так, что заниматься дайвингом мне больше не придется. Если власти навсегда лишат меня лицензии пилота. И я знаю немало случаев, когда лицензии аннулировали за гораздо меньшие прегрешения. Когда никто не погиб и даже вообще физически не пострадал.

Видео Джайпа все еще не показывает нам ходовую рубку. Мы видим лишь те же старые зернистые стены, все тот же темный, пустой и унылый коридор. И только когда Джайп поворачивается, видно что-то вроде темной ниши в стене, а потом он начинает подстраивать свои камеры...

И вдруг весь экран заполняет непонятная черная масса с утопленными в ней серыми пятнами геометрической формы. Квадраты, прямоугольники...

— Что за черт?! — По-моему, Карл даже не заметил, что высказался вслух.

Голубка вся подалась к экрану, изумленно качает головой.

— Никогда ничего подобного не видела, — заключает она.

Я тоже.

Когда Джайп приближается, загадочная картинка делается яснее. Похоже на то, что всю обстановку, какая только была в этом месте — шкафы, столы и прочее, — разом сгребли в середину, в одну громоздкую высокую кучу.

Неужели древние дизайнеры были настолько уверены в своей искусственной гравитации, что даже не позаботились привинтить к полу стационарную мебелировку?.. Может ли какой-нибудь, даже самый недалекий дизайнер кораблей оказаться настолько глупым?!

Камеры Джайпа не показывают пол, так что я не знаю: может быть, мебель и привинтили, но ее сорвало. В таком случае здесь просто самое настоящее минное поле для дайвера... больше всяких колючек и штырей, чем ровного места.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Эмоции, опять эмоции, которые мне совсем не нужны. Не желаю. Если бы я только могла спасти их обоих, предупредить... Невозможно.

— Ты сняла видео до того, как она сбежала? — спрашиваю у Голубки.

Она сразу понимает, о чем я, и бросает на меня неодобрительный взгляд.

— Я сняла видео с его костюма раньше, чем она вылезла из своего собственного.

Технически это точный ответ на мой вопрос, но я совсем не то хотела услышать. Надеялась, что с этим видео уже поработали, там что-нибудь уже не совсем так, и тогда... О черт, как будто бы Джайп тогда мог остаться в живых! Невозможно.

— Смотри, — напоминает мне Карл, кивая на экран.

Не хочу, но вынуждаю себя смотреть. Мои глаза упорно не желают фокусироваться. Я уже знаю, что будет дальше... знаю, по крайней мере, чем это кончится, мне не нужно визуального подтверждения.

И все же я не права. Нам очень нужно это видео, оно спасет нас, если нагрянут власти. Голубка, Карл и, возможно, даже сама Кудесница подтвердят, что у меня жесткие правила. Согласно этим правилам, дайверам следует избегать явно опасных мест, пока их не исследуют и досконально не закартируют зонды.

Только я знаю, что Дж&Дж не отправили зонд в рубку. Я думаю, что настоящей причиной была жадность, та же, что гложет меня. И какая разница, если это была танталова мечта. О том, что это крушение с его древними секретами станет пиком их дайвингов, их величайшим открытием. Вершиной всей жизни.

Но самое ужасное, что моя жадность не покидает меня. Живет внутри — под слоем страха, и паники, и гнева, направленного больше на меня, чем на Кудесницу, которая так резко разорвала наш давний союз.

Я думаю: если мы достанем С-технологию до того, как сюда нагрянут власти, окупится все, что здесь у нас произошло, любые беды. Мы получим свой приз и поторгуюемся за него. У нас будет, что продать, — жирный кус, чтобы спасти наши шкуры.

А еще извлечь прибыль.

Джуниор входит в рубку, и отец не запрещает ему. На видео Джайпа его фигура в дайверском костюме кажется странно размытой, нечеткой. Просто человеческая форма, чуть темнее груди вещей в центре комнаты, но светлее окружающей их черноты.

И это Джуниор говорит: «Тут открыто».

И Джуниор произносит: «Вау!»

И Джуниор комментирует: «Джекпот, ага?»

А я-то думала, это диалог между дайверами.

Он указывает отцу на углубление (или сквозную дыру?) в груди вещей и направляется туда, но Джайп сразу догоняет его и хватается за руку. Они ничего не говорят друг другу: понятно, что таков обычный стиль их работы — полное взаимопонимание и никаких лишних слов.

Держась за руки, они вместе начинают кружить вокруг этой свалки. Не приближаясь.

Видимая панорама изменяется по мере передвижения Дж&Дж. В этом помещении есть большие настенные экраны, очевидно, встроенные стационарно. Ни один, конечно, не работает. Словно по темным стенам развесили в аккуратных рамках абсолютно пустые, белесоватосерые холсты.

Вот еще один пример непостижимой для нас технологической беспечности наших предков. А вдруг экраны откажут, и что тогда?.. Это ходовая рубка, однако здесь нет ни единого портала. Ни даже маленького окошка.

Странная куча громоздится действительно посередине комнаты. Большая коллекция разных вещей, но в глаза бросается мебель. Почему Джайп назвал это место полем битвы, я не понимаю. Из-за нагромождения вещей? Или потому что все переломано?

Мои кулаки сжимаются так крепко, что кожа натягивается на костяшках.

Джуниор отпускает руку отца и приближается к свалке с переднего фасада (не знаю, уместен ли такой термин?), чтобы изучить ее. Хотел выяснить, что же погребено в «кургане». Наконец, обернувшись к отцу, он жестами показывает, как будет разбирать завал.

Картинка трясется: Джайп отрицательно качает головой.

Но Джуниор все равно делает по-своему.

Он разглядывает предмет, прежде чем прикоснуться к нему, а уж затем легонько толкает в сторону. И одновременно слабое движение пробегает волной по всей куче вещей: это выглядит угрожающе. Джуниор, очевидно, так не думает. Он приблизился уже почти вплотную к куче и собирается, как я поняла, заглянуть в ту глубокую дыру. Повисает перед ее жерлом в горизонтальной позе пловца. И смотрит. Долго смотрит.

Я тоже вглядываюсь, и теперь мне кажется, что там, в дыре, где-то прямо впереди, на уровне его головы что-то есть.

Что-то, чего я разглядеть не могу.

А он уже плывет и вливается в эту дыру головой вперед... Именно так, как мы никогда, ни при каких обстоятельствах не должны делать в подобных местах! Потому что вернуться назад будет очень сложно, если вообще...

И конечно, так оно и случается.

Случилось.

— Вот оно... — выдыхаю я. — Проклятье...

Карл молча кивает.

Голубка прячет лицо в ладонях.

На экране застывшая картинка.

С точки зрения Джайпа я вижу лишь подошвы Джуниора.

Никакого движения. Ничего.

Секунды бегут. Набралась уже, наверное, целая минута (не знаю точно, забыла сразу посмотреть на счетчик в кадре), когда Джайп наконец сдвигается с места.

Он приближается к Джуниору сбоку. Но не трогает сына, не прикасается к нему сразу. Вместо этого все камеры смотрят на кучу, и я думаю, что Джайп тоже.

Проклятье, вот сейчас и начнется тот самый монолог.

Я слышала его один раз.

Но запомнила наизусть, оказывается.

«Время кончается, пора».

«Погоди, па, ты должен на это посмотреть».

Костюм Джайпа показывает нам... что? Всплеск черноты, какая-то волна? Или просто стол? Не знаю, не разглядела, не смогла, голова Джуниора все заслоняет, он протягивает руку вперед и...

«Черт!»

Это слово звучит необычно, с нелинейными акустическими иска-

жениями, хотя я ничего подобного не помню. Помню, однако, что тогда, на скипе, я не сумела точно определить эмоцию. Из-за искаженного звука? Или все-таки слушала невнимательно?..

Джайп совсем забыл о своих камерах. Он рядом с сыном, прямо под боком у проклятой кучи, и теперь мы видим лишь ее крупным планом. Закругленные углы мебели, обломанные ножки (все-таки сорвало), смятый, перекрученный, разорванный металл с такими острыми, страшно острыми краями и зазубринами.

«Подвинь руку».

Но я не вижу соответствующего движения. На экране все та же картинка, она не изменилась. Так уже было со мной на скипе, когда я таранилась на бесполезный наладонник.

«Еще чуточку левее».

И потом:

«Мы просрочили уже пять минут».

А вот это — самая настоящая паника. В прошлый раз я не смогла ее распознать. Но паника охватила Джайпа именно тогда, в тот самый момент.

Карл прикрывает рот рукой.

Джайп слегка поворачивается, и теперь мы наконец видим на экране его руки. Руки поспешно хватаются за торчащие из «кратера» ботинки и, насколько я понимаю, начинают тянуть.

«Замечательно».

Но я не вижу ничего такого замечательного. Ноги, обутые в эти ботинки, даже не шелохнулись.

«Так и продолжай».

Что продолжать?! Ничего не произошло, абсолютно никаких перемен. Разве Джайп этого не видит, не замечает, что ли?.. Руки на экране напрягаются, пальцы впиваются в ботинки мертвой хваткой — или я просто воображаю это? Ведь мои руки поступили бы именно так.

«У нас получилось».

Опять мерещится? Отлипаю от стены и вплотную придвигаюсь к изображению, как будто и впрямь сумею чем-нибудь помочь. Там что-то сдвинулось?! Или мне показалось?..

«А сейчас аккуратно».

Разом вспоминаю все, о чем на секунду позабыла, и это ужасно, ибо прошлого не изменить. Я уже знаю, что Джуниор не выберется, что Джайп не выживет. Знаю, что...

«Еще аккуратнее, ну — сукин сын!»

Руки соскальзывают, но тут же вцепляются в неподвижные ботинки с новой силой. И в этом движении такое отчаяние, такое отсутствие элементарной осторожности... Ничего похожего на стандартные спасательные процедуры.

«Двигайся — двигайся — двигайся — ах, дьявол...»

На этот раз руки удерживаются, соскользнув наполовину. И они тянут, определенно тянут... и сползают окончательно.

«Ну давай...»

И опять сползают.

«Давай, сынок!»

И опять.

«Еще раз...»

И снова.

«Давай же, помоги мне — давай...»

И наконец руки Джайпа опускаются, падают в отчаянии.

Ноги Джуниора остаются неподвижными. И они точно в том же положении, что и раньше, на мой нетренированный взгляд.

Какое-то время ничего не происходит. Но мы хорошо слышим неровное, свистящее дыхание Джайпа. Этого я совсем не помню — может быть, наша рабочая система связи и наладонник вообще не пропускают речевые частоты?

Внезапно все приходит в бешеное движение. Картинки на экране дергаются, мелькают, подпрыгивают, вращаются, когда он хватается, тянет, толкает, отбрасывает. Пытаясь развалить кучу, разобрать ее, растащить на отдельные предметы, но только ничего, совсем ничего не выходит — каждая вещь сама возвращается назад в проклятую кучу, словно бы притянутая магнитом.

А потом он отпрянул. Отступает, пьтится, но одна его рука остается там, похоже, зацепилась за что-то острое (но костюм не был проколот!), и вдруг его резко отпустило.

Назад, назад, панорама отъезжает, и я опять вижу торчащие из кучи ботинки, и прищуриваюсь, и приглядываюсь изо всех сил — это что, другие ботинки? Совсем незнакомые? Джайп отступает, пока не ударяется спиной о стену, и тогда он начинает панически метаться, потеряв самого себя...

...А после он все-таки покидает это ужасное место. Чтобы отчаянно позвать меня на помощь, хотя и знает, должен знать, что я не помогу, не стану вмешиваться в процесс естественного отбора, и паника — совершенно явная, очевидная паника — не оставляет его и гонит вперед.

Он добирается до конца коридора.

Что было дальше, я знаю лучше всех и машу рукой Карлу:
— Выключи!

Не хочу смотреть, это я уже видела собственными глазами.
С меня достаточно.

И с остальных тоже. Оказывается, никто уже не смотрит это видео, кроме меня. Голубка снова закрыла лицо руками, а Карл зажмурился. Как будто бы можно так просто, заблокировав визуал, отгородиться от ужасов жизни и смерти.

Я хватаю пульт и сама вырубаю экран. А потом сползаю на пол и утыкаюсь головой в колени. Дьявольщина! Ведь Кудесница все-таки была права. Она была чертовски права. На корабле действительно есть С-технология, и это единственная штука, которая все еще работает. Это СТ посылает ту слабую сигнатуру, которая и приманила меня сюда...

А потом СТ убила Джуниора.

И Джайпа.

А если бы я сунулась в рубку, убила бы и меня.

Неудивительно, что Кудесница сбежала без оглядки. Ничего удивительного в том, что она решила выдать всех нас. Никто не поверил ей, а она считала, по личному опыту, что нам никогда, никогда не одолеть это крушение... И я уже начинаю думать, что и в этом Кудесница права, но поток моего покаяния прерывает одна мысль.

Вскочив, я опять включаю экран и среди информации, снятой с костюма Джайпа, нахожу его карту крушения. Я знаю, он всегда держал свою систему на автомате, так что на карте уже имеется ходовая рубка. Я вызываю карту внешнего корпуса, совмещаю с ней интерьерную карту Джайпа... Вот оно, теперь все ясно как день.

Наш зонд — наш застрявший зонд — прижимается к чему-то, что находится прямо перед шлемом Джуниора. Перед самым его визором.

А я-то беспокоилась, что случится, если С-технология вдруг вырвется в пространство... а оно всегда так и было. С тех пор, по крайней мере, как я нашла это крушение.

Наше пространство в порядке — значит, СТ можно взять.

Карл наблюдает за мной.

— И что ты теперь собираешься делать?

Но только это не Карл говорит. Это голосом Карла со мной говорит моя жадность, о которой я думала, что ее не было и нет у меня... Но всякого можно поймать на особый крючок.

— Я не знаю, что делать, — отвечаю я ему. И ей. — Даже представления не имею.

Я возвращаюсь к себе, сажусь на кровать и смотрю в портал. К счастью, отсюда не видно отдаленного крушения.

У меня нет никаких идей, нет энергии и уже нет времени.

Кудесница со своей кавалерией скоро окажется здесь, и у меня отберут крушение. Конфискуют во имя интересов правительства, я уже никогда его не увижу.

На том моя карьера и закончится.

Больше никаких дайвингов, путешествий через полгалактики.

Совсем ничего.

Думаю, я задремала, потому что обнаружила себя глядящей в лицо Джуниора за визором его шлема. Глаза его двигаются, но медленно, так невыносимо медленно, что я сразу понимаю: он все еще живой там, в мертвом корабле, но только голова его — в ином измерении.

И я знаю с такой же уверенностью: парня ожидает долгая мучительная смерть, если я не помогу, и поэтому хватаю острый обломок металла — прямо голыми руками (это сон все-таки) — и резким взмахом вспарываю боковину его костюма.

Спасая его.

Проклиная его.

Обрекая на гораздо худшую смерть, чем ему предстояла.

Я пробуждаюсь рывком, едва не ударившись головой о стену. Дыхание вырывается из груди короткими толчками. Что если этот сон подсказывает мне истину? И парень еще жив? Но если он действительно жив, все равно я не могу ничего для него сделать.

Абсолютно ничего.

Кроме как разделить ту же участь.

Если я полезу в эту кучу и попытаюсь освободить его, меня неизбежно затянет, как и Джуниора. Как и любого другого, кто залезет туда.

Я закрываю глаза, но боюсь опустить голову на подушку. Боюсь заснуть, не хочу видеть снов. Это будут сплошные кошмары про С-технологию... хуже, гораздо хуже тех, что я видела в детстве...

И вдруг дремота слетает с меня.

Я открываю глаза, я думаю: это корабль «Дигнити».

Корабли «Дигнити» имеют технологию невидимости, если их, конечно, давным-давно не ободрали. Кудесница много рассказала мне

про СТ, и теперь я знаю: на нашем корабле она точно есть. И я знаю, что это оригинальная версия пятитысячелетней давности.

НАСТОЯЩАЯ невидимость, и она имеет НАСТОЯЩУЮ цену.

И я могу застолбить это крушение за собой, подать заявку. Теперь уже нет смысла беспокоиться о пиратах, хранить полную секретность, как было с прежними крушениями. Это время ушло, оно позади.

Я встаю и начинаю мерить шагами свою компактную каюту.

Подать заявку — дело почти неслыханное в среде свободных дайверов. Мы скрываем местоположение наших любимых крушений, держим наши лучшие дайвинги в секрете от пиратов, и от других дайверов, и от правительства тем более.

Но в это крушение я больше нырять не стану — никогда.

И никто из моих людей — тоже.

Так какая разница, если даже узнает вся Вселенная?

Когда заявка будет утверждена и «Дигнити» станет моей собственностью, я вправе получать солидную арендную плату с каждого, кто пожелает произвести в нем собственные раскопки. С любого, кто готов на это, невзирая на риск отдать концы почти сверхъестественным и чрезмерно долгим способом. А сюда народ слетится тучами, как дважды два четыре.

И если я подаю заявку — то получаю крайне полезные преференции!

Во-первых, как только моя заявка будет зарегистрирована, меня уже никто не сможет обвинить ни в чем. Даже в убийстве по неосторожности. Каждому известно, что раскопки — деятельность опасная по определению, не говоря уже о галактических законах. Неважно, в каком крушении и чем конкретно ты занимаешься, но если это по определению раскопки, связанные с «неотъемлемыми рисками», ты можешь потерять хоть всю свою команду, и ничего тебе за это не будет.

Во-вторых, как только я стану собственницей крушения, то получу право наложить на него карантин. Одновременно с правом задержать и передать под юрисдикцию судебных властей любого, кто нарушит мой карантин или просто попытается это сделать. Если я захочу, никто и близко не подойдет к проклятой СТ, пока я жива.

С другой стороны, я могу требовать от каждого, кто готов заплатить бешеные деньги за попытку извлечь из «Дигнити» генератор СТ, чтобы они извлекли и передали мне тело Джуниора. В качестве неременного предварительного условия.

В моей памяти непрошенно всплывает его лицо.

Не то, которое я хорошо знала, а которое пригрезилось мне во сне. Лицо полуживого мальчика, ожидающего свою смерть.

Я видела много ужасного в пространстве. Я знаю, как жутко погибали некоторые из моих дайверов, я похоронила это в себе. Теперь и смерть Джуниора буду носить вплоть до собственной кончины.

...А вдруг у Джайпа было такое же видение про сына? И тогда он заставил меня пообещать, что я вернусь за ним?..

Сажусь за прямой терминал, выхожу во внешнюю Сеть.

Вызываю стандартную форму заявки. Все так просто. Самое главное — указать точные координаты. Система сама произведет глобальный поиск, очень быстро, и если обнаружит аналогичную заявку, вызовет автоматического арбитра, который спросит, не хочу ли я отказаться от своих претензий добровольно. Если я не пожелаю, арбитр автоматически оформит дело и отправит в ближайший суд, вот и все.

Пальцы у меня немного дрожат.

Все настолько вразрез с выработанными мною рефлексам.

Начинаю заполнять форму... Стоп.

Если я сделаю это, Джуниор станет вечно преследовать меня.

До конца жизни я буду мучиться вопросами без ответа.

Был ли он жив еще?.. Или все-таки умер?..

Дайверы, ныряющие в крушения, идут на риск добровольно.

Ныряя в крушение, мы заигрываем со смертью.

Я встаю.

Что ж, настало время поиграть.

Голубка со мной туда не пойдет, она в стрессе. Перепугана гибелью Дж&Дж, потрясена предательством Кудесницы. Даже если бы ей очень захотелось, в дайвинге от нее никакого толка не будет. Избыточные эмоции, рассеянность, в голове туман.

С Карлом все наоборот. Как ни странно, его страхи вдруг разом куда-то улетучились. Когда я предлагаю ему нырнуть со мной и посмотреть, что произошло в той рубке, Карл только ухмыляется:

— А я уже думал, ты никогда не раскachaешься.

Но я раскachaлась, еще как.

Голубка пилотирует скип, мы с Карлом готовимся нырять. Мы решили работать по схеме 30/40/30, намереваясь обследовать всю ходовую рубку. Карл высказывает соображение. Он говорит, что должен быть какой-то способ совсем отключить СТ, и разумеется, он прав. Теоретически. Но сейчас в крушении нет реальных источников энер-

гии, а значит, нет электричества для реле, которое могло бы выключить стелс-генератор.

Разработчики этого корабля слишком сильно верили в свои технологии, а потому не обеспечили его безопасностью дублерами основных систем... Я резонно заключаю, что та же беззаветная вера помешала им сконструировать абсолютный выключатель для самой опасной из корабельных технологий. Который отрубит СТ наверняка, даже при полном отсутствии электричества.

Рычаг мертвеца, как говорили на Старой Земле.

Я излагаю Карлу собственные соображения, и он озабоченно хмурится.

— Как же оно работает, если энергии нет совсем?.. Ты над этим задумывалась когда-нибудь?

Задумывалась, а как же, только к определенному выводу не пришла. Когда Кудесница вернется к нам на правительственном корабле, тогда я спрошу у нее, быть может.

Но вот что более всего занимает мой ненаучный прагматический ум... Возможно ли управлять С-технологией с обеих сторон? Из разных измерений? Может быть, наш здешний генератор как-то подпитывается с другой стороны? Возможно ли, что его не случайно подпитывают?

И еще та дыра в корпусе, которую мы нашли в первый день. Она что, сразу в двух измерениях пребывает? Или как?

Мы с Карлом натягиваем костюмы, обвешиваемся дыхалками по максимуму и дважды проверяем свои системы защиты от окружающей среды. На сей раз у меня нет никакой эйфории (подозреваю, что вряд ли когда-нибудь будет), но страха у меня тоже нет.

Только одна холодная решимость.

Я обещала Джайпу, что вернусь за Джуниором, и я иду.

Чего бы это ни стоило.

Спуск по линии уже такой знакомый, все быстро и просто. Спуск в колодец люка уже не приключение, а рутина. Добираемся до коридоров с пятнадцатью минутами экономии про запас.

Карта Джайпа аккуратна до миллиметра. Точки отталкивания отмечены на карте и помечены перчаткой на стенах. Мы добираемся до ходовой рубки за рекордно короткое время.

Но рекордное время не настолько мало, чтобы некогда было размышлять. Я остро ощущаю, как было в первый раз, насколько мне не хватает всех остальных моих чувств.

Слуха — обоняния — вкуса.

Мне очень хочется узнать, уловимы ли какие-нибудь эффекты от работающей СТ? Что-то особенное в общей атмосфере? Слабый запах горелого, может быть, или все короткие волоски на теле встают дыбом. Я готова ощутить трупный запах. Я хочу понять, что произошло с той группой (или командой?), которую навсегда притянула к себе С-технология. К этой команде присоединился теперь и наш Джуниор.

Но крушение не выдает нам деталей такого рода. А коридор, ведущий к рубке, с виду ничем не отличается от других.

Карл движется так же быстро, как и я. Его костюм чуть ли не полыхает, вся подсветка активирована, один только взгляд на него слепит мне глаза. Помню, я так же ослепляла Голубку, когда она впервые вывела меня в крушение.

Это признак нервозности.

Меня не удивляет и даже не беспокоит, что Карл, который на скипе был само бесстрашие, теперь занервничал. Его одолели сомнения сразу, как только он в первый раз побывал внутри древнего корабля. И я подумала тогда: если кто-нибудь ретируется раньше времени, так это будет Карл... Но я ошиблась.

Рубка — перед нами, ее двери распахнуты настежь. И теперь она действительно походит на поле битвы: сломанная мебель и что-то еще, все обломки плотно сгрудились в одной части комнаты. На видео это казалось бесформенной кучей, но сейчас, когда я смотрю на ходовую рубку в реальности, то вижу там баррикаду.

Все-таки камеры видят не так, как человеческие глаза.

Не вполне.

Странная отличительная особенность этой баррикады, совсем не характерная для вещей, плавающих при нуль-G, состоит в том, что она протянулась от пола до самого потолка комнаты и выглядит как бы привязанной к одному месту.

Ни я, ни Карл после первого взгляда не уделяем баррикаде особого внимания. Мы договорились на скипе, что сначала будем обследовать всю остальную часть рубки и попытаемся обнаружить предполагаемый «рычаг мертвеца» (скорее всего, иллюзорный). Нам придется работать с повышенной аккуратностью, так как здесь и вправду настоящее минное поле.

До вылета (с помощью визуалов Джайпа и его незаконченной карты) мы уже распределили между собой зоны, которые или я, или Карл должны обследовать. Я беру на себя дальнюю от входа половину комнаты. Главным образом потому, что все-таки это моя личная идея, а

чем дальше от входа, тем опаснее, как мы оба интуитивно ощущаем. Там ближе всего к застрявшему зонду и тому месту, где горизонтально висит внутри баррикады Джуниор, где видны его торчащие наружу ботинки.

Здесь, как и везде на этом корабле, отсутствуют скобы для рук. Отталкиваюсь от стены. И плыву к задней стене напрямик, через всю ходовую рубку.

Внизу, подо мной, обломки металла и залежи мелкого мусора. Я вижу остатки трубчатых ножек, там были столы или какая-то еще мебель, но всё вырвано с корнем. Вижу треснувшие основания для панелей. Из общей мешанины торчат древние провода, то есть их обрывки, и всюду рассыпаны болты (винты? шурупы?); я видела подобный крепеж в старых колониях, но в пространстве — никогда.

Мой желудок спазматически сжимается.

Задняя стена рубки темная, со слепым панорамным экраном, он растянут почти во всю ее ширину. Я не могу почувствовать, что когда-то здесь билось сердце корабля, который назывался *Dignity Vessel*. В этом помещении я чувствую себя, как в пещере. Просто удивительно, что так много людей согласились доверить свою жизнь подобному месту. В точности не представляю сколько, но хотелось бы знать.

Вблизи от стены я разворачиваюсь так, что ударяюсь о нее подошвами ботинок — самым плотным и прочным материалом в моем костюме. Эта стена по большей части гладкая, но с сюрпризами. Кое-где торчат все те же болты, а еще какие-то перекрученные кусочки металлической ленты... Не знаю, от чего бы они могли остаться, и не хочу знать.

Всё это место выглядит безнадежно мертвым.

Почти все мои силы теперь уходят на то, чтобы не смотреть на баррикаду, не искать глазами ботинки Джуниора, не кинуться туда. Но я вынуждаю себя осветить кусок стены и тщательно его осматриваю. А потом другой, и третий, и пол, и потолок. Чтобы найти какую-то штучку, все что угодно, лишь бы это могло иметь отношение к управлению технологиями корабля.

Но если здесь нечто такое и было, компьютерный пост или машина, то теперь уже нет. То ли разбито вдребезги, то ли стало частью баррикады. Моя работа кончается очень быстро, и я трачу еще несколько минут, чтобы записать на видео свою зону рубки во всех подробностях. На тот случай, если камера вдруг увидит что-нибудь, чего не заметила я.

У Карла дела идут не так споро, он аккуратно прокладывает себе путь через минное поле мелкого острого мусора. И наконец приближается к тому месту боковой стены, где более или менее сохранилась пара панелей. Карл сканирует их со всех сторон, прощупывает сенсорами и датчиками, записывает на видео и качает головой.

Я уже знаю, что Карл ничего не нашел, прежде чем он сам сообщает мне об этом.

Я знаю.

Мы встречаемся там, где боковая стена Карла смыкается с моей. Здесь, оказывается, есть двойная угловая скоба для рук, и она была сконструирована, что вполне очевидно, специально для этого места. Первая и единственная ручная скоба, которую я увидела во всем корабле «Дигнити».

Может быть, древние инженеры и дизайнеры считали, что экипаж ходовой рубки все-таки надо подстраховать на случай отказа искусственной гравитации, а все остальные как-нибудь обойдутся. А может, на этих ручных скобах кто-то очень недурно сэкономил ради собственной пользы.

— Ты уже сообразила, как войти в баррикаду? — спрашивает у меня Карл.

— Мы туда не сунемся, — говорю я. — Мы просто собираемся удовлетворить мое любопытство.

Карл знает о моем сновидении, я рассказала ему, когда мы экипировались на скипе. Понятия не имею, слышала ли Голубка, а если слышала, то как отнеслась к мистической подоплеке нашей последней миссии. Но Карл понимает меня, я это вижу.

— Теперь нам лучше всего работать на привязи, — говорит он деловито. — Мы можем привязаться к этой скобе, так будет удобно. И тогда, если кто-нибудь из нас застрянет...

Я прерываю его жестом и качаю головой. В баррикаде есть и другие тела, кроме Джуниора. Могу поклясться, что некоторые из них надежно обвязаны прочным шнуром. А к другому концу каждого шнура очень надежно привязан какой-нибудь фрагмент корабельного оборудования.

Если С-технология настолько могущественная вещь, как я не без основания полагаю, то люди в этой рубке не имели ровно никакой защиты от нее. И та угловая скоба тоже нас не спасет, хотя сейчас СТ действует не в полную силу... Какие-то доли процента от рабочей мощности генератора, так мне кажется.

— Я иду первой, — говорю Карлу. — А ты ждешь. Если меня затянет, возвращайся. А потом вы с Голубкой улетите отсюда.

Мы уже обсуждали такой вариант, и моим дайверам он не нравится. Карл и Голубка считают, что если они бросят меня в этой рубке, их будут преследовать два призрака вместо одного.

Может быть, и так.

Но они будут вполне живыми, чтобы узреть этих призраков.

Я отталкиваюсь от угловой скобы — очень мягко, не как в коридорах — и позволяю слабому пассивному дрейфу донести меня до баррикады. По пути ставлю все фронтальные камеры костюма на максимальное разрешение и почти все из них — дополнительно на зум. Я хочу увидеть всё, что только можно будет разглядеть через эту баррикаду.

Теперь мой костюм тоже сияет всеми огнями. Должно быть, я смахиваю на детскую плавающую игрушку в праздничный день.

Торможу рядом с местом, где Джуниор проник в баррикаду. Вот они, его ботинки, в том же самом положении, как и раньше. Занимаю позицию на той же линии — за ботинками — и начинаю отплывать назад. Дальше, дальше, дальше... пытаюсь поймать отражение в его визоре... Черта с два!

Я должна вернуться туда, где все началось. К этой дыре в баррикаде, через которую Джуниор собирался пройти насквозь, да не вышло.

Я боюсь этой дыры больше, чем всего остального крушения. Но я делаю это. Хватаюсь за круглый штырь, помеченный на карте Джайпа, и подтягиваю тело к дыре.

И сразу наезжаю внутрь всеми своими зумами.

Но могла бы обойтись и без этого.

Я и так вижу часть лица Джуниора, освещенную моей безумной иллюминацией. Я узнала его по шлему — современный дизайн, маленькие логотипы, которые он сам наклеил.

Шлем упирается в единственную целую панель во всем этом бедламе. Лицо обращено вниз, визор шлема чистый. Я отчетливо вижу то, чего вовсе не ждала. Противоположность моего ночного кошмара.

Нет, он не живой.

Он неживой уже столько времени, что трудно вообразить.

Как я упоминала, никто теперь на самом деле не понимает путешествий между измерениями, но есть подозрения, что таким образом возможно манипулировать временем. И то, что я перед собой вижу, наглядно доказывает: моя интуитивная гипотеза была неверна.

Время не замедлилось для него, а ускорилося. Настолько, что Джуниора даже узнать нельзя. Теперь это просто мумия. Он мумифицировался так давно, что выглядит окаменевшим. Ни один нормальный медицинский инструмент даже не поцарапал бы его лицо, я могу поклясться.

Вблизи дыры нет никаких течений или завихрений, ничего такого, что могло бы потянуть меня вперед — но я стремительно шарахаюсь назад, позабыв об осторожности... Что угодно, только не это!

Только не такая судьба, я не хочу разделить ее с самым юным дайвером из нашей команды.

— Ну что там?.. — нетерпеливо спрашивает Карл.

— Он умер, — говорю я ему. — Уже нет смысла вытаскивать его отсюда.

Неточное выражение. В действительности пришлось бы выдирать Джуниора из мертвой хватки СТ, но к этой проклятой технологии я больше ни за что не подойду, как хотите. И мне плевать, что СТ могла бы озолотить меня. Мне без разницы, на сколько исторических вопросов СТ способна ответить. Я больше не желаю иметь с ней никакого дела, точка.

Все, я покончила с этим.

С этим дайвингом, с этим крушением.

И моим недолгим, но пылким романом с жадностью.

Но у нас есть ответы на вопросы властей и подтверждающие визуалы, которые мы незамедлительно предъявляем, когда к нам прилетают правительственные корабли. Полный конвой в составе десяти боевых единиц. Правительство не желает рисковать такой драгоценностью, как С-технология.

Кудесница не прилетела вместе с ними. Не знаю, почему я решила, что она вернется сюда. Она сразу избавилась от Джайпа, передав его властям одновременно с рапортом о нашей миссии, а затем бесследно растворилась внутри станции Лонгбоу, не озаботившись даже получить премиальные. Правительство честно выплачивает премии всякий раз, когда кто-нибудь находит редкостный клад в виде никому не известных технологий.

Кудесницы нет, и я сомневаюсь, что она может вернуться.

Голубка теперь не разговаривает со мной. Почти. Только время от времени напоминает, как нам всем повезло, что нас ни в чем не обвинили.

Финальные видеоклипы, мои и Карла, доказали властям, что мы

достаточно заботились о нашем товарище по команде: не бросили его сразу, а вернулись за ним в крушение. Что на деле у нас не было никакого реального представления об СТ, пока мы не увидели ее в действии. Предыдущие рабочие видеоматериалы, снятые с костюмов Дж&Дж, показали не менее убедительно: мы заявили сюда не ради того, чтобы ограбить крушение, а с целью исследовать невероятно древний корабль.

Таким образом, мое клятвенное заявление подтверждено.

Я свободный дайвер и лидер команды свободных дайверов.

Не пират, не сталкер и не мародер.

И как честный лидер команды я получаю законное право на награду, которой побрезговала Кудесница.

Я бы тоже не взяла ее, но... еще нужно расплатиться за эту проклятую экспедицию. И у меня был отличный план по выколачиванию денег, только теперь ничего не выйдет. Я планировала возить в это место — под покровом глубочайшей тайны! — самых богатых туристов, чтобы они поглазели на легендарный Dignity Vessel, залетевший так далеко от Старой Земли.

Десять правительственных кораблей куда-то отконвоировали крушение. Перегнали в какой-то ангар или пакгауз, или на промежуточную техническую станцию, или в иное место, где правительство будет ревниво охранять секреты аутентичной СТ. Голубка думает, что нам все-таки следовало взорвать этот корабль. Карл счастлив уже тем, что «Дигнити» исчез с наших глаз.

Ну а я — я просто хотела бы узнать побольше ответов на загадки корабля.

Этот «Дигнити» успел немало послужить, о чем неоспоримо свидетельствуют следы многочисленных мелких починок вручную. И вдруг, в один из рутинных моментов активирования СТ — или ее деактивирования — что-то происходит не так: что именно? Но сомневаюсь, чтобы даже лучшие ученые умы, работающие на наше правительство, когда-нибудь разобрались в этом. Учитывая то жуткое месиво, которое мы видели в ходовой рубке.

Теперь вопрос, как «Дигнити» оказался в том месте, где я нашла его. Не вижу возможности определить, пропутешествовал он все тысячелетия в стелс-режиме или же нет. И я уверена, что мы никогда этого не узнаем. Если допустить, что да, то все равно это не объясняет, как он уклонялся от гравитационных колодцев и других опасностей, которые поджидают корабли в нашей холодной и негостеприимной Вселенной.

Или, может быть, на этот корабль все-таки установили позднее сверхсветовой привод. Но я опять же сомневаюсь, что когда-нибудь доберусь до истины.

Что касается пропавшей команды... Никаких особенных идей у меня нет. Кроме того, что члены экипажа, находившиеся в ходовой рубке на момент катастрофы, там же и погибли. В этом я уверена абсолютно. Мы с Карлом могли бы обнаружить их тела в той зловещей баррикаде, если бы у нас хватило духу и кислорода поискать.

Но остальные? Как я уже сказала, мы не нашли ни одного трупа, никаких останков. Но всегда что-то должно остаться, а иначе просто никак не может быть. Учитывая, что все эти тысячи лет корабль был наглухо задраен и закупорен.

Можно предположить, что катастрофа грянула, когда «Дигнити» находился в каком-то тестовом полете при минимальном экипаже в ходовой рубке. И тогда никакой загадки нет.

Но мне больше нравится другое предположение.

Я словно вижу сама, как все остальные заглядывают в эту рубку, созерцают разгром на поле битвы и приходят к тому же выводу, что и мы с Карлом. Что овчинка выделки не стоит, как говорили на Старой Земле.

Я не видела в крушении спасательных капсул, но знаю по историческим документам: подобные вещи существовали на кораблях «Дигнити».

Вполне возможно, что все остальные катапультировались, были как-то спасены — и рассеялись по другим культурам, в ту эпоху безнадёжно удаленным от их родного дома... И может быть, как раз эти события и породили те самые легенды, которые глубоко впечатлили Джайпа?

Или мне просто хочется верить: так оно и случилось.

Станция Лонгбоу никогда не была мне домом по-настоящему, только очень удобной штаб-квартирой, но теперь я от всей души жду не дождусь, когда мы с «Заботой» наконец долетим туда. Как хорошо будет попрощаться с мрачной Голубкой, которая по-прежнему не желает со мной разговаривать, и с нервным Карлом, который без устали твердит, что дни его дайвингов остались позади.

Мои тоже, хотя и на другой манер.

Мы с «Заботой» еще всюю покатаем туристов, доставляя их к разнообразным крушениям, знаменитым и не очень. С обещаниями изумительно страшных и опасных дайвингов, каковые, само собой, не имеют ничего общего с действительностью.

Но что до всего остального — тут я пас.

Больше никаких загадочных крушений, никакого риска без необходимости и смысла. Спасибо, уже накушалась по горло.

Я выхожу из этой игры.

Мое неумное любопытство долго гоняло меня по огромному региону Галактики. В поисках таких мест, где давным-давно уже никто не бывал, так давно, что они сделались потайными карманами и кармашками глубокого пространства. И в каждый из них мне ужасно хотелось заглянуть. Мое любопытство понукало меня слишком долго, так что в конце концов я натолкнулась на самый потайной, самый секретный карман Галактики в данной ее области.

И разумеется, я заглянула туда — и нашла свой джекпот, как выразился Джуниор. А потом я увидела собственными глазами, на что способна моя уникальная находка. И больше ничего, совсем ничего искать не хочу.

Все, я повесила свой дайверский костюм на гвоздик.

И вспоминаю, что мои ноги умели ходить по земле.

Там гораздо меньше опасностей — на колоссальной тверди с нормальной гравитацией. Не то чтобы я теперь сильно боялась крушений, нет. Не более, чем обычный среднестатистический спейсер.

Гораздо больше я опасаясь совсем другого. Я ужасно боюсь этого чувства, этой страсти: МОЕЙ ЖАДНОСТИ. Которая овладела мной в мгновение ока, чтобы сделать слепой и глухой ко всему человеческому. К сомнениям моих лучших дайверов, к страху и уговорам моих старых подруг. Даже к собственной истерической эйфории внутри этого «Дигнити».

И я выхожу из игры, покуда еще не поздно.

Пока не потеряла себя, не докатилась до пиратства или мародерства. Пока моя жадность не вцепилась в меня с той же неумолимостью, как СТ в Джуниора.

Потому что, если не остановиться вовремя, алчность затянет тебя в *свое* измерение, чтобы не отпустить никогда. Раньше, чем ты догадаешься, что оказался в большой беде. Как не догадался Джуниор. Прежде чем ты поймешь, что вход один, а выхода нет совсем.

Что войти легко, но пути назад не существует.

Перевела с английского

Людмила ЩЁКОТОВА

© Kristine Kathryn Rusch. Diving into the Wreck. 2005. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's SF» в 2005 г.

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...

Дмитрий ВОЛОДИХИН

На протяжении десятилетий отечественная НФ, ориентированная на создание общества без границ, под словом «родина» подразумевала всю Землю, или Солнечную систему, или даже Галактику... Но в последние годы, как подметил критик, стали появляться произведения, приглашающие читателей на «малую родину» писателя.

Кем себя чувствовали герои фантастических романов советской эпохи? Точнее говоря, какой общности они в первую очередь принадлежали? Допустим, главные действующие лица романа «Пылающий остров» ощущали себя прежде всего гражданами СССР. В эпоху «Золотого века» советской фантастики персонажи, как правило, видели в себе именно землян, граждан объединенной планеты или космической ойкумены человечества. О государственном гражданстве, этнической принадлежности или хотя бы локальной, «малой родине» речь заходила исключительно редко. Таков мир Полдня, мир Алисы Селезневой и миры множества других фантастов 1950–х — 1980–х. Порой эта базовая общность расширялась, и человек превращался в «биоединицу» содружества миров, как это было, например, в повести Михаила Пухова «Станет светлее». Или хотя бы стремился стать гражданином «Великого кольца» — как у Ивана Антоновича Ефремова в «Туманности Андромеды».

Таким образом, фантастика Страны Советов на протяжении трех–четырех десятилетий готовила население, прежде всего интеллигенцию, к расширению границ понятия «родина» до пределов освоенной человечеством Вселенной. Потомки граждан СССР должны были стать гражданами мира, а потом гражданами Галактики.

Кто писал тогда о прелестях какого–нибудь региона? Кому из фантастов интересна была Тамбовщина, Рязанщина, город Питер или даже Москва? Сибиряки иногда обращались к теме красот зауральских — как, например, Сергей Павлов в романе «Мягкие зеркала». Но подобные тексты появлялись исключительно редко. Представителя Большой литературы могла заинтересовать деревня Матёра, фантаста — нет.

Что произошло в 1990–х? Устремленность к галактическому гражданству резко пошла на убыль. Фактически, она была почти разрушена. И лишь немногие представители «Четвертой волны» не сошли со старой тропы. В каче–

стве образца «неогалактизма» можно назвать недавний роман Евгения Филенко «Бумеранг на один бросок».

Гражданами чего стали действующие лица других современных фантастов? Какое понятие о территории родины заменило прежнее? В любом случае, с территорией ныне существующей России оно никак не связано. Нет никаких общегражданских, общегосударственных символов, способных вдохновить нынешнего фантаста на текст, где героя будет всерьез волновать логика его принадлежности к числу «уважаемых россиян». Иными словами, в РФ пока нет той невидимой сути, которая делала бы естественной и притягательной душевную связь индивида и всей страны.

Самые устойчивые образы «истинного отечества» плодит фэнтези. Тут и древняя славяника, и Скифия, и средневековый европейский город, обыгранный тысячу миллионов раз... А сколько народу живет в эльфийских лесах! Если бы наши соотечественники возрастом от двенадцати до сорока могли на самом деле туда переселиться, страна бы враз потеряла несколько миллионов человек. Современный фантаст способен внушить любовь к статусу гражданина несбыточной мечты — Средиземья, Ордуси, Ехо, чего угодно, только не России и тем паче не галактики.

Плохо это или хорошо — в данном случае не важно, тем более,

что ответ на этот вопрос неоднозначен. Просто я стараюсь описать ситуацию, «как она есть».

Помимо ордусского, эльфийского и скифского гражданства появилось еще одно, совсем недавно.

Человеку свойственно время от времени задавать себе вопросы: «Кто я такой? Где я живу?». В хаосе постраспадной эпохи твердо ответить на них можно было, лишь уцепившись за что-нибудь простое и понятное. И Галактика сузилась до размеров «малой родины». Кто я? Да я с Урала. Где я? Да не важно где, корни у меня уральские. А что такое уральские корни, к чему это обязывает? Ну-у... сейчас расскажу.

В литературе основного потока есть понятие «местный текст». У него несколько значений, из них два — самые распространенные. О «местном тексте» говорят, когда какой-то город или область выработали локальный, неповторимый культурный контекст, он отразился в литературе, породил особую поэтику, и ее использует в художественных произведениях устойчивая группа литераторов. Таков, например, одесский «местный текст» от Бабеля до Галиной с ее «Курортной зоной» и «Покрывалом для Аваддона». Или харьковский текст, созданный усилиями группы Г.Л.Олди... Еще «местный текст» появляется там, где автор создает устойчивый художественный образ своего города или края, и этот об-

раз имеет в романе (повести, рассказе) самостоятельное значение, то есть играет более значительную роль, чем элемент антуража. Тут уж никакой литгруппы не нужно, достаточно одного яркого произведения.

Так вот, нынешние фантасты и околосфантасты пытаются отвечать на вопрос: «Что такое уральские (питерские, калужские, пермские и т.п.) корни, к чему это обязывает?» — «местными текстами» во втором значении этого понятия.

Лучше всего получается «местный текст» у современных петербургских писателей. Существует веселая мистика Северной Пальмиры в новеллах Натальи Галкиной (сборник «Хатшепсут»), да еще прекрасное старинное Припетербуржье в ее же романе «Вилла Рено». Существует город чудачков и маргиналов у Хаецкой (роман «Анахрон»). Но, наверное, больше всех постарался, создавая собственный образ града Петрова, Андрей Столяров. Его ранние повести (прежде всего, «Сад и канал») рисуют, может быть, самый мрачный портрет северной столицы. Это уж совсем невеселая мистика: город пребывает в состоянии пробуждения темных сил, и тут каждый камень может начать охотиться на людей... А в недавнем романе «Не знает заката» Андрей Столяров, возвращаясь к любимой теме, предлагает несколько иную картину. Его Петербург не перестал быть местом опасным, и мис-

тическая темень из него никуда не убралась. Но в высшем смысле этот город — дар вечности, и мифы, из которых он сложен, могут еще породить мощный творческий порыв. Истинным мудрецом Столяров советует, презрев страх, жить в Петербурге, ведь тут такая глубина! Куда там суетливой Москве...

В современной фантастике, как, впрочем, и в литературе основного потока, нет текста, который можно было бы назвать московским. Никакого литературного манифеста российской столицы в НФ не имеется, и это, наверное, правильно. Нельзя объять необъятное: заключить город-континент в один художественный образ. Отдельно друг от друга в литературе могут существовать Москва кухонная, Москва монастырская, Москва пролетарских окраин и Москва банков... Но свести все сразу в один роман вряд ли возможно.

С некоторыми оговорками следы «московского текста» можно отыскать в городской фэнтези Вадима Панова. По духу они бесконечно далеки от Гиляровского, Паламарчука или, скажем, поэмы «Наша древняя столица». Нет, это дух современной Москвы, неласковый, неудобный. Панов верно схватил некоторые реалии современности, а столицу в избытке душевного тепла никак не упрекнуть...

Жители восточных районов Москвы говорят, что очень точно

изобразили этот «регион» столицы братья Стругацкие в «Хромой судьбе».

Да и все, пожалуй...

«Синдикат «Громовержец» Михаила Тырина — патентовано калужский «местный текст», да и вообще какой-то ехидный гимн российской провинции. «Господин Чичиков» Ярослава Верова — нестигаемо «донецкий текст», очень злой, саркастичный, меткий: «Что эти гады сделали с нашим городом?»».

Лучше всего образ «своей земли» получается у тех, кто работает на территории, одновременно принадлежащей фантастике и основному потоку. Очень яркий, опять-таки с примесью мистики портрет пермской старины создал Алексей Иванов в романах «Сердце Пармы» и «Золото бунта». А Урал или, по выражению автора, «Рифейская страна», где живы до сих пор магические существа, леса и горы пропитаны древним язычеством, а люди обладают душой прозрачной и твердой, как драгоценные камни, воспет Ольгой Славниковой в недавнем романе «2017».

Само явление «местного текста» в нашей фантастике уникально. Классики англо-американской фантастической литературы не оставили широко известных произведений, где можно было бы обнаружить какие-либо аналоги. Конечно, в голову приходят тексты Клиффорда Саймака, «поставленные» в декорациях американского

Среднего Запада, особенно «Все живое» с фирменным саймаковским персонажем Шкаликот Грантом. Но даже любимый Саймаком Средний Запад сам по себе не играет важной роли в текстах мэтра и, скорее, служит своего рода подпорками для гуманистических идей, которые он проповедует. Конечно, Саймак редко покидал родные пенаты надолго. Конечно, ему удобно и приятно писать о том, что он видит вокруг себя и превосходно знает. Но он не пытается дать роль подмосткам...

Не уверен, что перечислил все появившиеся в последние годы красивые, яркие «местные тексты». Но примеров достаточно, для того чтобы констатировать: явление существует. Если и дальше так пойдет, то «малая родина» потеснит и Средиземье. Наверное, таково естественное положение вещей: в переходную эпоху люди вцепляются в родное и понятное. Худо, если переходная эпоха закончилась, а мы этого еще не поняли. Тогда, выходит, писатели вошли в клинч с плавучими предметами с затонувшего корабля, мертвой хваткой держат осколки несостоявшегося единства. Лучше, если они первыми почувствовали необходимость собирать доски для строительства нового корабля... Значит, туннель еще не пройден, и есть свет на выходе, просто нам его пока не видно.

Любопытная ситуация складывается в мировой фантастике: в то время как западная НФ все активнее устремляется к звездам, наша все больше прижимается к земле. Почему так?

Наталья РЕЗАНОВА:

На мой взгляд, космическая тема никуда из нашей НФ не ушла. И существует как в серьезном, так и в сугубо развлекательном проявлениях. Большинство ведущих авторов научной фантастики — Лукьяненко, Дивов, Головачёв, Громов, Васильев — космической тематикой отнюдь не пренебрегают. Некоторые фэнтезисты также мигрируют в этом направлении; яркий пример — недавние романы Наталии Ипатовой. Просто космическая тема перестала быть главной. Возможно, все еще продолжается реакция на долго существовавшее представление о том, что фантастика — про светлое будущее и освоение космоса. Но это лишь одна из причин. Поскольку уже сформировалось поколение фантастов, для которых такое представление теперь не актуально. Зато ясно, что многие научные и общественные проблемы с космосом никак не связаны. А то, что связано с космическими полетами, орбитальными станциями и т.п. — это, скорее, из области производственного романа, у которого другая целевая аудитория.

Что будет дальше, зависит, на мой взгляд, не только от развития технологий, но и от того, как их воспринимает массовое сознание. Раньше компьютер внушал благоговение — теперь он представляется не более романтичным, чем, например, холодильник. Полезная такая машинка. Мистический ужас перед киберпространством также отошел в прошлое, и может быть, читателей снова помянут звезды.

Александр ЗОРИЧ:

Яна Боцман: Если это и так, мне кажется, причины прозрачны. Помоему, основной бедой ценимого мною Советского Союза (во времена которого фантастика ни за какие коврижки не желала «прижиматься к земле», да ей, нужно сказать, и не очень дозволяли цензоры) был чудовищный дисбаланс между устремленностью на Альфа Центавра и отсутствием в магазине джинсов и колбасы (иными словами, низким уровнем материальной культуры и потребления). В этом плане крушение СССР было предопределено. Ведь мироздание ориентировано на постепенное выравнивание всяческих перекосов, на достижение гармонии, на созда-

ние суперсистем, где все элементы были бы друг другу соразмерны. Другими словами, «космические мечтания» наших отцов слишком сильно обгоняли поросшую сорняками реальность. Так и вижу деревенского подростка 1970–х, который, путешествуя по раскисшей проселочной дороге на телеге, запряженной худой колхозной лошадежкой, читал Ефремова... Дороги с тех пор изменились не так сильно, как хотелось бы, но ведь в целом уровень материальной культуры в стране вырос! Российские реалии сделали широкий шаг в направлении гармонии «космического» и «земного». И, мне кажется, космическая фантастика вскоре вновь обретет былую популярность. Но — уже на новом витке эволюции русской культуры.

Дмитрий Гордевский: А я вот для разнообразия хотел бы поспорить с утверждением, содержащимся в самом вопросе. Что значит «наша фантастика прижимается к земле»? Данными книжных продаж, например, это не слишком подтверждается. Если «прижатыми к земле» жанрами считать, допустим, фэнтези, то фэнтези, по мнению многих операторов рынка, сейчас находится не в лучшей своей форме. Разумеется, это не относится к пятерке брэндовых авторов. Но всем известно, что начинающему автору сейчас гораздо труднее пристроить текст, где речь шла бы об эльфах и гномах, нежели роман о звездолетах. Многие издательства с удовольствием возьмут у начинающего космический боевик. Перефразируя известную американскую поговорку — «Space sells!», то есть «Космос продает». А значит — космос нужен. На эту тему я могу рассуждать еще долго. Например, именно на русском рынке компьютерных игр наблюдается непропорционально большой интерес к космосимуляторам. Так что наш космический дуб еще пошумит!

Алексей КАЛУГИН:

Ответ очевиден. Фантастика во все времена очень оперативно реагировала не столько даже на проблемы современного общества, сколько на общественное настроение в целом. Строим светлое будущее — будет фантастика ближнего прицела, о кукурузе в Арктике и революции в Африке; грянула НТР — будет фантастика об изобретателях, роботах и научных открытиях; началось освоение космоса — будет фантастика о покорении Вселенной. Англо–американская НФ прошла через все этапы, равно как и отечественная. Ведь даже с учетом того, что мы люто друг друга ненавидели, надежды и тревоги у нас были, в принципе, общие — всем хотелось жить в мире, верить в то, что с помощью достижений современной науки можно решить все мировые проблемы, а каждый школьник хотел стать космонавтом.

Нынче же у западного общества две проблемы — терроризм и Джордж Буш. Проблемы серьезные, но не настолько, чтобы из-за них забывать о будущем и переставать вкладывать деньги в фундаментальные научные исследования. А космонавтика, как и прежде, находится на пике научной мысли. Самоходные автоматы исследуют планеты, вот-вот возродится лунная программа, всерьез идет подготовка к экспедиции на Марс, ракетостроением начинают заниматься частные фирмы. Уже сегодня можно отправиться в космос простым туристом. Да, за огромные деньги, но еще десяток лет назад это выглядело довольно смелой НФ. Именно поэтому сегодня в англо-американской фантастике наряду с такими популярными темами, как клонирование и нанотехнологии, вновь мощно набирает обороты космическая тематика.

У нас же проблема одна, но очень серьезная: дороги по-прежнему строят дураки. И пока мы не научимся строить нормальные дороги — прямые, ровные, без ям и выбоин и, что самое главное, на которых соблюдаются правила дорожного движения, — нас, в первую очередь, будет беспокоить именно эта проблема. Отсюда и национальные особенности отечественной фантастики.

Для того чтобы высоко прыгнуть, нужно крепко стоять на ногах. Но мы «живем, под собою не чуя страны». Поэтому фантасты первым делом пытаются разобраться с тем, что происходит здесь и сейчас. Им больше чем кому-либо необходима твердая почва под ногами, чтобы прыгнуть в завтрашний день. Невозможно описывать космические победы в будущем, если сегодня для этого нет никаких реальных предпосылок. И хуже того, их никто не ждет. Если в 1960-м году роман Стругацких «Страна Багровых Туч» читался едва ли не как книга о завтрашнем дне, то сегодня роман о русских на Марсах будет восприниматься либо как дурацкий стёб (ага! точно!.. ги!.. прилетели!), либо как сказочка в духе Гарри Поттера (садись, братишка, на метлу!).

Но беда не в «приземленности» российской НФ, а в том, что даже фантасты не видят, а может быть, не могут увидеть позитивного выхода из нынешней ситуации. Утопия умерла как жанр. Если роман не о сегодняшнем дне, а о завтрашнем, то всенепременно с приставкой «анти». А уж то, что набирает обороты милитаристская и реваншистская фантастика, так и вовсе представляется мне уже не настораживающим, а пугающим фактом. С таким умонастроением российская НФ не скоро еще вырвется в космос.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ ПРОТИВ

Стивен КИНГ. МОБИЛЬНИК. АСТ.

Вспомним братьев Стругацких, «За миллиард лет до конца света»: «Потому что это сказочка... — Голос у него сделался хриплым, и он откашлялся. — Для детей старшего возраста. Напиши роман и отнеси в «Костер». Чтобы в конце пионер Вася все эти происки разоблачил и всех бы победил...»

Нет-нет, его, конечно, звали не Вася. Да и пионером он не был, хотя вполне подходил по возрасту. А был он маленьким компьютерным гением, стипендиатом элитной школы. Но Землю от всепланетной напасти все-таки спас...

Вводя в роман такого героя-мальчишку, Кинг как будто извиняется перед своими поклонниками, проклинающими писателя за безжалостное убийство Джейка в финальной книге «Темной Башни». И потому они, поклонники, точно знают: в «Мобильнике» ни один из юных персонажей мужского пола не погибнет. Впрочем, это не главное...

Пожалуй, никто не удивится, если крупные сотовые компании вдруг объединятся и подадут на Кинга в суд за чудовищный теракт против мобильной связи, осуществленный со всей мощью кинговского таланта. Уверен, миллионы почитателей «короля ужасов» теперь будут с опаской подносить мобильник к уху — вдруг с ними произойдет то же самое, что и со всеми, кто сделал

это в романе в момент Импульса? Впрочем, и это не главное...

А ведь романа ждали с особым нетерпением. Было интересно, что представляет собой новый Кинг, после знаменитой аварии 1999 года впервые писавший просто роман: не сублимацию собственного страха перед автомобилями («Почти как Бьюик»), не отчаянную «книгу своей жизни» («Темная Башня»), не восторженный гимн победам любимой бейсбольной команды «Ред Сокс», не альбом комиксов. Впрочем, это тоже не главное...

Хотя эксперименты с комиксами все-таки дают о себе знать. Недаром главный герой романа Клай — художник-комиксист. У него (кстати, и у Кинга) нет мобильника. И поэтому он вынужден наблюдать ми-

ровую катастрофу: все, кто говорит по сотовому в момент и после Импульса, сначала попросту лишаётся разума. Ведь Импульс, как с жесткого диска, стирает из мозга всё, кроме основных функций организма и древних звериных инстинктов. Дальше — хуже. «Табула раса» начинает заполняться некоей программой, и у мобилопсихов (или мобилоидов) возникает что-то вроде коллективного разума. Со всеми вытекающими: не только телепатией, телекинезом и даже левитацией, но и желанием присоединить нормальных, или «норми», к своему стаду. Клай в процессе поиска семьи не только обретает товарищей классически разнородного состава (несколько мужчин, девочка-подросток, профессор, юный гений, беременная женщина), но из пассивного наблюдателя становится активным инсургентом. Однако и это не главное...

Что же главное? Мы наконец-то обрели прежнего Кинга! В меру циничного, местами натуралистичного, иногда лиричного, часто ностальгичного, периодами прагматичного и весьма-весьма динамичного — в общем, вполне обычного. Выжди такой роман лет десять назад — показался бы проходным. А сейчас хочется воскликнуть: «С возвращением, Король!».

И еще одно — уникальность русского издания книги. Она вышла в свет через 11 (!) месяцев после того, как Кинг поставил точку в рукописи. Пожалуй, это рекорд: даже пресловутого сериального «Гарри Поттера» у нас выпускают медленнее...

Возможно, поэтому качество перевода и редактуры оставляет желать лучшего. Начать с названия «Cell» — это ведь отнюдь не мобильник (cellular), а весьма емкое слово, которое означает и соту, и обитель, и хижину, и клетку, и даже тюремную камеру. Наверное, если бы Кинг захотел назвать роман однозначно, он бы так и сделал, нес па? Да и перевод как будто возвращает нас в «кэдменовские времена». Тогда, на заре перестройки, издательство «Кэдмен» ставило на скорость в ущерб качеству: порой книгу по главам раздавали на перевод несколькими голодными студентам.

Неплохой профессионал Вебер, ставший в последнее время «штатным» переводчиком Кинга, также выбрал скорость. И тоже прибег к услугам коллективного разума — выкладывал отдельные главы в интернет для «бета-тестинга» фанатами писателя. К такой схеме Вебер прибегает не впервые, с ее помощью, в частности, в его переводах появляется множество сносок, расшифровывающих те или иные американские реалии, коих у Кинга великое множество. Однако на этот раз коллективный переводческий разум дал осечку — впрочем, нечто подобное произойдет и в романе с коллективным разумом мобилоидов.

«Бета-тестеры» и выход перевода в год издания оригинала — это неплохо, конечно. Но лучше бы среди «тестеров» оказалось несколько профессионалов, а переводчик дал бы рукописи «отлежаться» хоть пару месяцев.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

Рецензии

Альберт Санчес
ПИНЬОЛЬ

В ПЬЯНЯЩЕЙ ТИШИНЕ

Москва:

Мир книги,

Пер. с каталон.

Н.А.Раабен.

2006. — 224 с.

50 000 экз.

Дебютный роман Пиньоля, стремительно завоевавший мировую известность под оригинальным названием «Холодная кожа», дошел наконец до российского читателя. Причем весьма рискованным тиражом, что недвусмысленно говорит о позиции издательства: оно предлагает бестселлер, рассчитанный на самые разные «страты» аудитории.

Действительно, книга сделана вне каких-либо жанровых рамок — как, впрочем, и свойственно мейн-стриму, близ которого она располагается. Рядом, но не в нем: от последнего ее отличает сюжетная стройность, наличие внутренней логики и отсутствие безудержного цитирования. В остальном же это работа на любой вкус: поклонник фантастики найдет здесь не известных доселе соседей по палате, искатель робинзонад — борьбу за существование, читательница любовных романов — пылкую страсть, дешифратор смыслов — столкновение жизненных философий.

На стильный островок в Антарктике прибывает метеоролог, но предшественника не обнаруживает. Загадка его исчезновения раскроется довольно быстро, хотя второй житель острова, смотритель маяка, дает столь нелепые ответы, что выглядит законченным безумцем. Однако вскоре герой выясняет, что на острове идет самая настоящая война между человеком и выходящими по ночам из воды двоякодышащими тварями... Так два антагониста — созерцатель и воин — вынуждены объединиться в борьбе за жизнь.

Но какое противостояние злее — внешнее, полчищам обитателей глубин, или внутреннее, меж двумя полководцами без армии? Их отношение друг к другу — это выбор между презрением и ненавистью. И выхоленная, омертвевшая атмосфера мира-острова, отторгающая любые краски, наполняется эмоциями, которые на этом застывшем фоне выглядят едва ли не «обнаженной идеей» человеческих амбиций, мучительных желаний и извечного стремления к самоуничтожению.

А где же «про любовь»? Это кода произведения. Так что о ней говорить не будем.

Сергей Валентинов

Ирина ЖИВЕТЬЕВА

**СТАЛЬНОЕ
КНЯЖЕСТВО**

*Москва: АРМАДА
— Альфа-книга,
2006. — 927 с.
(Серия «Диалогия в
одном томе»).*
6000 экз.

«В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань», — говаривал классик в поэме «Полтава». А именно «неможно» сочетать в одном и том же произведении традиции героической фэнтези, где все герои — герои, и традиции русской литературы, где герой должен непременно страдать, ибо вся русская литература вышла из «Шинели», как утверждал еще один классик, вспоминая третьего.

Тем не менее начинающий автор И.Живетьева, известная до сих пор разве что победой в 2006 году на росконовском мастер-классе Марины и Сергея Дяченко, попыталась совместить несовместимое. Местами небезуспешно. Акакий Акакиевич у нее получился «коллективный»: несколько современных подростков из нашего мира стараниями некоего могущественного мага — дрида — переносятся в абсолютно фэнтезийный мир с феодально-рабовладельческим устройством. Ребят ждет множество страшных приключений — рабство, унижения физические и нравственные, предательство, смерть друзей и т.д. Создается впечатление, что на протяжении диалогии автор старается доставить своим героям как можно больше страданий...

При этом герои книги несколько идеализированы, и тем самым их типаж ближе к классическому благородному фэнтезийному герою — куда-то пропала столь свойственная современным подросткам этическая гибкость, да и на роль «мальчиков для битья» они не тянут: двое неплохо владеют фехтованием, у остальных тоже по ходу сюжета проявляются разные полезные свойства. Персонажи, постоянно попадая в тупиковую ситуацию тяжелого нравственного цугцванга, внутренне меняются довольно медленно, что не может не озадачивать.

Однако стоит отметить, что необычное для фэнтези соотношение «приключения духа/приключения тела», весьма живое и динамичное повествование, попытки сконцентрироваться на психологии героев — все это выделяет книгу на фоне безликого фэнтезийного потока.

Илья Североморцев

Джон ШИРЛИ

**ДЕМОНЫ.
ПОЛЗУЩИЕ**

Москва: АСТ —

Хранитель,

2006. — 731 с.

Пер. с англ.

В.Иванова,

Е.Моисеевой.

(Серия «Холод
страха»).

3000 экз.

С легкой руки Майкла Суэзвика фантаст Джон Ширли считается одним из предтеч киберпанка (имеется в виду, конечно, роман «И приходит Город»). Однако в рецензируемой книге писатель предстает перед нами в неожиданной ипостаси автора романов ужасов.

Оба романа объединены общим сюжетным посылом. Вторжение сверхъестественного в наш мир — каноническая, хотя и изрядно избитая тема литературы ужасов. Действительно, роман, в котором Придурки со шкурами, напоминающими человеческую одежду, управляют летающими Крокодианами и охотятся на людей в компании еще пяти демонических кланов, позволяет говорить о Ширли уже не как о предтече киберпанков, а как о верном последователе Лавкрафта. Практическая демонология и прикладная эзотерика вкупе с конспирологическими теориями придают лишь видимость правдоподобия сценам и образам, словно позаимствованным из дурного сна.

Восторженную иррациональность «Демонов» уравновешивают подчеркнуто реалистичные «Ползущие», которые по мере развития действия и вовсе обнаруживают в сюжете не мистическую, а НФ-начинку. На сей раз в качестве захватчиков, обрушившихся на маленький городок, выступают наномеханизмы, обретшие самосознание и вырвавшиеся на свободу из секретной правительственной лаборатории на околоземной орбите. «Ползущие» вообще скроены по стандартным лекалам и являются готовым сценарием для голливудского блокбастера, вполне соответствуя этому статусу и оригинальностью идеи, и новизной сюжетных ходов, и высоким литературным уровнем.

Впрочем, есть и еще одна черта, объединяющая оба произведения — это резко критическая позиция автора по отношению к продажным политикам и «акулам капитализма». Хотя ожидать чего-то иного от писателя-панка, который к тому же играет в панк-группе, вряд ли стоит.

Сергей Шикарев

Наталья
РЕЗАНОВА

ДЕТИ ЛУНЫ

Москва: АСТ —
Хранитель,
2006. — 320 с.
(Серия «Заклятые
миры»)
3000 экз.

Новая книга Натальи Резановой представляет собой сборник: роман о женщине по прозвищу Странник, на протяжении нескольких лет выполнявшей роль лазутчика и тайного гонца, а также три новеллы о монахине-бегинке Трините, по совместительству колдунье. Одна из этих новелл дала имя книге. Во всех случаях «подмостками» служит средневековая Европа—2: где-то существует королевство Франция, где-то — папский престол, а где-то нашлось место для никогда не существовавшего историко-фэнтезийного пяточка Натальи Резановой.

Все тексты сделаны знающим филологом, человеком, весьма внимательно относящимся к стилю, но при всем при том не забывающем о приключенческом аспекте книги. Основная же тема, объединяющая роман и новеллы — христианство. Фактически каждый текст представляет собой главу из религиозно-философского трактата о наиболее острых, наиболее спорных проблемах в истории Церкви. Причем написаны они, по всей видимости, в разное время. Роман жестко антицерковен. Епископ — глупец и садист, воинствующие монахи — алчные злодеи, с такими героями автору ничего не стоит расправиться: посмотрите, какие они мерзкие, какие они неприятные... А вот новеллы куда как сложнее и, пожалуй, мудрее. В них Резанова позволяет главной героине — «адепту», «человеку силы» — вести себя так, как подобает «доброй христианке». Но мир столь неудобно устроен, что приходится ей тяжело. Убила злого колдуна, убила за дело, убила с помощью своей особенной силы — и, совершив все это из милосердия к его жертвам, кается. Правильно кается, должен в таких случаях нормальный христианин каяться... И пусть позиция автора с ортодоксальным христианским мировоззрением сходится худо, но она дает пищу для умного спора, для доброй дискуссии: христианская этика сложнее квантовой физики, и без споров здесь не обойтись... Книгу Резановой стоит читать вдумчиво, не торопясь, философия в ней на порядок важнее острого сюжета.

Дмитрий Володихин

**ТАК
ГОВОРИЛ...
ЛЕМ**

*Москва: АСТ —
Хранитель,
2006. — 764 с.
Пер. с польск.
В. И. Борисова,
В. И. Язневича.
(Серия
«Philosophy»)
3000 экз.*

Новый том в своеобразном собрании философских сочинений Станислава Лема в основной своей части содержит диалоги покойного писателя-мыслителя со Станиславом Бересем, которые велись с ноября 1981-го по август 1982-го и дополнены разговорами 2001 года. Круг тем не замкнут на литературе — Лем размышляет о немецкой и советской оккупации, бессилиии футурологии и кинематографа, художественном и философском методе, грядущем науки, языковом эксперименте, тщетности славы... Лейтмотив диалогов — непонимание Лема современниками (подобные настроения знаменитого писателя изрядно озадачили собеседника), идейный вакуум, в который писатель был погружен и в советской, и в постсоветской Польше. Тотальная мизантропия, обыкновенно уравновешиваемая в лемовской прозе немалой долей иронии (в том числе и самоиронии), здесь предстает чуть ли не воплем отчаяния.

В классическом своем труде «Фантастика и футурология» Лем писал о современной фантастике как о безответственном псевдотворчестве, но всё же видел гипотетические способы исправления ситуации. Для Лема «научность» в двусоставном термине — не дополнительный, но важнейший элемент, и именно его усиление могло бы, по мнению писателя, придать НФ осмысленность как своего рода лаборатории моделирования. В разговорах с Бересем Лем уделяет фантастике не так уж много места, но и сказанного достаточно, чтобы увидеть неприятие жанра, чье величие обязано и его произведениям: «Я стал аллергиком, чувствительным к SF, и реагирую на нее так же, как мой организм реагирует на пыльцу цветущих растений, когда я не употребляю антигистаминные препараты. Такие книги я немедленно бросаю в угол». Впрочем, в черный список Лема попали и многие тексты «высокой» словесности: и реалистической, и модернистской, и постмодернистской. Не говоря уже об отвращении Лема к фэнтези как эскапистской литературе. Беседы с Лемом предстают завещанием скептика, его призывом к тотальному недоверию к любым общепринятым явлениям.

Данила Давыдов

Шимун ВРОЧЕК

**СЕРЖАНТУ
НИКТО
НЕ ЗВОНИТ**

*Москва: АРМАДА
— Альфа-книга,
2006. — 406 с.
(Серия
«Фантастический
боевик»).
8000 экз.*

Для первой книги этот сборник очень хорош. В нем еще кое-где чувствуется ученичество, но этот недостаток из тех, которые быстро проходят. В сборнике есть единая концепция: рассказы объединены в «шестерки», и в каждой группе — своя тема, сквозные линии. «Жесткая» фэнтези, боевая НФ, альтернативная реальность... Действуя в рамках жанровых канонов, автор не просто обыгрывает известные сюжеты, но и демонстрирует оригинальный почерк. Это заметно в композиции: «пишущее устройство» включается как раз в те моменты развития сюжета, которые обычно остаются за рамками повествования. Любую историю автор стремится развернуть с новой стороны, в неожиданном ракурсе. Так появляются люди в эльфийском обличье (разведчики с надломанной психикой) и гетто для вампиров, малолетние призывники в войне с железными драконами и Хозяин Медной горы.

Игра фантазии тут не замкнута сама на себя, она рассчитана на то, чтобы полнее вовлечь читателя в конструирование вымышленного мира. Этот мир убедителен, но в то же время остается очень литературным. Нет повода для упрека в эскапизме. Все фантастические образы, сюжетное напряжение и неожиданные трюки служат одному — более ярко выразить реальные проблемы, подсознательные страхи и иные чувства, не дающие покоя современному читателю. Здесь есть и поколенческая проблематика — страх перед будущим, тотальное недоверие к любым проектам его обустройства.

Шимун Врочек — из тех молодых писателей, которые пытаются сформировать новую линию в отечественной НФ. Ее особенность — стремление к эмоциональной насыщенности текста, использование фантастических образов как инструмента, вызывающего глубокие эмоциональные впечатления. Умение в известном находить неожиданное, сочетать фабульность и эмоциональный накал — вот качества, которые заставляют с вниманием отнестись к будущим книгам автора.

Сергей Некрасов

Дмитрий БЫКОВ

ЖД

Москва: Вагриус,

2006. — 688 с.

10 000 экз.

Новый роман Д.Быкова заставляет заподозрить, что автор всерьез прикипел душой к фантастике. Если в «Эвакуаторе» звучали знакомые мотивы «инопланетян среди нас», то «ЖД» — классическая политическая фантастика ближнего прицела.

Действие происходит каких-то «десять лет спустя», но жизнь на планете изменилась изрядно. Нефть отныне никому не нужна, потому как найден новый, принципиально иной источник энергии — газ флогистон, названный по имени мифического элемента, который, как считали в Средневековье, и обеспечивает горение. Флогистон распространен повсеместно, нет его лишь в двух местах — на исламском Востоке и в России («оскорбительное издевательство природы начиналось немедленно за российскими пределами, в презренной Польше, где флогистон обнаружили почти сразу»). В России, из которой столь коварно выдернули нефтяную иглу, естественно начинается всеобщая смута, гражданская война, ведущаяся, надо полагать, исключительно из сентиментальных побуждений. Дело в том, что две главные противоборствующие группировки всей российской истории — хазары и варяги, торгующие и муштрующие, либералы и государственники — считают эту территорию своей изначальной родиной и почему-то именно теперь, когда она стала никому не нужна, преисполнились желанием вернуть свою землю.

Даже пересказывать неудобно — настолько явно автор лукавит, ставя условия задачи. Наверное, каждый писатель немного «подыгрывает» себе при конструировании мира, но не столь же откровенно.

Взаимные пересечения фантастики и мейнстрима нередко вызывают чувство неловкости. А разгадка одна — шапкозакидательство. У фантастики не так много достижений, но конструирование внутренне непротиворечивой модели мира — одно из них. Попытка все сделать по принципу «быстрота и натиск» приводит к тому, что пьесу играют хорошие актеры, которые произносят талантливые монологи, но невообразимость декораций на сцене порядком обесценивает все эти достижения.

Вадим Нестеров

Иван ТЫРДАНОВ

**БИТВА
ПРОРОКОВ**

Москва:
Лепта-книга —
ЭКСМО-Яуза,
2006. — 352 с.
(Серия «Роман-миссия»).
6000 экз.

Роман начинается как антиутопия «ближнего прицела».

Арабские террористы подрывают в Атлантике танкер с начинкой из атомной бомбы, утопленной в нефти. Гибнет от чудовищного цунами американский флот, цивилизация Запада оказывается в полуразрушенном состоянии, война между исламом и евроамериканским конгломератом обостряется. В то же время у России возникает шанс...

Но апокалиптические картинки играют лишь роль пролога к основному содержанию книги: все можно переиграть, все можно исправить и переписать, поскольку в мире идет война между разными сценариями истории, и один из них принадлежит Творцу, а реализуется силами очередного «спецназа Господа Бога». Спецназовцы перекраивают прошлое. Главному герою, бывшему летчику, достается приглашение в «патруль времени»-2. Идея остроумная, но не без изъянов.

Тырданов пишет неровно. Сцена-находка — и тут же сцена-провал. Вот бесконечно затянутое описание перемещений во времени, основанных на сплаве, состоящем на 90% из мистики и на 10% из физики. Подобная «пояснительная» длиннота выглядит в современном НФ-романе ничуть не лучше рассказа о принципе действия гиперболоида инженера Гарина. А вот затопление всего атлантического побережья Европы и Америки великим цунами, сопровождающееся шуточной перебранкой боевых летчиков и легким конфессиональным диспутом, сделано живо и остро. Или другая сцена: человек лукавый и корыстный, будучи посажен на кол, отказывается от легкой смерти, когда ему предлагают ее в обмен на отказ от веры в Христа. Мучается, претерпевает страдание, но отступником не становится. Мощная сцена, но, удвоив этот сюжет еще одной мученической смертью в конце романа, автор ослабляет произведенное впечатление. Некоторые вещи от повторного изложения теряют силу...

Дмитрий Володихин

ВСЕ НА ШТУРМ!

Ввиду того, что система голосования на сервере «Русская фантастика» не работает более четырех месяцев, нынешний вопрос был вывешен на весьма популярном сайте писателя–комментатора в «Живом журнале». И естественно, на сайте «Если» (www.esli.ru). Вопросом заинтересовались 3300 человек, и мы предлагаем вниманию читателей сводную таблицу опроса на тему «Самая впечатляющая осада в фантастике». А почему автора озаботила именно эта проблема, он объяснит сам.

- Осада Трои («Илиада», Гомер) — 11%;
- Уничтожение Звезды Смерти («Звездные войны») — 7%;
- Вторжение в Персей («Люди как боги», Снегов) — 3%;
- Осада Минас-Тирита («Властелин Колец», Толкин) — 27%;
- Штурм Амбера Корвином и его армией («Девять принцев Амбера», Желязны) — 24%;
- Осада человеческого города планетой («Мир смерти», Гаррисон) — 9%;
- Захват Серебряной Ордой Агатеанской Империи («Интересные времена», Пратчетт) — 6%;
- Проникновение на военную базу Империи Кея Дача с командой («Линия Грез», Лукьяненко) — 4%;
- Осада ордой хутора Аргниста + другие осады («Земля без радости», Перумов) — 3%;
- Осада Стрелком Темной Башни («Темная Башня», Кинг) — 3%;
- Осада Королевской Гавани («Песнь льда и пламени», Мартин) — 3%.

Осада Крепости, по мнению Борхеса, это один из основных сюжетов всей мировой литературы. Разумеется, и в фантастике он весьма популярен. Ну где же еще, как не при осаде или штурме, можно показать героизм (и осажденных, и осаждающих), продемонстрировать все богатство вооружений и весь зоопарк боевых чудовищ, выдуманных писателем!

Штурм Звезды Смерти — ключевой и самый драматический момент «Звездных войн»; в битве при Минас-Тирите решается судьба всего Средиземья... Словом, каждый уважающий себя писатель-фантаст придумывает свою Крепость и свою Осаду.

Проводя опрос, я взял на себя смелость трактовать тему Осады Крепости расширительно: наравне

с осадой рассматривается и штурм, и диверсионная вылазка, ну а сама крепость может быть какой угодно — к примеру, космической станцией.

Вот какие любопытные результаты принес опрос.

На первом месте легендарная осада Минас–Тирита, описанная Толкином. Конечно, значительная доля голосов — заслуга Джексона, создавшего гениальную экранизацию «Властелина Колец» и с размахом воплотившего финальную битву. Но все–таки я рискну предположить, что победа Профессора честная. Осада Минас–Тирита — это один из центральных моментов книги, это противостояние Добра и Зла в своей классической форме: гнусные, злобные орки и назгулы — с одной стороны, светлые эльфы и мужественные люди — с другой. Теперь уже так не пишут — просто потому, что так можно было написать лишь один раз. Самый первый. И Толкин побеждает с формулировкой «За лучшее воплощение борьбы Добра и Зла, Света и Тьмы».

На втором месте штурм, чья высокая позиция для меня явилась неожиданностью. Это штурм Амбера Корвином и его армией. Посудите сами: не очень–то и длинный эпизод, окончившийся поражением главного героя, и в общем–то, в сюжете «Хроник Амбера» абсолютно проходной. Никаких экранизаций. Никакого эффекта но-

визны или патриотизма. Но — второе место! Попробуем разобраться — почему.

Хотя... неужели тем, кто читал «Хроники Амбера», что–то непонятно? Кажущаяся бесконечной лестница, по которой поднимается Корвин с товарищами навстречу верной гибели, толпы врагов, заступивших дорогу горстке храбрецов — кто из истинных фэнов не ощущал в руке рукоять Грейсвандира, отправляясь в свой поход за Амбер? Роджер Желязны на почетном втором месте (а учитывая, что Питер Джексон не экранизировал «Амбер», цена серебра и золота почти равна) с формулировкой: «За личный героизм и самоотверженность при совершенно безнадежном штурме».

Третье место, как мне представляется, это тоже дань кинематографу — ну и еще неистребимому желанию каждого российского человека знать и любить классическую литературу. Впрочем, надо признать и тот факт, что из всех «осад» это самая что ни на есть настоящая Осада — долгая, героическая и трагическая.

Итак: Гомер, «Илиада». Осада Трои получила третье место.

Можно, конечно, спорить: фантастика «Илиада» или нет. Но если мейнстрим смело причисляет к своим «Мастера и Маргариту» и «Альтиста Данилова», то и фантастика вправе заявить: книга, в которой существует магия и активно

действуют боги, является фантастикой! Итак — бронза у великого слепца с формулировкой: «За вклад в фантастику и классическое отображение Осады Крепости».

Очень необычно почетное четвертое место! Ну а кто сказал, что фантастика — это литература заурядная? Итак, Гарри Гаррисон, «Неукротимая планета», она же «Мир смерти»!

Кто кого осаждал? Планета — человеческое поселение! Ну а чем город пиррян не крепость? Четвертое место вполне заслужено, с формулировкой: «За оригинальность трактовки темы Осады».

А вот и пятое место. Ну наконец-то! Штурм Звезды Смерти, придуманный Лукасом по классическим лекалам штурма крепостей и авиационных сражений. Событие, памятное всем любителям фантастики... ну, если не всем, то семи процентам. Пятое место с формулировкой: «За перенос крепостей и сражений с Земли в Космос».

Шестое место тоже представляет интерес. Это захват Агатеанской Империи (в данном случае мы будем рассматривать всю Империю как единую крепость) Серебряной Ордой в книге Терри Пратчетта «Интересные времена». Во всяком случае, шесть процентов голосующих отдали должное героизму и размаху Козна-варвара и его престарелых компаньонов — как и за-

мечательному чувству юмора Пратчетта. Шестое место с формулировкой: «За самый нахальный штурм в истории фантастики».

Далее все осады ссыпаются в одну небольшую кучку. Кей Дач из моего романа «Линия Грез» штурмует военную базу Империи — 4% и седьмое место с формулировкой «За использование служебного положения в личных целях». Остальные осады получают каждая по 3%: Стрелок Стивена Кинга осаждает Темную Башню из одноименного романа; Орда, в этот раз вовсе не серебряная, осаждает хутора в романе Ника Перумова «Земля без радости»; звездолеты Сергея Снегова вторгаются в Персей; корабли Джорджа Мартина осаждают Королевскую Гавань.

Итак, какие можно сделать выводы?

Восхитительно банальные!

Читатель любит сражения. Читатель любит осады и штурмы, героизм защитников крепостей и отвагу штурмующих. Никуда не исчез интерес к противостоянию Добра и Зла. Во времена компьютеров и полетов в космос все так же притягателен звон шпага и отвага бесшабашных авантюристов.

Мне кажется, что это хорошо. У каждого человека должна быть крепость, которую он мечтает осадить и захватить. И еще одна — которую он будет защищать, пока жив.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Курсор

Эндрю Ллойд Веббер,

знаменитый британский композитор, автор вошедших в анналы культуры мюзиклов «Кошки», «Призрак оперы» и «Иисус Христос Суперзвезда», планирует создать оперу по мотивам романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». По мнению композитора, этот проект станет вершиной его карьеры. Пока еще не ясно, кто будет автором либретто — ведь адаптация знаменитого романа чрезвычайно сложна.

Они прилетят снова?

Вполне возможно — ибо грядет римейк знаменитого триллера Альфреда Хичкока «Птицы» (1963). Производством картины занимается студия Universal Pictures совместно с компанией Platinum Dunes, принадлежащей известному режиссеру и продюсеру Майклу Бюю. Сценарий новой киноинкарнации одноименного рассказа Дафны Дю Морье пишет Лесли Диксон, а выступить в главной роли предложили известной актрисе Найоми Уоттс.

Крупнейший

проект сиквела знаменитой сказочной книги был реализован 5 октября. Именно тогда одновременно в 30 странах мира вышло продолжение сказки Джеймса Барри «Питер Пэн»: автором стала выигравшая напряженный конкурс британская писательница Джеральдин Маккафрин. В книжке «Питер Пэн в алом» действие происходит спустя двадцать лет после событий первой книги. Повзрослевшие главные герои (не правда ли, напоминает сюжет фильма Спилберга «Крюк»?) возвращаются в страну Neverland — Нетландия, Никогда, Нетинебудет в русском переводе. Напомним, что проект и конкурс организовала детская больница «Грейт-Ормонд-Стрит», которой Барри перед смертью передал все права на использование текста сказки.

«Геффен»

— так называется главная ежегодная израильская национальная фантастическая премия, присуждаемая Израильским обществом научной фантастики и фэнтези. Лауреатами в этом году стали: в номинации «Лучшее произведение израильского писателя» — рассказ «Восток Эдема» Хигала Авербуха; в номинации «Лучший переводной НФ-роман» — «Спин» Роберта Чарлза Уилсона, уже успевший завоевать премию «Хьюго»; в номинации «Луч-

ший переводной фэнтези-роман» — «Дети Ананси» Нила Геймана.

**Трое
незнакомцев,**

Джек, Джон и Чарлз, встретившиеся в Лондоне в разгар первой мировой войны (их всех заинтересовал атлас Imaginarium Geographica), вынуждены будут вступить в схватку с темными силами, угрожающими не только Земле, но и фантастическому миру Архипелаг Снов. Казалось бы, сюжет довольно банален, и не ясно, зачем крупнейшая кинокомпания Warner Bros. приобрела права на экранизацию еще не вышедшей в свет детской книги Джеймса Оуэна «Здесь должны быть драконы». Однако все становится понятно, когда в конце книги и будущего фильма выяснится, что фамилии главных героев — Льюис, Толкин и Уильямс. Таким образом, действительно встречавшиеся в реальной жизни отцы-основатели современной фэнтези (Клайва Льюиса друзья и родные называли — Джек) сами стали персонажами фэнтезийного проекта.

**Редким
жанром**

— «альтернативная религия» — решил воспользоваться культовый режиссер Ларс фон Триер («Догвилль», «Рассекая волны», «Танцующая в темноте», «Европа»). Он собирается снять на английском языке хоррор-ленту «Антихрист», повествующую о мире, который создал не Бог, а сатана.

Фантастика

покоряет «Книгу рекордов Гиннеса» — правда, пока лишь по количественным показателям. Так, отец сайентологии и фантаст Рон Хаббард стал мировым рекордсменом по числу изданий печатных трудов: всего 1084. Его работы переведены на 71 язык. Также в историю вошел телесериал «Доктор Кто» (Doctor Who), чей выпуск не так давно был возобновлен. Начиная с 1963 года, когда на канале BBC появилась первая серия, зрители увидели уже более семисот выпусков, что и позволило сериалу отметиться в разряде «Самое длинное телешоу».

In memoriam

25 сентября умер известный американский писатель и поэт Джон М.Форд. Ему было 49 лет, он с детства страдал диабетом. Первые фантастические рассказы Форда опуб-

ликованы еще в начале семидесятых годов, однако популярность писателю принес роман «Ожидание дракона» (1983), который завоевал приз World Fantasy Award. Также Форд известен двумя романами из мира «Стар Трека», романом «Невесомое взросление», удостоенным премии имени Филипа Дика, и стихами, публиковавшимися в основном в журнале Asimov's. За поэтические выступления Форд стал лауреатом известной премии Rhysling Award.

29 сентября 2006 года в Париже скончался знаменитый французский фантаст и переводчик Мишель Демют. Демют родился 17 июля 1939-го в Лионе (Франция). Он рано начал писать; первая его НФ-публикация появилась, когда автору было всего 19 лет (рассказ «Маргинал-II»). После этого за восемь лет вышло около сорока рассказов и небольшой роман «Ключ к звездам». Долгое время Демют выступал в роли главного редактора журналов «Галактика» и «Маргинал», а в 1970-м стал литературным директором издательства «ОПТА». В 1976 и 1979 годах Демют издал два тома «Галаксиалий» (первый из них переведен на русский язык под названием «Галактические хроники»), в 1977-м выходят еще две его книги — сборники «Металлические годы» и «Ключ к звездам». Интенсивная работа издателя, литературного директора, переводчика и антологиста отнимала у Демюта почти все время, и он практически перестал писать уже в конце 60-х годов. Читателям «Если» писатель знаком по рассказам «Афродита-2080», «Ноктюрн для демонов» и «Вернувшийся с долгой охоты».

6 октября в Санкт-Петербурге (штат Флорида) ушел из жизни Артур Уилсон «Боб» Такер. Такер, родившийся в 1914 году, вошел в историю фантастики не только как фэн, критик, автор нескольких романов и редактор известных фэнзинов. Благодаря его привычке называть своих персонажей именами друзей словарь фантастики обогатился термином «такеризация». Потомки не смогут забыть и того факта, что именно Такер в 1941 году придумал термин «космическая опера».

Кроме того, в его активе премии «Хьюго» и SFWA Author Emeritus, а три года назад он был включен в Зал Славы НФ.

Агентство F-пресс

БАЧИЛО Александр Геннадьевич

Писатель и драматург Александр Бачило родился в 1959 году в г. Искитиме Новосибирской области. После окончания Новосибирского электротехнического института работал программистом в Институте ядерной физики Сибирского отделения РАН. Участник литобъединения «Амальтея» М.П.Михеева, Малеевских семинаров и ВТО МПФ.

Дебютировал в 1983 году рассказом «Элемент фантастичности», а в 1988–м написал в соавторстве с Игорем Ткаченко первую книгу «Путешествие в таинственную страну, или Программирование для мушкетеров». В 1990 году этот творческий тандем выпустил еще одно произведение для детей — фантастическую повесть «Пленники Черного Метеорита». В 1989–м вышла сольная книга А.Бачило «Ждите событий», затем «Проклятие диаволов» (1991), «Незаменимый вор» (2000, 2002) и сборник новелл «Академонгородок» (2004).

Параллельно с литературной успешно развивается и телевизионная карьера А.Бачило: выступал в новосибирской команде КВН, разрабатывал телесценарии игр и фестиваля КВН в Сочи. Перебравшись в 1999 году в Москву, А.Бачило полностью посвятил себя работе на телевидении в качестве сценариста и режиссера программ «О.С.П.–студия», «Несчастный случай» и других. Сценарист целого ряда популярных телесериалов.

БЕЛОГЛАЗОВ Артём Ирекович

Родился в г. Златоусте 16 ноября 1979 года. Жил в г. Чайковском, там же окончил школу. С отличием закончил Казанский государственный технологический университет. Работает инженером–программистом в Казанском моторостроительном производственном объединении.

Первые публикации состоялись в 2005 году в журналах «Порог» и «Реальность фантастики». В 2006–м рассказ «Пластика», написанный в соавторстве с В.Данихновым, был номинирован на премию Международной асамблеи фантастики «Портал»–2006.

ГОРНОВ Николай Викторович

(Библиографические сведения об авторе см. в № 8 за этот год)

Корр.: В 1980–1990–е вы издавали популярный и веселый фэнзин «Страж–птица». Однако в прозе вы избегаете моды на литературную игру, когда в произведения «встраиваются» события и персонажи фэндомы.

Н.Горнов: Вставлять в свои тексты реальные персонажи окололитературной тусовки мне даже в голову не приходило. Это уже не литература, а журналистика. К тому же не хочу отбивать хлеб у молодых и дерзких. Хотя, каюсь, думал лет десять назад слепить из подборки «Страж–птицы» нечто более цельное и наполненное глубоким смыслом. К счастью, вовремя опомнился, да и многое из того, что в начале девяностых казалось мне «весело и озорно», таковым сегодня уже не кажется.

МАТВЕЕВ Андрей Александрович

Прозаик, эссеист и журналист, коренной екатеринбуржец Андрей Матвеев родился в 1954 году. После окончания журфака Уральского государственного университета сменил немало профессий: работал журналистом, редактором, ночным сторожем в зоопарке, методистом по рок-группам. Этому «рок-периоду» жизни посвящена известная книга о свердловских музыкантах «Апокрифы молчаливых дней». С 1988 года начал активно публиковаться и издаваться. На рубеже 1980—1990-х выпустил четыре нефантастических романа, два из которых, «Частное лицо» и «Эротическая Одиссея», номинировались на Букеровскую премию. В 2000-х годах проза А.Матвеева начала «дрейфовать» в сторону фантастики: писатель использует приемы сюрреалистического триллера, киберпанка и фэнтези — таковы книги «Зона неудаца», «Ремонт человекоек» и «Любовь для начинающих пользователей». Кроме того, активно выступает в отечественной и зарубежной печати с эссе на литературные темы.

ОВЧИННИКОВ Олег Вячеславович

Родился в 1973 году в Оренбурге. Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ, где специализировался на компьютерной лингвистике. Ныне живет в Москве, работает ведущим программистом в компании «ACDLab Inc». В 1998 году победил в конкурсе «Альтернативная реальность»: его рассказ «Глубинка», напечатанный в «Если», стал дебютом автора в жанре. С тех пор опубликовал более двух десятков рассказов и повестей в журналах и антологиях. В 2003-м повесть О.Овчинникова «Семь грехов радуги» была удостоена премии «Сигма-Ф». В 2004 году вышла первая книга писателя — сборник «Семь грехов», получивший главный приз фестиваля «Звездный мост»; в 2006-м сразу две новые книги — романы «Арахино. В коконе смерти» и «Прометро». В том же году рассказ «Звезда в подарок», опубликованный в «Если», получил премию «Бронзовая улитка».

РАШ Кристин Кэтрин (RUSCH, Kristine Kathryn)

Американская писательница и редактор Кристин Кэтрин Раш родилась в 1960 году и дебютировала в научной фантастике рассказом «Песня» (1987). С тех пор она опубликовала более полусотни научно-фантастических и фэнтезийных романов, новеллизации популярных фильмов, а также более 80 рассказов и повестей. Многие произведения Раш написаны в соавторстве с мужем — писателем-фантастом Дином Уэсли Смитом, а также с Кевином Андерсоном, Ниной Кирики Хоффман и Джерри Олшеном. В 1990 году Раш была удостоена Премии имени Джона Кэмпбелла, в 2001-м завоевала премию «Хьюго» за короткую повесть «Младенцы Миллениума».

Раш находила время и на редакторскую деятельность: в 1991 — 1997 годах она занимала пост главного редактора одного из ведущих американских научно-фантастических журналов — «Fantasy & Science Fiction».

Генри Лайон ОЛДИ

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

Корр.: Вот уже несколько лет в критике мелькает определение «Харьковская школа». Вы полагаете, она действительно есть?

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский: Когда мы в начале 90-х написали в одном предисловии о Харьковской школе фантастики, нас дружно подняли на смех «от Москвы до самых до окраин». Но прошло не так уж много лет, и это определение стали воспринимать как само собой разумеющееся. Читателю прекрасно известны, помимо Г.Л.Олди, имена А.Валентинова, А.Дашкова, А.Бессонова, Ф.Чешко, А.Зорича, В.Свержина, С.Герасимова и многих других.

Но было бы опрометчиво назвать «школой» просто совокупность писателей-земляков. В одном древнем трактате по боевым искусствам сказано примерно следующее: стиль подразумевает определенный набор методик, а школа — набор способов их использования. И если мы можем проследить у большинства харьковских писателей-фантастов, при всей их индивидуальности, некую глубинную общность стилистики, поэтичность и образность языка, антипатию к сиюминутно-социальным текстам, стремление писать одновременно умно и интересно, а также практически единодушное нежелание (неумение?) писать «под формат» и на заказ... Думаем, все-таки определение «школа» здесь вполне уместно. Но не в рамках отношений «учитель — ученик», а именно как общность стилепологающих моментов.

ТКАЧЕНКО Игорь Анатольевич

Писатель, драматург и журналист-популяризатор Игорь Ткаченко родился в 1960 году во Владивостоке. После окончания Новосибирского государственного университета долгое время работал по специальности в Институте ядерной физики СОРАН.

Участник новосибирского литобъединения «Амальтея», руководимого писателем Михаилом Михеевым, ВТО МПФ, Игорь Ткаченко начал публиковаться в 1985 году (рассказ «Советы начинающим»), а книжный дебют состоялся в 1988-м — роман «Сережка, Вовка, Зина и вычислительная машина», написанный в жанре научно-художественного повествования с элементами НФ и адресованный читателю-подростку. В соавторстве с Александром Бачило написал две книги и повесть для детей. Рассказы и повести И.Ткаченко регулярно публиковались в региональной периодике и в сборниках «Румбы фантастики». Кроме того, он автор ряда детективных и фантастических книг, написанных как сольно, так и в соавторстве с Ялексом Яром — «Пасьянс Гиперборейцев» (1990), «Гопак для президента» (2005; в соавт.), дилогия «Стрингер» (2006; в соавт.). Живет в Москве. Работает сценаристом кино и телевидения.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 55 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство. Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ

«СИГМА - Ф»

Уважаемые читатели!

Настала пора Большому читательскому жюри приниматься за работу. Просим вас вспомнить фантастические произведения, опубликованные в нынешнем году, и назвать лучшие из лучших. Если вы решите пропустить какие-то графы в анкете, мы не будем педантами и засчитаем то, что вы отметили. Однако к конечной дате присылки анкет — 5 февраля — отнесите, пожалуйста, серьезно. Призы и дипломы, как и в нынешнем году, будут вручены на крупнейшем российском фестивале фантастики «Роскон», который пройдет в марте. Так что за оставшееся время мы едва-едва успеем подсчитать голоса и подготовить награды.

Условия голосования остались без изменений.

1. Членом Большого жюри может стать любой читатель журнала, заполнивший лист для голосования и отправивший его в редакцию.

2. В конкурсе принимают участие все новые фантастические произведения, опубликованные в книгах и на страницах периодической печати в течение 2006 года.

3. В номинацию «Лучшее произведение зарубежного автора» входят работы, впервые опубликованные на русском языке в 2006 году — вне зависимости от времени публикации на языке оригинала.

4. Победитель определяется по сумме баллов: 1 место — 3 балла, 2 место — 2 балла, 3 место — 1 балл.

5. Победителям в первой номинации (роман, повесть, рассказ российских и русскоязычных авторов) вручаются призы «Сигма-Ф», во второй и третьей — дипломы «Сигма-Ф». Авторы, по мнению читателей, наиболее заметно выступившие в нашем журнале, получают дипломы «Если».

Адрес редакции: Москва, 119435, Большой Саввинский переулок, д. 9, Издательский дом «Любимая книга», журнал «Если».

Друзья! И редакция, и авторы с нетерпением ждут ваших решений. Мы работаем для вас все двенадцать месяцев — пожалуйста, найдите возможность потратить на нас полвечера.

А может быть, сделаете это прямо сейчас, не откладывая?

С Новым годом!

Редакция «Если»

ЛИСТ ДЛЯ ГОЛОСОВАНИЯ

Лучшие произведения российских и русскоязычных фантастов

Роман

1 место

2 место

3 место

Повесть

1 место

2 место

3 место

Рассказ

1 место

2 место

3 место

Лучшее произведение зарубежного автора

1 место

2 место

3 место

Лучший фантастический фильм

1 место

2 место

3 место

Редакция просит читателей вспомнить наиболее заметные, по их мнению, материалы уходящего года, опубликованные в нашем журнале.

Проза

Публицистика

Критика

Видеодром

Пожелания